Вадим Тарасенко

Боевой Космос

6 романов о космических войнах в одной книге

Волк с планеты Земля (трилогия)

Любимец Бога (дилогия)

Противостояние

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Вадим Тарасенко

Боевой Космос

«Автор»
2019

Тарасенко В. В.

Боевой Космос / В. В. Тарасенко — «Автор», 2019

В этой книге собрано 6 романов в жанре боевая космическая фантастика. Три главных героя: Борис Ковзан (дилогия «Любимец Бога), Андрей Кедров (трилогия «Волк с планеты Земля») и Алекс Дронов («Противостояние") будут проваливаться в гиперпространство, сражаться с космическими пиратами, покрываться холодным потом в звездолетах, оказавшись на острие лазерного луча. Конечно же, им не избежать любовных страстей и сердечных мук. Словом, вас ожидают 1200 (!) страниц, щедро сдобренных приключениями, интригами, космическими схватками и динамичным непредсказуемым финалом. Содержит нецензурную брань.

© Тарасенко В. В., 2019
© Автор, 2019

Хотите подарить себе, минимум, месяц увлекательного чтения, где будет масса космических приключений, где герои будут сражаться с представителями разнообразных внеземных цивилизаций, влюбляться, играть в покер и попутно, конечно же, спасать мир от очередной космической напасти? Эта увесистая книга, полностью посвященная боевой космической фантастики, обеспечит вам это. Ее главные герои, с которыми вы познакомитесь, и, надеюсь, будете им сопереживать на почти 1200 страницах, не раз будут испытывать свою судьбу и находиться в полушаге от смерти. Но на то они и герои, чтобы с честью выходить с различных передряг и тут же встревать в следующие. Но, как сказал Алекс Дронов (роман «Противостояние»), несостоявшийся выпускник Военно-Космической Академии, любитель женщин, покера и японской поэзии:

Превратности судьбы
Считай их молота ударами, что кует клинок
Так звени, а не шипи!
Герои этих романов будут звенеть! Погрузитесь в увлекательные пучины боевой космической фантастики.

Содержание

Волк с планеты Земля
(трилогия)

Волк с планеты Земля (первый роман трилогии) ..... 1 стр.
Ненависть Волка (второй роман трилогии) ..... 196 стр.
Прыжок Волка (третий роман трилогии) ..... 376 стр.

Любимец Бога
(дилогия)

Любимец Бога (первый роман дилогии) ..... 568 стр.
Вспомнить все ..... 793 стр.

Противостояние
стр. 987

Волк с планеты Земля
(первый роман трилогии «Волк с планеты Земля»)

Глава 1

Коротко сверкнув на солнце, тяжелый колун обрушился вниз – хрясь! – сочно, с оттяжкой острая сталь вошла в рыхлую древесину, разрывая ее надвое.

– Хрясь! – и еще один чурбак лопнул пополам.

А в небе, во всю мощь шпарило солнце, в воздухе спевку устроили разные пичуги и, вторя им, с земли неслось нестройное:

Ти казала у вівторок: «Поцілую разів сорок».

Я прийшов – тебе нема: підманула, підвела

Субботний день достиг своего зенита.

Сильная мужская пятерня схватила очередной деревянный обрубок и кинула на «лобное место».

– Хрясь!

Ти казала у середу: «Підем разом по череду»

– Хрясь!

Ти казала у четвер: «Підем разом на концерт»

– Хрясь! – раскроив последний чурбан, Андрей бросил на землю топор и вытер тыльной стороной ладони пот на лбу.

Ти казала у п'ятницю: «Підем разом по чорниці»

Распаленные работой, руки непроизвольно сжались в кулаки. Быстрый взгляд вниз – тяжелый топор по самую рукоятку вошел в землю. Яростная, клокочущая пауза…плевок…хлопает входная дверь.

А тремя дворами дальше плескалось пьяно-веселое:

Ти казала у неділю: «Підем разом на весілля»
Я прийшов – тебе нема: підманула, підвела!

Семнадцатилетняя Люда Коваленко выходила замуж за тридцатипятилетнего Ивана Охрименко, местного фермера.

А ведь первым с Людой целовался он, Андрей, когда та еще училась в девятом классе. И пожениться они решили, как только она окончит школу, а он, аккурат, военный институт. Поженились…эх!

Ти ж мене, підманула, ти ж мене підвела,
Ти ж мене молодого, з ума-розуму звела!

– Не расстраивайся, сынок.

– А я и не расстраиваюсь! Наоборот, радуюсь! Радуюсь, что не женился на этой… – парень запнулся не в силах обозвать свою первую любовь площадным словом, – пусть подавится его комбайнами и тракторами, а заодно и его дочкой! – по-мальчишечьи запальчиво закончил он фразу. Дернув головой, сын отвернулся от матери и невидяще посмотрел в окно.

– Андрей, ты же мужчина! Десантник! А распустил нюни как девка.

Парень дернулся, как от пощечины, на лице проступили красные пятна.

– Ты права, ма, я мужчина… все правильно, нечего нюни распускать. Все, проехали, – красные пятна на лице сошли, складки около стиснутых губ разгладились и, наконец, улыбка, словно первый луч солнца, пробившегося сквозь тучи, блеснула под еще редкими юношескими усами. – А мужчину положено кормить?

– Пошли, все давно готово и стынет.

Ночной клуб «Космос», казалось, вот-вот взорвется от находившихся там посетителей. Стоящие по периметру зала столики манили людей стоящими на них бутылками с разноцветными красочными этикетками. Напрасно. Все стулья были свободны – молодежь само-

забвенно отдавалась танцам. Весь танцпол был покрыт сплошным, хорошо утрамбованным слоем колышущейся живой массы. Разноцветные блики света, словно морской бриз, скользили по этому слою, выхватывая мужские и женские лица с одинаково отрешенным видом. Невидимая прозрачная пленка, натянутая под потолком, под действием электрического тока вздрагивала и плотные волны звуков, раз за разом обрушивались на людей, подчиняя их, заставляя подстраиваться под свой ритм.

Ближе к центру зала выделялась трое молодых людей в серебристой форме офицеров Военно-Космического флота.

– Ну что, О'Харра, на «Грозный»? Покажешь этим недобитым фалам, как дети делаются!

– Покажу, покажу, – высокий смуглый парень с короткими, цвета спелой пшеницы волосами уверенным движением притянул к себе за талию невысокую черноволосую девушку, – а может и тебе, А'Брилла, это надо показать?

Трое парней в серебристой форме громко расхохотались.

– Да ну тебя, – девушка игриво чуть оттолкнула парня, – на словах все вы мастера. А как дойдет до дела – «мне срочно нужно в гипер». И ищи-свищи потом этого делателя по всей Вселенной!

И вновь взрыв громкого хохота.

Цветные лучи лазеров в разных направлениях перечеркивали пространство клуба, создавая иллюзию трепещущейся паутины, в которую попала отчаянно дергающаяся жертва.

– Ну что, господа офицеры, а не промочить ли нам чуть горло? – О'Харра вопросительно посмотрел на двух своих друзей.

– А дамы не против? – невысокий русоволосый О'Крисс улыбнулся трем девушкам, пришедших с ним и его друзьями отметить окончание Военно-космической Академии.

– Не! – дружно, хором закричал слабый пол.

– Так чего мы стоим? К столу!

Летний вечер мягко опустился на землю, медленно сгущаясь в ночь. Почерневший небосвод с проклюнувшимися звездами вспороли яркие полосы салюта – первый день свадьбы догуливался до своего финала.

– Ты ж мене пидманула, ты ж мене пидвела, ты ж мене молодого з ума-розуму звела! – раздалось, казалось прямо под окнами.

– Эй, молодой! Молодуха то, тю-тю! Под другого скоро ляжет! – глумливый гогот продолжил эту своеобразную аранжировку народной песни, – надо было больше не за лямки парашюта держаться, а за что-то помягче! Эй ты, десантник, оглох что ли? Боишься показаться?!

– Сынок, не ходи, не связывайся с этой пьян… – резкий хлопок дверью одним махом отсек материнское предостережение.

Возле невысокого забора стояло несколько пьяных молодых людей – гостей свадьбы.

– Ты смотри, показался! – стоящий в центре группы парень в белой расхристанной рубашке, со съехавшим на бок галстуке и с пиджаком, перекинутым через плечо, ткнул в появившегося в проеме двери Андрея рукой, – не оглох значит!

Компания вновь загоготала.

«Пятеро, – профессиональный взгляд скользнул по стоящим мужчинам, – стоят скученно, расслаблено».

Андрей узнал говорившего – Коля – младший брат жениха, остальные – его дружки.

– Так кому я нужен? Тебе что ли, пьянь? – парень быстро сделал несколько шагов вперед и остановился в метре от забора.

– Ах ты, сука! А ну выходь на улицу! – Коля навалился грудью на забор, схватившись руками за доски. Видя, что Андрей не двигается с места, он закричал, – а, бздишь! Какой же ты Волк?! Шавка подзаборная!

– Уговорил. Иду. Только не пожалей потом, – хозяин дома делает пружинистый шаг в сторону ворот.

Пьяная компания выжидающе застыла на улице.

Еще шаг, нет, прыжок! – натренированные ноги легко толкнули тело вверх и вперед. С полусогнутыми перед собой руками, словно ныряя, Андрей Кедров перелетел через забор. Мгновение и его руки, выпрямившись, с силой ударили в лицо одному из компании. Инерция девяносто килограммового тела довершила работу. Мужчина рухнул мгновенно, освобождая нападавшему путь. Замыкая траекторию своего полета, тот сгруппировался и, кувыркнувшись через голову, вновь оказался на ногах.

Грохот очередного салюта, разудалое: «А это свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала» слились с вразнобой прозвучавшей сочной бранью.

Пьяно-отважная четверка, подгоняемая яростью, с притупленной алкоголем осторожностью кинулась на стоящего в трех шагах человека.

И крылья эту свадьбу вдаль несли.

Увидев подбегающего брата жениха, Андрей весело оскалился. Именно за этот оскал, напоминающий волчий, он и получил в селе, а потом и в Рязанском институте воздушно-десантных войск, где отрубил пять лет, свое прозвище Волк. И это был как предостерегающий сигнал – опасно! не тронь! Но славный русский самогон, лучше всякого ракетного топлива, толкал неразумные тела вперед.

И вновь пружинистый шаг, переходящий в прыжок. Только теперь ногами вперед. В институте, на занятиях по рукопашному бою, это называлось «дуплет» – расставленные, немного согнутые в коленях ноги, с силой распрямляющиеся, словно бьющие по невидимому мячу. Впрочем, почему невидимому? В момент завершения маха, стопы соприкасались с вполне видимыми и осязаемыми набегающими челюстями.

Далее следовала простая физика – поступательная скорость тела складывалась со скоростью вращения стоп, и суммарный этот вектор направлял силу удара почти вертикально вверх. Энергия, преимущественно, уходила не на перемещение владельца челюсти назад, а на ее деформацию.

Приглушенный звук удара, невнятные вскрики и еще два тела легли на щедрую русскую землю.

Широкой этой свадьбе было места мало –
И неба было мало, и земли.

Резко вскинутые вверх ноги опускают туловище вниз, прогиб спиной, обратное сальто и вновь выпускник Рязанского института воздушно-десантных войск на ногах. Его инструктор рукопашного боя майор Коноваленко несомненно за «дуплет» вновь поставил бы высшую оценку.

Оставшиеся двое, уже по инерции, вбежали в зону контакта. Милосердный удар ногой в грудь одному, «каруселька» и вторая грудь охнула от соприкосновения со стопой сорок пятого размера.

А салют, расцветивший небо яркими красками, словно аккомпанировал задорной песне:

Был жених серьезным очень, а невеста

Ослепительно была молодой.

Андрей Кедров обвел глазами место схватки. Двое, получившие «дуплет» лежали неподвижно, тихонько скуля. Еще двое, получившие по удару в грудь, пытались встать, держась за грудь. Парень, которого Андрей, в прыжке через забор первым сбил, уже поднялся. По его напряженной, дергающейся фигуре без труда можно было понять, обуревавшие его мысли. Инстинкт самосохранения властно направлял его прочь от этого оскалившегося, страшного человека. Но чувство дружбы с поверженными на землю друганами изо всех сил пыталось хотя бы удержать пьяное тело на месте, не говоря уже об активном вмешательстве в события.

Увидев и оценив все это, офицер-десантник, наконец, смог позволить себе расслабиться. Веселый оскал на лице сменила ироничная улыбка.

– Позаботься о них.

– А? Что? Да-да, конечно…

Андрей неспешно подошел к своим воротам. Тот час же открылась калитка, за которой стояла его мать.

– Если снова понадоблюсь – милости просим к моему дому, – калитка закрылись, лязгнул засов.

– …почему женатый мужчина полнеет, а холостой худеет? – О'Харра обвел взглядом уже изрядно промочившую горло компанию.

– А ну просвети. Слушай, слушай, О'Тропп. Тебе это полезно будет знать. Может тебе тогда вообще не стоит жениться! – О'Крисс хлопнул по плечу крупного высокого рыжеволосого парня.

– Да ну тебя! – рыжий гигант добродушно отмахнулся от друга.

– Так почему холостой худеет? – кокетливо произнесла одна из девушек, А'Весса.

– Потому что, когда холостяк приходит домой и заглядывает в холодильник, он идет в постель. А женатый мужчина, когда заглядывает в постель, идет к холодильнику!

Раздавшийся дружный хохот легко растворили в себе падающие сверху звуки музыки.

– Фу, так смеялся, что чего-нибудь пожевать захотелось! – О'Крисс обвел глазами стол.

– И мне тоже, – поддержал друга О'Харра, – давай закажем чего-нибудь экзотического, чтобы когда на задворках Вселенной будем жрать сухпай, было что вспомнить.

Молодые люди углубились в меню.

– А что это за «Сарбинелла»? – О'Харра вопросительно посмотрел на парней и девушек.

Те дружно недоуменно пожали плечами.

– Отлично! Тогда действительно для нас это экзотика.

– Это, по-моему, национальное блюдо с Кардибы, – неуверенно произнесла А'Брилла, – а может и нет.

– Кардиба? В восьмистах световых лет от нас! Блюдо все более и более становится экзотичным. Заказываем! – О'Харра привычным жестом поднял руку.

Тот час же к ним подскочил робот-официант.

– Шесть порций сарбинеллы и …

– Давай для пробы закажем одну, а то вдруг гадость какая-то. С этих туземцев с Кардибы станется, – предложил О'Тропп.

– Голова! Не даром тебя оставили здесь, на Арикдне, в ЦУПе[1]. Значит так, одну порцию этой сарбинеллы и … ну тогда шесть бутылок «зеленого». Шесть то мы уже сказали!

Принесенное блюдо было незатейливым до степени аскетизма – на большом розовом сочном листе ползал жирный, лоснящийся червяк с указательный палец длиной, оставляя после себя влажный, слизистый след.

– Мда…Это, по-моему, тот случай, когда не всякая еда становится пищей. И кто предложил заказать это блюдо из Кардибы?

– Да ты же и предложил.

– Точно, я, – О'Харра усилием воли заставил свой взгляд сфокусироваться на червяке.

Затем новоиспеченный офицер Военно-Космического Флота плеснул себе полстакана «зеленого».

– Я его предложил, я его и съем! – и тут же, схватив червяка двумя пальцами, отправил его в рот, запив залпом алкогольным напитком, – ну и вкус у этих, с Карибды. Дикари!

Тот час же к их столику подлетел официант и уставился на опустевший розовый лист. Его всегда приветливое лицо сейчас хаотично поддергивалось – электронный мозг явно не мог подобрать выражение лица, адекватное полученной визуальной информации. Затем, все же, кое-как распихав нули и единицы в ячейки памяти, он принял решение – на предельной скорости официант устремился от стола в подсобное помещение.

Через минуту у столика с молодыми офицерами и их девушками возник невысокий человек в синей поварской униформе и что-то быстро залопотал. Судя по смолисто-черным волосам и бронзовому оттенку кожи, он сам был уроженцем Карибды.

– О чем это он? – О'Харра теперь пытался сфокусировать свой взгляд на человеке, – черт, я свой коммутатор дома оставил.

А'Брилла, приложив к уху свой миниатюрный, украшенный разноцветными камнями, электронный переводчик, смотрела то на своего парня, то на повара. Постепенно на ее лице расплылась улыбка, быстро перешедшая в смех.

– О'Харра, этого червяка не надо было есть! Он должен был, ползая по листу, покрыть его слизью, затем туда бы положили поджаренное мясо какой-то их птицы и завернули лист. Вот это надо было и есть!

– Слизь? Правильно я сделал, что съел этого червяка.

– Повар кричит, что этот червяк очень дорогой и редкий. И у него был только один экземпляр.

– Предупреждать надо было! Понял, дядя, предупреждать.

Повар разразился интернациональной бранью, мешая карибдские и арикднские ругательства. Потом выхватив из кармана телефон нажал кнопку вызова полиции.

– Не, ну каков хам! Мало того, что подсунул офицерам космического флота всякую гадость, так он еще и полицию вздумал вызывать. Скотина! – О'Харра вскочил и толкнул невысокого человека в грудь.

Тот, словно пушинка отлетел и грохнулся на пустующий столик. Жалобно зазвенели не выпитые бутылки. У выстроившихся в шеренгу официантов вновь задергались их пластиковые лица, словно они пытались сдержать рвущийся смех.

– Чего скалитесь? Чурки пластмассовые, – молодой человек с размаху ударил ближайшего к нему робота-официанта.

– О'Харра, что ты делаешь?! – А'Брилла подскочила к нему, пытаясь унять.

Ей на помощь поспешили остальные. Возникла свалка. Многие танцующие, заметив драку, подошли поближе, наблюдая за происходящим.

Грохот музыки заглушила сирена полицейского патруля.

– О'Харра, полиция! Успокойся!

– Дельный совет, О'Тропп. Сейчас я их успокою, – вырвавшись из державших его рук, молодой человек кинулся на двоих полицейских. Те вскинули парализаторы…

– Да что вы смотрите? Бейте его! – истошный вопль полоснул воздух и тут же стих, словно увязнув в хмуром рассвете.

– Тихо! – стоящий около ворот крупный мужчина властно вздернул вверх руку.

Гомон за его спиной сразу притих.

– Не надейся, мы тебя бить не будем, – тяжелый взгляд серых глаз впился в Андрея, – я тебя засужу. Ты покалечил моего брата, и ты за это ответишь. Я сорву с тебя лейтенантские погоны. Старлеем тебе уже не быть, Волк! – грузно развернувшись, новоиспеченный муж бывшей девушки Кедрова пошел вдоль улицы. Стоящие за ним люди расступались, пропускали его, затем, вновь сомкнувшись, брели за ним.

К Андрею подошел участковый. Гражданский костюм, вместо привычной формы, еще больше показывал раблезианские формы представителя власти. Красноватые глазки смотрели куда-то за левое ухо Андрея.

– Ты тово, Кедров…сам понимаешь, свадьба, воскресенье. Завтра к девяти подходи ко мне. Оформим протокол, явку с повинной, ну и все такое прочее. Хорошо?

– Хорошо.

– Ну и отлично. Не дрейф, все будет нормально, – участковый осторожно хлопнул Кедрова по плечу и поспешил за ушедшей вперед толпой.

«Так я и пришел с повинной. Жди, дяди и лови меня на Дальнем Востоке. Эх, три дня не догулял дома».

На ветру тихо поскрипывала сорванная доска забора.

– О'Харра, ты совершил недостойный офицера Военно-космического флота Содружества Свободных планет поступок. Даже несколько. Устроил дебош в ночном клубе, пытался оказать сопротивление полиции.

– Я понимаю это.

– Он понимает! А то, что тебя отчислят из Флота, ты это понимаешь? Отчислят, не дав прослужить и дня!

Молодой человек по стойке смирно стоял, опустив голову. Стоящий напротив него высокий жилистый пожилой человек со значком бригадного генерала резко развернулся, и быстро сделав несколько шагов, сел за свой рабочий стол.

– Значит так, О'Харра. Позора семьи, позора фамилии Сарбов я допустить не могу. Поэтому я снимаю тебя с «Грозного», – генерал сделал паузу, наблюдая, как дрогнуло лицо лейтенанта, затем продолжил, – и перевожу на «Ускользающий».

– Спасибо, дядя…господин бригадный генерал, – лицо молодого человека вновь дрогнуло.

– Подожди меня благодарить. «Ускользающий» – это новый, только что построенный корабль, класса «Разведывательный эсминец». Построенный специально для секретной миссии – забраться в глубокие тылы челов с целью обнаружения планет, населенных нами, кроками, с последующим созданием на них военных баз. Как видишь, задание чрезвычайно опасное. Велика вероятность нарваться на лазерный луч эсминца или крейсера челов, – сидящий за столом человек взглянул на стоящего офицера.

Лицо лейтенанта О'Харры Сарба было непроницаемо.

– Что ж, необходимое я тебе сказал. Теперь распишись здесь, – бригадный генерал кивнул на лист бумаги, лежащий на столе.

Подойдя к столу, молодой офицер расписался.

– Вообще-то мы набираем на «Ускользающий» добровольцев…

– А у меня что, есть выбор? – несколько бесцеремонно лейтенант перебил старшего по званию, – честь семьи Сарбов превыше всего! – звучащую в словах иронию не услышать было невозможно.

– Мальчишка! Вон из кабинета!

– Есть, господин бригадный генерал!

Когда за молодым человеком закрылась дверь директор Службы Государственной безопасности Содружества Свободных планет бригадный генерал О'Локки Сарб тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

Глава 2

Еловая ветка больно хлестнула по лицу. И… неожиданно стало легче. Саднящая боль на правой щеке вытеснила чувство, будто легкие при каждом вдохе и выдохе трутся о наждачную бумагу. Мелькнуло: «Клин клином вышибают». Вдох, четыре шага, выдох, четыре шага, вдох. Гадко жжет в паху от разъедающего кожу соленого пота, двадцати двух килограммовый вещмешок и трехкилограммовая «Гроза» за спиной на третьем часу бега, казалось, стали вопреки всем законам природы набирать вес. И из верных помощников десантника превратились в его врагов, норовя сбить с ног. Ну и самое главное – эта раздирающая боль в легких. Хотя нет. Ее же вытеснила другая, от хлестнувшей ветки. Да нет, опять появилась. Ну и черт с ней… Вдох, четыре шага, выдох, четыре шага, вдох – комплексный кросс, как первый этап экзамена право называться офицером спецназа Главного разведывательного управления Генерального штаба в самом разгаре. Позади более тридцати километров по пересеченной местности, преодоление водной преграды – рва четырехметровой ширины и двухметровой глубины – резким движением правой руки «Гроза» выхватывается из-за спины, перехватывается двумя руками… прыжок. Грудь ударяется о воду. Руки повыше, «Гроза» – оружие небесное, воды не очень любит, после нее может и «ударить» плохо. Ага, вот и дно – мягкий слой ила. Ничего, сойдет. Толчок, резкий вдох, вновь дно, снова толчок… На четвертом толчке руки локтями вцепились в высокий берег. Рывок руками и вот уже ноги вновь привычно стали быстро перебирать землю. А через два километра первый огневой рубеж – три ростовых мишени, неожиданно вынырнувшие слева в пятидесяти метрах из-за пригорка. Время на уничтожение разведгруппы противника – десять секунд. Единственная подсказка – на мгновение сверкнувший солнечный зайчик – типа блик от бинокля. Хотя какой к чертям блик – вся армейская оптика давно безбликовая. Значит от пряжки ремня. Неважно. Условность. Учения. Важно уничтожить за десять секунд. Вновь рывок правой рукой из-за спины и одновременно с маху плашмя на землю. Больно? А пулю со смещенным центром тяжести в пах, под кромку бронежилета – не больно? Автомат трижды дернулся в руках – три короткие очереди по две пули в каждой. Зачет – надо не только попасть в мишень, надо попасть двумя пулями в одно и тоже место, разброс не более пяти миллиметров – тогда в реальном бою есть шанс пробить бронежилет противника. Упали! Хороший автомат «Гроза». Темп стрельбы короткой очередью почти две тысячи выстрелов в минуту – одна пуля чуть ли не утыкается в задницу другой. Вот таким паровозиком и входят. Вернее бронепоездом. Хороший автомат, а точнее – автоматно-гранатометный комплекс «Гроза» ОЦ-14. Ну да гранатомета мы еще доберемся…

Фу, наконец-то можно и передохнуть, впереди испытание газами – вбегаешь в герметичную резиновую палатку, заполненную хлором и сидишь там в противогазе полчаса. Сидишь! Благодать! Лафа!

Приглушенно пискнул сигнал, и замигала лампочка – хватит рассиживаться. Вперед! Еще три огневых рубежа, рукопашная схватка и пятьдесят километров леса, колючего кустарника, оврагов и всего остального, что скрывается за маловразумительным термином «пересеченная местность». Или пятнадцать тысяч наждачных вдохов-выдохов.

Что, тяжело? Назвался груздем, полезай в кузов – захотел быть офицером элиты армии? Изволь преодолеть восемьдесят километров со всякими штучками в полном боевом снаряжении за сутки.

«Ничего, преодолею. И вторую половину экзамена через два дня тоже сдам. А потом торжественное построение на плацу и приказ министра обороны о зачислении в спецназ Главного разведывательного управления. Красота!»

Фанерная беэмпеха нарисовалась в вечернем воздухе в ста метрах в окружении прямо таки пасторальных, аккуратных, будто искусственных елочек. Машина фанерная, а вот пулеметы у нее почти настоящие. Почти, означает, что стреляют они резиновыми пулями. А умная электроника, управляющая пулеметами лучше всякого стрелка – у нее не будет ломить спина от долгого неподвижного сидения, не затекут ноги и не заслезятся глаза. Конечно, будь это настоящая БМП, Андрей Кедров был бы обречен. Сто и тридцатимиллиметровые автоматические пушки, три пулемета, не считая автоматов, находящейся внутри пехоты, гарантировано превращали одиночного противника буквально в мокрое место. Но опять же, сейчас экзамен с неизбежной для него долей условности.

Кедров в падении резко отпрыгнул в сторону, тут же перекатился еще на несколько метров. Несколько резиновых пуль тихо чмокнули по тому месту, где он только что лежал. Сухо треснула, разрываясь, дымовая граната, быстро отгораживая Андрея от фанерной БМП.

«Вот теперь стреляйте!», – еще один бросок-кувырок на несколько метров.

Но стрелять нужно и ему. Куда? А запоминать нужно было! И вновь «Гроза» в руках. Большой палец переводит переключатель в режим стрельбы гранатометом.

«Так, беэмпеха должна быть левее вон той елочки на ширину ладони», – руки уверенно довернули ствол в нужном направлении. Выдох, пауза, указательный палец плавно выбрал свободный ход курка.

Автомат чуть дернулся – кумулятивная граната понеслось к цели. Секунда томительного ожидания…Вспышка! Несколько коротких очередей в прорезавшееся сквозь дым огненное пятно и сторонкой, сторонкой дальше. Переть прямо на рожон – где вы видели, чтобы настоящую БМП можно было уничтожить одной гранатой с подствольника? Да там еще столько останется действующих штыков, жаждущих поквитаться, что их радостный залп легко опровергнет положение о том, что человек на восемьдесят процентов состоит из воды. Глупый человек состоит из свинца. А потому бочком, бочком и побыстрее от горящей БМП – братской могилы пехоты.

Вдох, четыре шага, выдох, четыре шага, вдох – позади больше семидесяти километров. Позади четыре огневых рубежа, водная преграда, испытание газами. Впереди – рукопашная схватка и долгожданный финиш. Черное с яркими белыми звездами небо раскинулось над бегущим человеком. Круг полной луны светил ровным желтым светом. Андрей взглянул на часы – полпервого ночи.

«Начал в шесть. Значит бегу уже восемнадцать с половиной часов. Осталось пять с половиной. Нормально, – мысли возникали в голове в такт дыханию, – успеваю, – вдох, – не заблудиться бы только, – четыре шага, – финиш строго на севере», – выдох.

Офицер поднял голову, привычно нашел Полярную звезду и побежал прямо на нее, словно пытаясь достичь.

«Будешь ты у меня путеводной звездочкой, прямо в ГРУ и выведешь».

Нет, офицером ГРУ он все же станет ни тогда, когда на плацу зачитают приказ о его зачислении. Вернее станет формально. А фактически это произойдет вечером того же дня, в спортзале, где выстроится шеренга новоиспеченных офицеров ГРУ. К ним подойдут их инструктора, в течение трех месяцев дрессировавших их так, что дрессура в институте стала вспоминаться с легкой ностальгией, как вспоминается первая любовь прожженному плейбою. В руках инструкторов будут заветные серебряные значки «СПЕЦНАЗ ГРУ» – раскинувшая черные крылья летучая мышь на фоне земного шара. И после слов: «Лейтенант Андрей Кедров, отныне Вы офицер Главного разведывательного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил России», твердой рукой инструктор приколотит значок к его обнаженной груди».

Если бы не луна Кедров не заметил бы этих двух теней, метнувшихся к нему, казалось, прямо из-под земли. Десантник во всякие чертовщины с ожившими покойниками не верил, поэтому бодро встретил ночных незнакомцев прямыми ударами правой. Тихий мат подтвердил, что он имеет дело с обычными русскими людьми. Первый подбежавший попытался в падении сделать подсечку. Андрей вовремя среагировал и подпрыгнул, пропуская сдвоенный удар ног под собой. Второй человек был, что называется, шкаф – больше центнера веса и соответствующие, даже чересчур, габариты. Прямо не просто шкаф, а шкаф с антресолью. Он по-медвежьи навалился на Кедрова, пытаясь повалить его на землю. Кто ж против? Пожалуйста! Лейтенант, крепко схватив шкаф, и помогая ему, опрокинулся навзничь, подбирая под себя ноги. Затем ноги резко распрямились, толкая противника, заставляя его опрокинутся через голову. Инерция центнера массы довершила дело – шкаф перелетел через Андрея и шумом упал на спину. Между тем первый нападавший уже вновь вскочил на ноги. Отлично! Резкий удар ногой тому по щиколотке и уже оба противника на земле, в отличие от их визави, вскочившего на ноги.

– Зачет! – кто-то невидимый в темноте прекратил бой.

Андрей Кедров рукопашный бой выиграл.

И вновь Полярная звезда, примостившись на ручке Ковша Большой Медведицы указывает путь.

«Вот тогда, когда он почувствует боль и кровь выступит у него на груди, он и станет фактически офицером элитнейшей организации в Вооруженных Силах России. Варварство? Отнюдь. Этот, может и несколько жестокий обычай уходит корнями в те времена, когда воины клялись друг другу в верности, в то, что всегда защитят спину товарища и не предадут в бою. Клялись, надрезая себе руки, и пробуя кровь друг друга. Подставляя свою грудь товарищу, ты показываешь, что полностью ему доверяешь и боль, причиненная им тебе, еще больше вас сближает…ну это уже трясина подсознания и физиологии человека».

Конечно, об этом обычае прекрасно знало начальство, так как само через него прошло. Но на плацу этого делать было нельзя. Поэтому спортзал.

Рассвет робко вступал в свои права. Ночь бесшумно уползала куда-то за горизонт, чтобы через двенадцать часов, обогнув земной шар, вновь воцариться на этой половинке земного шара. До восхода солнца оставался час. Лейтенант воздушно-десантных войск Андрей Кедров заканчивал восьмидесяти километровый забег. Он уже видел финиш – несколько обычных столов, поставленных посреди поляны, за которыми сидело руководство части и инструкторы. Позади них стояло несколько «Уралов» с кунгами – там сидели операторы, при помощи телекамер, наблюдавшие за передвижением испытуемого и управляющие мишенями. Осталось только сбежать с пригорка, преодолеть небольшую впадину и все! Он уложился на час раньше норматива!

Пять манекенов из пластика вынырнули из-под земли, когда он был на дне впадины. До них было метров десять.

– Ах чтоб вас! Про это испытания не говорилось! – Кедров привычным движением повалился на землю, тут же откатился вбок, выдергивая из-за спины «Грозу». Неожиданно «калаши» в руках манекенов затряслись от выстрелов.

«Ни фига себе! Это что-то новенькое. Надеюсь, что пули резиновые», – офицер в свою очередь открыл огонь, после каждой очереди меняя позицию. Один манекен рухнул, остальные стали быстро приближаться к нему. Только сейчас Андрей заметил, что ноги у них заканчиваются небольшой тележкой на четырех колесах.

Очередь, еще один манекен падает на землю, и тут же раздается сухой щелчок бойка – патроны закончились.

– Черт! – три манекена были уже в пяти метрах.

Кедров перекатился еще раз. Вовремя! Место, где он только что лежал, перечеркнула автоматная очередь. За эти несколько мгновений передышки десантник принял решение. Он еще один раз кувыркнулся через бок, вскочил на ноги, шаг, прыжок плашмя на землю – приближающиеся вооруженные манекены оказываются сбоку. Тихо клацнул переводчик огня, прорезь прицела заполнила черная униформа манекена. Спусковой крючок выбрал холостой ход… вторая, последняя кумулятивная граната, сверкнув красным хвостом, бьющим из ее ракетного двигателя, попадает манекену вбок. Вспышка. Сфокусированный огненный столб легко прожигает пластмассовое тело и тут же дотягивается до второго бесчувственного болвана, обжигая и ему бок. Операторы, очевидно, сочли, что эти две цели поражены – два манекена безмолвно валятся в траву. Остался один. Пластмассовый истукан уже развернулся и попер прямо на Андрея, поливая пространство перед собой длинными очередями.

«У него что там, безразмерный боезапас», – чертыхаясь, Кедров вновь прыжком падает на многострадальную грудь, – ну ничего, пуля дура, а штык молодец», – в руках лейтенанта оказывается десантный нож, выдернутый из ножен.

«Эх, могли бы и НРС^2 дать. Ну ничего, и без него обойдемся»

Привстав на колени, Андрей делает взмах, прицеливаясь…

«Метая нож, помните, что на человеке может быть надет бронежилет или просто под одежду подложен стальной лист. Поэтому бросок ножа в туловище может быть неэффективен. Если на человеке надет защитный шлем, то и бросок в голову или в шею тоже не принесет желаемого результата. Помните, главное не убить человека, а его обездвижить, лишить сил к нападению или сопротивлению. Поэтому в этом случае наиболее эффективен бросок в бедро. Во-первых, человек испытает сильную боль при глубоком проникновении ножа в тело, а во-вторых, при умелом броске тяжелый десантный нож легко перебивает берцовую кость и противник теряет сознание от болевого шока», – мгновенно пронеслись в голове слова инструктора по холодному оружию.

Правая рука, распрямившись, с силой метает острую сталь. Сделав один оборот «Каратель» с глухим звуком пронзает пластиковую шею манекена, его острие выходит с другой стороны.

«Но если нет на человеке защитного шлема бросок в шею наиболее эффективен. Даже при касательном соприкосновении, велика вероятность перерезать артерию или другой крупный кровеносный сосуд, или нерв. При более точном попадании перерезается трахея и перебивается один из шейных позвонков».

Манекен безмолвно валится на землю. Через минуту лейтенант Андрей Кедров пересекает финишную черту. Восемьдесят километров с препятствиями преодолено за двадцать три часа пятнадцать минут. Зачет!

– Товарищ полковник, вызывали?

– Входи, лейтенант, садись, – командир учебного батальона спецназа ГРУ полковник Кардышев кивнул Кедрову на стул.

– Тут такое дело, Кедров, – комбат поморщился, будто проглотил что-то кислое, – из Москвы на тебя телега пришла.

«Драка в селе, – мелькнуло у Андрея в голове, – нашел таки гад. На другом конце страны, а нашел».

– Догадываешься о чем речь?

– Так точно, товарищ полковник. За то, что одной сволочи рожу начистил.

– Если под начистил, ты понимаешь – сломал челюсть, а под сволочью – двух человек, то ты прав, – полковник досадливо покачал головой, – черт, вместо того, чтобы поздравить тебя со сдачей первой половины экзамена, я должен…словом, завтра из Москвы прилетает следователь военной прокуратуры для выяснения всех обстоятельств дела.

В кабинете комбата повисла тишина.

– Меня отчислят из армии? – голос предательски дрогнул.

– Не знаю, но в ГРУ тебе точно не служить. Мы, конечно, не ангелы, грехов хватает, но принимать человека с подмоченной репутацией…сам понимаешь. Ну да ладно, не раскисай. От завтрашней сдачи второй половины экзамена я тебя не отстраняю, такого приказа не было. А там посмотрим, – полковник Кардышев встал из-за стола, – иди, отдыхай.

– Есть.

«Да, думал жизнь у меня сейчас пошла, как по маслу. И только потом выясняется, что это был маргарин».

«Ну вот и все, сделал один карьеру. Не носить тебе черной летучей мыши на фоне земного шара и с гордой надписью «СПЕЦНАЗ ГРУ». И на хрена я дрался? Тем более не с Иваном, а с его братом? Это что-то бы изменило? Людка что, отказала бы этому богатенькому сельскому плантатору и вышла за крушителя челюстей, за Рэмбо местного разлива? И потом моталась бы с ним по гарнизонам и ждала возвращения из горячих точек? Ага, счас! Разбежалась! Сегодня состоятельность мужчины оценивается не толщиной мускулов, а толщиной портмоне. Животик через пояс свисает? Полянка на голове наметилась? Зато дом – полная чаша. Даже не чаша, а целый котел. Девушки сейчас выходят не за экстерьер, а за интерьер», – Кедров перевернулся на другой бок, сна не было ни в одном глазу.

Его сосед по комнате Славик Шустров сладко храпел. Андрей тихо встал с кровати и подошел к окну. Несколько фонарей и прожекторов освещали территорию базы батальона. В метрах ста, ярко освещенный прожекторами, высился трехметровой бетонный забор, украшенный сверху колючей проволокой под током. В пяти метрах от бетонной стены расположилась другая стена, из колючей проволоки. Кедров знал, что эта пятиметровая полоса полностью простреливается автоматическими пулеметами, реагирующими на любое движение.

В общежитии, в доме для офицеров и в казарме для солдат ни огонька. В спецназ отбирали здоровых людей с устойчивой психикой, которые бессонницей не страдали. Лишь невидимые из окна часовые вглядывались и вслушивались в темноту, да дежурная смена операторов смотрела на мониторы видеокамер наружного наблюдения. А над всем этим сияли крупные и мелкие кристаллы звезд и, казалось, прямо в центре неба светила желтая тарелка луны.

Надежное, защищенное место, к которому Андрей за три месяца успел привыкнуть и даже полюбить. И вот из-за этой глупой драки он вынужден будет покинуть этот желанный для него мир. Мужчина от злости прикусил губу. Глаза по привычке, автоматически отыскали Полярную звезду.

«Да, не стала ты для меня путеводной звездой…тьфу, совсем раскис, такую банальщину несу», – еще раз взглянув на звездное небо, Кедров неслышно вздохнул и отошел от окна. Недовольно скрипнула кровать, вновь принимая своего хозяина.

– Всем занять свои места согласно боевому расписанию, – слова раскатились по всем отсекам корабля, едва смолк противный вой сирены. – Через пять минут Прыжок.

– Ну вот, называется сыграли в карасус, – О'Харра резко отодвинул вбок разграфленную разноцветными треугольниками доску со стоящими на ней фигурками и вскочил с кресла.

Его напарник, корабельный врач О' Кунни Сирк сделал тоже самое.

– Наверное, опять засекли корабль челов.

О'Харра промычал в знак согласия.

Молодые люди поспешно покинули кают-компанию, торопливо хлопнули друг друга по плечу и побежали к своим противоперегрузочным креслам. А из динамиков неслось:

– Внимание! До прыжка осталось четыре минуты. Немедленно всем занять свои противоперегрузочные кресла.

В рубке управления «Ускользающего», откуда шли эти команды, в своих креслах сидели три крока. Глядя на их неподвижные фигуры, невозможно было догадаться, что корабль готовиться выполнить самый сложный маневр – экстренный переход в гиперпространство или по-простому – Прыжок.

И лишь по часто вспыхивающим и гаснущим лампочкам на пульте управления и быстро сменяющейся на мониторах информации, дублирующейся голосовыми сообщениями, можно было догадаться, что в рубке управления кипит работа.

– Включен второй реактор, – бортовой компьютер приятным женским голосом сообщил очередную информацию.

– Включен третий турбинный блок. Включен четвертый турбинный блок, – компьютер корабля уверенно выполнял циклограмму перехода.

На центральном мониторе появилась и стала быстро увеличиваться в длине желтая полоса – индикатор роста мощности гиперпространственного двигателя.

– Тридцать процентов мощности набрано.

– Замкнута первая силовая цепь, – где-то в глубинах корабля щелкнуло реле и могучий электрический поток попал на обмотки нуль-континуум генератора.

– Пятьдесят процентов мощности набрано, – голос бортового компьютера был все также обманчиво приветлив, на нем никак не отражались те миллиарды операций в секунду, которые бушевали в его электронном мозгу.

– Замкнута вторая силовая цепь.

– Семьдесят процентов мощности набрано, – мягким женским контральто раскатилось по рубке и тут же, на весь корабль, – До Прыжка осталось две минуты. Всем немедленно занять свои противоперегрузочные кресла.

– Клорри, как там корабль челов? – раздалось с центрального кресла.

– Детектор обнаружения показывает, что челы движутся в прежнем направлении, – быстро ответил второй пилот корабля, – похоже, они нас не засекли.

Командир «Ускользающего» полковник О'Крисс Волн, услышав этот доклад, довольно хмыкнул и взглянул на монитор внешнего обзора, обильно усыпанный искорками звезд. Где-то там, среди них, в полутора световых минутах летел звездолет челов и, похоже, крейсер.

Его смогли «разглядеть» благодаря узконаправленному детектору гравитационных волн. Это он почувствовал ничтожный всплеск гравитации, исходивший от опасного космического хищника. Сверившись с реестром, бортовой компьютер тут же сообщил: «Расстояние – полторы световых минуты. Звездолет челов первого класса – восемьдесят процентов вероятности. Астероид – двадцать процентов вероятности».

Направленный на указанную точку пространства телескоп сумел уловить какой-то объект. Спектрограмма показала, что по цвету поверхности – серой, почти черной, он напоминает метеорит. Но это ничего не означало. Например, их «Ускользающий» был покрыт специальной пленкой, имитирующий цвет метеорита. На то он и разведывательный корабль, чтобы маскироваться.

– Восемьдесят процентов мощности набрано.

– До Прыжка осталось девяносто секунд. Всем немедленно занять свои противоперегрузочные кресла.

– Фу, не успеют уже лазером достать, – выдал свои эмоции второй пилот, – успеем уйти в гипер.

– Они еще могут успеть нарушить равновесие в момент Прыжка, – заметил штурман «Ускользающего», сидящий по левую сторону от командирского кресла.

– Вечно ты каркаешь, О'Тунни, не хуже тебя об этом знаем, – раздраженно рыкнули с центрального кресла.

Недовольство полковника Волна можно было понять. Попади боевой лазерный луч в то место, откуда начал совершать переход в гиперпространство звездолет, когда гиперокно или дырка, на сленге звездолетчиков, не успела затянуться, беды не избежать. Мощный поток фотонов нарушит квазиравновесие системы «пространство – гиперпространство» и образовавшаяся подпространственная ударная волна собьет звездолет с курса, и он вновь войдет в привычное трехмерное пространство совсем не в той точке, на которую рассчитывали. Причем погрешность может составлять несколько световых лет! Космолетчики называли это: «Получить по заднице». *И это был в таких случаях самый благоприятный исход. Ведь вынырнуть можно было и в центре какой-нибудь звезды! По «оптимистичности» не хуже был и вариант, когда лазерный луч придет чуть раньше, когда звездолет будет еще в так называемом тоннеле перехода. Нарушившееся равновесие двух пространств просто схлопнет этот тоннель. Теория утверждает, что любое тело тогда прессуется до толщины одного атома. Это даже не мокрая лужа. На жаргоне ребят, которых напрямую это касалось, эта перспектива называлась: «Сильно похудеть».*

– Набрано девяносто процентов мощности.

– Датчик обнаружения показывает, что челы изменили траекторию, – мелодичное компьютерное мурлыканье было прервано взволнованным мужским голосом.

– Черт, заметили! Начинают прицеливаться.

– Набрано девяносто пять процентов мощности.

– Приготовится к переходу, – тут же последовала команда командира корабля.

Второй пилот и штурман почти одновременно нажали на красные кнопки на подлокотниках. Тот час же их кресла начали трансформироваться, как бы закутывая сидящих в них людей.

– Набрано девяносто восемь процентов мощности.

Все более возрастающий, до этого невидимый поток гравитонов, сформированный нульконтиниумм генератором начал светиться. Словно призрачный столб вырывался из сопла двигателя, расположенного на носу корабля, и упирался в черноту Космоса. Пространство пока не поддавалось этому тарану.

– Замкнута третья силовая цепь, – дополнительная энергия хлестнула по обмоткам генератора.

Чуть светящийся световой столб быстро набирал в яркости, становясь похожим на короткий лазерный луч

– Сто процентов мощности. Переход!

Световой столб вспыхнул ослепляющим светом, мириады гравитонов еще сильнее надавили на пространство, мгновение и ослепительный таран, наконец, разорвал тонкую пленку реальности, погружаясь в темный мир виртуальных частиц. И тут же в образовавшуюся брешь провалился и «Ускользающий».

Через минуту, когда звездолет уже был за десятки световых лет, шесть пятьсот мегаваттных боевых лазерных лучей, посланных с человского крейсера, пронзили то место, где он был. «Ускользающий» и на этот раз ускользнул.

Казалось, само пространство навалилось на О'Харра. Противоперегрузочное кресло, плотно, без малейшего просвета прильнув к телу, как могло помогало кроку. Секунда, другая, третья…на тридцатой секунде перегрузки стали спадать.

«Ну, наконец-то. Господи, ну за что мне такое наказание? Летал бы сейчас на «Грозном» и гонял бы эсминцы и канонерки фролов. Что они могут сделать с шестисантиметровой броней лучшего нашего крейсера? И что могут противопоставить эти фролы десяти тысячемегаваттным пушкам его главного калибра? Свои несчастные пушчонки в сто мегаватт?

Смешно. Да один залп «Грозного» превратит корабль фролов в пережаренный кусок мяса, ну ладно, пусть с кровью. Эх! И на фига я полез в драку с полицейскими?»

Где-то в лесу свистнула сойка. Андрей вопросительно посмотрел на лежащего рядом Славу Шустрова. Тот неопределенно пожал плечами.

«Эх, не охотник я. Поди разберись, эту птичку человек испугал или она так, с утра горло чистит. А решение принимать надо».

– Давай на звук, – чуть слышно выдохнул Кедров, – вперед.

Разведывательно-диверсионная группа или сокращенно РДГ из пяти человек бесшумно заскользила в осеннем лесу…

Экзаменационное задание было традиционным – найти и обезвредить РДГ «синих» и взять «языка». И указан квадрат на карте. Выходить за его пределы – ни-ни. Точно в спецназ ГРУ не попадешь.

«Синие», тоже пять человек, сдавших два дня назад кросс, имели задание аналогичное – им уничтожать РДГ «красных», то есть Андрея и его товарищей.

Командиром разведывательно-диверсионной группы «красных» полковник Кардышев назначил его, Андрея Кедрова.

– Может это как-то тебе поможет. Больше ничем помочь не могу.

– Спасибо…Александр Павлович.

– Ну давай иди, готовься.

– Есть.

Разведчики двигались классическим клином – на острие Андрей, от него влево и вправо по два человека на расстоянии трех метров по фронту и двух метров в глубину. Через десять минут разведгруппа достигла опушки леса.

– Стоп, – прозвучала команда Кедрова, тот час же раздавшаяся в наушниках остальных «красных», спрятанных под каски.

Андрей вынул из нагрудного планшета «Румб». Светящаяся точка в центре экрана показывала его местонахождение – на опушке леса. Слева, в метрах трехстах пролег небольшой овражек. Справа простиралось болото. Ну и где эти «синие»? Квадрат для обоих РДГ установлен небольшой: пять на пять километров. Как показывает практика, в течении трех, максимум четырех часов группы нащупывают друг друга. Этому способствуют и многочисленные установленные «ябеды» – специальные сигнальные мины. Втыкается в землю этакий металлический кол, закамуфлированный под цвета местности, внутри которого установлены разноцветные заряды. От кола в разные стороны, метров на десять идут проволочные растяжки. Чуть заденешь и бахкает в небо яркий разноцветный фейерверк: красные, синие, зеленые, белые ракеты выстреливают в небо, свистят, взрываются. Словом, учиняют такой там-тара-рам – мертвого разбудят. По расцветшим в небо разноцветным «цветочкам» легко определяется местонахождение «ягодок» за которыми идет охота.

«Итак, где «синие»? Как бы я на их месте действовал? Овраг, судя по карте, пересекает весь квадрат. Это своеобразный барьер. Рано или поздно «синие», впрочем, как и они, «красные» вынуждены будут пересечь его – одно из условий экзамена, не стоять на месте и обследовать весь квадрат. Только вот как установить контроль над всем оврагом – более пяти километров в длину. У него пять бойцов вместе с ним – по километру на брата. Мда…многовато. Без специальных средств не обойтись. А что у них за средства?», – Кедров мысленно мгновенно просканировал содержание своего комплекта тактического снаряжения «Выдра – 3М».

В грудных подсумках лежат шесть гранат Ф-1, точнее учебных гранат. Но к ним все равно карабинами цепляются шнурки. При выхватывании гранаты автоматически выдергивается чека и гранату можно бросать. Очень удобно, особенно если вторая рука занята или

повреждена. Имеется там же восемь магазинов к «Валу» – специальному автомату, вершине ручного стрелкового вооружения. Бесшумный, способный с расстояния четыреста метров пробить бронежилет первого-третьего класса защиты. Конечно, этого автомата у них нет. Есть аналог, тоже бесшумный, стреляющий цветными маркерами – небольшими баллончиками с красной краской, разбивающимися при соприкосновении с преградой. Этакий пейнбол. Так что там еще? В боковых подсумках лежат двадцать гранатных выстрелов к подствольнику, одна осколочная мина направленного действия, два разовых противотанковых гранатомета «Муха», нож разведчика стреляющий, радиостанция. На спине, в рюкзаке сухпаек, спальный мешок, аптечка, котелок, фонарик и множество других вещей, помогающих разведчику-диверсанту эффективно выполнять то, чего его натаскивали несколько лет: взрывать мосты, железнодорожные пути, склады. Уничтожать командные пункты, узлы связи и множество других военных, а если понадобиться и гражданских объектов. Ну и естественно, надежно и по возможности бесшумно ликвидировать людей, которые могут этому помешать.

Много чего есть, но вот средств, позволяющих контролировать овраг, у Кедрова не было. Разве что…

– Группа, двигаемся к оврагу. Способ передвижения – короткими перебежками, гуськом. Интервал пятьдесят метров. Первым идет – третий номер, – Кедров выбрал самого малогабаритного разведчика. – Смотри в оба! Не спеши. Не нарвись на растяжку. Пошел! – прозвучала команда в эфире.

Справа от Кедрова поднялась фигура в комбинезоне цвета хаки и, чуть согнувшись, побежала вперед. Через полминуты ее скрыл высокий кустарник.

– Четвертый номер – пошел! – еще одна фигура через полминуты растворилась в кустарнике.

Через двадцать минут «красные» вышли к оврагу. Кедров взглянул на часы – восемь утра.

«Уже два часа охотимся. По статистике – через час должны наткнуться на «синих». Так может все-таки ускорить?»

– Группа, слушай мою команду. Второй и третий ползут вдоль оврага влево. Дистанция пять метров. Четвертый и пятый ползут вправо. Дистанция та же. Цель – найти сигнальную мину. Выходить на связь со мной каждые две минуты. Вперед!

Четверо разведчиков почти сразу же исчезли из поля зрения.

«Допустим, находим сигналку. Делаем около нее засаду и приводим ее в действие. «Синие» идут сюда, и мы их накрываем. Они что, идиоты? Также как и я, могут думать и они. Так они и попрут сюда».

– Первый. Второй, третий на связи. Пока ничего.

– Продолжайте поиск.

– Первый. Третий, четвертый на связи. Ничего не обнаружили.

– Продолжайте поиск.

«А ты бы пошел, если бы услышал сигналку? Ммм…пошел бы. Осторожно, но пошел бы. Хотя бы потому, что за игнорирование сигнала могут снять с экзамена, за пассивность. Во-вторых, велика вероятность, что сигналку задели случайно, а, следовательно, время на устройство засады нет, и противник поспешно покидает место, где наследил. А поспешность первый шаг к обнаружению. Это аксиома. Ну а как бы ты шел?»

– Первый, второй, третий на связи. Пока ничего, – доклады от первой группы не отличались разнообразием.

Впрочем, как и второй группы тоже. Андрей тоже не баловал своих подчиненных разнообразием:

– Продолжайте поиск.

«Двумя группами. Первая – более открытое движение. Вторая – на расстоянии метров пятьдесят, веером, охватывая первую в полукольцо. Первая обнаруживает противника, при-

нимает удар на себя. Вторая – атакует противника с тыла. Значит? Значит надо пропустить первую группу и нападать на вторую».

– Первый, третий, четвертый на связи. Нашли растяжку.

– Понял. Осторожно пройдите по ней. Определите от чего она.

– Поняли, первый.

«Наверняка сигналка. Ну что, Андрей, пошумим? Если уходить из этой славной организации, то с шумом. Пошумим!»

– Первый, нашли сигнальную мину.

– Вас понял. Где вы?

– В десяти метрах от края оврага. В метрах ста пятидесяти от тебя.

– Второй и третий, прекратить поиски. Сбор около сигнальной мины.

– Есть.

– У меня план такой, – начал Кедрин пояснять свой план, когда вся группа была в сборе, – все располагаемся по ту сторону оврага, в линию, интервал десять метров. Расстояние до края оврага пять метров. Маскируемся. Подрываем эту шутиху. Ждем. Появляются «синие». Действуем по обстоятельствам. Если появятся со стороны, где будем находиться и мы, ждем, когда первая группа перейдет овраг, и нападаем на вторую. Берем языка и интенсивным огнем уничтожаем первую группу, вернее второй и третий, удерживает их на той стороне оврага, а остальные доставляют языка в штаб. Если «синие» появятся с другой стороны, ждем, когда первая группа перейдет овраг. Нападаем, берем «языка», далее аналогично, вторую группу удерживаем интенсивным огнем по ту сторону оврага.

– А если они не будут разделяться?

– Будут! Им деваться некуда! Не попрут же они всей толпой в то место, где противник, то есть мы наверняка устроили засаду. Еще вопросы? Тогда по одному преодолеваем овраг и маскируемся. Я напротив сигнальной мины. Слева от меня через десять метров второй. Далее третий. Справа – четвертый, потом пятый. На маскировку пять минут. Пятый, на свое место вперед.

– Есть!

Один из офицеров быстро подполз к краю оврага, ловко соскользнул вниз и через минуту он уже был на противоположной стороне.

– Четвертый, вперед!

Один за другим будущие спецназовцы быстро преодолевали овраг и исчезали в кустах. Вскоре Андрей остался один. Взглянул на часы.

«Без пятнадцати дерну растяжку. И быстро на свою позицию. Вроде все правильно. Эх, неужели придется бросать это дело, дело, которое тебе нравится? Ладно, сопли потом. Сначала экзамен. А там посмотрим, мало ли что».

Лейтенант Андрей Кедров и представить не мог, что «мало ли что» наступит буквально через пять минут. Вернее не наступит, а свалиться сверху.

«Всемогущий Картан, как же нам повезло!»

Залп человского крейсера прошел мимо. Шесть тысячемегаваттных сгустков энергии, выплюнутых боевыми лазерами звездолета, что называется, просвистели рядом. Только датчики обнаружения атаки звякнули.

– Натрак его возьми, где он! Клорри, почему молчишь? Где этот чел? – пальцы О'Крисса Волна буквально порхали над пультом управления, словно командир корабля пытался аккомпанировать своему грозному рыку.

– Датчики обнаружения молчат! Наверное, он маскируется в тени какой-то звезды!

– Какой-то, твою мать! Выясни!

«Ускользающий» вздрогнул всем корпусом. Кроков в рубке управления ощутимо прижало к креслам – бортовой компьютер начал отрабатывать маневр, лихорадочно введенный в него Волном.

– Штурман, быстро навигационное обеспечение Прыжка. Квадрат 64Д.

– Длина?

– Любая!!! Лишь бы побыстрей!! – командир «Ускользающего» на мгновение повернул голову в сторону штурмана, дабы испепеляющим начальственным взглядом еще сильнее подстегнуть того, и тут же вновь впился в экран своего монитора.

– Они, скорее всего, в квадрате 72А, – голос второго пилота явно не внушал доверия, – там есть звезда 9БЖ09. У нее хорошая гравитационная тень.

Старый космический волк мгновенно переработал эту информацию. Уверенное касание нескольких кнопок, буквально ставящих «Ускользающего» на дыбы. По кораблю пробегает крупная дрожь, индикатор перегрузки – красная полоска прыгает вверх, словно пытаясь выпрыгнуть из монитора, тревожно взвывает сирена… Секунда, другая, третья…Дрожь прекращается, красная полоска медленно сползает вниз, постепенно зеленея, умолкает сирена – «Ускользающий» выдержал опасный кульбит. И тут же фанфарами взвывают датчики обнаружения атаки – снова мимо!

– Салаги! Вздумали поджарить меня! Глотать вам мой гиперпространственный выхлоп! Штурман, что у тебя?

– Можно уходить на всю длину. Все чисто.

– Готовимся к Прыжку! Полная длина! – вновь уверенное порхание командирских пальцев над панелью управления и как завершающий аккорд – резкий тычок в большую черную кнопку.

И вновь взвывает сирена, вслед за которой разносится мелодичный женский голос:

– Всем занять свои места согласно боевому расписанию. Через пять минут Прыжок.

– Кунни, мы с тобой когда-нибудь доиграем эту партию?

– Если челы нас не поджарят, то доиграем!

Молодые люди, хлопнув друг друга по плечу, устремились в свои отсеки, к противоперегрузочным креслам.

«Что бы я когда-нибудь еще раз попытался набить морду полицейскому!», – кресло «уверенным» движением начало охватывать тело О'Харры Сарба.

Рядом с ним сидели три его товарища – разведывательная капсула «Малютка» была заполнена согласно штатному расписанию.

– О'Тунни, прицеливание на 9БЖ09!

– О'Клорри, приготовить орудийный блок к выстрелу. Импульс максимальный.

– Господин командир, но я не уверен, что челы там!

– Если ты все время так будешь сомневаться, то вечно будешь вторым пилотом. Выполнять!

– Есть!

– Надо заставить челов защищаться, чтобы выиграть время для спокойного Прыжка!

И словно подслушав его, вновь раздался приятный женский голос:

– До Прыжка осталось девяносто секунд. Всем немедленно занять свои противоперегрузочные кресла.

– Есть прицеливание!

– Орудийный блок приведен в готовность, – сразу за штурманом доложил второй пилот.

Ни мгновения не колеблясь О'Крисс Волн нажал кнопку пуска. Два спаренных трехсотмегаваттных боевых лазера дуплетом выстрелили сгустками фотонов.

– Набрано девяносто восемь процентов мощности, – подбадривающим женским контральто разнеслось по рубке.

«Всемогущий Картан, только бы успеть!»

– Замкнута третья силовая цепь, – «Ускользающий» для мощного рывка напряг все свои «мускулы».

– Сто процентов мощности. Переход!

Могучая сила с маху навалилась на сидящих в креслах кроков. Она, словно огромная кувалда, вгоняла звездолет в пространство, пробивала его, доставая до изнанки материального мира.

Томительно ползли секунды…

Толчок – залп главного калибра звездолета челов обрушился на еще затягивающуюся прореху во Вселенной и, словно гигантская тестомешалка, перемешала виртуальность и реальность. И «тесто» пошло – пространство вспучилось, выдулось и тут же лопнуло – виртуальность схлопнулась сама в себя. Ударная волна рванулась по проделанному гиперпространственному тоннелю и вышвырнула «Ускользающий» в реальность.

Бело-голубым светом вспыхнул монитор переднего обзора.

– Всемогущий Картан! Планета по курсу!

«Выдутый» из гиперпространственного тоннеля, будто пулька из духового ружья, звездолет кроков несся прямо на бело-голубую планету, уже заполнившую собой половину экрана.

О'Крисс Волн судорожно потянулся к панели управления. Несколько быстрых движений. И вновь крупная дрожь пробежала по телу корабля – двигательная установка начала толкать звездолет вбок, пытаясь увести с гибельного курса. Тут же включился носовой двигатель торможения, замедляя скорость корабля, выигрывая время для осуществления маневра.

Но хорошо плюс хорошо не всегда бывает чудесно. Перечеркивая все надписи, на экране монитора вспыхнул красный транспарант: «Перегрузка выше критической! Автоматическое снижение тяги» – два реактивных импульса: двигателя коррекции и двигателя торможения, сложившись, превысили допустимый порог. Бортовой компьютер, получив данные со своих многочисленных датчиков, спасая корабль, мгновенно уменьшил тяги обоих двигателей.

– Натрак! Не так же надо было! – командир «Ускользающего», лихорадочно нажимая кнопки на пульте управления, пытался исправить ошибку электронного мозга.

Тут же выключился тормозной двигатель, зато вновь в полную мощь зарокотал двигатель коррекции. Но где-то там, в высших сферах Весы Судьбы уже неотвратимо качнулись в одну сторону – груз невезения и ошибок перевесил Фортуну десятка кроков «Ускользающего». По размашистой дуге звездолет уходил в сторону от планеты. Но в одном месте дуга все же соприкоснулась с густой гривой атмосферы – на скорости нескольких десятков километров в секунду звездолет начал сминать роскошную шевелюру бело-голубой красавицы.

Это оказалось тем редким случаем, когда кашу маслом все же испортишь.

Андрей Кедров поддал носком армейского ботинка тонкую проволоку и прыгнул в овраг. И тут же за его спиной что-то зашипело, засвистело и началась настоящая пальба – красные, белые, зеленые, синие заряды, издавая неимоверный шум, выстреливали вверх и на высоте нескольких десятков метров взрываясь, расцветали роскошными хризантемами. Случись такое в боевых условиях – эта «музыка» и «цветочки» вполне сошли бы за похоронные, для невнимательного диверсанта. На известное и пристрелянное место тут же обрушился бы шквал огня.

Не обращая внимания на развернувшуюся за его спиной какофонию, лейтенант быстро вскарабкался по противоположному склону оврага наверх и быстро подбежал к заранее облюбованному кусту, на ходу вытаскивая из «Выдры» саперную лопатку.

«Теперь как учили, осторожно снимаем дерн, землю в куст, – Андрей споро готовил себе укрытие, – теперь дерн кладем по краям ямки. Все. Упал, замер, ждать».

А на противоположной стороне оврага все еще фонтанировала разноцветными огнями сигнальная мина. Неожиданно в ее свистящие и взрывающиеся звуки вплелся низкий гул. Быстро нарастая, он через минуту заполнил собой все вокруг.

«Господи, а это что? О таких РДГ ничего не сообщалось», – Кедров, задрав голову, смотрел на быстро приближающийся к земле странный, практически черный самолет.

В чем его странность, лейтенант-десантник сразу и не смог определить. Вернее, странным в этом летательном аппарате было все, начиная от какой-то экзотичной черной окраски и кончая неестественно маленькими для такого самолета крылышками. Никаких опознавательных знаков Кедров не увидел.

Самолет, тем временем, с угрожающим гулом приближался к земле и был уже на высоте не более километра. Но даже на таком расстоянии от него ощутимо исходило тепло.

«Что за чертовщина такая», – Андрей неожиданно почему-то подумал, что оружие у него и его группы, по сути, нет. Автоматы, стреляющие шариками с краской, естественно, не в счет.

Мужчина потянулся к рации. «А если это все же экзамен, а я тут панику подниму. Точно в ГРУ не попаду», – рука десантника замерла.

В ста метрах от земли, когда Кедров уже подумал, что случится авария и чудной самолет врежется в землю, тот неуловимо как-то трансформировался, и вот уже перед ошеломленными людьми предстала классическая летающая тарелка. Еще несколько мгновений, по периметру черного диска что-то сверкнуло ярко-синим, раздался треск ломающихся деревьев и таинственный летательный аппарат замер на дне оврага.

Густая горячая волна обдала Андрея, словно он находился рядом с доменной печью.

«Господи, да что это?»

– Всем находиться на своих местах, – Кедров не узнал своего голоса, раздавшегося из динамиков под каской, и тут же из наушников раздался такой сильный треск, что их пришлось выключить.

«Глушилку включили», – догадался Андрей.

Он бесшумно скользнул к краю оврага. Что его толкнуло на это, он и сам толком объяснить себе не мог. Сложный коктейль из любопытства, интуитивного чувства, что происходит нечто необычное, желания оказаться на высоте в этой ситуации и благодаря этому остаться в элите российской армии. Пожалуй последнее было определяющим.

Андрей осторожно высунулся из-за края и посмотрел вниз. На «тарелке» бесшумно что-то сдвинулось, и обозначился черный провал люка.

На «Ускользающем» тревожно взвыли сирена, предупреждая, что температура обшивки достигла критической величины – звездолет, не приспособленный к полетам в плотных слоях атмосферы, стремительно разогревался.

– Через пятнадцать секунд взрыв! – не говорил, прокричал второй пилот.

Старый космический волк О'Крисс Волн вновь мгновенно оценил ситуацию и принял последнее в своей жизни правильное решение. Его правая рука схватилась за небольшой рычаг на пульте управления и дернула на себя. Мгновение спустя в районе кормового отсека сработала система аварийной эвакуации разведывательной капсулы – один пирозаряд вскрыл люк, а второй вытолкнул в него черное десятиметровое тело «Малютки». И тут же в образовавшийся проем ворвался раскаленный поток воздуха. Горячая плазма, имеющая скорость около десяти километров в секунду, быстро добила агонизирующий корабль.

Предупреждающий сигнал сирены раздался одновременно с вспыхнувшим транспарантом: «Аварийная эвакуация».

О'Кнопп Зарк, командир капсулы, впрочем, как и все члены десантного отряда, с тревогой прислушивался к звукам и толчкам, доходившим до «Малютки», стоящей в отсеке «Ускользающего».

Судя по мощному толчку, прокатившемуся по звездолету, едва они успели нырнуть в гиперпространство и едва не сорвавшего «Малютку» с креплений, челы успели таки нанести удар до того, как закрылось гиперокно.

«Значит, мы вышли из гипера не в расчетной точке. Но где?», – вспыхнувший транспарант: «Аварийная эвакуация» дал Зарку ответ на этот вопрос. Как пилот пилота он понял действия Волна – тот спасал то, что можно еще спасти, даже ценой нескольких лишних секунд своей жизни и жизней, оставшихся на борту «Ускользающего» кроков. Хотя, разве могут быть секунды жизни лишними? Но время на философствование не было – разведкапсула на скорости под десять километров в секунду неслась к неведомой планете – как показал оживший вслед за сиреной экран наружного обзора.

«Хоть бы «Малютка» выдержала и не сгорела».

Вновь перегрузка навалилась безжалостной тяжестью – автоматика, не дожидаясь команд, начала спасать разведывательную капсулу – выдвинулись крылья, заработал тормозной двигатель.

На экране, в белой дымке мелькнула какая-то обширная ровная поверхность, насыщенного синего цвета.

«Океан, – догадался Зарк, – значит наверняка планета обитаема».

За десять лет службы в Объединееном Флоте он немало насмотрелся на всевозможные водоемы на различных планетах. Видел он и синие, и зеленые, и желтые колыбели белковой жизни.

Командир разведкапсулы привычным движением включил систему невидимости.

«Поди знай, как далеко зашла эволюция на этой крошке. За несколько миллионов лет, как правило, амеба умудряется превратиться в существо разумное. А то, в свою очередь, почему-то стремится обзавестись боевыми лазерами или ракетами с термоядерными боеголовками. Сшибут и даже не извинятся».

Неизвестный океан красиво блестел под своим солнцем.

«Было бы неплохо приводниться. Меньше всего хлопот».

Но могучая инерция волокла «Малютку» дальше. На монитор компьютер стал выводить первые сведения, собранные о планете.

«А что, вполне комфортно. Кислорода чуть меньше, чем у нас. Но говорят, что это даже полезно. Тяжесть тоже чуть меньше нашей. Температура, влажность – как на курорте. Я бы на пенсии согласился здесь жить».

Коротко пискнул датчик обнаружения жизни, и тут же на мониторе возникло увеличенное изображение какого-то города.

«Да, здесь царят уже явно не амебы. Интересно, кто? Это часть Вселенной полностью заселена челами, исключений не было. Так что, Кнопп, на гостеприимство не рассчитывай. Хоть бы не засекли».

Под «Малюткой», тем временем, уже простирался огромный горный массив, верхушки гор которого, были покрыты белым снегом. Скорость упала до двух километров в секунду, высота до шестидесяти километров.

«А ведь уцелеем. Температура обшивки на пределе, но система охлаждения справляется. Спасибо тебе, Волн».

Монитор высвечивал простирающиеся под кораблем леса, степи, реки. Датчика обнаружения жизни звенел уже постоянно, выводя на экран города, дороги, правильно расчерченные поля, покрытые какими-то растениями, явно посаженные разумными существами.

Вскоре скорость разведывательной капсулы стала меньше километра в секунду.

«Пора выбирать место для посадки. Осмотримся, проверим системы корабля, а там будем решать, что делать дальше. И подальше от этих городов», – Зарк еще внимательней стал вглядываться в экран.

Через пятнадцать минут скорость полета упала до приемлемого для посадки уровня. Под кораблем простирался густой лес, где-то слева блестела река. Мелькнул неглубокий овраг, окруженный плотно подступившимися к нему деревьями и кустами.

«Как раз то, что нужно. Лучшей маскировки я вряд ли найду», – руки чуть двинули штурвал, выводя «Малютку» на курс вдоль оврага.

«А вон и подходящее место», – монитор показывал в десятке километров впереди расширение оврага, словно кто специально оборудовал там посадочную площадку. Лишь несколько деревьев росло на ней.

Зарк навел на удобное место перекрестие и нажал кнопку включения системы автоматической посадки.

– Десантной группе приготовиться! Осмотр местности в радиусе километра.

Компьютер выполнил посадку безукоризненно. Лишь на мгновение мигнуло изображение на экране – электронный мозг отдал команду на трансформацию корабля, но тут же «картинка» восстановилась. Под действием коротких электрических импульсов миллионы тончайших углепластиковых нитей разжались, еще миллионы таких же нитей сжались, превращая вытянутый цилиндрический корпус «Малютки» в диск. На секунду взвизгнул электромагнитный двигатель посадки…толчок. Есть посадка!

Но работа компьютера на этом не закончилась. Распахивается люк и хлестко звучит команда:

– Десантная группа, вперед!

Все происходило как в плохом сне. Из люка выскочили четыре человека в черной униформе и такого же цвета шлемах. Нет, не в униформе, скорее это были скафандры – уж больно гладкими, без единой морщинки они выглядели. В руках у всех было что-то похожее на автоматы. Один из них, очевидно старший, сделал какой-то жест рукой. Двое тут же обогнули «тарелку» и стали быстро взбираться по противоположному от Андрея склону оврага наверх. Двое ринулись прямо на замершего человека.

«Да кто это? Диверсанты, инопланетяне? Что за чушь, какие инопланетяне. Значит…значит надо брать! Это мой шанс! Но как брать?»

Додумать Кедров не успел. Очевидно у «черных» был какой-то сигнализатор обнаружения присутствия живого существа. Не добежав до человека метров десять, они, как по команде рухнули на землю, стволы их автоматов недвусмысленно повернулись на куст, рядом с которым притаился Кедров.

«Засекли, – Андрей отпрянул от обрыва, – черт, что же делать? Они же фактически безоружны. Надо немедленно сообщить командованию. Не могли же они заглушить «Арбалет[3]», – мысли телеграфной лаконичности лихорадочно проносились в голове.

Он быстро выхватил рацию, нажал кнопку включения и тут же раздался сильный треск.

«Черт, и «Арбалет» заглушили! Что же делать?»

Натренированным слухом он уловил легкий шорох за обрывом. Кедров вздрогнул, нет не от шороха. Один из «черных», который поднимался по противоположному склону оврага, долез до верха и смотрел прямо на Андрея. Оружие в его руках рывком направлялось на затаившегося лейтенанта.

«Сейчас меня будут убивать», – понял россиянин.

Последние мгновения перед десантом на чужую планету.

«Первый десант в моей жизни! – сердце неистовствует в груди, пальцы намертво впились в лучемет, – каким он будет? Что ждет меня по ту сторону брони? Какие-то невиданные твари или еще хуже – челы? Ничего, роду Скарбов всегда везло. Все мои предки, начиная с легендарного адмирала А'Красса Скарба, главнокомандующего нашим Объединенным Флотом

в знаменитой битве при Хантеи, становились или крупными чиновниками или военоначальниками. Повезет и мне».

Крышка люка бесшумно отъехала в сторону. Непривычно яркий свет, чуть приглушенный светофильтрами шлема, брызнул из проема.

В шлюзовом отсеке громыхает:

– Десантная группа вперед!

Первым из корабля выпрыгнул О'Барри Сорн.

«Все, моя очередь», – глубокий вдох, прыжок.

Десантные ботинки мнут непривычную для глаз зеленую траву. Над головой чужое, отливающее голубизной, небо, в котором полыхает небольшое желтое солнце этого мира.

– Второй и третий, обследовать склон напротив люка, – голос командира десантной группы майора Вулка рокочет под шлемом, – четвертый, со мной.

О'Харра и О'Барри устремляются по пологому откосу вверх.

Противно визжит датчик обнаружения жизни. На внутренней поверхности лицевого щитка шлема тут же запульсировала красная точка – направление на цель.

Два крока мгновенно растягиваются плашмя.

– Первый, обнаружена биологическая жизнь. Расстояние двадцать метров, – О'Барри Сорн быстро передавал данные, высветившиеся у него на щитке, командиру группы, – масса восемьдесят – сто килограммов. Цель неподвижна.

Тон сигнала тут же изменяется.

«Ушел от обрыва, – догадался А'Харра, – интересно, что это, чел или зверь».

– Третий, сблизится с целью на визуальный контакт. Второму обеспечить прикрытие. Я сейчас поднимусь повыше и помогу вам.

– Поняли, выполняем, – О'Харра вскочил с земли и пригнувшись, стал подниматься наверх.

Шаг, второй, третий.

– Осторожно, там чел! – хлестнул командирский голос из динамиков.

Мышцы, натасканные за годы учебы в институте, сработали автоматически. Боковой кувырок в сторону и тут же, руками вперед, прыжок на звук.

По черному скафандру Андрей бил прикладом – он не знал, что собой представляет черная ткань и можно ли ее пробить ножом. «Черный» рухнул как подкошенный. Его напарник лежал в метрах десяти и пытался прицелиться в Кедрова. Плюс двое наверху, на противоположном склоне.

Несмотря на жесткий стук приклада о шлем, лейтенант российского спецназа до конца все еще не мог поверить в реальность происходящего.

Черный самолет, превратившийся в «тарелку», выскочившие оттуда люди в черном с автоматами в руках – ни на одну из ситуаций, которые рассматривались в институте или здесь, на базе, это не походило.

«А если это все же только экзамен? А я одного хорошо прикладом приложил…», – Андрей сгруппировался и, едва коснувшись земли, тут же откатился в сторону.

Вспышка и яркий тонкий луч, протянувшийся из «автомата» второго «черного» выжег траву в нескольких сантиметрах от россиянина.

«Твою мать!», – столь нестандартную ситуацию мозг смог прокомментировать только таким, наиболее универсальным способом. На более глубокий анализ времени не было – надо было выживать.

«Уйти от выстрела! Куда? Дальше по склону вниз? Так удобно, но «черный» тоже так подумает», – Андрей с гортанным криком бросает свое тело вверх по склону. Расчет удался – трава задымилась ниже.

Большой палец рвет переключатель огня вниз.

«Успею!», – спусковой крючок легко утапливается вверх.

Да, в магазинах автоматов разведгрупп «синих» и «красных» вместо полновесных девяти миллиметровых СП-6[4] были баллончики с краской. Но в подствольниках у командиров групп было по одной сигнальной ракете – экстренная SOS, если другими способами вызвать помощь было невозможно.

Конечно, сигнальная ракета – это не кумулятивная граната. Но свои полновесные пятьдесят грамм веса она имеет. А если добавить к этому сто метров в секунду на выходе из ствола – кувалда получается – будь здоров!

Ответного выстрела «черного» не последовало. В два прыжка Кедров достигает распластавшегося на земле тела. Рука хватает «автомат». Есть! Прыжок в сторону. Оглядеться. Первый «черный», «приласканный» россиянином уже стоит на коленях, и пытается навести свой «автомат» на Андрея. А остальные двое…Их просто невидно! Он ушел в тень их «тарелки»

«Ай да Кедров, ай да молодец», – догадаться, где находится спусковой курок у «автомата» «черных» – для этого не надо оканчивать воздушно-десантный институт: анатомия рук и принцип применения оружия те же.

И вновь воздух прочерчивает яркий луч. Очевидно силой нажатия на курок у «черных» регулировалась мощность светового импульса, а Андрей, в азарте боя, нажал на него, что называется, от души. Световая шпага пробила его противника насквозь. Инстинктивно, Кедров повел «автомат» в сторону. С ужасом и любопытством землянин смотрел, как разрезается чужая плоть…

Что-то ударило в правую руку, и красное пятно расползлось по рукаву. Не чувствуя боли, лейтенант мгновенно крутанулся на месте, разворачиваясь в сторону удара и тут же осознавая, что это в него стреляли свои, резиновым шариком с краской.

Лейтенанту Шустрову со своего укрытия было прекрасно видно все происходящее в овраге. В отличие от Кедрова, он сразу инстинктивно понял, что это враги. Чужие – всплыло в голове, и легкий холодок поселился где-то между лопаток. Разведчик видел, как его командир группы в прыжке завалил одного «черного», как, увернувшись от лазерного луча, он сигнальной ракетой обезвредил второго, как сумел завладеть грозным оружием. Видел он и как двое чужих сбегали вниз по склону и заходили в тыл Кедрову, кромсавшего одного из них. Докричаться до Андрея Шустров не мог – вся радиосвязь глушилась «тарелкой». Оставалось одно…

Слава Шустров прыжком выдернул себя из укрытия, палец нажал на курок. Первые «пули» ударили в спину чужаков и заставили их инстинктивно обернуться. Он еще сумел довернуть ствол и «ранить» своего товарища, прежде чем два ярких луча скрестились на нем.

– А-а-а! – видя смерть товарища, Кедров, оскалившись, повел «автоматом» на уровне животов «черных».

Тонкий, не толще иголки, световой поток устремляется к цели и тут же гаснет.

«Разрядился! Все!»

Два ствола поворачиваются в его сторону.

«Не уйти…»

Вспышки Андрей не увидел, будто просто выключили свет.

«Странно, и совсем не больно…»

Глава 3

– Товарищ полковник, Вы читали эти рапорта своих подчиненных? – военный следователь полковник Ракитин положил на стол перед Кардышевым несколько густо исписанных листков бумаги.

Комбат скользнул по ним взглядом, не беря в руки:

– Так точно.

– И все? И это все, что Вы можете мне сказать?

– А что мне еще говорить? Я там, к сожалению, не был. А своим подчиненным я привык верить.

– И даже верить этому? – следователь резко ткнул рукой в белые листки бумаги.

– И даже этому, – комбат спокойно выдержал гневный взгляд гостя из Москвы.

– Товарищ полковник я вынужден думать, что Ваши люди или психически ненормальные, или что-то скрывают.

– Прежде чем направить человека сюда, его проверяли тщательней, чем космонавта. Не забывайте, что одной из задач спецназа ГРУ является уничтожение ядерных средств нападения противника, диверсионная деятельность в его тылу, в том числе, с применением мобильных ядерных средств, а также уничтожение видных военных и политических деятелей враждебных государств.

– Мне не хуже Вас известны задачи Главного Разведывательного Управления.

– Поэтому этим людям необходимо доверять абсолютно, – не обращая внимания на реплику следователя, продолжал командир батальона полковник Кардышев, – потому что проверяли их абсолютно. Малейшее сомнение в чем-либо и человека отбраковывали. Поэтому, если моих людей считать психически ненормальными, то тогда все остальные должны быть пациентами дурдома!

– Тогда они что-то скрывают!

– Я уже сказал, что своим людям доверяю абсолютно!

– Значит, скрываете, что-то Вы!

– Послушайте, полковник! Пусть мои люди, что-то скрывают. Но как Вы объясните тот факт, что все камеры наблюдения в радиусе километра от того места, где был убит лейтенант Шустров и бесследно исчез лейтенант Кедров, были выведены из строя?

– Вот именно! ПВО никакого неопознанного летающего объекта не обнаружило. А единственное, что еще беспристрастно могло подтвердить написанное здесь, – вновь гневный тычок по бумагам на столе, – выведено из строя. А принцип: «Is fecit, qui prodest» – сделал тот, кому это выгодно, еще никто не отменял. А чтобы не работали камеры видеонаблюдения, выгодно было Вашим людям, полковник!

– Да как они могли их сломать? Да и зачем было ломать целых сто сорок штук в радиусе километра! Достаточно было вывести из строя всего несколько, непосредственно на месте происшествия.

– Ну, удивляться, что спецназ обнаружил и вывел из строя спецтехнику, Вам, полковнику спецназа, не с руки. А зачем было уничтожать камере в радиусе целого километра? Да просто, чтобы не все было так явно.

– Вы говорите чушь, полковник!

– А это мы еще посмотрим, кто говорит чушь, полковник! Пока еще полковник!

– Как Вы смеете!

– Смею, полковник! Уверяю Вас, что смею. Одно дело, когда случается ЧП в воинской части. И совсем другое дело, когда своих подчиненных, виновных в этом ЧП, по неизвестным пока причинам, пытается выгородить командир этой части. А может Вы вообще организатор этого ЧП? Согласитесь, складывается довольно таки странная картина. В Главное Управление Военной прокуратуры приходит запрос с прокуратуры на некоего Кедрова Андрея Олеговича, тысяча девятьсот восемьдесят пятого года рождения, выпускника Рязанского института воздушно-десантных войск. Оказывается этот Кедров устроил пьяный дебош в Воронежской области, на родине своей матери и покалечил нескольких людей. И еще оказывается, что этот Кедров направлен в Ваш батальон, полковник, для подготовки и сдачи экзамена в спецназ ГРУ.

– Кого мне направить решаю не я.

– Согласен, к счастью решаете не Вы, – Ракитин с удовольствием наблюдал, как лицо Кардышева пошло красными пятнами.

«Вот так. А то возомнили себя чуть ли не полубогами. Как же! Элита Российской армии, крутизна дальше некуда. А сколько раз в Чечне вас боевики как куропаток подстреливали? А в Беслане как обосрались? Да и с Басаевым сколько возились. Будто он скрывался по всему земному шару, а не в крохотной Чечне. Так что сиди, полковник, слушай и красней».

Полковник военной прокуратуры с удовольствием затянулся «Кемелом» и продолжил:

– Но именно Вы, почему-то, даже получив информацию на этого Кедрова и зная, что по его душу выезжает следователь, назначаете его командиром разведывательно-диверсионной группы.

– Учебной группы.

– Пусть. Это сути не меняет. А суть в том, что во время проведения экзамена этот Кедров таинственным образом исчезает, а его товарищ лейтенант Шустров, также таинственным образом погибает. А может он погиб именно потому, что каким-то образом пытался помешать таинственному исчезновению Кедрова?

– Вы правы, мешал. И это здесь изложено, – Кардышев кивнул на листки бумаги.

– Шутить изволите, полковник, – Ракитин с улыбкой глубоко затянулся сигаретой, – ну-ну. Я посмотрю, как Вы будете шутить, когда предстанете перед Высшей аттестационной комиссией. А Кедрова мы найдем, хоть из-под земли достанем. Может подскажите, где искать? Так сказать, для облегчения вины.

– Мне полковник, скрывать и бояться нечего. Не такие пугали. А где лейтенант Кедров я не знаю. Хотя бы тоже хотел это узнать.

– Зачем ты убил человека? Ты что не понял, что этот черный летательный аппарат и люди из него – часть экзамена?

– Но товарищ следователь, все было настолько правдоподобно, что я действительно поверил, что это инопланетяне. А «Арбалет» они заглушили, так что связаться с командованием было невозможно.

– Думал-подумал! Интересно у тебя получается. Сначала людей калечишь, потом, через три месяца уже убиваешь. А через год, что, какую-нибудь страну на хрен уничтожишь?

– Товарищ следователь, я…

«Макаров» в руке следователя коротко дернулся назад.

– О, укол подействовал, он, по-моему, начинает приходить в себя.

– Похоже.

– Товарищ следователь, я же не специально его убил…только не стреляйте, выслушайте…

– Активируйте коммутатор, он что-то бормочет.

– Уже активирован.

– Я очень хотел попасть в спецназ, поэтому так получилось…

– Гм, какой архаичный язык. Коммутатор еле справляется. Сделайте ему еще один укол, чтобы быстрее в себя пришел.

Мрак рассеялся мгновенно, будто включили свет. Три человека в странных красных халатах смотрели на Андрея сверху вниз.

– Он пришел в себя, – приятный мужской баритон зазвучал на фоне каких-то каркающих помех.

– Такой экземпляр чела нам еще не попадался. Неандерталец прямо какой-то, – вновь мелодичный голос на фоне карканья. На слове неандерталец мужской баритон чуть споткнулся.

Сознание окончательно прояснилось. И мозг, наконец-то, связал шевеление губ у стоящих людей с каркающими звуками.

«Синхронный перевод. Вот только что за язык? Уж точно не из европейских».

– Это должно нас радовать, – невысокого роста полный мужчина посмотрел на стоящего рядом с ним высокого пожилого человека, с красивым, каким-то властным лицом, как бы ища в нем поддержку своих слов. – Подтверждается теория академика Барка. Чем дальше цивилизация челов находиться от их Центра, тем технологически она менее развита. Самые развитые челы, априи, наиболее близко находятся к Центру. Кроссы на пятьсот световых лет расположены дальше и они уже заметно отстают от априев. А этого вообще привезли черте откуда. Так он разве что шерстью не покрыт.

«Может какой-то кавказский язык. Да нет, у тех гортанные звуки, а здесь какие-то каркающие…»

– Да, подтверждается…варвар какой-то, – пожилой мужчина неотрывно смотрел на лежащего перед ним Кедрова.

– Я понимаю Ваши чувства, генерал Сарб. Из-за него погиб Ваш племянник…

Смысл разговора начал постепенно доходить до Кедрова.

«Господи, да что я думаю», – «картинка» недавнего боя красочно развернулась перед глазами.

Опускающаяся черная «тарелка». Люди в черном. Его отчаянный прыжок на одного из них. Выстрел из подствольника сигнальной ракетой в другого. Затем отчаянный слалом между лазерными лучами. Странное, незнакомое оружие в его руках и восторг вперемешку с ужасом при виде разваливающегося под лучом человеческого тела.

«Это же инопланетяне. Да, что называется, произошла горячая встреча».

– О'Харра Сарб погиб, как и его отец, с оружием в руках, для процветания цивилизации кроков, нашей цивилизации. И мое чувство сейчас, это чувство гордости за своего племянника.

– Лучше не скажешь, господин генерал!

– И чувство радости, радости, что академик Барк, похоже, не ошибся. А если так, то челы исчерпали запас своих людских ресурсов. Ну не садить же эту обезьяну в рубку крейсера?

По раздавшемуся еще более отрывистому карканью Андрей понял, что «красные» рассмеялись.

«Ну-ну, воронье, еще посмотрим, кто из нас обезьяна».

– Он, по-моему, уже полностью очухался.

– Вы правы, господин генерал, – заговорил молчащий до этого третий «красный» – невысокий, с крючковатым носом мужчина средних лет, – наверняка он уже нас понимает.

– Тогда, Кролл, он твой. Выдои из него все, что он знает и даже не знает. А мы с господином Свилом пойдем в мой кабинет. Я побывал недавно на Артхериксе, и меня там научили удивительному способу приготовления крача. Вкус получается просто божественным. Вам он не может не понравиться, господин Свил.

– С удовольствием, генерал.

Двое «красных», еще раз взглянув на землянина, исчезли из его поля зрения. Оставшийся мужчина с крючковатым носом склонился над Андреем. Огромные, почти на все глазное яблоко, зрачки смотрели на человека. Узкая, ярко-желтая полоска окаймляла эти естественные линзы.

«Ну, началось», – Андрею стало страшно.

Почему-то вспомнилась какая-то картина, виденная в детстве – черный круг Луны заслонил Солнце и лишь полыхает на краю тонкая желтая полоска. А под ними, объятые страхом люди, стоящие на коленях. И вместо яркого солнечного дня серые мрачные сумерки.

– Не дергайся, – прокаркал «красный», – будешь себя хорошо вести, больно не будет, – на его лице мелькнула вполне человеческая улыбка.

Предостережение было излишним, – Андрей довольно быстро понял, что не может пошевелить ни одним мускулом. Лишь глаза по-прежнему повиновались ему. Оказалось не только.

– Да пошел ты, – россиянин произнес первые свои слова в этом чужом мире, удаленном на неизвестно сколько световых лет от родной Земли.

Откуда-то сбоку, из невидимого Андрею динамика, донеслись каркающие звуки.

«Перевод моих слов», – догадался он.

– Я так понял, ты сейчас произнес ругательство.

– Догадливый.

«Интересно, а как они узнали наш язык? Значит, они раньше прилетали на Землю?»

– Нет, на вашей планете мы раньше не бывали. Мы просканировали твой мозг и электронный переводчик, взял оттуда все, что ему надо. Я думаю, переводит он неплохо? – человек в красном халате дотронулся рукой до кольца на шее Андрея.

– А Вы еще и мысли читать можете?

– Можем, но не до конца. И не всю информацию можем извлечь. И чтобы уточнить некоторые нюансы, нужна твоя помощь. И не вздумай хитрить или вообще не отвечать. Я пойму это сразу. И как только пойму, тебе сразу будет больно. Ясно?

«Как там нас учили вести себя на допросах? Главное, постараться отрешиться от себя, выйти из своей оболочки. Забыть о ней и о том, что она знает, сделаться безразличным к ней, к ее страданиям», – Кедров закрыл глаза. Это единственное, что он мог пока противопоставить этим огромным черным зрачкам в желтой окантовке.

– Почему вы, русские, не любите американцев?

«Да, копались они в моей голове хорошо. Действительно, уточняют только нюансы…», – острая боль пронзила все тело.

– А-а-а, твою мать! Зачем же током бить? – Андрей вновь открыл глаза и с гневом посмотрел на своего экзекутора.

– Я предупреждал, не вздумай пытаться не отвечать.

– Потому что зажрались! – удар электротоком явно усилил искренность ответа.

– Постарайся объяснить, как ты понимаешь понятие «русская душа»?

– Ммм…сейчас, только попридержи свой аппарат, дай мне подумать. Значит так. Русская душа – это самопожертвование и трусость, величайшая глупость и гениальность. Это чернейший ад и светлейший рай. Если ты, конечно, поймешь, о чем я.

Невидимый динамик что-то долго каркал «красному». Тот внимательно слушал, не сводя глаз с землянина.

– Почему ради поступления в спецназ ГРУ ты решил атаковать нашу разведывательную капсулу? Ведь риски по этой профессии значительно превышают материальное вознаграждение за нее? – наконец последовал следующий вопрос. – Мы правильно расшифровали твои мотивы? Или это все русская душа?

«Зачем им все это? Почему не интересуются моей информацией о Вооруженных Силах России, характеристиками оружия. Да это они и без меня узнали. Сказано же, интересуются нюансами».

– Если ты не будешь отвечать, тебе снова будет больно.

– У нас, на Земле, многое, но не все измеряется материальным эквивалентом. Но ты прав, у русских это выражено сильнее. Русская душа…

«Умные, сволочи. Понимают, что голые цифры – это еще не все, чтобы завоевать планету».

– Экспансия Востока – главная проблема сегодня для Запада. Почему же Россия, США, Западная Европа не действуют единым фронтом? Почему Россия даже в какой-то мере поддерживает экспансию Востока? – допрос продолжался.

– Присаживайся, – Сарб кивнул на глубокое кресло.

Здесь в кабинете бригадного генерала Сарба, вдали от посторонних глаз и ушей, эти двое кроков могли позволить себе отказаться от официальных обращений и перейти на ты.

– Спасибо. С нетерпением жду обещанного божественного вкуса.

– В состав божественного вкуса обязательно должно входить и ожидание его.

Хозяин кабинета и его посетитель рассмеялись.

– Минуточку, Тори, – Сарб открыл дверь, расположенную за его письменным столом и скрылся в комнате отдыха.

«Интересно, он и меня пишет?» – посетитель, откинувшись в удобном кресле обводил глазами знакомую обстановку кабинета.

Несколько небольших картин известных художников, минимум мебели – рабочий стол с креслом, небольшой столик за которым он сейчас сидит с двумя креслами, хурнум – небольшое редкое дерево с далекой Артории, по поверьям, наделяющее мудростью всех, кто рядом с ним находился. Пожалуй и все. Да и голография: хозяин кабинета и Президент на рыбалке.

«Наверное, пишет. Профессия у него такая – все знать и на всех иметь компромат. Ну ничего, пусть пишет. За этот разговор я точно не попаду на Гамед».

– Прошу, – хозяин кабинета подошел к столу и поставил на него поднос с двумя большими бокалами крача.

– А что это за розовое сверху?

– А в этом все и дело. Попробуй!

Свил осторожно сделал глоток, замер, прислушиваясь к ощущениям. Затем его лицо расплылось в довольной улыбке.

– Действительно божественно.

– А я что говорил.

– Не поделишься секретом?

– Вообще я больше привык выведывать секреты, – хозяин кабинета тоже сделал глоток.

Вновь двое мужчин рассмеялись.

– Как я уже сказал, все дело в этом розовой пене. Это шарс. Его получают от набов, это что-то вроде наших дрохов, только еще мельче. Водятся только на Артхериксе. Шарсу дают забродить, получается что-то в виде патоки. Эту патоку добавляешь к обычному крачу, взбиваешь миксером и, пожалуйста, божественный напиток готов.

– Действительно, божественный, – Сарб сделал большой глоток.

– Торри, только я тебя предупреждаю, при брожении шарс набирает довольно много градусов.

– Я это уже почувствовал. Я же сказал, божественный напиток!

– И довольно прост в приготовлении, – бригадный генерал выжидающе посмотрел на собеседника, приглашая продолжить тему.

Тот понял этот взгляд:

– Если бы так же просто можно было приготовить нашу победу над челами.

– А победа нужна. Иначе зачем мы? Людей, не справляющихся со своими обязанностями, меняют.

– Ты прав, Локки, таких людей меняют, – проговорил О' Торри Свил, задумчиво глядя на фотографию улыбающихся Сарба и Президента Норка. – И последние события весьма способствуют этому, – через паузу добавил он.

– Способствуют. И чем больше мы будем только говорить об этом, тем больше у нас шансов лишиться своих постов. А если после выборов поменяется Президент, то не только постов, но и головы.

Свил отлично понял, что хотел сказать Сарб. Уже давно лидер крупнейшей оппозиционной партии Харк кричит в парламенте и на всех телеканалах, что в последних неудачах в войне с челами виновата высшая военная верхушка Содружества Свободных Планет.

– Если Харк придет к власти, он устроит над нами показательный суд, – вслух подытожил он свои размышления.

– Устроит, – легко согласился Сарб. – Весьма эффектный ход. На скамье подсудимых бывший Верховный Адмирал Объединенного Флота кроков…

– И бывший директор Службы Государственной Безопасности, – закончил Свил.

В кабинете повисла тягостная тишина.

– Нам нужна победа, – наконец проговорил Верховный Адмирал.

– Нам нужна победа, – как эхо откликнулся Директор Службы Государственной безопасности.

– Громкая победа.

– Эльдурас?

– Да.

Когда вчера Сарбу по защищенной линии связи позвонил Свил и попросил о встречи, матерый разведчик мгновенно догадался о чем пойдет речь. Последние два года для Содружества Свободных Планет складывались из рук вон плохо. Вначале вроде бы мелочь – челы сумели восстановить свой контроль над Малой Горлендой – планетой в системе Атавар, богатой железом. Но сейчас железо не являлось насущной проблемой. Во-первых Большая Горленда – главная сырьевая база кроков по железу была надежно защищена и челы на нее даже но посягали. А во-вторых, и это было главное, железо постепенно сдавало свои позиции. Небольшие добавки поистине волшебного металла тардиса, добываемого с нечеловеческими усилиями на Гамеде, в сердечник нуль-континиумм генератора и технология гиперпространственных полетов из разряда теории перешла в практику. Жаль только. Что тардис добывался пока в ничтожных количествах.

Но затем челы сумели захватить исконно кроковскую территорию – планету Эльдурас – главную перевалочную базу между Содружеством Свободных Планет и их колониями в третьем секторе Метагалактики. Теперь снабжение колоний стало возможным только сверхмощными транспортными звездолетами, способными делать гиперпереходы на пять тысяч световых лет. Да и вес полезного груза на такой гигантский прыжок выходил мизерным. Это все равно, что пипеткой попытаться наполнить бассейн. Поэтому захват челами колоний третьего сектора стал делом времени. Беспощадный стратегический анализ отвел им шесть лет. Потом принцип домино – рухнет одна костяшка, тут же вторая и вот уже над поверженными колониями развивается ненавистный желто-красный флаг челов.

Неудивительно, что рейтинг О'Ролли Норка – Президента Содружества Свободных Планет стремительно покатился вниз. А его попытки помириться с челами лишь ускорили это падение. С учетом предстоящих очередных выборов Президента через полгода, это уже было не падение, а катастрофа. И катастрофа не только Президента Норка и не столько его. Короля играет свита, Президента – окружение, его соратники и креатуры. Плох Президент – плохое окружение. Это аксиома. Если не Президент поменяет такое окружение, то его поменяет…следующий Президент. И это тоже аксиома. И хорошо, если просто поменяет. Если Президентом Содружества будет Харк, он одним увольнением не ограничиться.

– Это будет не просто, – усилием воли Сарб отогнал от себя невеселые мысли.

– Другого выхода нет. Завтра я свое предложение доложу Президенту. И я хочу, чтобы ты, Локки, поддержал меня.

Взгляды собеседников встретились.

– Я тебя поддержу, – наконец проговорил директор Службы Государственной безопасности. – Но я повторяю, Эльдурас так просто не возьмешь – челы отлично понимают его важность для нас. План освобождения Эльдураса должен быть поистине блестящим, иначе Норк с нами не согласиться. После всех этих поражений он и от падающего листа дрожит. Боится, что тот ему голову расшибет.

– Я это понимаю. Поэтому и прошу твоей поддержки. Ты должен убедить Президента, что сможешь вскрыть дислокацию сил челов у Эльдураса. Тогда мы вынырнем из гипера там, где нас никто не ждет. А это, как ты понимаешь, половина успеха.

– Так вскрыть или убедить, что вскрою? – Сарб чуть шевельнул уголками губ в улыбке. – Допустим, что я не сумею узнать дислокацию флота челов или недостаточно ее узнаю, или проглочу дезу, и наш флот потерпит поражение, что тогда?

Свил несколько раз открывал и закрывал рот, не в силах подобрать нужные слова для убеждения своего собеседника.

Глядя на эту мимику Верховного Адмирала Сарб уже улыбнулся в открытую, широко.

– А я скажу, что тогда будет. Тогда единственным виновником всех неудач кроков признают меня, бригадного генерала, директора Службы Государственной безопасности О'Локки Сарба. А я не хочу, чтобы ко всем моим титулам добавился еще один – дрох отпущения.

– Но генерал Сарб, – Свил в раздражении вновь перешел на официальный тон, – в конце концов, разведка сил челов – это Ваша прямая обязанность.

– Верховный Адмирал Свил, я хорошо помню свои обязанности и я буду их выполнять. Также как и Вы должны выполнять свои обязанности – успешно воевать с челами!

– На основе достоверных разведданных!

– Они у Вас будут! Достоверные! Но полные или не полные – я этого сказать не могу.

– И это Вы называете выполнением своих обязанностей?!

– Послушайте, Верховный Адмирал! Когда челы захватили Эльдурас, у них была далеко не полная дислокация наших сил. Да, не полная, – видя, что Свил что-то хочет возразить, рявкнул бригадный генерал. – Если бы она была полная, они бы не нарвались своим резервом на наше соединение легких крейсеров. И еще неизвестно, чем бы закончилось сражение, если бы Адмирал Второго Флота Горб был чуть порасторопней! Подбирать и учить своих командиров нужно, Свил, а не требовать полные разведданные.

– Жаль, что мы не нашли взаимопонимания, – Верховный Адмирал поднялся с кресла, – но я все равно завтра буду разговаривать с Президентом и предлагать ему санкционировать разработку операции по освобождению Эльдураса.

– Что ж, я выскажу господину Президенту те же соображения, что и Вам. До свидания, господин Свил.

– До свидания, господин Сарб.

«Сам сказал, что надо что-то делать, а не болтать и сам же не выполняю сказанное», – директор Службы Государственной безопасности, недовольно поджав губы смотрел на захлопнувшуюся за Верховным Адмиралом дверь кабинета. – А если у Свила получиться освободить Эльдурей? Что тогда? Этот же чванливый боров меня тогда съест и не подавится. И наверняка на мой пост пропихнет своего человека. Норк ему после такой победы не откажет. Да нет, не получится у Свила. Для этого надо иметь ум и мужество как у моего предка, легендарного А'Красса Сарба, – хозяин кабинета встал и подошел к одной из картин, висящих на стене.

Картина была посвящена знаменитой битве при Хантеи и также незатейливо и называлась «Битва при Хантеи». В ней Объединенный Флот кроков под командованием Верховного Адмирала А'Красса Сарба в труднейшем сражении сумел разгромить флот челов. Исход битвы был предрешен после фантастического, смертельно опасного маневра флагманского крейсера «Великий прорыв». А'Красс Сарб на нем осуществил облет Хантеи на предельно малой высоте на первой космической скорости! Челы такого явно не ожидали. Компьютеры их противокосмической обороны к такому маневру были не готовы, и не смогли точно навести на крейсер свои лазеры. Раскаленным метеором «Великий прорыв» пронесся на километровой высоте около двадцати тысяч километров. Жадное пламя слизывало броню, срывались и падали вниз защитные экраны, выли на последнем издыхании насосы системы охлаждения, от термонапряжений в отсеках звездолета так скрежетало, будто по души кроков явилось само олицетворение

зла – Натрак. Гравитационное поле планеты, словно праща, крутануло боевой крейсер на полоборота и вновь вышвырнуло в космос. Обугленный, ослепший из-за выгорания всех видеокамер внешнего обзора «Великий прорыв», словно легендарная Ароса, возродившаяся из огня, предстал перед флагманским крейсером челов. А'Красс Сарб наводил лазерные пушки главного калибра визуально, через уцелевший небольшой иллюминатор на носу «Великиго прорыва». Пятьсот мегаватт главного калибра с расстояния всего в сто километров буквально сожгли крейсер челов. Деморализованный такой неожиданной потерей, вражеский флот обратился бегство.

На картине был изображен кульминационный момент этого сражения – А'Красс Сарб с пылающим от ярости, перекошенным экстазом боя лицом держит руку на кнопке управления главным калибром. А в иллюминаторе виден пылающий звездолет челов.

«Стоп. Так я что не хочу, чтобы был освобожден Эльдурей? Я что предатель своей цивилизации? – директор Службы Государственной безопасности еще раз взглянул на знаменитого своего прадеда, – нет, я не предатель. Я хочу, чтобы Эльдурей был снова наш….Вот только, чтобы заслуга в этом была моя, а не этого Свила. И как же это сделать?»

Сарб отошел от картины, медленно пересек кабинет и остановился около хурнума. Небольшое дерево было искусно установлено в кабинете и создавалось впечатление, будто оно растет просто из пола.

«Так как же это сделать? – директор Службы Государственной безопасности погладил рукой шероховатый ствол и по давней привычке, когда нужно было обдумать какую-то сложную проблему, прислонился лбом к дереву.

Бригадный генерал в глубине души верил в древнюю легенду небольшого народца, безжалостно покоренного кроками столетие назад – это дерево наделяет мудростью всякого, кто к нему прикоснется.

Вскрыть полностью дислокацию человского флота, узнать систему барражирования, выведать схему расстановки датчиков контроля целостности пространства, отслеживающих выход звездолета из гиперпространства, было нереально. И директор Службы Государственной безопасности это отлично понимал. Одной технической разведкой этого не добудешь. Нужна агентурная разведка. И агент должен быть из высших эшелонов власти челов. А этого быть не могло. Не могло по определению.

Кроки и челы ненавидели друг друга. Причем ненавидели не за какие-то обиды, нанесенные этими цивилизациями друг другу. Причина ненависти была глубже. Это даже была не физиологическая ненависть. Еще глубже! Это чувство базировалось на генетическом уровне. У челов спираль ДНК была закручена влево, а у кроков вправо. И такое, казалось бы, незначительное отличие воздвигло непробиваемую стену отчуждения между двумя цивилизациями.

«Хороший чел, это мертвый чел», – говорили у кроков. «Хороший крок, это мертвый крок», – возвращали «любезность» челы.

Поэтому сама мысль о шпионаже в пользу другой, ненавистной цивилизации была противна и челам, и крокам. Да, попадались отдельные челы, которые соглашались на сотрудничество с кроками, также встречались кроки, шпионившие для челов. Но всегда, исключений не было, в конце концов оказывалось, что это люди психически нездоровы. Их и разоблачали, в основном, когда те уж слишком неадекватно себя начинали вести – сотрудничество с ненавистным врагом ускоряла течение психического заболевания. Человек становился раздражительным, грубил всем подряд, затем начинал швырять в окружающих различные предметы или нести всякую чушь. Если Служба Безопасности не успевала «перехватить» такого человека, он кончал жизнь самоубийством, причем всегда одним и тем же способом – бросался с высоты вниз. Поэтому предателей часто и называли попрыгунчики.

Увы, челы, как и кроки, достигли такого социально-политического уровня развития, что проникновения даже чуть психически нездорового человека на любую государственную должность было невозможно – жестко соблюдаемый закон предписывал тщательное медицинское обследование кандидатов в чиновники.

«Так что же делать?» – Сарб поймал себя на том, что легонько бьется лбом об ствол дерева.

Мелодичной трелью зазвучал телефон.

– Да?

– Господин директор, говорит полковник Кон. Допрос я закончил. Материалы Вам сейчас передать?

– Кролл, сделай краткий отчет. Я с ним завтра ознакомлюсь.

– Слушаюсь, господин директор.

«Тоже, кстати, характерно. Результаты допроса какого-то чела с захудалой, недоразвитой планеты, расположенный на задворках нашей Метагалактики, докладывают напрямую директору Службы Государственной безопасности. А все потому, что заполучить живого чела практически невозможно. И любой пленный чел – это событие», – перед Сарбом промелькнула драматичная, кровавая история взаимодействия двух цивилизаций.

От взятия на абордаж вражеских звездолетов и кроки и челы практически сразу отказались, как только столкнулись и «распробовали» друг друга. Или, как заумно выражаются научные светила, «ощутили взаимную повышенную некомплиментарность». Если экипаж челов или кроков видел, что отбиться не удастся, он без колебаний взрывал свой звездолет или космическую станцию, прихватывая на тот свет и команду захвата. Также поступали и люди, находившиеся на планетарных базах – отстреливались до последнего заряда, до последнего ватта энергии, а потом подрывали себя и врага.

Попыток атаковать города челы и кроки пока не предпринимали – слишком в глубоком тылу они находились, чтобы туда перекинуть достаточно сил для их захвата. Вот и приходится так, как с этим челом, незаметно проникать на вражескую территорию и выкрадывать «языка». Удавалась одна попытка из двадцати – слишком надежны средства обнаружения. Тут наткнулись на какую-то слаборазвитую планету и то понесли потери. Еще и крупно повезло – у разведывательной капсулы хватило энергии чуть отползти от планеты и послать гиперсообщение со своими точными координатами. Командир разведгруппы оказался тертый калач – о захвате чела сообщил, а о смерти племянника директора Службы Государственной безопасности «забыл». И это: пленный чел и «живой» племянник перевесило на весах Судьбы риск гиперпрыжка на такую глубину вражеского пространства.

На помощь послали крейсер среднего класса и два легких эсминца. Вернулся один крейсер. Эсминцы на втором переходе нарвались на точный залп отряда крейсеров челов.

«Примитивный чел, убивший Харра. Он наверняка даже не знает ни о своих более развитых родственников по разуму, ни о нас, кроках. Пещерный человек… – Сарб буквально физически ощутил, как нужную мысль будто кто-то буквально вколотил в его мозг при очередном ударе головой о ствол хурнума. – А вед в этом что-то есть. А если… – довольный он нежно провел рукой по темному стволу и вернулся за свой стол.

Еще долгих три часа директор Службы Государственной безопасности обдумывал зародившуюся у него идею.

Уже ранним утром, когда оранжевые лучи Парма робко заглянули к нему в кабинет, он удовлетворенно откинулся на кресле. Перед ним на экране светился телефонный номер и фамилия человека, которому он принадлежал. Рука потянулась к телефону.

«Нет, надо отдохнуть. Затевать сложную игру с «квадратной» головой, еще большая глупость, чем плакаться жене на холодность любовницы», – Сарб встал и сладко потянувшись, вышел из кабинета.

Заспанный адъютант неловко вскочил, с грохотом опрокинув кресло. Обычно нетерпимый к малейшему разгильдяйству генерал лишь неопределенно махнул рукой перепуганному офицеру.

«О'Санни Харк – верховный председатель партии «Справедливость и закон», – светилось на экране, рядом с телефонным номером. Затем экран потух.

Глава 4

«Боже, но почему я так люблю эту женщину? Люблю до дрожжи в руках, когда тянусь к ее роскошному телу, люблю до буйства сердца в груди, когда спешу на свидание к ней. Люблю, люблю, люблю».

– Ну как? – в проеме двери появилась молодая женщина. Чуть подавшись вперед, приоткрыв влажные пухлые губки, она кокетливо смотрела на мужчину.

– Ты в нем просто великолепна! – Харк с нескрываемым восхищением и желанием смотрел на нее.

Желтое, струящееся светом платье как-то неуловимо-легкомысленно сидело на женщине. И, хотя, в нем не было ни декольте, и край его достигал щиколоток, оно буквально кричало, что у его хозяйки красивая высокая грудь и длинные, стройные ноги. И что оно – всего лишь фасад, пусть красивый, блестящий, но, все же, не идущий ни в какое сравнение с великолепием того, что скрывалось за ним.

– Ты в нем просто великолепна, – вновь прошептал мужчина.

«Люблю до исступления. До желания сорвать с этого божественного тела платье, сорвать грубо, с треском разрывая дорогую ткань, повалить на пол, овладеть и сходить с ума, от стонов и криков под ним.

– И совпадает с цветом моих глаз.

– Твои глаза затмевают все, даже это великолепное платье.

– Спасибо, милый, – волнующе покачивая бедрами, женщина подошла к сидящему на диване Харку.

Волна пряного запаха накрыла его. Влажные, сладкие с небольшой кислинкой губы вобрали в себя мужские губы, тяжелые иссиня-черные волосы заструились по лицу Харка…

– Ммм… – страстное желание, словно фантастическая жидкость, стремительно разливалась по телу, электризуя все его клетки, заставляя их вибрировать, словно под напряжением. – А-а-а, – острая боль как разряд молнии сотрясла плоть.

– Ты…ты меня укусила, Весса! – Харк провел рукой по губам и с изумлением смотрел на свои пальцы, – до крови!

– А тебе разве не понравилось? – оседлав мужчину, женщина задорно смотрела на него сверху вниз. Затем ее прекрасная головка склонилась, розовый язычок умопомрачительным, медленным движением прошелся по мужским губам, слизывая с них кровь. – Мма, – Весса выразительно причмокнула.

И этот чувственный звук, словно бичом стегнул по возбужденному сознанию. И Харк с удовольствием выпустил на волю плескавшееся в нем желание. Зарычав, мужчина опрокинул женщину на пол. Затрещала тонкая ткань платья…

Пульсации крови в голове постепенно стихали, позволяя сознанию, вышибленному страстью, вновь занять свою привычную обитель.

– Санни, ты порвал мое платье! Свой подарок.

– Плевать, сейчас поедем и купим еще лучше.

– Оно же стоило двадцать тысяч левр!
– Я думал, что билет в Рай стоит дороже, – мужчина довольно рассмеялся.

Посетителей в фешенебельном бутике не было. И, казалось, сама тишина благоговейно застыла перед всем этим великолепием: в высоких зеркальных потолках, подпертых колоннами с нанесенной по всей их поверхности затейливой резьбой, отражался пол из благородного розового армикса, привезенного с далекой Фереи. Под потолком клубился разноцветный туман, сотканный искусно спрятанными лазерами. В этом тумане постоянно возникали причудливые фантастические образы. Сознание дорисовывало из них экзотичных различных животных, мужчин и женщин, одетых в экстравагантные яркие одежды или вообще без них. Но лишь мозг пытался детальнее проработать картинку, она тут же таяла, превращаясь во что-нибудь другое – изящная хищная нумба, взвившись в прыжке, таяла и вот уже под потолком парила хрупкая девушка в пятнистом, как раскраска нумбы, платье. Вновь неуловимая игра квантов и платье растаяло на прекрасном теле. Тихая, неспешная музыка струилась со всех сторон, успокаивая, заставляя отрешиться от всех забот и просто любоваться выставленным великолепием. Платье, блузы, костюмы от лучших кутюрье Содружества планет висели на вешалках, ожидая своих хозяек. Тут же была выставлена женская обувь. Туфли, босоножки, сапоги всевозможных форм и расцветок, сверкающие бриллиантами, стразами или просто великолепно выделанной кожей притягивали взор и ноги начинали тихонечко ныть, выпрашивая себе замечательную обновку. На стенах, расписанных модным художником О'Лорри Дарком, прекрасные женщины в бело-розовых одеждах кружили по небу, роняя вниз яркие, праздничные цветы. И в руках у них были непременные спутницы жизни – настоящие дамские сумочки, прикрепленные к стенам. Вот где было буйство красок и форм! Белоснежные и угольно-черные, синие, красные, желтые, мерцающие бриллиантами или модными флуоресцирующие всеми цветами радуги искусственными кристаллами они радовали самый взыскательный женский взгляд. Это был рай, женский рай, раскинувшийся на сотне квадратных метров. Бутик так и назывался «Женский рай».

А'Весса вошла в этот рай также естественно, как, наверное, как и сам Господь Бог заходит в свой Эдем. Два телохранителя привычно заняли место у дверей. Вышколенному персоналу ничего объяснять было не надо. Одно нажатие кнопки и на входных дверях, с наружной стороны загоралась надпись, извещавшая, что «Женский Рай» временно не работает.

А женщина неспешно проходила вдоль рядов выставленной одежды, скользя спокойным взглядом по выставленному богатству. У одних вещей она замедляла ход, присматриваясь, другие удостаивались легкого касания рукой, разворачивающих их для лучшего обзора.

Харк, наблюдал за этой красивой женщиной, и мужская гордость исподволь поднималась в нем. Он любил такие моменты своего состояния – когда тебя охватывает чувство удовлетворения собой – он настоящий мужчина, у него есть все необходимые для этого атрибуты – деньги, известность, власть. И прекрасным емким олицетворением этой триады является эта женщина. Ему уже не надо ничего доказывать и утверждать, достаточно пройтись с Вессой, придерживая ее за талию, на светском рауте и всем становился ясен его политический, общественный и финансовый вес. Это все равно, что для доказательства своего богатства не обязательно показывать свой дом сверху донизу, достаточно явить картину кисти того же Рема и всем все понятно. Полотно за миллионы левров не может иметь обычный человек. С такой роскошной женщиной не может спать простой смертный. И не только роскошной, но и умной. А'Весса Лам была известной журналисткой и писательницей. Ее блестящие аналитические статьи, посвященные взаимоотношениям кроков и челов и не менее блестящие и захватывающие романы, мгновенно становящиеся бестселлерами, где в детективно-авантюрном ключе описывались все та же борьба кроков и челов, сделали ее известной и популярной. Кроме этого она вела передачу на одном из центральных каналов телевидения и владела модным женским журналом.

Красота и ум – этот выстрел дуплетом разил мужчин влет, уже одного этого было достаточно, чтобы А'Вессу Лам желали бы многие сильные мира сего. Но у нее было еще одно, редкое для женщин качество – она была по настоящему мужественным человеком. Мужественным в мужском понимании этого слова. А'Весса обладала той чертой характера, которая толкала мужчин таранить своим корветом человский крейсер, жертвуя собой во имя общей победы или стыковаться с горящим звездолетом, пытаясь спасти гибнущих товарищей.

Да и именно из-за этой черты характера они и познакомились На Харка невольно нахлынули воспоминания недавнего прошлого. Два года назад он отдыхал на Вергере – небольшой планетке из невзрачного созвездия Маленький треугольник. Единственным достоинством Вергере была ее буйная, не покореженная цивилизацией природа. Но именно из-за этого Вергера была популярнейшим курортом в Содружестве. У Харка излюбленным местом отдыха было Скалистое плато – могучие многовековые деревья, вросшие в землю, покрытые мохом валуны и многочисленная живность в лесах и в небе. Было чем потешить сердце заядлого охотника. Рассекая плато на почти равные части, пролегал Великий Каньон – трещина в планете глубиной двести-триста метров. По дну каньона несла свои воды Ахтунга – неспокойная своенравная речка и, как и все здесь, под завязку набитая жизнью.

В тот, чуть ли не ставший для Харка роковым, день он и два его телохранителя выехали из отеля на охоту на стремительных и пугливых гарнов. Через час поисков люди обнаружили стадо гарнов, мирно пасущееся в районе Великого Каньона.

Почти бесшумно автомобиль Харка стал подкрадываться к стаду. Животные почуяли опасность, когда «Ланд» был от них в полукилометре. Тревожный, гортанный рев вожака и все стадо словно ветром сдуло. Но не тут то было. Педаль газа вжалась в пол до упора и внедорожник, властно подминая траву своими широкими колесами, стал настигать гарнов.

Четыреста, триста, двести метров. Харк через люк на крыше высунулся наружу и изготовился к стрельбе. Сто метров. Мужской палец лег на спусковой крючок. В прорезь прицела был виден великолепный самец с длинными, чуть загнутыми назад рогами и белым пятном шерсти на груди. Выстрел. В последний момент автомобиль чуть дернулся, уводя ствол винтовки в сторону. Рядом с красавцем-гарном рухнула самочка, в последний раз конвульсивно вскинув свою голову, увенчанную небольшими аккуратненькими рожками.

– Баккара! – выругался Харк и передернул затвор. – Не останавливаться! Мне нужен белогрудый!

«Эх, был бы лучемет или хотя бы бластер!».

Но это была неосуществимая здесь мечта. Закон запрещал охоту с применением лучеметов, бластеров, спутниковой информации, приборов ночного видения, различных детекторов обнаружения, судов на воздушной подушке, мощных вездеходов и т.д. Хочешь охотиться? Изволь. Но экипировка у тебя должна быть как у архаичных охотников. Чтобы значит, все было по-честному.

За соблюдением закона строго следили. Нарушивших его строго карали – огромный денежный штраф и несколько лет тюрьмы. Политик тюрьмы не боялся – любой из его телохранителей с готовностью взял бы вину на себя, утверждая, что это у него в руках был лучемет, а природоохранная инспекция опозналась. Но неизбежный в таком случае скандал поставил бы жирный крест на его карьерных амбициях. Президентом ему бы точно не светило. Кроки очень трепетно относятся к животным. Животные не челы, их оберегать надо.

Гарны стали забирать вправо, следуя рельефу местности. Внедорожник с людьми уже мчался параллельно стаду. Еще трижды окрестности оглушал выстрел, но белогрудый красавец-самец был словно заговоренный. Один раз пуля ушла просто в небо, дважды великолепного гарна заслоняли другие животные.

Местность стала ощутимо идти под уклон – в километре пролегал Великий Каньон.

«Ни куда не денется. Прижмем к обрыву и все».

И вновь белогрудый гарн в перекрестие прицела. Выстрел! Словно насмехаясь над кроком, гордо подняв голову, самец летел вперед.

Неожиданно, как по команде, стадо резко повернул влево, к каньону и тут же скрылось с поля зрения.

– Что за черт!

«Ланд» подлетел к тому месту, где исчезли животные. Крутой спуск, причудливо петляя, опускался прямо к реке.

– По реке хотят уйти! – азартно крикнул в салоне один из телохранителей.

– Не уйдут! Давай вниз. Только осторожнее! Повороты крутые, как бы не свалиться в обрыв, – крикнул Харк и словно накаркал.

Что происходит что-то неладное, Харк почувствовал почти сразу. Через пятьдесят метров был первый поворот – спуск уходил влево, а скорость машины все нарастала и нарастала.

– Эй, поосторожней! Тормози!

И как холодный душ:

– Тормоза не держат!

А поворот уже вот он, рядом. Машины стремительно входила в короткую, резкую дугу. Завизжала резина, отчаянно цепляясь за дорогу. Внедорожник резко накренился. Колеса с левой стороны оторвались от земли.

– Мама! – политик рухнул внутрь салона и вцепился в спинку переднего сидения.

Мгновение, другое… Мир наконец-то качнулся в другую сторону – «Ланд» снова стал на четыре колеса.

Спуск пошел еще круче, делая через сто метров очередной зигзаг. Умные животные, оставляя за собой столб пыли, тем временем уже преодолели этот опасный участок.

Находящиеся в салоне люди поняли – этот поворот для них станет последним. До своенравной, бурной Ахтунги оттуда падать больше ста метров.

«Хоронить будут в закрытых гробах», – Харк как завороженный смотрел на приближающуюся смерть.

– Господин Харк! Надо прыгать! – телохранитель навалился на него, пытаясь с его стороны открыть дверь и вытолкнуть политика с обреченной машины.

Поэтому, что произошло потом, Харк не видел. До него сначала донесся звук сигнала, какое-то невнятное восклицание его водителя и через секунду сильный удар. Впереди что-то заскрежетало. Внедорожник, явно упираясь в какое-то препятствие, проехал еще какое-то расстояние и стал.

Охая и сладко матерясь от сознания того, что он жив, политик вывалился из машины. Впереди, бампер в бампер, стояла миниатюрная «Карена», вернее то, что от нее осталось. Капот мощного «Ланда» буквально вонзился в маленький автомобильчик, нанизал его на себя и потащил свою добычу к обрыву. Их всех спасло, что двигатель у «Карены» сзади. Поэтому, несмотря на страшные повреждения машины, он продолжал работать, сопротивляясь гибельному сползанию. В момент остановки, задние колеса «Карены» были в метре от пропасти.

Но спасло Харка и всех остальных не только конструктивная особенность миниатюрного автомобильчика. Все это время стройная ножка давила и давила педаль газа, заставляя двигатель работать.

Телохранители Харка попытались вытащить водителя «Карены», прижатого подушкой безопасности к своему сидению, из покореженного салона. Деформированную дверь заклинило, и она не поддавалась. Один из парней разбил заднее стекло, сумел влезть в салон и опустить спинку водительского сидения. Затем, уже со своим коллегой, они осторожно вытащили водителя из машины. Этим водителем была А'Весса Лам. Именно в тот момент, он в нее и влюбился – когда она лежала рядом со своей машиной, без сознания, с рассеченной бровью. Роскошные иссиня-черные волосы красиво оттеняли ее побледневшее лицо.

Потом, когда они уже были близки, Весса призналась ему, что она и сама не поняла, что заставило ее бросить свой автомобиль в лоб несущегося во весь опор «Ланду».

– Я взяла отпуск, чтобы дописать роман. В тот день я поехала к реке – около нее мне хорошо пишется. Потом, почему-то, мне непреодолимо захотелось вернуться в отель. Я села в свою «Карену» и стала подниматься вверх. Только вышла из поворота, тут твой «Ланд» несется. Я растерялась, а руки сами повернули руль тебе навстречу, вместо того, чтобы прижаться к скале.

– Это судьба, – сказал он тогда, прижимая женщину к себе и мгновенно распаляясь, словно и не было ночного любовного марафона.

Любовь к Вессе захлестнула Харка с головой. Многоопытный и изворотливый политик влюбился словно мальчишка. Он беспрерывно звонил ей на мобильник, засыпал видео, ауди и просто текстовыми сообщениями. Естественно, об их связи узнали и заговорили почти сразу. Фотографиями, где они вдвоем: в ресторанах, клубах, в автомобиле, на светских вечеринках были залеплены все журналы.

Рискуя своей политической карьерой, Харк ушел из семьи, оставив своей жене и двум детям роскошной особняк в пригороде столицы. Правда, положа руку на сердце, тут он действовал расчетливо. Кроки, в общем-то терпимо относились к супружеским изменам, так как явление это было повсеместное – слишком много соблазнов предлагала высокотехнологическая цивилизация и не все они были совместимы с супружеской верностью. Поэтому этот скандал не должен был нанести ощутимый вред его репутации и обглоданный телевидением и прессой должен был быстро сойти на нет, заслоненный другими событиями. А до выборов еще тогда было целых два с половиной года. Забудут! Обществу почти каждый день предлагались «перчинки» – сенсации, скандалы, катастрофы. А вот останься он в семье, не порывая с Вессой, и тем самым, давая все новую пищу для смакования – это совсем другое дело. В конце концов, такой политик, постоянно находящийся в центре скандала, у общества вызовет отрыжку. А это конец. Президентом ему не быть.

Но Весса к себе его не пустила. В ее квартире он был частым и желанным гостем. Но только гостем.

– Ландик мой милый, – Весса так любовно его стала называла в память об обстоятельствах, их познакомивших и, как она пояснила, за его мощный, сметающий все на своем пути, нрав. И от этих комплиментов он млел, словно желторотый мальчишка, – как это не банально звучит, но жизнь под одной крышей убивает любовь. А я этого не хочу. Давай будем оставаться любовниками. Это так волнующе и романтично!

И Харк согласился. Он согласен был на все, чтобы время от времени оказываться в ее постели.

– Ландик, как тебе это платье?

Бирюзовое платье безупречно сидело на таком же безупречном теле, особенно подчеркивая его тонкую талию.

– Восхитительно!

Вскоре они снова были у нее дома.

Уже под утро, когда обессиленные любовными схватками, они лежали на влажных от их пота простынях, Весса, глядя в потолок, спросила:

– Ландик, мне показалось, что ты чем-то сегодня озабочен. И самое печальное, что озабочен не мной!

– Тебе бы в разведке работать. Цены бы тебе не было! Все подмечаешь.

– Я же писательница. Так в чем дело?

– Да тут мне поступило странное предложение от одного человека. Он предложил встретиться и обсудить кое-что, – тон у мужчины был такой, словно он говорил о чем-то неприятном.

– Кое-что – это что-то важное?

– Говорит, что может поднести мне на блюдечке Президентский пост.

– Так он у тебя и так почти в кармане, мой неукротимый Ланд, – Весса повернула голову и аппетитно поцеловала Харка в губы.

– Я это ему так и сказал.

– А он?

– Почти – не значит наверняка, – в интонации политика можно было уловить, что он весьма сожалеет об этом различии двух слов. – Еще он сказал, что Норк готовит одно мероприятие, позволяющее ему остаться Президентом и на следующий срок.

– Что за мероприятие?

– Для этого надо встретиться с этим человеком.

– В кто он?

– О'Локки Сарб, – Харк словно выплюнул эту фамилию из своего рта.

– Директор Службы Государственной безопасности? Ну так и встречайся. В чем проблема?

– Мои партийные коллеги считают, что это может быть какая-то провокация. И я тоже так считаю. Год до выборов. Сарб понимает, что если я буду Президентом, он может оказаться вообще за решеткой. Поэтому для своего спасения он может пойти на что угодно. А, учитывая его пост, провокация может быть организована на весьма профессиональном уровне. Лучше не рисковать. Да и что может придумать Норк, чтобы удержаться в президентском кресле?

– Может ты и прав, – задумчиво проговорила Весса, – но знаешь, победа, как и женщина, любит смелых, уверенных мужчин. Сужу по себе. Смелые мужчины меня очень заводят! – женщина призывно посмотрела на Харка.

– Ух ты, – тот попытался ее обнять.

Весса мягко отстранилась.

– Если ты сам не представляешь, что может еще придумать Норк, чтобы остаться Президентом, то какой провокации ты боишься? Сарб что, приведет на встречу кучу голых девиц и сфотографирует тебя с ними? – в голосе женщины послышалась откровенная ирония.

– А хотя бы и так! Такой соблазн, не удержусь! Да и сил пока что хватит ублажить не одну письку, – мужчина бравировал, задетый этим ироничным тоном и нежеланием женщины его объятий.

– О, вот такой ты мне больше нравишься! – Весса сама обняла Харка и впилась в его губы страстным поцелуем. – Иди ко мне, мой смелый Ланд…

Утром, перед зеркалом, довольный Харк разглядывал багровое пятнышко на шеи – след безумной ночи. В ушах еще стоял горячечный шепот Весы, перемежающийся со стонами: «Бери меня мой Ландик, смелый Ландик…о-о-о…мощный Ланд…».

– В офис, – коротко приказал он водителю, садясь в автомобиль.

«Встречусь я с этим Сарбом. Чего мне бояться? – решение было принято легко, почти беззаботно, – о-о-о…мощный Ланд…», – улыбаясь, Харк дотронулся до багрового пятнышка, скрытого воротником рубахи.

– Никогда бы не подумал, что этот уютный домик принадлежит Службе Государственной безопасности, – Харк, удобно откинувшись на спинку кресла, осматривал богато обставленную комнату.

– Если бы Вы подумали об этом, то грош нам цена, как разведчикам, – сидящий напротив политика в точно таком же кресле директор Службы Государственной безопасности Сарб улыбнулся и поднял один из двух бокалов, стоящих на небольшом столике между собеседниками. – Я предлагаю выпить за встречу, которая, я уверен, положит начало плодотворному сотрудничеству.

– Все будет зависит от той информации, с которой Вы собираетесь со мной поделиться, – Харк почти неслышно соприкоснулся своим бокалом с бокалом бригадного генерала.

Сорок минут назад, как и было условлено, он зашел в хорошо знакомый ему туалет, расположенный на третьем этаже центрального здания Высшего Парламента Содружества Свободных Планет. Хорошо знакомый туалет, потому что тот располагался на том же этаже, что и его кабинет – главы крупнейшей оппозиционной фракции парламента и он посещал это демократическое заведение иногда по нескольку раз в день.

Находящийся в туалете человек молча взглянул на Харка и жестом указал на одну из кабинок. Политик мог бы поклясться, что именно в эту кабинку он тоже не раз заходил. Но сейчас за красивой дверью вместо привычного унитаза, рукомойника, фена, словом вместо привычного интерьера парламентской туалетной кабинки он увидел небольшую комнату без окон, единственной деталью обстановки которой было большое зеркало, висевшее на противоположной от входа стене.

Недоумевая, Харк остановился у входа.

– Прошу Вас, стоящий за спиной Харка незнакомый мужчина деликатно слегка подтолкнул политика и вместе с ним вошел в это небольшое помещение. И тут же комната чуть вздрогнула, едва ощутимо навалилась тяжесть.

«Всемогущий Картан, да это же лифт», – догадался Харк и облегченно вздохнул.

Через минуту двери лифта раскрылись и он, к своему удивлению, перешел в другую комнату. Его спутник сделал то же самое. Это помещение было попросторней предыдущего. В нем нашлось место для двух диванов, стоящих вдоль стен, журнального столика, вделанной в стену панели телевизора.

И вновь едва ощутимое вздрагивание и легкая вибрация.

«А это уже флайер, – Харк сел на один из диванов. – К чему такая нарочитая демонстрация своих возможностей? И зачем Сарб раскрывает мне свои маленькие секреты вроде тайного лифта в туалете парламента? Хочет показать, что видит в нем будущего Президента Содружества, от которого незачем что-либо скрывать, а заодно и то, что он, Сарб, весьма могущественная личность, которая весьма может поспособствовать этому. Ну-ну».

И вот это свое скептическое «ну-ну» Харк и показал в фразе: «Все будет зависеть от той информации, с которой Вы собираетесь со мной поделиться».

«Все правильно. Надо показать этому генералу кто есть кто. А если он меня просто банально сейчас отравит?» – поднесенный к губам бокал с вином дрогнул.

– Если бы я хотел Вас уничтожить, то поверьте, я не стал бы Вас тащить сюда. Я бы это сделал в каком угодно другом месте, – Сарб улыбнулся своему собеседнику. В его голосе чувствовалась веселость, но без всякой иронии, – может обменяемся бокалами?

– Зачем? Еще расплещем столь чудесное вино, – политик, мысленно кляня себя за мимолетную слабость, сумел выдавить на своем лице улыбку и сделал глоток.

«Я бы это сделал в каком угодно другом месте» – самоуверенность или намек на то, что он может весьма мне поспособствовать в борьбе за президентское кресло? Черт, все же Весса была права, встречаться с ним надо было. Опасно в его лице иметь врага».

– Вино действительно чудесное. «Клобур» урожая семьдесят пятого года. Года небывалой активности Парма И это вино будто вобрало в себя эту энергию.

– Я думаю, что Ваша информация будет столь же чудесна, как и это вино.

«Пора перехватывать инициативу в разговоре с этим Сарбом».

– Норк хочет отбить обратно Эльдурей, – директор Службы Государственной безопасности сказал это таким обыденным тоном, будто сообщал, что завтра будет дождь.

Харк недаром уже более двадцати лет варился в большой политике. Он мгновенно понял, под каким углом следует рассматривать эту информацию.

– Это могло бы помочь Норку удержаться в президентском кресле. Но Эльдурей ему не отбить. Челы не дадут.

– Я не услышал от Вас слов «к сожалению».

– Не понял.

– Вы не сказали, что Эльдурей, к сожалению, ему не отбить, – тут же пояснил Сарб. – Складывается впечатление, что лидер крупнейшей политической партии, реальный претендент на пост Президента Содружества доволен сложившимся положением вещей.

– У Вас складывается ложное впечатление, господин Сарб.

– Возможно, – легко согласился директор Службы Государственной безопасности. – И это не столь важно – ложное это впечатление или нет. Иногда победы врага только идут на пользу нации, сплачивая ее и укрепляя дух. А это, согласитесь, важнее какого-то там одиночного поражения. Повторяю – это не важно. Важно то, что Эльдурей можно отбить.

– Вы блефуете, господин бригадный генерал. Мне отлично известно состояние нашего Военного Флота и интеллектуальный потенциал его командования.

– Ну насчет Флота, Вы, господин Харк, не правы. Он вполне боеспособен и ничем не уступает человскому.

– А я и не сказал, что Флот у нас плох. При таких то средствах, вкладываемых в него. От этих средств, я смотрю, и другим кое-что перепадает, – не удержался от укола Харк, выразительным взглядом обведя роскошную обстановку комнаты.

И тут же пожалел об этом.

– Действительно другим тоже много перепадает. Многие позволяют себе иметь в офисе подлинник великого Гойда, – немедленно последовал зубодробительный ответ.

– Это копия! – запальчиво возразил Харк. – Великолепно написанная, но копия!

– Господин Харк, – тон Сарба был примиряющим, – я Вас пригласил сюда не для того, чтобы в чем-то уличать. Нравится Вам Гойд, ради Бога. Эстетическое наслаждение стоит тех семи миллионов, которые Вы заплатили некоему Зарну.

При произнесении этой фамилии на лице политика выступили красные пятна. А Сарб, словно не замечая реакции своего собеседника, не меняя спокойной интонации, продолжал:

– Я пригласил Вас сюда, чтобы договориться о сотрудничестве. И видите, у нас, даже после непродолжительной беседы, выявились сходные взгляды на некоторые вопросы.

И видя удивленно-озадаченный взгляд Харка, он, широко улыбнувшись, продолжил:

– Я полностью согласен с Вашей оценкой интеллектуального уровня высшего командования нашим Военным Флотом.

– И в этом полностью вина Норка, – запальчиво проговорил Харк. – Этому Свила не то что командовать Флотом, ему захудалый транспортник страшно доверить. Но он кум Президента и этим все сказано.

– Но даже безмозглый осел может убить грозного волка, если тот неосторожно подставит ему под копыто свой лоб, – продолжал Сарб, словно не замечая обвинений в адрес Президента.

– Волк не настолько глуп, чтобы подставлять свой лоб.

– А если, скажем, кто-то сумеет убедить волка, что если он повернет голову именно так, то легко разорвет осла.

– И кто же это такой умный, решивший помочь глупому ослу? – Харк вопросительно посмотрел на Сарба, – Уж не Вы ли, генерал?

– Я, – легко и даже как-то весело согласился тот.

– О, я не сомневаюсь в Ваших интеллектуальных способностях, господин Сарб. Но перехитрить челов даже Вам не под силу. Никому из кроков не под силу. И Вы это отлично знаете. Левосторонники не когда не поверят правосторонникам. Правая гайка не может налезть на болт с левой резьбой!

– Это Вы правильно подметили. Ни один крок не сможет обхитрить чела. Ну а если чел обхитрит чела?

– Вы снова блефуете, генерал! Ни один нормальный чел не будет сотрудничать с нами. Нет таких челов!

– До вчерашнего дня я с Вами бы согласился, господин Харк. Но со вчерашнего дня у меня такой чел появился.

Глава 5

– Не нравиться мне это спокойствие, Ралли.

– Мне тоже. Раньше и месяца не проходило, чтобы фролы не пытались прорваться в Зону. А сейчас уже четыре месяца прошло и тишина.

– Замышляют что-то, – командир боевой космической станции «Щит-2» О'Троппи Варк еще раз внимательно посмотрел на несколько ламп датчиков контроля целостности пространства. Их спокойный желтый цвет его не успокоил. Наверняка, фролы замышляют какую-то каверзу.

– Замышляют, – согласился с командиром дежурный оператор станции О'Ралли Хрис. – И если они нас перехитрят, окажемся на рудниках Гамеда.

– Не каркай! И так тошно, – Варк недовольно, даже скорее гневно посмотрел на своего подчиненного.

Чего зря напоминать об этой страшилке, которая забита в Боевой устав Охранного Космического Флота Содружества? – в случае успешной атаки фролов на планету, расположенной в Зоне, лица, допустившие это, подлежат ссылки на рудники Гамеда.

А кто это за лица, «допустившие это»? А это они и есть – персонал боевых охранных космических станций и их командиры в первую очередь.

И хорошо, если фролы захватят на какой-нибудь планете запасы продовольствия, топлива или еще что-нибудь подобного рода. Тогда всего лишь пять лет рудников, после которых можно даже будет устроиться на торговый флот. Прецеденты были. А если угонят звездолет с космопорта или захватят боевые лазеры с арсенала? Тогда пожизненно рудники. А пожизненно – это лет десять. Больше на рудниках Гамеда не живут. Если от радиации худо-бедно спасает защитный скафандр (хотя какой к черту скафандр в бытовой зоне, куда все равно просачивается радиоактивная пыль, не будешь же и спать в скафандре), то от страшной серой волны спасения нет. Еще не было случая, чтобы человек, застигнутый ею, остался бы жив. Генерируемый волной узкий, словно лазерный луч, поток тяжелых радиоактивных частиц прошивал любые скафандры. От него не было спасения и в кабинах рудодобывающих комбайнов и транспортеров. Яркая вспышка и человек валился замертво.

Варк мотнул головой, отгоняя неприятные мысли. Счастье, что фролы не имели мощных крейсеров. Так, по большей части устаревшие легкие и средние эсминцы, захваченные ими во время своих пиратских набегов. Да и тех было не много. Обычно больше двух-трех кораблей в рейде не участвовало. Сценарий нападения был незамысловат – один-два звездолета атаковали орбитальную станцию, вызывая огонь ее лазеров на себя, а один устремлялся к выбранной планете, точнее, к выбранной точке на планете – космодрому, арсеналам или складам. Фролы сходу садились на планету или выбрасывали на небольших ботах десантные группы. Короткий яростный бой и вот уже звездолеты фролов с награбленной добычей прыгают обратно в гиперпространство.

Но это в идеале. А не в идеале космические станции или планетарные военные базы уничтожали фролов или успевали ударить боевым лазерным лучом по еще не закрывшейся дыре в гиперпространство, тем самым расплющивая фроловские звездолеты до атомной толщины. И таких случаев становилось все больше – кроки постоянно наращивали свои охранные войска,

защищая свои тылы. Поэтому единственное, что оставалась фролам, это с помощью какой-нибудь хитрости обмануть кроков, застать их в врасплох и провести успешный пиратский рейд.

– Хотя, что они могут придумать? – донеслись до Варка слова дежурного оператора. Тот как мог, пытался успокоить начальственный гнев. – Хитри не хитри. А против двадцати двухсот мегаваттных пушек не попрешь, – мужская рука любовно погладила пульт управления боевыми лазерными установками.

– И цыпленок, когда окажется на сковородке, может взлететь, хотя это еще и не птица.

– Не взлетит! Разве что только в мой желудок!

– Ну-ну, – Варк развернулся, собираясь выйти из командного отсека станции.

Резкий, отрывистый вой сирены, казалось, ударил прямо между лопаток.

«Ну вот и дождались!», – командир «Щита-2» крутанулся в обратную сторону.

Звездолет фролов вынырнул из гиперпространства в каких-то четырех миллионах километрах от них. Система наведения лазерных установок тут же ухватила его своими цепкими электромагнитными волнами. Вздрогнули и бесшумно стали разворачиваться на цель платформы с боевыми лазерами.

– Ну-ну, иди цыпленок на мою сковородочку, – Хрис, нажатием кнопки, перевел лазерные установки в высшую боевую готовность – где-то в глубине станции замкнулись десятки реле и электрическая лавина забушевала буквально на пороге лазеров, отделенная от них последним контактом.

Выстрел! Последние контакты замкнули цепь. Мощный электрический разряд сдернул мириады электронов в двухметровом искусственном кристалле со своих орбит, обрушивая их внутрь атома. И последним «писком несчастных» были кванты света, которые, отразившись от зеркал, узкой лавиной света устремились в космос.

Шесть ослепительно ярких луча, проглотив за считанные секунды четыре миллиона километров пространства, впились в корпус фроловского звездолета.

– Есть!

Но привычной картинки – расцветающего ярко-оранжево-синего бутона взрыва топливных баков или фонтанирующих из корпуса белых струй воздуха, мгновенно сжижающегося при практически абсолютном нуле, не последовало.

– Что за черт! – большой палец вдавил еще одну черную кнопку.

И еще шесть ярких копий вонзились в звездолет, но тот продолжался быстро нестись по своей траектории.

– Что за черт! – теперь уже хором закричали Варк и Хрис.

– Он что, заговоренный?! А ну дай сразу залп из двенадцати пушек.

– Есть! – быстрое нажатие нескольких кнопок.

Две пары мужских глаз впились в экран монитора, где быстро росли двенадцать красных столбиков. Вот первые шесть уперлись сверху в пунктирную линию – шесть лазеров, сделавших выстрел первыми, вновь были готовы к стрельбе. Секунда, другая и вторые шесть лазеров набрали номинальную мощность импульса.

Выстрел! Двенадцать сгустков энергии устремились по душу фроловского звездолета. Но тот, словно не впитал в себя уже сотни миллиардов джоулей энергии, как ни в чем не бывало, продолжал нестись в пространстве.

– Прет к Армиксе. А там только позавчера на арсенал завезли три трехсот мегаваттника! – закричал Хрис.

– Еще залп!

– Командир, мы слишком часто стреляем! Температура лазеров растет, система охлаждения не справляется. Мы их можем спалить!

– Ты на рудники захотел?!! Огонь!

И вновь двенадцать снопов огня устремились к цели. И вновь звездолет заглотнул миллиарды джоулей энергии и…даже не «поперхнулся».

– «Щит – 2», я Центр. Что там у Вас? – раздалось с динамиков связи.

– Центр, я «Щит второй». Выпалили в фрола тридцать шесть полновесных залпов, а ему хоть бы хны!

– Не может быть!

Может! Черт подери, может!

– Вас понял. Попробуем и мы подключиться.

– Пробуйте! Ралли, залп!

Еще три полновесных залпа сделал «Щит-2». Но фроловский звездолет был неуязвим. По нему открыла огонь военная база на Армиксе, но ее боевые лазерные лучи, были что иголки для наперстка – из-за сильного рассеяния энергии в атмосфере планеты.

На пульте управления космической станции вспыхнул транспарант: «Внимание! Нагрев лазеров критический!»

– Черт! Черт! Черт!

– Может перевернемся?

Варк мгновенно понял мысль дежурного оператора. «Щит-2» имел двадцать боевых лазерных установок, размещенных по периметру ее корпуса. Схема расстановки была такова, что в любую точку пространства можно было направить не менее двенадцати лазеров. Так было и на этот раз. Дюжина лазеров палила в фроловский звездолет, а шесть их коллег по военному ремеслу прохлаждались в «тени» корпуса станции.

Перевернувшись – развернув станцию другой стороной, можно было задействовать еще не разогретые, «свежие», находящиеся в полной боевой готовности шесть лазеров.

– Не успеем! Фрол уйдет за планету. Тогда его не достать. Отключить блокировку. Огонь!

– Командир, погубим лазеры!

– Чела на твою задницу! – Варк сам потянулся к пульту управления и рванул рычаг перевода лазерных установок в ручной режим и тут же ударил по кнопкам управления огнем.

И вновь сверкнули двенадцать лучей. Цифры на мониторе, указывающие температуру лазерных установок, еще мгновение оставались неизменными, словно бортовой электронный мозг не мог поверить в реальность поступивших к нему данных. Неуловимая пауза и засветились новые. Запредельные для этого параметра, значения температур.

Люди замерли, ожидая вердикт компьютера.

«Активация прошла успешно» – высветилось на экране монитора – лазерные установки станции выдержали. Но выдержал и фроловский звездолет. На одном из мониторов было видно, как точка звездолета уже ощутимо провалилась вниз экрана – гравитационное поле Армикса тянуло его к себе, забрасывая за терминатор.

– Сущий Натрак! Уходит! Он уходит! – командирская рука вновь потянулась к кнопкам управления огнем.

– Командир, не делай этого! Сейчас лазеры точно не выдержат! – О'Ралли Хрис схватил командирскую руку, не давая ей коснуться кнопок.

– А так он уйдет! Начнет выбрасывать из себя боты – лови их потом. Прочь руки! – командир «Щита-2» рванул свою руку и дотянулся до нужных кнопок.

И опять мощный электрический разряд бьет по издерганным высокой температурой двенадцати кристаллическим решеткам норбия, вышибая из них лавины электронов, выжимая мириады фотонов. И четыре решетки не выдержали, могучие атомные силы оказались бессильными перед непреклонной волей человека. Тревожный звук зуммера словно выплеснул на монитор сообщение: «Лазерные установки №3, 8, 12, 14 – неудачная активация. Тепловое разрушение кристалла».

– Я же говорил! – в отчаянье закричал Хрис.

Варк, закусив нижнюю губу, прильнул к экрану монитора. Мгновение, другое – вечность для электроники, тасующей терабайты информации в секунду, и для человека, застывшего у пульта управления, и яркий оранжево-синий цветок победы, цветок взрыва фроловского звездолета расцвел на черном фоне космоса.

– Хвала Богу!

– Наконец-то!

Радостные восклицания кроков накрыл душераздирающий звук сирены.

– Черт! Еще один фрол!

Экран монитора беспощадно рисовал ужасающую реальность – в шести миллионах километрах от них из гиперпространства вывалился еще один звездолет фролов. А «Щит-2» смотрел на него своими двенадцатью перегретыми, не готовыми к стрельбе лазерами, в четырех из которых, к тому же, расплавился даже кристалл ниобия.

Варк стряхнул с себя оцепенение:

– Переворачиваемся, – проревел он.

Хирс лихорадочно ввел в бортовой компьютер необходимые параметры.

По телу станции пробежала дрожь – включились двигатели коррекции. Медленно, ох как медленно поплыли звезды на мониторах внешнего обзора.

Взвизгнула и тут же, словно отсекли звук, смолкла сирена. В отсеке погас свет.

– Лучевая атака… – выдохнул Варк.

Фролы не церемонились. Очевидно, они до мелочей проиграли у себя на компьютерах сценарии сегодняшнего рейда. И умные компьютеры «наябедничали», что скорей всего боевая космическая станция после ударной стрельбе по первому звездолету будет безоружна. Поэтому пираты не стали пытаться специальным маневром избежать поражения своего звездолета лазерными лучами станции, а спокойно, как в тире, расстреляли «Щит-2».

– Перейти на автономное питание, – прохрипел Варк.

Но компьютер станции думал быстрее – тут же, без всякой команды человека, по отсеку управления разлился слабый мерцающий свет. На пульте управления ожили самые необходимые приборы.

Защита станции выдержала залп фроловского звездолета. Специальные защитные экраны поглотили большую часть энергии трех лазерных лучей. А едва информация об атаке с наружных температурных датчиков поступили в компьютер, тот, мгновенно обесточив станцию, перекинул всю энергию на охлаждение ее корпуса.

– Если еще раз долбанут, можем не выдержать, – прошептал Хрис.

А звезды медленно ползли на ожившем экране монитора.

Второй атаке «Щит-2» подвергся, когда уже почти «перевернулся». Вновь жуткая темнота и захлебнувшаяся на высокой ноте сирена тревоги. Уже частично поврежденные после первой атаке защитные экраны окончательно разрушились, перед своей смертью успев поглотить половину обрушившейся на них энергии. Бортовой компьютер, как мог, пытался помочь людям, вчистую подметая все энергетические сусеки станции. Но слишком много джоулей добралось до корпуса. На нем образовалось пятно, которое из темно-вишневого мгновенно превратилось в ослепительно-белое. Мирно дремавший внутри станции джинн под названием атмосферное давление, проснулся и насел на ослабевшую сталь. Десять тонн на квадратный метр проломили в корпусе хорошую дыру. Джинн с радостным возгласом вырвался из бутылки – воздух с ревом устремился в открытый Космос.

Система живучести станции отреагировала молниеносно – почти бесшумно скользнул в своих пазах люк, отсекая поврежденный отсек от всей станции.

Еще целых долгих две минуты компьютер приводил «Щит-2» в чувство – стабилизировал ее положение в пространстве, вновь отыскивал в бесконечном Космосе крохотную звездочку фроловского звездолета, осуществлял прицеливание.

Крокам не хватило нескольких секунд – фролы успели уйти за край Армикса.

– Таки обхитрили, – Хрис бессильно откинулся на спинку кресла.

Ошеломленный Варк не сразу обратил внимание на красный квадрат – поврежденный отсек, горевший на схеме станции. Лишь через несколько секунд он понял, **что** это за помещение.

Шансов спастись у двух дежурных операторов, офицеров охранных войск капитана Зума и старшего лейтенанта Криза не было. Через дыру величиной в два кулака и хороших кулака – угадай в какой руке кружка для эла, воздух должен был уйти из их каюты за полминуты. Скафандр за это время, да еще при разыгравшемся урагане, было не надеть – раньше закипит кровь в организме от резкого спада давления. Закрыть отверстие было нечем – постели были мгновенно сдернуты с коек, и изорванные, выброшены наружу. Небольшой стол был намертво прикреплен к полу, а у двух миниатюрных кресел спинки не позволяли плотно прислонить их к обшивке. Впрочем, заткнуть пробоины все же было чем…

Единственно верное решение пришло в голову офицерам одновременно. Что-либо сказать друг другу было невозможно – от рева вырывающегося наружу воздуха чуть не лопались барабанные перепонки. Даже взглянуть друг в другу в глаза они тоже не могли – мельчайшая пыль при таком урагане била в глаза не хуже шрапнели. Двое офицеров были рядом, почти плечом к плечу – они сидели за столом, когда лазерный луч пробил корпус.

Знаете, так бывает – сидишь рядом с товарищем, с тревогой прислушиваешься к малейшим движениям станции, смотришь на то место, где спрятан динамик внутристанционной связи и почти на сто процентов ты уверен, что все будет нормально, как обычно. Господи, фролы, невидаль какая. Тут, бац и через тридцать секунд надо умирать. И даже подбадривающего слова товарища, дружеского взгляда – и этого не дано.

Капитан Зум был ближе к отверстию, и он, разжав руки, отпустил стол, за который держался. Его тут же с силой бросило на дыру с оплавленными краями и силой почти в полтонны прижало к ней. Рев воздуха тут же захлебнулся, поперхнувшись человеческим телом.

Полтонны на всего лишь двадцати пяти сантиметровое отверстие. Перепад давления вмиг разорвал комбинезон, в месте прилегания к пробоине. И холодный, обжигающий Космос лизнул живую плоть.

– Прощай, – успел крикнуть капитан и тут же закричал от невыносимой боли – к телу будто приложили раскаленный металл.

Космос мгновенно охладил кожу до температуры жидкого азота. Еще миг и ставшая хрупкой, она лопнула от перепада давления, да и просто от толчков крови, которая даже не успела хлынуть, превратившись в красный лед. А холод шел дальше, закупоривая мелкие и крупные кровеносные сосуды, замораживая воду в клетках, тем самым разрывая их в клочья. К счастью, Зум этого уже не чувствовал – от болевого шока он потерял сознание.

А молодой старлей, уже одетый в скафандр, стоял возле прижатого к стене товарища и плакал…

Когда через три часа с Армикса прибыл корабль для оказания помощи и проведения ремонта, лицо капитана Зума уже покрылось изморозью, а глаза были закрыты коркой льда – замерзли слезы.

В этом рейде фролы сумели захватить три мощных, трехсотмегаваттных боевых лазерных установки.

Полковник Варк и капитан Хрис предстали перед военным трибуналом. Их спасло от рудников Гамеда то, что оперативно, уже в день инцидента на орбиту были запущены специальные спутники, которые скрупулезно собрали все крупные фрагменты взорвавшегося первого фроловского звездолета. В тот же день была и установлена причина его феноменальной неуязвимости. Изучение остатков конструкции звездолета показало, как фролы из обычного среднего эсминца сумели создать практически неуничтожимый корабль. Все его свободное

пространство было заполнено материалом, из которого делаются защитные экраны. Аналогично фроловские конструкторы поступили с топливными баками. В них было больше этого материала, чем, собственно, топлива. Его должно было лишь хватить на один прыжок в гиперпространство и на несколько минут полета в обычном пространстве. Людей, как и какого-либо вооружения, на звездолете тоже не было. Для осуществления несложных маневров достаточно было простой программы в компьютере системы управления.

В сущности, ни Варк, ни Хрис виновными в произошедшем не были. Но…но были жертвы и были три мощных боевых лазера, находящихся уже на вооружении фролов. Поэтому, виновные быть должны!

Капитана Хриса отправили служить тем же дежурным оператором в еще более отдаленную Зону – в планетарную систему звезды Хартим. А полковника Варка – в космическую систему охраны Гамеда.

Поистине неисповедимы пути судьбы! Подписывая приказ о новом назначении какого-то проштрафившегося полковника, разве мог подумать О'Локки Сарб, что именно этот человек, пусть и невольно поломает тщательно продуманную, обещавшую быть блестящей, операцию. Операцию, выполнение которой, позволило бы ему подняться еще на одну ступеньку по иерархической лестнице кроковской цивилизации. Нет, никакие предчувствия бригадного генерала не мучили. Закончив рутинную работу – подписывание многочисленных приказов, положенных адъютантом ему на стол: о награждениях, присвоениях новых воинских званий, назначениях на новые должности, он отправился договариваться с Харком – проводить первый этап задуманной операции.

Но уже под приказом о назначении полковника Варка высыхали чернила на подписи директора Службы Государственной безопасности.

А Андрей Кедров, как основное звено этой операции, в этот момент лежал на тюремной койке и слушал тихий шепот своего сокамерника.

Глава 6

– … да, ты тоже чел.

– Как? Чел?

– Да, мы себя называем челами.

«Сказать кому-нибудь, не поверят. Оказаться неизвестно где во Вселенной и услышать, что есть цивилизация челов, к которой принадлежим и мы, люди. Точнее, земляне. Так как они тоже люди. Чел – молодежный сленг. Да, видно у Господа Бога с юмором все в порядке».

– А как ты понял, что я чел? Потому что не каркаю?

– Даже если бы ты был абсолютно немой, я бы сразу определил кто ты, – тут же последовал ответ с соседней койки.

– Как?

– Чуть позже. Сразу не поймешь. Давай я сначала закончу историю взаимоотношений челов и кроков. Тебе тогда все остальное станет более понятным. Продолжаю. Вот так, у звезды Кальзалис, почти уже четыре века назад впервые встретились наш, человский, и кроковский звездолеты. И эта была единственная встреча, которая прошла, если не радушно, то, по крайней мере, спокойно, – сокамерник Кедрова, Бахруд Бранул – невысокий черноволосый человек с изможденным лицом, на котором лихорадочно блестели светлые глаза, горько улыбнулся. – Наши цивилизации как-то сразу поняли, что в гармоничной картине своего будущего они не видят места другой цивилизации. Несколько проведенных переговоров, проходивших все в более напряженной и холодной обстановке, не увенчались успехом. Казалось бы разумные доводы с каждой стороны о тех или иных вариантах разграничения сфер влияния безоговорочно отметались другой стороной. Отчуждение возрастало. И, наконец, случилось то, что

должно было случиться – наш звездолет из-за ошибки навигации попал в пространство, контролируемое кроками, и был уничтожен. Как заявили кроки, тогда они еще пытались нам что-то объяснить, – вновь горькая усмешка на изможденном лице, – наш звездолет напал на их звездолет и в бою был уничтожен. Мы, челы, естественно не поверили этому объяснению. Была разработана и проведена специальная операция, в результате которой было уничтожено два кроковских звездолета. И пошло-поехало. Люди с обеих сторон дрались с упоением, будто для них уничтожение себе подобных доставляло даже не удовольствие, а наслаждение. Обе цивилизации будто помешались.

– И эти люди запрещают мне ковыряться в носу, – пробормотал Андрей и невесело усмехнулся, вспомнив вечнозеленый анекдот про Вовочку.

– Что ты сказал? – переспросил Бахруд.

«Черт, этот переводчик слишком чувствителен», – россиянин инстинктивно прикоснулся к кольцу на шее, – повесили этот «ошейник», как скотине какой-то».

– Говорю, что для меня, который для Вас чуть ли не неандерталец, дикость слышать, что две примерно одинаково развитые и как развитые, цивилизации не могут элементарно договориться, предпочитая устраивать кровопускания друг другу. Я бы еще понял, если бы кто-то из Вас был явно слабее. А так только людей зря губите и колоссальные затраты несете. Я представляю, сколько стоит эта война!

С соседней койки послышался смех.

«Эти люди отдалены от моей планеты на черт знает какое расстояние. А смеются также, как и мы», – казалось бы несуразная в такой обстановке мысль пришла в голову землянина и неожиданно стало легче.

Исчезло то напряжение, которое его держало с тех пор, как он осторожно вел свое разведгруппу, чутко прислушиваясь к каждому звуку, как буквально на голову им свалилась «летающая тарелка» и он вынужден, чтобы не быть убитым, принять скоротечный бой, как очнувшись в незнакомом месте, понял, что находится даже не на Земле, а … а неизвестно где. И эти странные люди в красных халатах с их каркающими звуками к дружелюбию не располагали. К тому же это явное техническое превосходство – странный летательный аппарат, способный мгновенно изменять свою форму и который по своим характеристикам превосходит всю известную ему космическую технику. Способность «красных» легко ковыряться в его памяти, словно он в собственном носу. Все это уж точно не добавляло оптимизма.

Потом уже здесь, в камере, этот невысокий черноволосый человек, на которого он на Земле не обратил бы никакого внимания, заявил, что, оказывается, он, Андрей, принадлежит к великой сверхцивилизации челов. Правда тут же «порадовал», что земляне настолько отдаленны от остальных планет, населенных челами, что те даже не подозреваю о своих младших братьях по разуму. А вторая «радостная» новость та, что они находятся в плену у кроков, людей, относящихся к другой сверхцивилизации, весьма враждебно настроенной к челам. И «весьма враждебно» – это еще чересчур мягко сказано.

«Да, одна хорошая новость и одна плохая. И плохая явно перевешивает хорошую. Что мне оттого, что я принадлежу к одной из суперцивилизаций? Да мои высокоразвитые родственнички даже не подозреваю о моем существовании. Но раз я чел, то автоматически становлюсь врагом кроков. И эта проблема явно не относится к категории «ну и Бог с ними». Я же у них в плену! Да… Плохая новость – будет голод и мы будем есть дерьмо. Хорошая – я знаю, где его много. Это из этого разряда. Что-то меня на анекдоты потянуло».

– Ты думаешь ни мы, ни кроки не понимаем абсурдность ситуации? Конечно понимаем.

– Так в чем же дело?

– А ничего сделать не можем, – с койки донесся горестный вздох.

– Вас что, насильно заставляют воевать?

– Угадал, насильно.

– Кто? – Андрей даже приподнялся на своей койке от любопытства. Кто может заставить воевать между собой две могущественные суперцивилизации?

– Не кто, а что. Гены, – пришел неожиданный ответ.

– Гены? – переспросил землянин. – Ты имеешь в виду то, что находится в клетках?

– Да. То что определяет сущность всего организма. Ты о… – небольшая пауза в переводе, – …ДНК слышал. Есть такая молекула.

– Слышал.

– Тогда должен знать, что в ней закодирована вся информация об организме, – продолжал Бахруд.

– Но как гены могут влиять? Поведение разумного существа больше зависит от мозга, от его мыслей.

Лежащий на соседней койке чел рассмеялся. И вновь Андрей поймал себя на мысли, что ему чертовски приятно слышать вполне человеческий смех.

– Ты когда не поешь пару деньков, о чем у тебя мысли? То-то.

– Но это же физиология, – возразил Кедров.

– Да, физиология. Так если какие-то рецепторы могут командовать человеком, заставляя совершать те или иные поступки, то представь себе, как могут это делать гены. Если человек не любит мясо или допустим… – небольшая пауза, электронные мозги подыскивают адекватное слово в русском языке, – …женщину с голубыми волосами, – наконец выдавил из себя переводчик на шее, то чем это определяется? Генами!

– Но не могут же сразу все кроки возненавидеть челов! Не все же ваши мужчины любят голубоволосых женщин.

– Могут! – зло ответил чел. – Потому что у нас и у кроков есть коренное отличие.

– Какое?

– У нас спираль ДНК закручена влево. И не только у нас. Любое живое существо, которое обитает на любой планете челов, имеет левостороннюю спираль.

– А у кроков? – по инерции спросил землянин, хотя ответ был очевиден.

– Ну если у нас влево, то остается лишь одно направление, – пауза. – У кроков спираль закручена в правую сторону.

– Дорогой, ну что, ты не пожалел, что встретился с Сарбом?

– Разве ты можешь давать плохие советы?

О'Санни Харк и А'Весса Лам сидели в небольшой комнате, на миниатюрном, подстать комнате, диване. Мужская рука уверенно обнимала женские плечи.

– Ну и что, красивое блюдечко он тебе предложил?

– Какое блюдечко?

– На котором он обещал тебе принести президентский пост, – Весса кокетливо посмотрела на мужчину.

– Ммм…да, наверно красивое.

В комнате повисла пауза. Мужчина и женщина смотрели на противоположную стену, представляющую собой сплошное окно, за которым раскинулся угольно-черный Космос с вкраплениями ярких звезд.

– Какая все-таки красота!

– И, наверное, эти звезды кажутся вдвойне красивее человеку, которому они скоро будут принадлежать, – женские губы не успели обольстительно изогнуться в улыбке, как тут же попали в объятия своих мужских тезок.

– Что эти все звезды по сравнению с моей звездочкой!

– Любопытной звездочкой!

Харк мгновенно понял намек.

– Ты хочешь, чтобы я тебе выдал государственную тайну? – шутя, спросил он.

– А разве это большая цена за обладание звездочкой? – женские губы, дразня, едва касались мужских.

– Ты права, сущая мелочь! – губы Харка решительно прервали этот легкий флирт, перейдя в более тесный контакт.

– Ух…дай отдышаться!

– Только не надолго!

– Налей мне чуть вина.

Харк плеснул в бокалы зеленоватую жидкость.

– За нас.

– Нет, давай выпьем за будущего Президента, – Весса уверенным движением чокнулась с мужчиной.

– Ничего не имею против!

Небольшими глотками они осушили бокалы. Женщина кокетливо смотрела на Харка, но где-то в глубине глаз, на самом донышке плескался вопрос, как только что вино в бокалах. И мужчина знал, что это за вопрос.

– А государственный секрет таков, – политик задумчиво крутил пустой бокал в руках, – адмирал Свил разрабатывает операцию по освобождению Эльдурея.

– Ух ты! И если это удастся, то Норк, наверняка, останется еще на один президентский срок.

– Я смотрю, у тебя это известие вызвало целую бурю восторга, – в мужском голосе послышались холодные нотки.

– Извини, милый. Я должна была догадаться, что ты можешь превратно истолковать мои эмоции, – Весса быстро поцеловала Харка в губы. – Но на самом деле меня просто восхитил ход Президента. Решиться на такое. Что-то не похоже на этого мямлю Норка. Как же все-таки притягателен пост Президента Содружества, если даже кролика превращает во льва.

– Насколько я понял Сарба, эта идея всецело принадлежит адмиралу, и Норк о ней еще ничего не знает.

– А, ясно! Ребята из ближнего окружения Президента почувствовали, что пахнет жаренным, и начали шевелиться. И придумали весьма неплохо, – женщина причмокнула губами, словно пробуя на вкус эту идею. – Весьма неплохо! А виноват в том, что они так рьяно начали шевелиться, ты! Зачем постоянно с трибуны парламента угрожал им всяческими карами за неудачную войну с челами.

– Эльдурей надо еще отбить! – нервно воскликнул Харк и со стуком поставил бокал на стол.

– Но тебя же Сарб убедил, что это возможно. Не так ли?

– Убедил.

– Чем? – мгновенно последовал следующий вопрос.

– Ты прямо как следователь!

– Хуже! Я журналистка и писатель, – А'Весса Лам не сводила вопросительного взгляда с Харка.

Мужчина молча плеснул себе еще вина. Зеленоватая жидкость в бокале пошла волнами – пол в комнате ощутимо вздрогнул.

– Ну вот и приехали! – радостное восклицание показало, как Харк рад, что этот разговор под благовидным предлогом можно прервать.

– Великолепно! Когда под ногами будет Арикдна, государственные секреты будут казаться еще более впечатляющими и романтически-таинственными, – матерая журналистка непринужденно дала понять, что отступать не намеренна. И необходимую ей информацию она

вырвет, даже если для этого ей придется спуститься в преисподнюю. Правда в данный момент она за ней вознеслась на тысячи километров вверх.

Харк и Лам вышли из комнаты и оказались на смотровой площадке, расположенной над главной планетой Содружества Свободных Планет – Арикдной. Небольшая комната с диванчиком оказалась кабиной космического лифта.

Где-то высоко, на расстоянии около сорока тысяч километров над планетой летел специальный спутник. Хотя для него более уместным было бы слово висел, а еще точнее болтался. Потому что именно на этой высоте орбитальная угловая скорость космического тела совпадает с угловой скоростью вращения планеты Арикдна. Другими словами, спутник постоянно находился – «висел» над одной и той же точкой планеты. Между спутником и Арикдной было протянуто несколько канатов из сверхпрочного полимерного волокна. А так как из-за различных возмущающих факторов: непостоянного гравитационного поля из-за вращения трех естественных спутников Арикдны и прецессионного колебания самой планеты в канатах постоянно возникали напряжения, как бы поддергивающие спутник. Именно поэтому он не висел, а скорее болтался.

По центральному канату двигался лифт, на других были укреплены площадки, расположенные на разных высотах. Таких космических лифтов у планеты было несколько. С их помощью доставлялись различные грузы на орбиту, а толпы туристов любовались открывающимися видами с высоты пять, пятнадцать, тридцать и, наконец, сорок тысяч километров.

Под прозрачным полом смотровой площадки, куда приехал Харк со своей спутницей, в прямом смысле разверзлась бездна. До ближайшей твердой поверхности было пять тысяч километров.

– Сколько раз я уже здесь была, а все не могу привыкнуть. Кажется, что пол провалится, и ты рухнешь вниз.

– Брр! Ужасная смерть!

Им обоим тут же вспомнился недавний случай, произошедший на строительстве одного из таких космических транспортеров. Лифт был почти построен – система канатов уже связала опорный спутник с поверхностью планеты. Все площадки были смонтированы и звершающие работы велись на предпоследней из них, расположенной на высоте тридцать тысяч километров.

В результате навигационной ошибки, один из только что выведенных спутников на высоте двести пятьдесят километров столкнулся с лифтом. Несколько тонн металла на скорости около десяти километров в секунду врезались в центральный канат. Несмотря на сверхпрочное волокно, оно не выдержало – к десяткам тысяч тонн штатных растягивающих усилий добавилось почти столько же динамической нагрузки. Если бы на такой высоте был воздух, над планетой бы прокатился оглушительный гром лопнувшего туго натянутого каната.

На предпоследнем уровне в это время работало восемь человек. Пять внутри герметичного помещения площадки, трое снаружи. От гигантского рывка не выдержали и лопнули страховочные фалы и люди сорвались вниз.

Нет, они не стали искусственными спутниками планеты. Их орбитальная скорость была меньше первой космической. Спутники, кружащиеся вокруг планеты, огибают ее по нескольку раз за сутки – чтобы удержаться на орбите, их скорость должна быть выше скорости вращения планеты. И лишь на высоте порядка сорока тысяч километров, на высоте синхронной орбиты первая космическая скорость совпадает со скоростью вращения планеты. Там можешь срываться – будешь нестись над Арикдной, рядом с лифтом. Но тем несчастным не хватало целых десять тысяч километров.

По размашистой дуге люди устремились к планете. Операторы на планете сначала слышали мольбы о помощи, потом прощальные слова матерям, отцам, женам, детям, потом стоны и душераздирающие крики, заживо сгорающих в верхних слоях атмосферы людей – их рации в

скафандрах работали до конца. Правда один из троих, сообразив, что его ждет, попрощавшись с матерью и любимой девушкой, открыл щиток гермошлема.

Оставшихся на площадке людей ждала лучшая участь – они не сгорели живьем, они замерзли. Когда лопнул трос, оборвался и кабель электропитания и мгновенно прекратился обогрев помещения, где находились люди. Автономное питание еще не смонтировали. Никакого стыковочного узла для космических аппаратов на этом уровне не предусматривалось. Пока к опорному спутнику доставили специальную лебедку со специальной спасательной камерой, пока спускали эту камеру с высоты десяти тысяч километров, прошло трое суток. Оставшиеся на предпоследнем уровне пять человек замерзли через двенадцать часов. Спасатели подняли на спутник пять насквозь промерзших тела. И вновь операторы были вынуждены слушать прощальные слова погибающих людей.

– Да, только врагу можно пожелать такой смерти.

– Но Сарб же тебе уже не враг, – Весса прижалась к Харку.

Мужчина вздохнул. Красивая женщина требует красивых поступков, например разглашения государственных секретов.

– Весса, я надеюсь, что этот разговор останется между нами.

– Не волнуйся, мой Ландик. Я уверенна, мне понравиться исполнять роль первой леди!

– Так ты выйдешь за меня замуж? – голос Харка предательски дрогнул.

– Президент-холостяк – это просто вульгарно!

Мужские и женские губы вновь соприкоснулись.

– Люди Сарба сумели захватить чела. Не простого чела, – упреждая вопрос, тут же пояснил Харк. – Его захватили на какой-то отдаленной планете. Там даже не знают, что существует жизнь на других мирах.

– Звучит, конечно, интересно, но причем тут твое президентство?

– Сарб хочет через этого чела передать некоторую информацию так сказать, более разумным челам, – политик ухмыльнулся.

– Информацию в смысле дезинформацию? Чтобы заставить челов перегруппировать свой флот и нанести потоми по ним эффективный удар? – женщина отрицательно мотнула головой – Челы не дураки! Они не поверят, тем более такому дремучему их представителю.

– Вот как раз дремучему они могут и поверить, – возразил Харк.

– Почему?

Согласно теории академика Барка, чем дальше от центра челов, созвездия Овала, тем менее развиты они становятся.

– Я слышала об этой теории. Для кроков эта теория тоже подходит, – девушка улыбнулась.

– Об этом не говорят вслух, – мужчина также ответил улыбкой. – Но с увеличением расстояния от центра уменьшается не только цивилизованность, но и агрессия челов к нам.

– Вот как?! Чем развитей цивилизация, тем более она агрессивней. Похоже! Создавая нас, Всемогущий Картан что-то там перепутал.

– Весса, не богохульствуй!

– Ну хорошо, тот чел, скажем так, менее агрессивен. Ну и что?

– А то, что если передавать информацию через обычного чела, закачав ее ему в мозг, то при считывании ее через «потрошитель мозгов», она наверняка приобретет негативный оттенок. Мозг крайне агрессивно настроенного к нам чела, даже не желая этого, это сделает. И естественно, челы такой информации не поверят. Кроме того, человек, отрицательно относящийся к какой-нибудь информации, сам того не желая, искажает ее, пытаясь сделать приемлемой для него. Всего этого не будет в случае с этим архаичным челом.

– Хорошо, допустим, ты меня убедил, – в голосе Весы зазвучала ирония. – Но если план Сарба удастся, то, скорее у него больше шансов стать Президентом. Но уж точно не ты тогда займешь этот пост!

– А кто тебе сказал, что Сарб будет передавать дезинформацию? – теперь мужчина откровенно иронично улыбнулся. – По-моему я говорил об информации.

– Закручена вправо? – переспросил Кедров. – Ну и что?

– Ты на болт с левой резьбой сможешь закрутить гайку с правой резьбой?

– Нет.

– Понятно, что нет. Ты или на болте, или на гайке резьбу порвешь, если будешь слишком усердствовать. Так и тут! – последовала небольшая пауза. Очевидно Бахруд собирался мыслями. – Тебе известно, что вокруг любого человека существует биополе, – наконец он вновь заговорил.

– Слыхал. Его экстрасенсы у нас на Земле видят. Говорят, бывает красное, зеленое, фиолетовое. Я даже где-то читал, что люди с фиолетовым биополем – это особые люди. Раньше такого цвета биополя не существовало, а сейчас появилось. Детей с таким биополем стали называть дети-индиго.

– О, Вы значит скоро выйдете на седьмой уровень, – в голосе чела послышалось воодушевление.

– Седьмой уровень? А что это?

– Первый уровень – это каменный век, второй, соответственно, бронзовый. Третий – железный. Четвертый – век промышленной революции. Вы тогда овладели электричеством, изобрели автомобили, паровозы, пароходы. В конце концов, сумели уверенно подняться в небо. Пятый уровень – это атомно-компьютерный век. Атомную бомбу давно у вас изобрели?

– Больше чем полвека назад.

– Ну, если я вижу тебя, то себя вы этой бомбой не грохнули. Поздравляю. Второй экзамен у Господа Бога Вы выдержали, – голос Бахруда был абсолютно серьезен, без всякой иронии.

– А какой был первый?

– Когда сумели спуститься с деревьев и взять в руки палку, то есть стать людьми.

– А шестой уровень?

– Если у Вас стали появляться дети-индиго, то вы, наверняка, на шестом уровне – генетическом. Вы уже сумели или вот-вот сумеете активно вмешиваться в замыслы Бога и кроить живую материю. А лет через сто-сто пятьдесят, когда у вас накопиться достаточно людей с фиолетовым биополем, вы сумеете овладеть технологией гиперпространственных переходов. Если, конечно, у вас будет все нормально, – через небольшую паузу уточнил Бахруд.

– Что значит «если будет все нормально»?

– Новый уровень – новый лидер цивилизации. Соответственно, на стыке уровней – смена лидеров. Скажу тебе, весьма болезненная операция. Гибнут сотни тысяч, миллионы людей. Да что тебе говорить, должен сам знать. Может начаться ядерная война. Старый лидер, чтобы удержаться, может применить ядерное оружие, новый – ответит тем же. Несколько цивилизаций не пережило этот рубеж.

– Ты же говорил, что мы выдержали этот экзамен!

– Наверное я поспешил, – обескураживающее прозвучало с соседней койки. – Для нас это так давно было, что я чуть запутался. Когда поменяете лидера и уцелеете, вот тогда этот второй экзамен и сдадите. Кстати этот рубеж, который вам предстоит преодолеть, самый опасный. И до и после – легче. До – не было такого разрушительного оружия. После, когда овладеете гиперпространственными полетами, исчезнет вопрос дефицита ресурсов и территорий. Появившиеся новые агрессивные, пассионарные народы просто будут колонизировать другие

планеты и там удовлетворять свои амбиции. Вас ожидает очередное великое переселение народов, только уже галактических масштабов. Но мы отвлеклись!

– Ничего страшного, весьма было интересно прослушать свою будущую историю! – землянин усмехнулся.

– Тогда продолжим лекцию. Кроме цвета у биополей существует еще один важный признак – поляризация, обусловленная направлением векторов напряженности электрической и магнитной составляющей биополя. У нас челов, так называемая правая поперечная спиновая поляризация. У кроков, наоборот, левая. Кстати, в мире челов левую поляризацию имеют патогенные зоны планет. Наверняка, ты о таких слышал.

– Слышал. Их у нас в народе называют гиблые места, – Андрею невольно вспомнился случай из детства – он и несколько его друзей-мальчишек стоят в лесу, на небольшой полянке, густо заросшей высокой травой. А точно посередине пятно земли метров пять в диаметре. И ни одной травинки на нем. И от этого пятна ощутимо веет опасностью.

– Ну что, слабо пробежать по нему, – голос его друга Леньки словно пронзил толщу лет и огромное расстояние и вновь зазвучал в его ушах.

Ребята переминались с ноги на ногу, но никто не решался сделать несколько шагов и вступить на черный круг.

– Что, зассали? И ты, Андрюха? – на него смотрели серые насмешливые глаза его друга.

Кровь ударила ему в голову. Хотелось небрежно, презрительно, чуть растягивая слова выплюнуть:

– Кто, я! Сам ты зассал! – и спокойно шагнуть в черный круг.

Но словно какая-то невидимая сила сдавила горло, пропуская лишь какие-то булькающие звуки.

– Эх, вы, трусы! Смотрите! – Ленька презрительно сплюнул под ноги притихших ребят и неторопливо, вразвалочку пересек черный круг на земле.

Мир не вздрогнул и даже не пошевелился. Все так же по голубому небу плыли неторопливые белые облака, а под ними, в лесу, заливались разнокалиберные пичуги.

– Маменькины сынки! Нельзя! Родители не велят! Заболеешь! Умрешь! Трусы! – Ленька, стоя по другую сторону пятна, потешался над притихшими ребятами. – Ну что, не умер я? То-то! Ну, кто еще смелый?

Ватага ребятишек вздрогнула, зашевелилась. И тут Андрей, неожиданно даже для себя, произнес спокойным тоном:

– Пошли на речку. Я одно место знаю – раков полно!

И, развернувшись, пошел прочь от черного круга. За ним потянулись остальные. А в спину им неслось:

– Трусы! Зассали! Маменькины сынки!

Уже в начале осени, в сентябре, Ленька неожиданно заболел воспалением легких. Антибиотики не помогали. Он медленно угасал. Однажды, когда Андрей в очередной раз навещал своего друга, тот тихо пробормотал:

– Молодец, что тогда увел оттуда ребят. А так бы все за мной пошли…

На Новый Год его не стало.

– Поэтому ты можешь легко представить, как биополе крока действует на чела – угнетающе, – реальность вытеснила воспоминания из головы землянина. – И это легко объяснить. При взаимодействии двух противоположных полей происходит их взаимное вычитание. Биополе, будь-то чела или крока ослабляется. Но не это главное. Частота поля, его ритм разлаживается, наступает какофония. Тебе бы приятно было слышать вместо игры оркестра не слаженные, дисгармонирующие друг с другом звуки?

– Я думаю, нет.

– Человек начинает себя чувствовать неуютно, не в ладу с самим собой. Отсюда агрессивность, злоба – он инстинктивно пытается устранить источник этого разлада. И чем больше людей, тем большее совокупное поле они генерирует и тем сильнее оно раздражает других людей, с другим биополем. Поставь рядом сотню кроков и челов – кровопролития не избежать.

– Ясно. Это тот случай, когда «Боржоми» уже пить поздно.

С койки чела послышался дружелюбный смех:

– Ты думаешь, что эти электронные переводчики, которые на нас навесили кроки, могут перевести абсолютно все? Что такое «Боржоми»?

– Марка популярной у нас минеральной воды. У нас есть выражение: «Цирроз – это когда «Боржоми» пить уже поздно. Цирроз – это опасная болезнь печени. То есть процесс зашел настолько далеко, что обычными средствами его не поправить. Слишком все запущено. И вы будете драться до тех пор, пока не поубиваете друг друга или пока не придет кто-нибудь и не помирит вас – хорошо вломит каждому и успокоит.

– Тебе уже кто-то рассказал о мнемах? – последовал неожиданный вопрос.

– А что, кроме кроков и челов есть еще цивилизация?

– Две, – уточнил Бахруд, – фалы и мнемы.

«Прямо не Вселенная, а какой-то Ноев ковчег, – Андрей весело хмыкнул.

Настроение еще больше улучшилось. Многополярный мир всегда лучше биполярного. Как цветная картина лучше черно-белой. Это на Земле уже проходили.

– А поподробнее можно? – уже почти весело произнес землянин.

– Охотно! И мне, и тебе, я думаю, спешить некуда.

– Это точно.

Сознание Андрея Кедрова уже не вставало на дыбы от мысли, что до родной Земли уж точно не один световой год, и даже далеко не одна сотня. Уж астрономы тогда бы точно заметили у себя под носом высокоразвитые цивилизации, способные грызть пространство не хуже, чем мыши сыр. Мозг, от природы психологически устойчивый, закаленный на многочисленных тренингах, наконец-то принял это как данность и просто «вынес за скобки».

– Мнемов никто не видел, – под ухом вновь забубнил переводчик. Но и у нас, и у кроков испокон веков ходят схожие легенды о том, что где-то во Вселенной существует могущественная цивилизация светловолосых, голубоглазых людей, сеятелей, сеятелей разумной жизни.

«Гм, у нас их, по-моему, называют арийцами».

– Именно они, летая на своих чудесных космических кораблях от звезды к звезде, от галактики к галактике, высаживаются на планеты и распространяют биологическую жизнь. А потом наблюдают. Мнемы терпеливы. Они могут ждать, миллионы, сотни миллионы лет.

«Ничего не скажешь, терпеливые ребята».

– На «засеянных» ими планетах сменяются эпохи, из простейших одноклеточных организмов постепенно получаются тысячи разнообразнейших видов живых существ, заселяющих все планету.

Если мнемы видят, что развитие идет не так, как бы им хотелось, они производят коррекцию.

«Бедные динозавры. Их, оказывается, скорректировали».

И так постепенно они выводят на планетах разумную жизнь.

«Не боги, конечно. Но где-то очень рядом. Типа ангелов».

– А у этих мнемов, что несколько разных пробирок?

– О чем это ты, Андрей?

– Почему мнемам не засеять все Вселенную одними челами или кроками? А теперь вот приходиться драться друг с другом.

– Об этом в легендах ничего не говорится, – послышался легкий смешок. – Но я думаю для того же, для чего у животных существуют тысячи видов – чтобы было из чего выбрать для дальнейшего усовершенствования.

– У нас это называют естественным отбором, – подытожил землянин.

– У нас тоже!

– Вот оказывается кому мы обязаны своим обезьяним родственникам! Мнемам!

Минуту в тюремной камере стоял заразительный смех.

– А эти, фалы, их тоже никто не видел?

– Да нет. Их как раз видели. И челы, и кроки. Особенно кроки, – в голосе Бахруда послышалось нечем не прикрытое злорадство, блистательно воспроизведенное переводчиком.

«Господи, как же они нас опередили, если крохотный электронный переводчик способен перевести не только речь, но и передать интонацию», – радужное настроение, в котором вот уже с полчаса пребывал землянин, рассеялось.

– Фалы похожи на челов. Сутью похожи. Внешне как раз кроки больше похожи на нас, как ты в этом успел убедиться. Но у фалов, как и у нас спираль ДНК закручена влево.

– Значит фалы должны также ненавидеть кроков.

– Они их и ненавидят. Очень ненавидят! Но фалам не повезло. Так сложилось, что кроки и фалы возникли и развились примерно в одной области Вселенной. А после освоения обоими гиперпространственной технологии контакт между ними стал неизбежен.

– И между ними проскочила искра.

– Ну если называть ту бойню, которая разразилась, искрой, тогда ты, Андрей, прав. Фалов было меньше, значительно меньше, чем кроков. И в техническом отношении они отставали. Не так чтобы очень, но все же. Но не это было главное. Фалы были…, – Бахруд замолк, подыскивая слова, – более прямолинейны, более бесхитростны что ли. Нет, не так! Они просто были простодушны и бесхитростны. К крокам вообще эти качества неприемлемы, – в голосе чела послышалась злость.

«Да, как говорит один из мультипликационных персонажей – как все запущено. Челы и кроки только при одном упоминании друг о друге закипают. А почему я не особенно чувствую ненависть к крокам? Я ведь вроде бы тоже чел? Да, я сразу почувствовал неприязнь к выскочившим из «летающей тарелке» людям. А что я должен был почувствовать? Летательный аппарат явно не российский, эта черная униформа, ассоциирующаяся с эсесовской, явно агрессивное поведение. А потом эти люди, здесь, в красных халатах. Уж не соловьями заливались. А на карканье у нас ассоциации будь здоров. Не каркай – накаркаешь – вороны над трупом кружатся. А может надо время, чтобы мое биополе «наелось» плохого кроковского биополя и его «вырвало»? Ну или «пронесло», – тут же мысленно добавил Андрей для полноты картины второй неприятно-стремительный процесс диаметрально-противоположного направления.

– У них не было той злобы, которая помогает побеждать. Побеждать любой ценой, особенно если эту цену платит враг.

«Это точно. Без злобы, ненависти к врагу, настоящих бойцов не получится. Мы и войны часто выигрывали только потому, что умели ненавидеть больше врага. А сильная ненависть сильнее чувства самосохранения. С нею и на дзоты можно в открытую бежать и своим самолетом таранить вражеские склады и мосты».

– И что сталось с фролами. Их уничтожили?

– Не полностью. Почти все фроловские планеты кроки захватили, но не все. У фролов осталась одна планета и несколько сотен астероидов в так называемом поясе Арбзира. Эта планета буквально погружена в шлейф, состоящий из миллионов мелких и крупных астероидов, простирающийся на десятки миллионов километров. Кроки из-за этих космических булыжников не могут подобраться к этой планете. Приходится из гипера выходить значительно раньше и уже на обычных движках идти к планете. А фролы установили на сотне астероидов боевые

лазерные установки и как в тире расстреливают кроков. Несколько операций захвата провалилось из-за больших потерь и, по-моему, кроки махнули рукой на эту планету.

– Я бы тоже махнул. Овчинка выделки не стоит.

– Но не махнули фролы! Время от времени они совершают лихие набеги на кроковские планеты. Захватывают оружие, звездолеты ну и по мелочам. Словом, бесхитростные благодушные фролы превратились в хитрых и жестоких пиратов.

– А я в детстве мечтал быть пиратом. Эх…

«В детстве, на далекой Земле… Небольшая деревня в Воронежской области, на самой границе с Украиной. Поэтому в деревне можно было чаще услышать украинскую, чем русскую речь. А на свадьбах и всевозможных гулянках сплошь и рядом затягивали певучие украинские песни. Подстать деревеньке около нее протекала неглубокая и узкая речушка Битюг.

Стать десантником Андрей захотел в девятом классе. Нет, сначала, в классе втором-третьем он мечтал стать пиратом. Плавать по загадочным теплым морям, грабить корабли, переполненные золотом и серебром, отобранным у честных, бедных людей, раздавать потом его им, пить ром и жить на острове с пальмами. Про Моргана, Дрейка или про каких-то других знаменитых пиратах он не слышал, а все свои представления о пиратской жизни он строил на рассказах, циркулировавших среди его друзей. Мальчишки на берегу Битюга разыгрывали целые сражения, махая ветками ив и лепя из ила и песка «пушечные ядра» и демонстрируя друг перед другом свою смелость и отвагу. Опасные прыжки с ветвей деревьев – «мачт парусников» «ласточкой» в реку, где глубина не превышала и метра (прыжок «солдатиком» – ногами вниз, вызывал насмешки и презрительный свист) были обыденным явлением. Другой демонстрацией доблести было метание друг в друга заостренных палок – «кинжалов». Ты должен был, не моргая и не шевелясь, стоять, прижавшись к дереву, а другой пацан кидал в тебя небольшой палкой, стараясь попасть в ствол, как можно ближе к лицу. Именно желания показать, что он самый смелый заставило лучшего друга Андрея, Леню пройти через, пользующийся дурной репутацией в районе, черный зловещий круг в лесу. Чуть повзрослев и поняв, что мечты о пиратстве это детство, пацаны переключились на футбол. Ватага мальчишек, с утра до вечера стала гонять мяч на футбольном школьном поле или на лугу на околице деревни. Всем им захотелось славы Пеле или Блохина. Захотелось повидать мир и разъезжать по нему на черном шикарном бумере, а не горбатиться как их отцы и матери на земле и ездить на велосипедах за десять километров в райцентр, на рынок, чтобы продать свое молоко или картошку, и считать тысячу рублей большими деньгами.

А потом Андрею захотелось быть десантником. Вот просто захотел и все. Никакие героические фильмы об этих людях он не смотрел и книжки про них не читал. В их школьной библиотеке были книги, которые задавались в школе, несколько десятков книг о сельском хозяйстве, которых никто не читал, да несколько полок, заставленных томами с произведениями Ленина. Наверное, выбросить пожалели, уж больно нарядно смотрелось золотое тиснение на синем фоне обложки, да и полки бы тогда оголились. А чем заставлять? Школа была еще беднее, чем фельдшерский пункт. Там хоть зеленка, йод и вата были. И даже термометр.

А телек брал у них в деревне всего четыре канала, по которым, кроме новостей крутили или американские боевики, или кинокомедии все того же заокеанского происхождения.

Так что никакого внешнего импульса на детский мозг не было, но был внутренний. Андрей рос мальчишкой бойким, задиристым, не глупым. Прекрасные качества. Но сколько таких бойких и задиристых пацанов сидят по тюрьмам? А сколько спилось?

Но у Кедрова была еще одна черта – расчетливость, причем хладнокровная расчетливость. В скольких мальчишечьих драках и опасных приключениях он участвовал! Но если видел, что противник явно сильнее его или превосходит по численности, он в драку старался не ввязываться. Если не получалось избежать, он мог просто и убежать. Если приключение было слишком опасным, как в случае с черным пятном, он в нем не участвовал. Но трусом его

называть мальчишки остерегались. А тех, кто попробовал, быстро прикусывали свои языки. Один на один или даже один на двоих – это был свирепый и безжалостный боец, не останавливающейся перед видом своей крови, но и не боявшийся посмотреть и на чужую. В седьмом классе его уже не трогали даже одиннадцатиклассники – себе дороже будет, одними синяком или двумя не отделаешься. Именно тогда он получил свою знаменитую кличку Волк – за оскал во время драки, делающий его похожим на этого серого хищника. И эта кличка к нему приклеилась навсегда – слишком часто потом приходилось драться, то ли в настоящей драке в деревне, то ли в учебном бою – в Рязанском институте воздушно-десантных войск.

И вот в девятом классе этот расчетливый ум, постепенно, подспудно собирая информацию о своем владельце, выдал на гора свое решение. В деревне оставаться… а ну ее на фиг, потому что…потому что не фиг. Это емкое «не фиг» на подсознательном уровне включало в себе жалкие деньги, которые зарабатывали его родители и родители его друзей. Включало повальное пьянство и развивающуюся наркоманию, серую неинтересную жизнь и погост на холме с железными покрашенными крестами и гробничками, на которых на мир взирали преимущественно не старые лица. Как его отец… Погибший страшной смертью. В страду он работал на комбайне и однажды ночью, уже не в силах управлять им, решил с часок вздремнуть около него. Другой комбайнер, его лучший друг Петька, решил подъехать и узнать, почему стоит комбайн Олега. Подъехал и смолотил отца Андрея.

Поступить в институт на престижную специальность, после деревенской школы, без денег – легче в страшном черном пятне чечетку станцевать и остаться в живых. Просто поступить в институт, лишь бы куда, а потом жить от зарплаты до зарплаты, жениться на городской и пойти в приймы, так как денег на свою квартиру не было бы… тоска, чуть менее серая, чем здесь в деревне. А может быть и такая. Спокойная, размеренная жизнь не для Андрея. Он не может без приятного холодка опасности, без гулкого сердцебиения в груди, без какого-то пьянящего состояния, когда тело становится невесомым и время будто останавливается.

А офицер-десантник для него самое то. Риск наличествует в избытке. Деньги? Ну уж точно их будет не меньше, чем у обычного инженера. Да и по телеку он как-то слышал фразу: «Как показала практика бывших сотрудников силовых ведомств, спецназовцев охотно берут для своих служб безопасности банки. Не редки случаи, что их под свои знамена привлекает и криминалитет». И это тоже заполнил и учел пытливый ум.

– …жаль, что фролов очень мало и их нельзя считать за серьезных союзников, – через воспоминания пробился голос Бахруда.

– А как ты попал к крокам? Я так понял, с твоих слов, что вы очень сильно ненавидите друг друга. Поэтому наверняка добровольно в плен не сдаетесь… Извини, если тебе эта тема не приятна, то…

– Неприятна, но я не хочу, чтобы между нами было какое-то недоверие, поэтому я расскажу, – Бахруд сделал паузу, собираясь с мыслями. – Да, ты прав, и челы, и кроки в плен добровольно не сдаются, предпочитая умереть, при этом, захватив на тот свет одного или двух врагов, как повезет. Чтобы человский или кроковский звездолет сдались врагу, стремясь избежать уничтожения – такого не было вообще! Я тоже служил на звездолете, сменным пилотом. Наш звездолет «Маршал Дараштан» был в составе ударной армии, захватывающей планету Эльдурей. Есть такая небольшая планетка в третьем секторе Метагалактики, – в тоне чела было явно слышна горечь. – И эта планетка была ключом ко всему третьему сектору. Она являлась главной перевалочной базой для кроковских звездолетов между их Центром и третьим сектором. Там они заправлялись топливом, чтобы снова совершить гиперпространственный переход и оказаться в третьем секторе. Из Центра непосредственно до третьего сектора за один переход не допрыгнуть – слишком далеко. Вернее можно, но тогда полезной нагрузки получается пшик, больше детского пластмассового бластера не довезешь.

– Если ты об этой планете говоришь в прошедшем времени, то вы ее захватили.

– Да, захватили. Мы потеряли две трети своих кораблей. Кроки не меньше. И среди уничтоженных звездолетов, был и мой крейсер «Маршал Дараштан», – Бахруд замолк.

– Если не хочешь, не рассказывай об этом бое, я же вижу, как тебе тяжело это вспоминать.

– Тяжело. Тяжело оттого, что из двадцати членов экипажа крейсера уцелел только я один.

– Если ты никак не мог их спасти, то значит, ты просто родился под счастливой звездой.

– Ты намекаешь, что я, спасая свою жизнь, не попытался спасти кого-то из своих товарищей, что я трус, – всегда спокойный Бахруд Бранул вскочил с койки и подбежал к Андрею, лицо его пошло красными пятнами.

– Успокойся, Бахруд. Ни на что такое я не намекаю. Я просто хотел сказать, что не стоит винить себя в том, что ты жив, а твои товарищи нет, если ты им помочь никак не мог.

– Да, я никак не мог им помочь! Я был дежурным оператором лазерных установок. Наша смена только что сменилась. И тут проклятые кроки всадили в наш крейсер шесть лазерных лучей, не менее трехсотника каждый. Все оборудование вышло из строя. На корабле возник пожар. По громкой связи прозвучал сигнал немедленно покинуть корабль. Все кинулись к спасательным капсулам. У нас было две капсулы. Десять человек в одну, десять в другую. Мы почти успели… вернее я успел, – Бранул на несколько секунд смолк и неожиданно буквально вопль потряс стены камеры. – Слышишь, я не виноват, не виноват, что я впрыгнул в капсулу первым. Я никого не расталкивал локтями! – вопль смолк.

– Бранул, не казни себя. Здесь всегда кто-то будет первым, кому как повезет. Одновременно в капсулу не запрыгнешь.

– Едва я запрыгнул в капсулу, «Маршал Дараштан» взорвался, – голос Бахруда стал глухим, каким-то усталым, – за стенкой шлюза, где стоят спасательные капсулы в крейсере был расположен отсек с аварийным запасом кислорода… От взрыва капсулы просто вымело огненной ударной волной. От сильного толчка я потерял сознание. Меня спасло то, что автоматика не отказала и закрыла люк, едва поняла, что капсула находиться в вакууме. А потом… потом мне в очередной раз не повезло. Меня заметили с кроковского крейсера и выслали за мной десантный бот. Пленные у кроков и у нас слишком большая редкость. И за них обещана высокая награда. Вот командир кроков и рискнул. Очнулся я уже у них, на борту крейсера.

В камере надолго повисла тишина.

– Ты извини меня, Андрей.

– За что?

– За то, что орал на тебя. Просто ты первый чел, которого я вижу, после того взрыва. Я каждый день вспоминаю этот бой, своих погибших товарищей… У меня скоро голова лопнет от разных мыслей.

– Не думай об этом. Лучше думай, как выбраться отсюда, чтобы отомстить крокам за смерть своих товарищей.

– Отсюда не убежишь…

– Знаешь, даже у проглоченной жертвы хищника всегда есть два выхода.

Бахруд Бранул несколько секунд вникал в смысл сказанного. Потом камеры сотряс уже взрыв хохота.

– Два выхода…. Один через рот, другой… – и вновь громкий, какой-то надрывный смех человека, пережившего нервный срыв.

– Так что, давай не раскисать.

– Давай, – две мужских руки сошлись в крепком рукопожатии.

– Бахруд, ты извини. У Вас наверное более длинные сутки, но мне уже страшно хочется спать.

– Да, конечно. Я и сам уже тоже устал. Да и воспоминания пленения настроения не добавляют. Давай спать. Как у нас говорят: «Под двумя лунами хуже думается, чем под одной». У нас ночью на небе светит две луны, а днем одна.

– А у нас говорят: «Утро вечера мудренее».

– Правильно у вас говорят.

– У вас тоже, – комплиментом на комплимент ответил землянин.

– Потому что и вы, и мы челы! До утра.

– Спокойной ночи.

Но заснуть сразу Андрей не смог. Мозг, «разогнанный» для переработки такого количества новой информации все «крутил и крутил свой диск» – гонял и гонял по мириадам нейронов электрические импульсы.

«Да, Волк, попал ты в переплет. Это покруче будет, чем сдать экзамен для зачисления в спецназ ГРУ. Там хоть свои ребята. Если что ты всегда мог рассчитывать на их поддержку, на их стволы. А тут на кого рассчитывать? На неведомых мне высокоразвитых родственников по левозакрученной спирали ДНК – челов? А ты бы, например, послал ребят в «зеленку» выручать какого-нибудь русского работягу, споенного чеченами на каком-нибудь вокзале и доставленного в горное чеченское село в качестве бесправного раба? Нет, не послал бы. Потому что ты с этими ребятами делил бы казармы, палатки, зачищал от боевиков села, а потом глушил водку ледяную, стремясь хоть на час забыть про кровь: и своих, и чужую. А незнакомый русский…он тебя не сват, не брат, не отец родной. Ребята дороже. Так что никто мне на помощь не придет. Да и челы вообще не знают, что я тут. А самому сбежать вообще нереально. Да и куда бежать? Тут все враги. Любой житель, даже ребенок – враг. И ночлег, и пищу тебе никто не предоставит. Даже у тех же чеченов можно было рассчитывать на милосердие. Тут нет. Лев Толстой здесь бы не написал повесть о любви российского офицера и кроковской девушки. Да, влип так влип. Как тогда, в десятом классе…

Приняв решение стать офицером-десантником, Андрей последовательно, с деревенской обстоятельностью, стал добиваться его выполнения. Соорудив у себя во дворе турник – вкопал рядом два высохших ствола акации и соединил их толстой веткой, он каждое утро и вечер стал заниматься на нем. Утром, заставляя себя вставать на час раньше, перед школой, он совершал кроссы, благо дом его родителей стоял на окраине деревни. Каждый такой забег он заканчивал нырянием в Битюг. Зимой, когда речушка покрывалась льдом, паренек обтирался снегом.

Узнав, что кроме экзамена по физподготовке, для поступления в Рязанский десантный институт необходимо сдать экзамен по математике и написать сочинение, Андрей приналег на эти предметы. Выпросив у математички сборник задач, он методично решал их по две штуки в день и на десерт заучивал дюжину трудных для написания слов.

И никому, даже своей матери, он не рассказал своих планов на будущее – Андрей уже давно считал, что за свою судьбу он будет отвечать только сам.

Правда в десятом классе эта настойчивая, методичная машина дала сбой. Причина была тривиальна и естественна – Андрей Кедров влюбился. Влюбился в Люську Коваленко, с восьмого класса – длинноногую белобрысую девчонку с зелеными, кошачьими глазами и россыпью веснушек на лице. Однажды весенним вечером, в разваливающемся деревенском клубе, на дискотеке, Андрей пригласил девушку на танец и больше в этот вечер не отпускал ее от себя. А вечером он проводил Люсю домой. По неписанным деревенским законам теперь считалась, что Людмила – девушка Андрея. Всякий, рискнувший после этого пригласить ее на танец, рисковал получить в глаз и по сопатке. Рисковал этим и Андрей. Уступить девушку без боя считалось величайшим позором, после которого даже самый последний слабак становился выше в деревенской мальчишечьей иерархии такого труса.

Про репутацию Андрея – сильного и расчетливого в драках пацана, уже давно знали в округе, поэтому Люсю на танцы больше никто не приглашал. Но осенью в деревню вернулся Васька Чебышев – крупный, высокий парень, отбарабанивший два года в сухопутных войсках. Вернулся, огляделся ну и запал на Люську. А что! Девка по деревенским меркам что надо. Высокая, статная, с широкой спиной и с уже налившейся тяжелой грудью. Есть за что подер-

жаться правильному пацану, честно два года отдавшему Родине и у которого давно пробивала щетина на массивных, упругих щеках. Да и в армии, в далеком Оренбурге он научился не только разбирать калаш – увольнительные давали регулярно, и жаждущих солдатских ласк среди местных девушек хватало.

Естественно Васька деревенские законы знал и сразу понял, что Люся – девушка уже занятая. Ну и что? Уступать лакомый кусочек какому-то сопляку-десятикласснику? Да это даже не салага – первогодок, над которыми он сладко издевался на втором году службы. Это еще ниже. В один из октябрьских вечеров, едва в клубе заиграла музыка, он подошел к Людмиле и пригласил ее на танец. Не давая девушке опомниться, бывший бравый пехотинец уверенно взял ее за руку, притянул к себе и, балдея от тепла женского тела, закружил Людмилу по залу.

Андрей, уже привыкший, что на его статус парня Люси никто не покушается, в это время травил анекдоты на крыльце клуба.

– Мужчина догоняет девушку. Та кричит: «У меня нет денег!»

– А я бесплатно! Бесплатно!

– Твоя Люська с Васькой, что недавно из армии вернулся, танцует! – произнесенная одним из приятелей Андрея фраза враз затушила, вспыхнувший было смех.

Кровь ударила в голову Кедрова. Он даже чуть дернулся, готовый бежать в зал и устроить драку с обидчиком. Но тут же рассудочный мозг вновь взял под контроль неразумное тело.

– Ладно, поглядим, – с холодной усмешкой процедил Андрей и не спеша, чуть ли не вразвалочку, пошел внутрь клуба.

Танцующую пару – его Людмилу и этого Ваську он увидел почти сразу. Высокий, почти двухметровый парень, что называется, облапил девушку своими длинными руками, плотно притискивая к себе. Его кисти рук были даже не на Люськиной талии, а чуть ниже, где под джинсами начинала аппетитно закругляться девичья попка.

Все это Андрей «сфотографировал» мгновенно. И так же мгновенно понял, что эту «картинку» также мгновенно «сфотографировали» его друзья, толпившиеся за его спиной. Оставить все это безнаказанным, сделав вид, что ничего не произошло и пригласить Люду на следующий танец – и с положением лидера, заводилы среди пацанов-школьников можно распрощаться.

Значит надо драться. Драться с парнем, отслужившим в армии, более чем на три года старше его, на голову выше и на добрых четверть центнера тяжелее. Уже потом, вспоминая происшедшее, Андрей честно признался себе, что в драку полез из-за желания сохранить лидерство, а не из-за боязни потерять девушку. Нет, в верность своей Людки он до конца-то уверен и не был. Он раньше как-то не задавался вопросом, а будет ли верна ему его девушка, если что. А тут, глядя на чужие мужские руки, уверенно лежащие на талии девушки, Андрей интуитивно понял, что «если что», его Люда не пойдет по пути декабристок – порода не та. Но не это его испугало. Испугала перспектива уронить свой авторитет вожака.

«Хоть бы только не покалечил. А проиграть можно. Главное, что отстаивал свою честь, дрался. Ну разобьет сопатку, ну зуб выбьет в крайнем случае», – успокаивал себя Андрей, глядя на танцующего почти двухметрового верзилу.

Последние аккорды мелодии растворились в дымном воздухе клуба.

– Пошли, разговор есть, – Кедров встрял между Людмилой и ее партнером по танцу, намеренно чуть толкнув его.

– Пошли, – рот Василия расплылся в улыбке.

Место для таких выяснений отношений было традиционным – скверик за клубом. Вернее пустырь, судя по грудам помятых пластиковых бутылок, осколкам стекла и грудам другого мусора.

Два парня застыли в двух метрах друг от друга. За их спинами, чуть поодаль, переминаясь с ноги на ногу, толпились их друзья.

– Паренек, так что ты мне хотел сказать? – Васин рот раздвинула глумливая улыбка.

Глядя на эту улыбку, Андрей отчетливо понимал, что шансов на победу у него практически нет – слишком явно превосходил его соперник по физической силе. И пусть это поражение физически значительно более сильному парню не роняло его авторитет, но проигрывать просто так он не собирался. Поэтому надо было использовать малейший шанс.

Андрей Кедров молча, как это делают волки, одним броском преодолел, разделявшее их расстояние и ударил. Его противник явно не ожидал такой стремительной атаки. Поэтому кулак мальчишки без труда достиг цели – Васькиного подбородка. Но свалить того, как рассчитывал Андрей, этим ударом не удалось.

– Ах ты, сука! – мгновенно разъярившийся парень бросился на Андрея.

Это вам не бокс с его правилами, а драка, сельская драка, в которой существует лишь одно правило – правил в драке нет. Кедров встретил двухметрового верзилу ударом, но тот, не обратив на это никакого внимания, обхватил десятиклассника своими руками и вместе с ним рухнул на землю.

Положение сразу стало критическим. Лешка на несколько десятков килограмм был тяжелее Андрея и явно сильнее. Поэтому он легко подмял его под себя и, обхватив левой рукой мальчишку за шею, правой молотил того по голове. Расчет был прост. Несколько минут такой молотилки и можно будет уже не держать оглушенного, избитого соперника, вскочить на ноги и уже пинками доводить того до нужной кондиции.

Андрей сопротивлялся изо всех сил. Но одна рука его была прижата собственным телом, а вторая телом Лешки. И эти непрерывно сыплющиеся удары по лицу, по уху, еще раз по лицу. Из носа потекла кровь, саднили разбитые губы. Еще удар по губам…

Решение пришло интуитивно. Кедров чуть довернул голову, еще лучше подставляя лицо под удары. Борясь с инстинктом, он заставил себя открыть рот и так встретить летящий ему в зубы кулак. И как только острая боль полоснула по рту, он с силой сжал челюсти. Молодые зубы выдержали удар и он со злостью загнал их в мягкое человеческое тело. Раздавшийся пронзительный вопль боли прозвучал для него классной, возбуждающей музыкой. И он еще сильнее сжал челюсти, купаясь в этих, уже верещащих криках врага. Затем, как мог, крутанул головой, словно зверь, терзающий свою добычу.

Сильный рывок чужой руки едва все же не выбил Андрею зубы и заставил выпустить свою добычу. Но и его противник уже был не в состоянии прессовать Кедрова на земле. Лешка поднялся на ноги первым, кривясь от боли и держась за окровавленную кисть. Избитый, с гудящей от ударов головой, Андрей поднимался медленно.

– Ну, сука, убью! – двухметровый детина сделал шаг к своему противнику и замахнулся ногой для удара.

Кедров, стоя еще полусогнувшись, махнул рукой, словно пытаясь отмахнуться от Лешки. Но не отмахивался паренек. Поднимаясь, он сгреб в руку песок и теперь просто метнул его в не ожидающего ничего подобного Алексея. Кучу песка завезли еще лет пятнадцать назад, еще при СССР, намереваясь, что-то там в клубе достроить. За эти годы куча превратилась в небольшой холм, щедро удобренный собачьими и кошачьими экскрементами, битым стеклом и прочим мусором.

Резкая боль в глазах заставила Лешку инстинктивно схватиться за них руками, его нога лишь слабо толкнула Андрея, даже не сбив с ног. Кедров времени не терял. Стоя в полушаге от ослепленного Лешки, он пригнулся, сделал шаг вперед, и изо всех сил головой ударил по подбородку соперника.

Уже давно, интуитивно, на основании опыта множества драк Андрей понял, что наиболее эффективно бить не прямо в подбородок, а снизу. Чуть повзрослев, он нашел этому объ-

яснение. Прямой удар валит противника с ног, поэтому часть удара расходуется лишь на, в общем-то, безопасное для того перемещение. При ударе же снизу, почти всю энергию поглощает челюсть и голова в целом. И это более эффективно. Как минимум нокаут, а можно и сотрясение мозга заработать со сломанной челюстью в придачу.

Алексей рухнул почти на тоже место, где и стоял.

А Андрей, с разбитыми губами и носом, с перепачканным кровью лицом, стоял несколько секунд, смотрел на поверженного значительно более сильного противника и боролся с искушением ударить того ногой. Почувствовать как его нога входить во что-то мягкое…

Он справился с собой, посмотрел на притихших дружков Лешки и устало опустился на землю. Страшно болела голова, как сейчас.

«Нет, пора спать. На сегодня для него слишком много впечатлений», – И Андрей Кедров провалился в глубокий сон. Это была его первая ночь на планете Арикдна, удаленной от Земли на шестьсот тысяч световых лет, столицы могущественно Содружества Свободных Планет, государства с населением почти сто миллиардов человек и раскинувшегося более чем на сорок тысяч световых лет.

Глава 7

Кристалл кварца очередной раз неуловимо вздрогнул, и на настенных электронных часах вспыхнули в ряд четыре ноля.

«Ну вот, минуту назад я должен был улетать завтра, теперь уже сегодня, – Крон чуть слышно вздохнул. Его взгляд невольно остановился на спящей рядом с ним женщине.

Длинные раскосые глаза-щели были закрыты, их покой оберегала густая бахрома густых черных ресниц. Смуглая кожа чуть блестела под светом, пробивающимся из-за неплотно сдвинутых штор. В слегка приоткрытом рте, выглядывая из-за полных чувственных губ, матово отсвечивали белоснежные зубы. Мягкий детский подбородок… Прямо не спящая молодая женщина, а девочка-подросток. Хотя, в сущности, так оно и было. Аризе исполнилось восемнадцать лет, кардибских лет. А если перевести их в стандартные человские года, то получиться пятнадцать – целого года не хватает до совершеннолетия.

«Это у нас не хватает, а на Кардибе в таком возрасте некоторые местные девочки, вернее женщины уже имеют по второму ребенку. Так что у меня в постели не ребенок, а женщина, моя женщина», – мужчина осторожно дотронулся пальцем до мягких губ Аризы.

Девушка продолжала безмятежно спать. Крон почувствовал на своей руке ее теплое дыхание. Мужской палец чуть сильней надавил на губы, те податливо, почти не сопротивляясь, еще сильней раздвинулись, влажно обволакивая вторгшуюся чужую плоть. Еще легкий нажим и кончик пальца продерся сквозь чуть разомкнутые зубы. Лицо девушки было все так же спокойно, ни сбоя дыхания, ни малейшего вздрагивания. Бахрома век, будто спокойная река, ни волны, ни ряби, окаймляла берега век.

– Ариза, – чуть слышно, подстать нежнейшему дыханию девушки, выдохнул Крон. – Ариза, – на смуглом лице все та же безмятежность.

Вот из-за этого смуглого безмятежного лица полковник Военно-Космических Сил челов Бахрад Крон не хотел лететь на Эльдурей. Не хотел отрываться от этих податливых влажных губ, от нежных наманикюренных пальчиков, которые виртуозно, никогда не фальшивя играли с его мужским телом, извлекая страстные, бурные пассажи, сливающиеся в могучую симфонию чувственной любви. Ему не хотелось улетать от этого миниатюрного, но сильного и гибкого тела, раз за раз поглощающее полковника, затягивающее его в кипящий водоворот, на дне которого притаилась воинственная и безудержная, животная и великолепная в этом страсть. Спокойная девичья чистота, словно в горниле переплавлялась в изысканную, утонченную развращенность.

Они случайно встретились в одном из многочисленных баров, коими полна Барора – главная база Военно-Космических Сил челов.

Сюда, на переполненную бравыми десантниками, надменными пилотами и штурманами, под завязку забитую обслуживающим персоналом планету, слетались десятки тысяч девушек со всех концов громадного Союза Свободных Цивилизаций, в надежде найти себе достойного, обеспеченного мужчину. Ну, а если не получиться, то просто хорошо заработать на них – количество борделей едва ли не превышало количества гостиниц для бравых космических волков.

Ариза работала официанткой в баре «Зеленая планета». В бар «Пятьсот мегаватт», где Крон гулял со всем своим бесшабашным экипажем крейсера «Генерал Дарул», она пришла просто развеяться, отдохнуть от приевшейся обстановки «Зеленой планеты» и не более желанных знакомых лиц ее коллег.

Несколько вояк из его экипажа уже пытались взять на абордаж красивую, ладную, как статуэтка девушку. Но все попытки были безуспешны – Ариза была явно не в духе и мужчины, постоянно мелькавшие у нее перед глазами уже целый год, в этот вечер ее просто раздражали.

Взрыв хохота заставил полковника отвлечься от почти побежденной бутылки «Три стакана».

– Валаш, по какому случаю веселье?

Штурман «Генерала Дарула» Валаш Кортель повернул к своему командиру свое улыбающееся лицо, и слегка растягивая слова, как это делают уроженцы четвертого сектора государства, пояснил:

– Тут одна девушка отшила нашего красавчика Келлона.

– Отшила Келлона? Не может быть!

– Может! Сказала, что она не любит яйца, от них у нее несварение.

– А причем тут Келлон? По-моему, он все же не яйцо, – полковник энергично тряхнул головой, словно пытаясь вытряхнуть из головы изрядную порцию «Трех стаканов» и уловить, пока не понятную ему связь между командиром десантной группы его крейсера Омаром Келлоном и обычным яйцом.

– Нет, Келлон не яйцо, он десантник.

– Ну?

– А десантники как яйца – либо крутые, либо всмятку! – давясь от смеха, штурман повторил слова Аризы.

Крон секунду переваривал сказанное, затем решительно, как он привык всегда поступать, встал из-за стола и направился к Аризе.

– Хочу увидеть ту, которая устояла перед чарами Келлона.

Вот так они и познакомились – командир прославленного «Генерала Дарула», награжденный высшей боевой наградой Союза и официантка бара «Зеленая планета».

Ариза полковника не отшила – полковничьи погоны, знаки многих боевых наград, властный взгляд привыкшего к подчинению офицера и благородная седина на висках. Это был почти принц на белом коне, только вместо белого коня, черный крейсер, а вместо копыт, четыре пятисот мегаваттные лазерные установки.

На следующий день девушка перебралась в люксовские апартаменты командира крейсера – Крон, как привык командовать боевым звездолетом, так и в жизни действовал быстро и решительно.

После развода с женой семь лет назад, немало прелестниц скрашивало досуг космического асса. Так что мужчина немало перевидал и перепробовал. Но то, что проделывала с ним Ариза, не шло ни в какое сравнение. Это как работа шеф-повара по сравнению со стряпней кухарки, как извержение вулкана на фоне язычка пламени дешевой зажигалки.

– Ариза, – вновь тихо прошелестело в гостиничном номере.

Острые молодые зубки медленно сжали его палец, а затем еще более сладостно-тягуче нежные губки полностью втянули его палец в рот.

– Ариза… – только и смог прошептать Корн, задыхаясь от уже изведанного, но не переставшего волновать предстоящего действа.

Сладкая ловушка отпустила его палец, и тут же смуглое гибкое тело взметнулось над мужчиной…

– Ариза, мне через час надо уходить, вернее улетать.

Девушка, с опущенным на его грудь лицом не шевельнулась.

– Давай поженимся, – неожиданно для себя бухнул полковник.

– Не успеем, уже поздно, – девушка не отрывала лица от его груди.

– Ты будешь меня ждать?

Нежные лопатки на секунду чуть приподнялись в неопределенном пожатии плечами. Густая грива черных волос сползла с них.

– Я через полгода вернусь, чтобы ждала, – полковник вновь заговорил привычным для себя властным тоном. – А это, чтобы легче было ждать, – Крон осторожно, но решительно отстранил от себя женщину, встал с постели и, подойдя к висевшей в шкафу своей форме, вытянул что-то из кармана и бросил на стол.

Через час он уже летел на флайере к космодрому номер пять, где, задрав высоко вверх главную антенну гиперпространственной связи, стоял «Генерал Дарул», готовый к головокружительному, через изнанку Вселенной, прыжку к бывшей кроковской, а сейчас человской военной базе Эльдурей – ключом ко всему третьему сектору государства кроков.

А в люксовском номере гостиницы, стоя около стола, обнаженная девушка задумчиво двигала по нему банковскую карточку полковника Военно-Космического флота, словно раскладывала невидимый пасьянс.

– Ты точно тогда на мне женишься? – высокая девушка с короткой стрижкой пшенично-желтых волос, лежа на животе, смотрела на телевизор, вделанный в стену комнаты.

На большой, в полстены телевизионной панели шла какая-то мелодрама – молодой человек в старинном костюме стоял на коленях перед девушкой, одетой в белое, с пышными кружевами, платье и умолял его простить.

– Гелла, я привык держать слово. Вернусь с Эльдурея и сразу надену на тебя свадебный венок, – молодой парень, лежа рядом с девушкой, гладил ее по спине.

– Вернусь с Эльдурея, – задумчиво повторила Гелла, – а когда это будет?

– Не знаю, – в голосе парня послышались нотки раздражения, – старшему лейтенанту об этом не докладывают. Приказано вылететь и точка.

На телевизионном экране девушка в белом закатила молодому человеку звонкую пощечину и, развернувшись, пошла прочь.

– Хорошо, я буду ждать, – девушка чуть слышно вздохнула, – ничего другого же не остается. Вернее, мы будем ждать, – через паузу добавила она и взяла в руке пульт дистанционного управления.

Женский пальчик уверенно стал нажимать на кнопки, переключая каналы.

Рука парня, до этого бесцельно бродившая по обнаженной девичьей спине, замерла.

– Не понял, что значит «мы»?

– Что ж тут не понять, Кунни? Если окучивать девушку по пять раз в день на протяжении трех месяцев, то тут и черенок от грабель, росток пустит.

– Ты… ты же говорила, что предохраняешься?

– Предохранялась, но твой напор, наверное, смел все средства контрацепции!

– Черт!

– Я смотрю, ты не рад? – девушка, наконец, повернула к своему собеседнику лицо. На нем застыла горькая усмешка.

– Да нет, я… все это так неожиданно, – парень, не выдержав укоризненный взгляд девушки, опустил глаза.

– Вот поэтому я и спрашивала, когда ты вернешься с этого Эльдурея. Хочется все же, чтобы ты был рядом со мной при родах.

Девушка раздраженно отбросила от себя пульт.

«Черт, вот это влип. Так проколоться. Да, хорошо прошла у меня стажировка на новый корабль. Теперь все, прощай вольная холостяцкая жизнь. Просто так уже не нагрянешь в ночной клуб или не зависнешь с друзьями-подружками в баре. Да какие к черту уже подружки? Что же делать? Может уговорить эту дуру сделать аборт?», – парень поднял голову и посмотрел на свою подружку.

– Геллочка, а может не будем спешить? Зачем нам сейчас ребенок? Мы еще так молоды. А это всегда успеем.

– Поздно, дорогой. Все сроки вышли.

– Чего же ты раньше молчала?!

– А ты не кричи на меня! Я ничего такого не ожидала. Я ведь предохранялась и только позавчера, когда пришла от тебя домой, поняла, что беременна. Вернее догадалась. Меня стошнило, я все сопоставила, ну и… тест дал положительный результат.

– Что сопоставила?

– Я тебе уже сказала! Беспрерывные занятия любовью с тобой, задержку месячных.

Молодой человек от раздражения закусил губу.

– Ты не предохранялась, – наконец выдохнул он, – ты это специально, чтобы выйти за меня замуж!

– Как ты смеешь?!

Еще минут десять в квартире старшего лейтенанта Объединенного Флота кроков О'Кунни Долна разыгрывалась стандартная, многовековой давности, пьеса: «Залетевшая девушка объясняется со своим парнем». Пройдя положенные ему в таких случаях этапы: ошеломление, уговоры прервать беременность, раздражение, Долн начал предпоследний акт этой пьесы – свыкание с неизбежным.

– Когда тебе рожать?

– Через пять месяцев.

– Мальчик, девочка?

– Судя по тесту, мальчик. Но это не точно. Завтра пойду к врачам и уточню.

– Меня уже завтра здесь не будет, – меланхолично заметил молодой человек.

– С вами связь же будет. Как-нибудь сообщу.

Кунни молча кивнул.

«Все, отгулял свое, мальчик. Теперь от свадьбы не отвертеться. Чувствуется, эта девица еще та, своего не упустит. Если что, подымет так скандал, что из старлея вмиг в лейтенанты вернусь. Будто и не было двух годов службы. А потом с такой записью в личном деле выше майора можно и не мечтать», – парень чуть слышно вздохнул.

– Хочешь погладить его?

– Кого погладить?

– Твоего ребенка, – Гелла кокетливо улыбнулась и перевернулась на спину.

Теплая, гладкая девичья кожа приятно струилась под мужской ладонью.

А на противоположной стене, на экране в бездонном холодном Космосе кроковский и человский крейсера кружились в смертельном танце, время от времени рассекая угольную черноту пространства вспышками лазерных лучей.

«А ведь если я погибну, то после меня все равно останется человечек. Человечек, которого я сейчас глажу», – неожиданная мысль, словно хлестнула по мозгу откуда-то из темных глубин подсознания. – А значит, я как бы и не совсем погибну. Нет, мне это уже начинает нравиться».

– Это уже ты гладишь не живот.

– Я это уже почувствовал, – мужские руки обняли лежащую навзничь девушку…

Старший лейтенант О'Кунни Долн начал разыгрывать последний акт пьесы – примирение.

Тем временем, в виртуальном мире доблестные кроковские десантники захватывали, взятый на абордаж, человский крейсер. Челы отчаянно сопротивлялись. Но шум и крики драки, стоны раненых не смогли заглушить шум, крики и стоны реальной жизни.

А утром он уже смотрел заспанными глазами на огромный, раскинувшийся почти до самого горизонта космодром четвертого ударного флота кроков. Где-то на нем, среди сотен других звездолетов стоял и его тяжелый крейсер «Грозная сила». Все было готово к прыжку на Эльдурей.

Две великих космических державы – Содружество Свободных Планет и Союз Свободных Цивилизаций стягивали к Эльдурею все новые и новые силы.

Глава 8

Крохотная пылинка, невесть как оказавшаяся на президентском столе невольно привлекала внимание, отвлекая от главного – обсуждение хода операции «Справедливость».

«И за что такие деньги получает Служба Безопасности? Как же они «жучки» вычислят, если даже от элементарной грязи стол не могут как следует вычистить», – Президент Содружества Свободных Планет О'Ролли Норк оторвал взгляд от стола и недовольно взглянул на директора Службы Безопасности Сарба, делающего в это время доклад.

Тот уловил этот недовольный взгляд и, не понимая причин, его вызвавших, невольно запнулся:

– Таким образом, план операции «Справедливость» успешно… э… пока успешно выполняется.

– С этим пленным челом работа уже проведена?

– Нет, господин Президент. Он еще должен немного набраться информации, чтобы понять, то, что мы захотим, чтобы он понял, – Сарб чуть улыбнулся.

– Ладно, время еще есть. Что у Вас, адмирал?

Верховный Адмирал Объединенного Флота О' Торри Свил грузно поднялся с кресла.

– Практически все необходимые силы для проведения операции «Справедливость» к Эльдурею переброшены. Оставшаяся небольшая часть будет там завтра-послезавтра, – глухо, уткнувшись в компьютер, доложил военный.

«Недоволен старина Свил. Еще бы, выполняет операцию, разработанную Сарбом. И, наверняка, боится, что в случае ее успешного выполнения Сарб захочет его место, место Верховного Адмирала Флота. Но все равно, будет прилагать все усилия, чтобы все прошло хорошо. Иначе будет иметь дело с Харком, впрочем, мы все будем иметь с ним дело», – Норк недовольно фыркнул. И, видя направленные на него удивленные взгляды, чтобы замять свою неловкость, Президент тут же задал, неожиданный для окружающих, вопрос, уже вслух, продолжа свои размышления:

– Кстати, что там Харк?

«Черт, некрасиво получилось. Ни с того, ни с сего, прервал Свила», – мысленно отругал себя Норк, глядя как одутловатое лицо Верховного Адмирала покрывается красными пятнами.

– Готовиться к президентской должности, – быстро сориентировался директор Службы безопасности Сарб и иронично улыбнулся.

Эта улыбка не понравилась Норку. Он вновь невольно скосил взгляд на соринку на своем столе.

«Даже убрать как следует не могут, а улыбаться иронично над другими – всегда пожалуйста».

– Иронично улыбаться можно потом, после освобождения Эльдурея. А сейчас поводов для улыбок нет. Ни для каких, и ироничных в том числе, – и Норк брезгливо, демонстративно смахнул надоевшую ему соринку со стола. – Господин Верховный Адмирал, какой там наш следующий ход у Эльдурея?

– Разведка боем, господин Президент, – уловивший настроение Норка, адмирал Свил отвечал значительно более уверенным тоном, пора приступать к тестированию трасс.

Два кроковских звездолеты вынырнули из гипера в трех миллионах километрах от Эльдурея. Сигнал об этом поступил сразу от двух датчиков контроля целостности пространства, густо растыканных челами в окрестностях этой стратегически важной планеты.

Два, дежуривших в этом секторе, человских крейсера «Генерал Дарул» и «Бартиза» спешно завертели своими платформами с лазерными установками, наводя их на цель. Бортовые компьютеры работали в полную мощь, жонглируя миллиардами цифр, заставляя звездолеты совершать нужные движения.

Еще раз пискнули датчики контроля, посылая сигналы – кроковские звездолеты вновь ушли в гипер.

– Дать бы сейчас лучом по гиперокну, может в какую-нибудь звездочку этих засранцев и вкинет, – начальник лазерных установок крейсера «Генерал Дарул» Рахад Клан с сожалением смотрел на экран монитора.

– Не получится. Кроки слишком быстро нырнули обратно в гипер. Датчики контроля не смогли точно определить их координаты, – командир крейсера Бахрад Крон расслаблено откинулся на спинку кресла. – Прощупывают нас, хотят выявить нашу систему обороны.

– Ну-ну, пусть пытаются. Я таки поймаю какого-нибудь крока в прицел своих пушечек.

– Было бы неплохо, – полковник Крон еще раз окинул опытным взглядом панель управления – пока все спокойно.

«Как там Ариза? Черт, прошло всего три дня, как я с ней расстался, а уже хочется садануть по этой красной кнопке перехода в гиперрежим и через минуту оказаться около Бароры . Как подумаешь, что придется здесь кантоваться еще полгода, хоть волком вой», – мужчина прикрыл глаза, представляя свою Азизу – смуглое гибкое тело девочки-подростка, спадающие до пояса черные волосы, маленькие упругие груди, полностью помещающиеся в ладонь полковника…

Противный вой датчиков контроля целостности пространства вновь ударил по барабанным перепонкам людей. На этот раз из гиперпространства вывалилось четыре…пять…нет, шесть звездолетов кроков!

Бахрад Крон мгновенно понял замысел врага. Те первые были разведчики. Крокам повезло. Выскочив в обычное пространство, они оказались всего лишь в пятидесяти тысячах километров от двух человских крейсеров – рукой подать по космическим меркам. Благодаря такой близости, кроки сумели довольно точно определить координаты своего врага. И зная их, скорректировать свой второй прыжок через гипер. Четыре кроковских звездолета и два эсминца оказались за кормой крейсеров челов, в двадцати пяти тысячах километрах от них – восемь сотых секунды полета для боевого лазерного луча. Вынырнули и тут же разрядили свои лазеры по врагу.

Рубку управления крейсером мгновенно заполнил вой сирены, предупреждающий о лазерной атаке. Тот час на мониторе побежали колонки цифр, высветилась схема корабля.

– Кормовые защитные экраны – семьдесят процентов повреждения! – со своего места прокричал оператор управления защитой крейсера.

– Барруд, переворачивайся, – громко, но, сохраняя спокойствие приказал Крон, дежурному пилоту. – Рахад, наводи кормовые, – это уже начальнику лазерных установок.

По громадному телу тяжелого крейсера пробежала дрожь – включились двигатели коррекции. Сзади, в ста метрах от рубки управления чуть слышно жужжали электромоторы, наводя две кормовые лазерные установки на кроковские звездолеты.

Знакомый вой сирены и рубка управления погрузилась во мрак – будто громкий звук вытеснил из помещения свет. Автоматика корабля отреагировала мгновенно – рубку залил неяркий свет автономного освещения.

– Защитные кормовые экраны – повреждения сто процентов!

– Повреждена первая двигательная установка!

«Не смертельно! Главное не взорвались! А по корме они уже больше не ударят – мы уже начали разворачиваться. Прорвемся!», – командир «…….» смотрел на экран монитора, где компьютер «рисовал картинку» взаимного расположения всех кораблей.

– Командир!! Левый экран…

Еще не взглянув туда, судя по голосу Рахада, Крон понял, что он там увидит. Он не ошибся. На черном бархате Космоса появилась огненно-красная клякса взрыва – «Бартиза» больше не существовало.

– Рахад, как только кроки окажутся в зоне поражения, огонь без команды!

– Есть!

«Ничего, через тридцать секунд заговорит мой главный калибр».

Мигнуло аварийное освещение – сделали залп две кормовых лазерных установки.

Компьютер на мониторе подсветил красным два кроковских звездолета – есть попадание! И тут же Крон увидел, как один крейсер и один эсминец кроков вышли из боевой линии и устремились к Эльдурею, смещаясь по экрану вправо.

«Хотят вычислить наши датчики контроля во втором секторе. А где же наши крейсера с других секторов? Им давно уже быть здесь», – командир «Генерала Дарула» мельком бросил взгляд на часы – прошло шесть минут боя.

Долгожданным зеленым светом загорелась одна из лампочек на пульте управления – кроковские корабли оказались в зоне обстрела главного калибра крейсера. Полковник не успел отдать приказ. Уже давно готовые к стрельбе, четыре пятисот мегаваттных чудовища тут же получили команду – электрический импульс от Рахада Клана. И счетверенный, несущий две тысячи мегаватт энергии сгусток света навалился на один из кроковских крейсеров. Его защитные экраны мгновенно, как губки напитались электромагнитной энергией и не в силах вобрать все пребывающую и пребывающую энергию, дали «течь» – раскаленный смерч лизнул по корпусу крейсера. Спасая корабль, его бортовой компьютер буквально взнуздал насосы системы охлаждения, заставляя их работать в пиковом режиме. Но его «героические» усилия не помогли. За секунду испарив всю охлаждающую жидкость, смерч накинулся на беззащитную броню. Еще две секунды и броня крейсера «поплыла». Удар лазерного луча пришелся по отсеку, где размещался ядерный реактор для запитки прожорливого нуль-континуум генератора. Пробравшись туда, квантовый смерч быстро расправился с системой охлаждения реактора и, наконец, успокоился, «скончавшись» в расплавленном внутреннем контуре системы.

Недавно честно отработав во время гиперпространственного прыжка, ядерный реактор «дремал», медленно охлаждаясь. Лишившись приятной прохлады, он мгновенно «вскипел» – расплавившаяся активная зона быстро разогрела все вокруг. Превращенные в пар тонны охлаждающей жидкости ректора рванули во все стороны, разрывая крейсер пополам.

– Есть один! – возбужденно заорал Рахад Клан.

Его радостный вопль мгновенно потонул в истошном вое сирены – оставшиеся на боевой линии два крейсера и эсминец кроков разрядили свои лазеры об оставшийся звездолет челов. Защитные экраны тут же разрушились, не в силах противостоять рушившемуся на них концентрированному свету. Прыгнули в красную зону показания температуры охлаждающей жидкости. Свет в рубке управления несколько раз мигнул и окончательно погас. Крупная дрожь пробежала по корпусу корабля, словно какое-то чудовище впилось в него и теперь с остервенением рвало. Тут же потухли экраны всех мониторов и индикаторные лампочки. Перестала работать система воздухоснабжения.

«Все, пришло время умирать. Сейчас по уже беззащитному звездолету будет еще один залп и все», – встряхнув мимолетное оцепенение, полковник Бахрад Крон вскочил с кресла.

– Всем надеть защитные костюмы!

«Спастись – один шанс из тысячи. Эх, успеть бы добраться до спасательной капсулы», – командир крейсера одним прыжком оказался около своего индивидуального шкафа и рванул его дверь.

Уже надевая перчатки, Корн ощутил легкий толчок. Старый космический волк сразу понял что это – из специальной шлюзовой камеры вылетела спасательная капсула.

«Отдыхающая смена покинула корабль. Уже легче. Осталось еще две капсулы».

И тут же последовал еще, значительно более сильный толчок, сбивший людей с ног. За стенами рубки что-то загрохотало, раздался скрежет металла.

Находившиеся в рубке люди замерли, все взгляды были прикованы к двери. Казалось, еще миг и она вылетит под действием чудовищных разрушающих сил и на валяющихся на полу людей глянут холодные звезды из холодной черноты Космоса. Мгновение, другое – оглушающая тишина, только какие-то тихие ритмичные удары: бам, бам, бам.

Четверо людей – дежурная смена корабля, наконец, смогли добраться до входной двери в рубку. Крона обхватил рукой рычаг аварийного механического открытия двери, обвел взглядом товарищей.

– Бам, бам, бам.

Медленно полковник потянул рычаг на себя. Ни с места.

«Неужели заклинило? Кислорода хватит часов на шесть, если к тому времени не задохнемся».

– Бам, бам, бам.

Крон рванул на себя рычаг со всей силы. Чуть-чуть, буквально на миллиметр рычаг поддался и тут же раздался сильный свист – массивная дверь чуть съехала в сторону, и в образовавшуюся щель устремился воздух.

«Так, за рубкой вакуум. Теперь вся надежда на капсулу».

И вновь знакомый легкий толчок – из корабля ушла вторая капсула.

«Еще кто-то покинул корабль. Наверное, в первой капсуле улетели не все. Обидно, если кто-то не дождавшись, улетит на третьей, последней».

– Бам, бам, бам…

Еще рывок рычага на себя. Свист сразу усилился.

Через пятнадцать минут дверь в шлюзовую камеру, наконец, приоткрылась настолько, что через образовавшийся проем можно было протиснуться человеку. Свист воздуха уже давно стих – жадный Космос все забрал себе.

Первым в узкий проход полез Крон. Луч фонаря, укрепленного на шлеме, выхватил узкий коридор, ведущий к рубке. Никаких разрушений видно не было.

– Бам, бам, бам, – раздалось буквально рядом.

Инстинктивно полковник отпрянул назад.

– Командир, – раздалось в шлеме по внутренней связи, – может давай я пойду первым, – Крон узнал голос Рахада.

Командир крейсера полоснул своего подчиненного свирепым взглядом и тут же понял, что светофильтр на шлеме скрывает выражение его лица.

– Как-нибудь сам.

Протиснувшись в проход, Крон заглянул за дверь.

– Бам, бам, бам.

– Тьфу ты, черт, – услышали оставшиеся в рубке люди.

Причиной стука была табличка с надписью: «Только время властно над нами». Эта табличка была своеобразным талисманом экипажа крейсера «Генерал Дарул». Отправляясь в полет, ее собственноручно цеплял командир крейсера. Табличка была сделана из того же материала, что и подошвы ботинок космонавтов – при пропускании слабого тока от аккумулятора, впаянного внутрь пластины, она становилась магнитной и надежно прилипала к стали. При отключении тока, магнитные свойства пропадали. Управлялся аккумулятор миниатюрным чипом и датчиком, измеряющим усилие прикладываемое к пластине. Если давление возрастало – человек опирался на эту ногу, датчик посылал соответствующий сигнал на чип и тот, плавно усиливая ток, увеличивал магнитные свойства пластины. При уменьшении усилия – человек начинал поднимать ногу, магнитные свойства плавно уменьшались до нуля, причем сначала исчезали на одном краю пластины (на пятке), а потом уже и на другом (на носке). Благодаря этому люди могли комфортно передвигаться по кораблю во время полета. На таблички аккумулятор был постоянно включен. Но очевидно из-за резкого перепада температур или сильной вибрации, с чипом что-то случилось, и он самопроизвольно то подавал ток на один край пластины, то нет. В результате чего получился своеобразный маятник, колотивший по двери.

– Само время постучало к нам в рубку, – в шлеме опять раздался голос командира лазерных установок.

– Господин капитан, оставьте Ваши остроты на потом, – Крону явно не понравилась эта шутка, – если оно, конечно, будет, это потом.

– Слушаюсь, господин полковник!

«А ведь он так подбадривает нас. А я на него окрысился. Молодец Рахад», – командир крейсера досадно мотнул головой.

– Ну, что, господа, пошли к нашей капсуле, – проговорил он нарочито чуть насмешливым тоном.

Небольшой отряд скорым шагом прошел небольшой коридор и уперся в следующую дверь, ведущую в жилой отсек.

«Хоть бы дверь оказалась не заклиненной», – Крон сильно потянул рычаг на себя. Дверь на удивление легко открылась и люди увидели звезды.

«Так вот почему никто из экипажа крейсера не пришел к ним на помощь, не попытался выяснить судьбу командира корабля и остальных людей, находившихся в рубке», – Бахрад Крон смотрел на разверзшуюся прямо под ногами пустоту.

Залп лазерных установок кроковских звездолетов пришелся на этот отсек. Сразу в нескольких местах корпус корабля не выдержал и был прожжен. Положение усугубило то, что в одном из этих мест находилась мощная установка регенерации воздуха и воды. Под действием высокой температуры произошло мгновенное выделение большого количества кислорода и водорода и, как следствие, сильный взрыв. По сути, в жилом отсеке взорвалась мощная объемная бомба. Корабль почти раскололся на две части – лишь в нескольких местах жилого отсека сохранилась целостность корпуса. Целые каюты с находившимися там людьми были просто выдуты в открытый Космос. На спасательных капсулах спаслись лишь те, кто оказался в самом конце жилого отсека, рядом с кормой.

Кто-то осторожно дотронулся до Крона и тут же он услышал голос Рахада:

– Что будем делать, командир? Кислорода в баллонах на пару часов.

– Я вот никак не пойму, почему кроки не сделали еще один залп, чтобы добить нас окончательно.

Его собеседник лишь молча развел руками и завертел головой, словно пытаясь увидеть вражеские звездолеты. Увидев эти движения Крон скупо улыбнулся – неистребимая человеческая привычка увидеть врага воочию, хотя с тех времен, когда противники во время боя уже перестали видеть друг друга визуально прошел не один век. С перемещением сражений в Космос, расстояния между воюющими сторонами еще больше возросло. Счет пошел на десятки и сотни тысяч километров. И вот в этом бою, когда кроков и челов разделяли какие-то двадцать пять тысяч километров – по космическим меркам схватка велась почти в рукопашную, разве можно заметить невооруженным взглядом звездолет на таком расстоянии? И может сейчас, когда они стоят на краю огромной дыры в изувеченном крейсере, откуда-то из темноты уже несется боевой лазерный луч.

Представив эту картину, полковник зябко повел плечами. И в тот же миг на людей обрушился электромагнитный луч:

– Крейсер «Генерал Дарул», отзовитесь, – раздалось в шлемах людей.

– Наши! – одновременно радостно закричали Барруд и Рахад.

– Ребята, слышим Вас отлично! Корабль уничтожен, нуждаемся в эвакуации.

Ответ пришел через долгую одну минуту:

– Говорит эсминец «Стремительный – 5». На сколько у вас хватит кислорода?

– На два часа.

И вновь долгая минута ожидания.

– Они очень далеко от нас. Минимум в девяти миллионах километров, – дежурный пилот Барруд Зараштан всегда быстро считал в уме. На обычных движках им идти пятьдесят часов.

– Может попробуем пробраться к оставшейся капсуле? – предложил Рахад.

– По этим лохмотьям? Не успеем, кислород быстрее закончиться. Если конечно раньше не замерзнем. Не знаю как у кого, но у меня лично уши начинают подмерзать, – возразил Барруд.

– Да, способов попасть на тот свет гораздо больше, чем появиться на этом, – тут же слова друга прокомментировал Рахад Клан.

– Крейсер «Генерал Дарул», сейчас прыгнем к вам через гипер. Ждите, – наконец пришел ответ из Космоса.

– Ребята должны вынырнуть от нас не дальше трехсот пятидесяти тысяч километров, – тут же сказал Зараштан.

– Спасибо. Я уже тоже это посчитал, – сухо ответил Крон.

– А все же, куда подевались кроки?

– Рахад, когда нас спасут, ты это можешь спросить у наших спасителей.

Шутка командира понравилась, и все рассмеялись. И как-то разом смех оборвался. Люди стояли на пороге дверей, ведущих в никуда, и на них, сквозь огромные дыры в корпусе звездолета, смотрели на звезды.

– Наверное подготовка к гиперу в самом разгаре, – нарушил мрачную тишину Зараштан.

– Угу, наверняка уже разгоняют турбинные блоки, – поддержал того Рахад Клан.

– Хватит гадать. Через пять минут все узнаем, – командир крейсера резко прервал своих подчиненных.

Он ошибся, они узнали свой вердикт у Судьбы: спасены – не спасены, не через пять минут, а… шесть.

Характерной яркой вспышки, образующейся при выходе корабля из гиперпространства, они не видели – эсминец «Стремительный – 5» материализовался за их спиной.

– «Генерал Дарул», с Вас ящик пива! Через полчаса будем у вас, – оглушающе прозвучало в шлемах экипажа крейсера.

– С каждого по ящику! Вы какое любите!

Через полчаса к изуродованному крейсеру подлетела спасательная капсула. А еще через сорок минут Бахрад Крон, Рахад Клан и Барруд Зараштан оказались на эсминце «Стремительный – 5». И там они узнали, почему кроки так и не добили их крейсер.

– Есть, мы его прикончили! – О'Кунни Долн, сменный оператор управления лазерными установками, горящими глазами буквально впился в экран монитора.

Видеокамеры внешнего обзора передавали радостную для кроков «картинку» – последний оставшийся звездолет челов будто вспух в середине, корпус его лопнул, и в Космос полетели какие-то ошметки.

– Кунни, еще один залп, – услышал он приказ своего командира полковника Ларка.

– Есть залп! – Долн нажатием кнопки, вновь запустил циклограмму подготовки лазерных установок.

Зуммер датчика контроля целостности пространства и тревожный возглас дежурного пилота Золна:

– Еще один звездолет челов! – раздались практически одновременно.

Небольшой эсминец умудрился появиться в каких-то двадцати тысячах километрах от кроковской боевой линии. И тут же, что называется навскидку, разрядил три своих ста пятидесяти мегаваттных лазерных пушки в один из кроковских крейсеров. На таком расстоянии расхождение лазерного луча минимально, поэтому смело можно было считать, что крейсер получил себе в корму все до остатка четыреста пятьдесят полновесных мегаватт. И эти мегаватты, пробив защитные экраны, раскаленной иглой пронзили топливный отсек. Крейсер исчез в громадном огненном шаре.

Но кроки не первый год воевали и, захватив чуть ли не полВселенной, владели искусством ведения космических баталий в совершенстве. И они понимали, что может им грозить появления неприятельского звездолета в тылу их боевой линии. Поэтому все кормовые лазерные установки пребывали в полной боевой готовности.

Сразу шесть сгустков энергии попали в нахальный эсминец. И еще один красивый огненно-красный шар вспыхнул в Космосе.

Но своей смертью эсминец спас Крона и его людей. Кроковским звездолетам необходимо было секунд десять, чтобы их ядерные реакторы вновь накопили энергию для полновесного залпа главного калибра. Но адмирал Вирн – командующий этой разведывательной эскадрой кроков не стал дожидаться этих десяти секунд.

– Всем немедленный уход в гипер. Идем по третьему направлению, – вспыхнуло на мониторах командиров кораблей и раздалось из динамиков громкой связи.

– Если вслед за этим безумцем повалят другие звездолеты челов, нам п…ц, – лаконично пояснил он командиру крейсера «Грозная сила»».

Мгновенно были нажаты необходимые кнопки и бортовые компьютеры посыпали тысячами миллисекундных команд, дирижируя слаженным оркестром всех узлов и механизмов звездолетов. Могучая энергетическая река, готовившаяся окончательно снести в небытие «Генерала Дарула», одним щелчком реле была направлена в другое русло – пробивать дыру в трехмерном пространстве.

Отдавая приказ, адмирал Вирн не знал, что это был единственный звездолет челов, который попытался помочь погибающему крейсеру. Готовившиеся за ним к прыжку еще два человских крейсера были срочно переброшены в другой сектор, где ситуация складывалась еще более угрожающая.

Через несколько минут один за другим кроковские звездолеты покидали привычный мир звезд, чтобы спустя некоторое время вынырнуть за несколько световых лет от Эльдурея.

«Всемогущий Картан, неужели вот так будет продолжаться все время, – буквально закутанный в свое противоперегрузочное кресло старший лейтенант Долн старался, как предписывала инструкция, успокоить дыхание и чуть морщился, от навалившейся на него тяжести, – все время ходить по лезвию бритвы, вернее по человскому лазерному лучу и постоянно думать, перережет он тебя на этот раз или нет. А у меня будет наследник», – эта неожиданная мысль его ободрила. Он даже улыбнулся и открыл глаза – на черных, во время гиперперехода мониторах, вновь засияли звезды.

В тот день, в соответствии с планом «Справедливость» в шести секторах космического пространства Эльдурея кроки произвели разведку боем обороны челов и оттестировали трассы к ним – уточнили различные параметры гиперпространства по этим направления. В следующий раз, перемещаясь по этим трассам, можно будет точнее произвести выход из гиперпространства. При этом они потеряли четыре крейсера и три эсминца. Потери челов составили шесть крейсеров и столько же эсминцев.

И тихо гудели компьютеры, обрабатывая терабайты информации о системе обороны Эльдурея, и бесшумно неслись в ледяном пространстве с космическими скоростями останки звездолетов и людей, оплативших эту информацию.

Глава 9

Громадный зал совещаний почему-то всегда раздражал Картара Вараштана. Уже через десять минут нахождения в нем у Президента Союза Свободных Цивилизаций появлялось какое-то глухое раздражение. Ему переставала нравиться погода за окном, даже если был идеальный солнечный день, переставал нравиться распорядок дня, иногда составленный на месяц вперед, переставал нравиться ход совещания, доклады и высказывания министров. Переставал нравиться он сам. Именно поэтому, его суждения и реплики по рассматриваемому вопросу становились все более резкими и беспощадными, а итог совещания – часто разгромным для людей, участвующих в нем.

Вараштан за четыре года своего президентства трижды приказывал кардинально изменить интерьер зала. Светлую мебель сменяла очень светлая. Панели из редчайшего аркура, росшего чуть ли не у черта на куличках – в звездной системе, находящейся в глубоком тылу кроков, снимались и стены отделывались тривиальной курдой. Помпезный стиль времен королевских династий сменял строгий, прямолинейный деловой стиль. Ничего не помогало. Глухое раздражение все равно появлялось. На пятый год Президент махнул на это рукой и даже начал использовать в свою пользу. Если дела по какому-либо вопросу шли плохо, чиновники, ответственные за этот вопрос вызывались в роскошный огромный зал совещаний. Если же надо было людей поблагодарить, подбодрить, Картар Вараштан приглашал их в свой небольшой рабочий кабинет. Иногда там люди сидели, чуть ли не друг у друга на головах, но, зная эту особенность Президента, они готовы были вообще присутствовать на совещания в любом положении, хоть на ушах стоять, но не под каким предлогом не переходить в расположенное рядом просторное помещение.

Случалось так, что по ходу совещания выяснялось, что тот или иной чиновник требует взбучки. Тогда объявлялся перерыв. Служивые молча вздыхали, зная, что за этим последует. И никогда не ошибались. Им объявлялось, что по техническим причинам совещание будет продолжено в зале совещаний. Вот и сейчас, разбор полетов по итогам боя с кроками около Эльдурея было назначено в этом грозном помещении.

– Если мы будем и дальше так воевать, то скоро такие совещания мы будем проводить в подземных бункерах, опасаясь атак кроков, – Президент открыл совещание, даже не дождав-

шись, пока все приглашенные рассядутся по своим местам. И наименее проворные вынуждены были буквально прыгать на свои места. – Позор! Не зная нашей системы обороны, атакуя! кроки уничтожили двенадцать наших звездолетов, потеряв при этом семь. Маршал Бран, Вы можете мне объяснить эти цифры?

Рядом с Президентом поднялся высокий, массивный Главнокомандующий Военно-Космическими силами челов маршал Бран с лысой, как бильярдный шар головой, хищным, хрящеватым носом. Светло-серые, как густой морочный туман над болотом, глаза смотрели из глубоких глазниц, прикрытых сверху густыми седыми бровями.

– Господин Президент, – густым, подстать фигуре, басом загудел маршал, – мои подчиненные строго выполняли инструкцию Главного Космического штаба относительно вот таких разведок боем, которую вчера провели кроки.

– Маршал, Вы хотите сказать, что все дело в неправильной инструкции? Главный генерал Кагараштан, что Вы на это скажите?

По другую сторону от Президента стремительно вскочил полный антипод маршала – маленький, сухонький начальник Главного Космического штаба Главный генерал Баррад Кагараштан.

– Господин Президент, составляя эту инструкцию, Главный штаб исходил из математической модели, что… – высоким голосом, почти фальцетом, зачастил генерал.

– Господин Президент, – густой бас Главнокомандующего легко перекрыл дробь штабиста, – Вы меня не правильно поняли, вернее не дали мне договорить, – твердо смотря в глаза Президенту, отчеканил маршал.

В огромном зале совещаний словно сгустилась зловещая пауза. Присутствующие враз принялись изучать сложную инкрустацию стола.

– Хорошо, – наконец проговорил Картар Вараштан, – договаривайте господин маршал. Мы Вас внимательно выслушаем.

– Инструкция, составленная Главным штабом, верна. Она предусматривает минимальное задействование сил при проведении врагом разведывательных операций. Это позволяет максимально скрыть нашу систему обороны.

– Хороша инструкция! Мы кладем двенадцать звездолетов, кроки семь. Разница – пять звездолетов. Десять дней таких разведок боем и нет дивизии!

– Господин Президент, э…это не так, – вновь зачастил начальник Главного штаба, – мы проанализировали тактику кроков и если кроки вновь захотят провести разведку боем…

– Конечно захотят! Аппетит приходит с едой! А Вы им вчера подали обильное и изысканное кушанье. Двенадцать звездолетов! Из них шесть крейсеров!

– … они получат… э…достойный… отпор, – обескураженный репликой Президента, генерал кое-как закончил свою мысль.

– Хотелось бы в это верить! – хозяин кабинета недовольно сжал губы. – А что может нам сказать начальник разведывательного управления?

Рядом с маршалом Браном поднялся невысокий моложавый брюнет.

– Проведенный анализ информации, полученный нашими техническими средствами разведки, показывает, что кроки начали перебрасывать, вернее уже перебросили в район Эльдурея, то есть на расстояние не дальше пяти световых лет значительные дополнительные силы, порядка трех ударных дивизий.

– Этого и следовало ожидать. У Президента Норка дела – хуже некуда. А на носу выборы. Захват Эльдурея – хороший шанс повысить свой рейтинг и остаться в президентском кресле, – впервые за все время совещания Президент улыбнулся.

– Мы не предоставим ему этого шанса, – прогудел рядом с Вараштаном маршал Бран.

– А у меня такой уверенности нет. Хотелось бы верить в математические модели Главного штаба, но… – Президент развел руками, – а надо не гадать на компьютерах, а точно знать. Не

верить в победу, а быть уверенным в ней. А для этого надо досконально знать силы врага и его замыслы.

– Господин Президент, – вновь вскочил начальник разведывательного управления, генерал армии Захрад Вардан, – мы делаем все возможное. Совершаем разведывательные рейды, устанавливаем дополнительные автоматические станции слежения.

– Они что, помогут Вам узнать, например, план атаки на Эльдурей?

– Ну, со сто процентной вероятностью, конечно, мы его не узнаем, но многое понять мы сможем.

– Ну и что многое? Направление главного удара? Нет! Вы сами сказали, что кроки сосредоточили силы на расстоянии максимум пять световых лет, то есть на расстоянии гиперпространственного подскока. Да они могут с такого расстояния такую карусель Вам устроить, что голова закружится. А потом раз, и десант на Эльдурей.

И вновь в зале воцарилась неприятная тишина.

– Чтобы получить достоверный план атаки на Эльдурей, необходимо иметь агента у кроков, – пробасил со своего места маршал Бран. – А это невозможно. Поэтому, я считаю, разведка делает все, что может.

– Господин Главнокомандующий, – левое верхнее веко Президента задергалось – верный признак крайнего раздражения, – как мне понимать сейчас Ваши слова? Как просто попытку защитить начальника разведывательного управления или как упреждающее объяснение нашего будущего поражения?

Тяжелое кресло под маршалом отлетело в сторону на метр и опрокинулось, настолько стремительно вскочил Бран.

– Господин Президент, – огромные кулаки, покрытые густой рыжей растительностью оперлись на стол, вызывая жалобный скрип, – Я никогда не искал объяснений и оправданий своим поражениям – их у меня просто не было. И будущую битву за Эльдурей я проигрывать не собираюсь. И если надо будет, я сам стану за пульт управления лазерными установками, и буду сражаться, пока мы или победим, или меня кроки взорвут к чертовой матери. А если Вы сомневаетесь в этом, господин Президент, – стол под тяжестью маршальских кулаков заскрипел еще сильнее, казалось еще миг и от него отлетит импозантная инкрустация, – то снимите меня с должности Главнокомандующего Военно-Космическими силами и дайте мне возможность совершить рейд в тыл крокам. Где я или добуду «языка», знающего план операции, или честно погибну в бою.

– Не горячитесь маршал! Если бы я сомневался в Ваших способностях или мужестве, то и баз Вашей просьбы уволил бы с поста Главнокомандующего. А на счет «языка» дельная мысль, а? Как Вы считаете, господин Вардан? Если уж агента мы не можем иметь по определению, то для «языка» никаких объективных препятствий нет.

Начальник разведывательного управления несколько секунд что-то обдумывал:

– План возможной будущей операции знают всего несколько человек, – наконец заговорил он, – Президент Норк, Верховный Адмирал Свил, наверняка начальник Государственной безопасности кроков Сарб, начальник Генерального штаба Заварк, ну и еще несколько высокопоставленных офицеров штаба. Захватить кого из них – нереальная задача. Только погубим людей.

– Вы тоже так считаете, господин Главный генерал?

Сухонький начальник Главного космического штаба вновь так резво подскочил, будто в кресле у него была вделана пружина, подбрасывающая легкое тельце.

– В Главном штабе уже несколько раз просчитывались различные математические модели захвата высокопоставленного «языка» кроков. И неизменно получали отрицательный результат.

– Ясно, – коротко, будто сплюнул, сказал Президент, выслушав этот ответ. – Ну, мнение уважаемого Главнокомандующего Военно-Космическими Силами я спрашивать не буду. Он его уже высказал. Что ж, наверное, Вы правы, захват «языка» на данный момент – это авантюра. Очевидно, придется довольствоваться теми скудными сведениями, которые добывает техническая разведка и надеяться на искусство и мужество наших офицеров.

– Эльдурей мы не отдадим, господи Президент. Это я Вам обещаю, – в серых глазах маршала Брана будто еще сильнее сгустился туман.

– Вот и отлично. Значит никаких изменений в систему обороны Эльдурея вносить не будем? Так? – Президент медленно начал обводить взглядом присутствующих.

– Да, – кивнул головой начальник разведывательного управления генерал армии Захрад Вардан.

– Да. Пока в коррективах нет нужды, – начальник Главного космического штаба Главный генерал Баррад Кагараштан выдержал пристальный взгляд Президента.

– Пусть только сунутся. Или навсегда в гипере останутся, или в обычном Космосе до атомов распылим. В первый раз, что ли, – протрубил Главнокомандующий Военно-Космическими силами маршал Нарахад Бран.

– Тогда совещание считаю закрытым, – Президент Союза Свободных Цивилизаций Картар Вараштан откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Послышался шум отодвигаемых кресел.

– А хорошо все же было бы иметь агента или заполучить «языка», – раздалось с кресла главы могущественной страны.

Шум в зале мгновенно стих, но никакого ответа не последовало.

Двери камеры, как обычно, бесшумно поднялись вверх. В проеме появился знакомый силуэт охранника – черный комбинезон, черные сапоги, черный шлем с такой же черной, непроницаемой для внешнего взгляда лицевой частью. Руки свободны.

– Чел Кедрин, на выход, – «ошейник» старательно перевел карканье черной фигуры.

– Держись! – его сокамерник Бахруд привстал на койке и поднял руку вверх вполне земным жестом.

«Интересно, это робот или человек? Наверное, все же человек. Если бы робот, он напрямую бы со мной общался на моем языке, – Андрей поднялся со своей койки и направился к выходу. – Да, не доверяют полностью машинам люди такую интимную работу, как охрана себе подобных.

В коридоре оказался второй охранник, как две капли воды похожий на первого. Дальше знакомая процедура – руки за спину и тут же какая-то невидимая сила сцепляла их намертво. Очевидно, один из охранников посылал какой-то сигнал, по которому между рукавами комбинезона возникала какая-то сила. Андрей не сомневался, что в случае необходимости, весь его тюремный комбинезон может превратиться во что-то подобное смирительной рубашки, а то и вовсе его уничтожить. Вот почему в руках у охранников ничего нет.

Несколько десятков шагов по коридору, лифт и через секунд десять Андрей оказывается в совершенно ином коридоре – стены отделаны каким-то материалом, похожим на мрамор только неестественного для землянина розового цвета, вдоль стен незнакомые растения, растущие прямо из пола или стены. По крайней мере, ничего похожего на горшки или что-то подобное землянин не увидел.

«В этом коридоре я еще не был. Наверное, ведут к какому-то высокому начальству», – Кедров с интересом рассматривал окружающую его обстановку.

Волнения не было. Закаленная психика за неделю пребывания в плену адаптировалась с действительностью.

«Надо осмотреться, набраться побольше информации, а там посмотрим. Не вечно же меня кроки будут держать в камере».

Коридор заканчивался дверью – большой, украшенной каким-то светло-фиолетовым материалом. Никакой таблички с надписью Андрей не заметил.

«А что ты хотел. Совсем иная цивилизация, даже спираль ДНК и та в другую сторону закручена, к тому же ушедшая в развитии, как минимум на пару веков вперед. Может они видят, к примеру, инфракрасное излучение или ультрафиолет. И эта дверь вся обрисована невидимыми мной их краказябрами или она телепатически сообщает, кто тут сидит, заодно впихнув в мозг изрядную долю почтения к хозяину кабинета».

Дверь бесшумно поднялась вверх. За ней Кедров увидел приемную. В предназначении помещения трудно ошибиться. Вдоль обеих стен стоят по шесть кресел такого же, как и стены коридора розового цвета. В торце, напротив Андрея дверь того же фиолетового цвета, рядом стол, за которым девушка, ну вполне в земном светло-бежевом костюме.

«И через пару веков профессия секретарей не умрет. Человеческая натура – намного приятней отдавать распоряжения не бездушной машине, а другому человеку, особенно красивому другому человеку», – землянин стрельнул глазами по кроковской женщине. Стройная, лицо красивой земной женщины – аккуратный нос, в меру полные губы, вот только глаза – с непривычки увидишь, испугаешься. Огромные, почти на весь глаз зрачки, окруженные тонким желтым кольцом.

«Вообще-то ничего, но на мой вкус слишком худощава. Грудь, что строевой плац, не споткнешься», – Кедров в сопровождении охраны пересек приемную.

Дверь в торце привычным способом ушла вверх, и землянин шагнул в следующее помещение. Дверь бесшумно опустилась за ним. Двое охранников и успевшая окинуть Андрея любопытным взглядом секретарь остались в приемной.

Комната была не слишком велика – метров десять в длину. Обстановка стандартная для кабинетов больших земных начальников. В торце массивный стол, к которому примыкал, образуя букву «Т» другой, с приставленными к нему несколькими креслами. У входа, с левой стороны стоял еще маленький столик с двумя креслами. Несколько картин на стене и странное дерево за столом в торце кабинета. Всю обстановку Кедров осмотрел мельком. Ведь в кабинете был объект гораздо интересней местной живописи и флоры – хозяин кабинета. Лицо Андрею показалось знакомым. Где-то он его уже видел. Кроков землянин пока видел мало, поэтому долго вспоминать не пришлось. Точно – высокий мужчина с властным лицом. Он присутствовал при первом его допросе. Тогда он был в красном халате, сейчас – комбинезон серебристого цвета, с правой стороны груди какие-то знаки, похожие на китайские иероглифы.

«Интересно, это у них такая форма или это гражданская одежда, – совершенно необязательная для такого момента мысль пришла в голову землянину. – Наверное, это форма. Не гражданским же меня передали. Хотя, судя по Земле, большие военные шишки любят щеголять в гражданских костюмах от какого-нибудь Кардена или Версачи», – размышляя на нейтральные темы, вышколенный долгими тренировками мозг рефлекторно задействовал тренинг по сбрасыванию излишнего волнения перед допросом, что всегда вредно – мешает принимать правильные и быстрые решения.

– О чем ты сейчас думаешь, землянин?

«Господи, ну и каркают же они. И ни здрасте тебе, ни предложения сесть. А еще меня называют неандертальцем».

– Да вот ломаю голову, форма на Вас или гражданский костюм.

Хозяин кабинета несколько секунд молчал, выслушивая перевод, и через небольшую паузу расхохотался – кабинет заполнили громкие, отрывистые каркающие звуки.

– А в чувстве юмора тебе не откажешь, – смех тут же стих, будто вороне мгновенно открутили голову – именно такое сравнение пришло на ум Андрею, заставившее его улыбнуться.

– Теперь давай перейдем к делу. Свое положение, я надеюсь, представляешь хорошо. На допросах тебе это рассказали, да и сокамерник многое рассказал, – Сарб, а это был именно он, внимательно следил за выражением лица чела, стараясь понять его мысли.

Заметив, как чуть дрогнуло у того лицо, при его словах о сокамернике, он иронично улыбнулся:

– Нет, ты не правильно подумал. Твой сокамерник не предатель. Он обычный чел, честно сражавшийся и взятый нами в плен. И мы ни о чем его не просили. Он честно рассказал тебе все, что знал. Чего б не рассказать кое-что своему более отсталому соплеменнику? – Сарб вновь иронично улыбнулся. – Ну а твое информирование совпадало с нашими планами относительно тебя.

– И какие же это планы?

– Ну об этом чуть позже. Сначала давай я тебе кое-что расскажу, сделаю небольшой экскурс в современную политику кроков. Ну сделать это лучше в непринужденной обстановке. Прошу, – директор Службы Государственной Безопасности кроков встал из-за стола и жестом указал на небольшой стол в углу кабинета.

Андрей Кедров почувствовал, что руки у него свободны. Подойдя к столу, Сарб сделал движение, будто сдернул со стола невидимое покрывало. Землянин не поверил своим глазам – на столе, под прозрачным колпаком он увидел сосуд, весьма напоминающий родную поллитровку, два бокала и вазу с незнакомыми красно-желтыми плодами.

Тут же появилась секретарь, сняла со стола полусферический колпак и молча ушла.

– Прошу, – еще раз пригласил Андрея за стол, явно довольный произведенным эффектом.

– Для начала, давай знакомиться. О тебе я достаточно хорошо знаю, так что представляться Вам не нужно. О себе. Я директор Службы Государственной безопасности бригадный генерал О'Локки Сарб, – и крок, совсем неожиданно для землянина, протянул тому руку для земного рукопожатия.

«А он неплохо подготовился к встрече, – подумал Андрей, пожимая сухую и сильную руку крока, – даже наши жесты выучил. А что ты хотел, профессиональный разведчик».

Уверенным движением Директор Службы Государственной безопасности разлил в бокалы светло-зеленую жидкость.

– Давайте выпьем за знакомство. Это весьма неплохой, слабоалкогольный напиток. Вам должно понравиться.

– У столь разных цивилизаций, понятие «слабоалкогольный напиток» может весьма разниться.

Сарб вновь громко захохотал:

– Если все земляне обладают таким чувством юмора, как и у Вас, то мне Ваша цивилизация чуточку начинает нравиться. По этому поводу сразу тост: «За дружбу и взаимопонимание», – бокалы, вполне привычно для землянина, соприкоснулись.

Жидкость по вкусу напоминала грейпфрутовый сок, но для Андрея излишне концентрированный – слишком горчило. Алкоголя, действительно было немного.

«Градусов десять, не больше, – определил Кедров, делая несколько осторожных глотков.

– Ну как?

– На мой взгляд, несколько горьковат. Но я не знаток напитков. У нас, например, есть текила – горький и высокоградусный напиток. Многим нравиться, а по мне – редкая гадость. Как у нас говорят: «На вкус и цвет товарищей нет».

– А у нас: «Одному нравиться дзуртуш, а другому – пуртуш». Дзуртуш и пуртуш – это наши блюда. Одно острое и соленое, другое, наоборот, сладкое. Кстати, насчет сладкого – попробуйте, – крок кивнул на вазу с плодами и тут же взял один из них и аппетитно раскусил.

Его примеру последовал и Андрей. Плод по плотности напоминал яблоко, а по вкусу, что-то отдаленно напоминающее банан и апельсин одновременно.

– Вкусно.

– Я рад.

– А как Вы смогли проделать такое? – землянин сделал рукой движение, будто, что-то сдернул со стола, – И тут же появилось это, – кивок на уставленный разнообразными предметами стол.

– Это разработанная нами технология невидимости, – с этими словами Сарб сделал движение рукой, юудто брал что-то с краю стола и передал это Кедрову.

Андрей почувствовал, что держит у себя в руках нечто вроде обыкновенной ткани.

– Вы ее скомкайте, тогда кое-что и увидите, – последовал совет крока.

Последовав совету, землянин увидел полупрозрачную ткань, постоянно то там, то тут, исчезающую.

– Это ткань соткана специальным образом из тончайших оптоволокон. Свет по ним огибает, завернутый в эту ткань предмет и Вы видите то, что расположено за этим предметом, но не сам предмет. Впрочем, это разработка вековой давности. Сейчас, особенно в военной технике, применяются несравненно более совершенные технологии. А я, знаете, консерватор, люблю ретро. Да и новые технологии стоят очень дорого, они мне не по карману. Прошу, теперь от Вас тост, – Сарб вновь разлил напиток по бокалам.

– За уважение друг друга.

– Отличный тост! – и вновь, вполне по земному, соприкоснулись бокал крока и землянина.

«Ретро он любит, как же! Ненавязчиво показал, настолько земная цивилизация отстала от кроковской. У них это разработка вековой давности, а у нас только подбираются к этой проблеме».

– Ну а теперь, после столь отличных взаимных тостов перейдем кделу. Но сначала, как я и обещал, краткий экскурс в нашу, кроковскую политику, – директор Службы Государственной безопасности заговорил холодным, деловым тоном, насколько можно было понять по изменившемуся темпу и тембру «карканья», не сводя с землянина своих глаз с огромнейшими зрачками. – Как Вам уже известно, наше государство представляет добровольное объединение нескольких кроковских цивилизаций. Во главе этого государства стоит, избираемый всеобщим голосованием на семь лет Президент. У нас, как и всякого развитого государства есть парламент, – «ошейник» синхронно переводил кроковскую речь, иногда делая небольшие паузы на терминах, подбирая в русском языке эквивалент. – И есть политические партии, в том числе оппозиционные. Вам понятно, о чем я говорю?

– Не волнуйтесь, на Земле тоже имеются и парламенты, и оппозиционные партии.

– Отлично. Тогда Вы должны понимать, что при, скажем так, не очень удачном управлении страной, рейтинг Президента падает, а рейтинг представителя оппозиционных партий возрастает.

Кедров молча кивнул головой.

– Простите, поясните, что этот жест Ваш означает? У нас такой жест, например, означает, выражение крайнего неприятия.

– У нас – согласия.

Собеседники коротко улыбнулись друг другу.

– И также Вы понимаете, что от Президента зависят судьбы всех высокопоставленных чиновников.

– И это знакомо. Новая метла по-новому метет.

– Простите, это снова пословица?

– Да.

– Удачная, – на этот раз Сарб не улыбнулся.

«Сейчас он скажет самое главное, скажет, что ему от меня надо».

Землянин не ошибся.

– Рейтинг нынешнего Президента очень низок – он очень плохо управлял страной. Чтобы поднять его, он задумал авантюру – отбить планету Эльдурей. Вам сокамерник рассказал о ней.

– Эта планета – ключ к какому-то району Вашего государства?

– Сектору. Третьему сектору.

– Так почему это авантюра? Ваш Президент не хочет терять этот третий сектор. И это, по-моему, нормально для Президента.

– Иногда желания не совпадают с возможностями. И это именно тот случай, – «каркание» кроков стало особенно жестким. – Эльдурей он не отобьет, а Космический флот погубит. Иногда, чтобы выжить целому, необходимо пожертвовать частным.

– Иногда бывают такие ситуации, – осторожно согласился землянин.

– Погубив флот при Эльдурее, мы рискуем потерять все государство, а даже третий сектор – это далеко не все государство.

«Прямо не крок, а Кутузов на совещании в Фили. Черной повязки на глазу только не хватает. Тот тоже говорил, что лучше потерять Москву, чем армию».

– Я, как директор Службы Государственной безопасности, отлично вижу всю гибельность этого решения Президента и хочу этому помешать. И в этом Вы должны мне помочь. Вашего согласия не спрашивая. Вам все равно некуда деваться, – голос крока стал более мягким, послышались нотки иронии. – И для Вас Ваша жизнь значит значительно больше, чем какое-то Содружество Свободных Планет, расположенное в миллионах световых лет от Вашей Родины. Не так ли?

– Вы пока точно ведете свою партию.

– Это снова пословица?

– Нет, эту фразу часто любят употреблять наши спецслужбы, когда вербуют кого-то.

Сарб несколько мгновений обдумывал услышанное, затем громко расхохотался:

– Нет, мне все больше и больше нравиться Ваше чувство юмора. Даже жалко, что Вы чел.

«Еще бы сказал, что даже жалко убивать».

– Что я должен буду сделать? – лейтенант воздушно-десантных войск России Андрей Кедров спешил начать свою партию игры.

Глава 10

Огромный мегаполис купался в лучах своего светила. Большая оранжевая звезда висела почти в зените и отражалась в миллионах окнах небоскребов, блестела на лакированных боках автомобилей, превращалась в сочные цветастые радуги, которые словно миражи, возникали над многочисленными фонтанчиками системы орошения парков и скверов. И, словно подпитываемые этой благодатной энергией, льющейся с небес, миллионы людей работали в своих офисах, больницах, школах, полицейских участках, дежурили у пультов управления энергетических и транспортных систем, а то и просто перемещались по городу.

Небольшой, ярко-зеленый легковой автомобиль повернул вправо и, съехав с хайвэя четвертого уровня, стал быстро опускаться вниз. Третий уровень, второй и вот уже зеленый автомобиль быстро несется по улицам города – первый уровень.

Молодая красивая женщина с распущенными иссиня-черными волосами недовольно сморщила лицо.

«Черт, сколько раз себе давала слово не спускаться быстро с четвертого уровня. Двести метров высоты. И опять не выдержала. Съехала за две минуты. Результат – заложенные уши. Ох, привычка – вторая натура. Ну не могу, если свободно, не давить на газ, да и если не сво-

бодно», – брюнетка с силой надавила большими пальцами рук на руль, выдавливая из него оглушительный сигнал, похожий чуть ли не на рев сирены.

Едущий впереди прямо по осевой нахал в темно-синей «Маране» шустро прижался влево, пропуская зеленую «Ибиру». Водитель в синей легковушке начал возмущенно жестикулировать и сигналить.

«Да знаю я, что на первом уровне обгоны запрещены. Так не надо тащиться, будто беременную жену везешь», – эффектная брюнетка помохала возмущающемуся водителю рукой и прибавила скорости.

Мелькнул предупреждающий знак и вот уже ярко освещенный тоннель – переход на нулевой уровень, мигает предупреждающими лампами в ста метрах. Раздался противный вой полицейской сирены и с боковой улицы показался ярко-розовый полицейский автомобиль, на крыше горел ярко-синий фонарь – приказ остановиться.

«Ну вот, опять оштрафуют за превышения скорости, – женщина огорчено нажала на педаль тормоза, – правда остановила меня не пластмассовая задница, а обычная. Может, как-нибудь договорюсь. Глазки построю, автограф дам».

На сленге кроковских водителей, пластмассовая задница обозначала полицейского-робота, обычная задница – полицейского-человека.

В боковое зеркало она увидела, что начал останавливаться и водитель темно-синей «Мараны».

«О, сейчас начнет возмущаться. Теперь точно не договорюсь. Ну что за мужики пошли, хуже баб», – женщина открыла дверь и вышла из автомобиля.

– Старший дорожный агент Хаман. Предъявите Ваши документы.

Женщина молча протянула правую руку с браслетом на запястье. Небольшой сканер в руке полицейского коротко пискнул, считав информацию с чипа, вмонтированного в браслет.

– Госпожа А'Весса Лам, – быстро взглянув на экран сканера, произнес полицейский, – Вы превысили допустимую скорость и совершили обгон в не положенном месте.

– И при этом бесцеремонно заставляла меня прижаться к обочине, – подскочивший водитель «Марана» был настроен агрессивно.

Полицейский окинул взглядом подошедшего водителя и еще раз посмотрел на Вессу.

«Узнал или не узнал?», – женщина улыбнулась, как она улыбалась, ведя программу на телевидении.

– Ваши документы, – дорожный агент Хаман буравил взглядом подошедшего водителя.

– Извольте! – небольшого роста, худенький человек ткнул указательным пальцем на значок, приколотый к пиджаку на груди.

Вновь пискнул сканер, выбрасывая информацию на экран.

– Господин О'Стропп Нрос.

– Да и я требую, чтобы мои показания были внесены в протокол.

– В этом нет нужды.

«Узнал, точно узнал», – женщина еще раз обворожительно улыбнулась полицейскому.

– Как это нет нужды!? Сколько можно попустительствовать таким вот лихачам. Из-за них нельзя спокойно проехать, даже по дорогам первого уровня.

– Пройдемте, – полицейский указал Весе Лам на свой автомобиль. – А Вы можете быть свободны, – взгляд на Нроса.

«А это что-то новенькое – приглашать к себе в полицейский автомобиль. Хотя да, он же хочет избавиться от этого зануды-болвана».

– Вы не имеете права! – чеканя каждое слово, произнес маленький водитель.

Время, казалось, замерло. Трое людей застыли на обочине дороги, будто пригвожденные к месту, ставшей уже в зенит Пармой.

– Хорошо, – полицейский взглянул на часы.

Ярко-розовый полицейский автомобиль дал короткий сигнал и время сразу понеслось вскачь.

В руках полицейского блеснул парализатор, и водитель «Мараны» беззвучно рухнул на землю.

– В автомобиль, быстро! – дуло парализатора смотрело прямо в лицо А'Вессе Лам.

«Парализатор не излучатель. Не убьет», – не отводя взгляда от глаз полицейского, Весса сделала шаг к распахнутой двери машины.

Неспешно в воздухе возник отдаленный звук полицейской сирены.

– В автомобиль, – глаза полицейского превратились в щели.

«Сейчас нажмет курок», – Весса сделала еще шажок назад. Спина уперлась в открытую дверь автомобиля.

Неспешно возникший звук быстро разрастался, заполняя все вокруг, потом резко оборвался – получив мощный электрический заряд А'Весса Лам потеряла сознание.

– Вы хотите через меня передать челам подробности информации по освобождению Эльдурея? Даже если это правдивая информация, а не деза, они Вам не поверят.

Сарб, казалось, не как не отреагировал на реплику Кедрова, а лишь уточнил:

– Деза, это ложная информация, дезинформация?

– Да.

– То есть Вы считаете, что я через Вас хочу передать ложную информацию, а сценарий атаки будет совсем иной?

– А разве можно исключить такой вариант?

– Скажите, Андрей, а если бы Вы знали, что это действительно дезинформация, Вы бы передали ее челам? – директор Службы Государственной безопасности проигнорировал вопрос Андрея.

– Конечно же передал бы, – искренне ответил землянин.

– И сказали, что это …деза?

– Да, – ответ землянина был вновь искренен.

– Вот и отлично! По крайней мере, командование челов будет видть, что перед ними сто процентный чел. А верить Вашей информации или нет… Пусть они решают, на то оно и командование! Правильно?

Кедров неопределенно пожал плечами.

— Естественно, я допускаю возможность, вернее, я уверен, что просто так челы Вам, вернее мне, не поверят. Директор Службы Государственной безопасности и предатель! Вы уже знаете, что предателей среди нас и челов нет. Это у нас заложено на генетическом уровне. А если есть, то эти люди психически ненормальны. А психически ненормальные люди на ответственных должностях работать не могут, тем более директором Службы Государственной безопасности. Значит они подумают, что через Вас я пытаюсь всунуть им дезинформацию. Довод, что я для кроков выбираю меньшее зло – лучше потерять часть государства, чем все, покажется им крайне неубедительным.

– Покажется. Ведь зная план операции, они смогут нанести еще более значительный урон Вашему Флоту.

– А на что разведка? Мы убедимся, что нас ждут, и тут же откатимся. Я об этом позабочусь, – легкая усмешка на лице крока. – Потеряем лишь авангард. А потом будем долго выяснять, кто предатель. А когда выясним – накажем, – усмешка стала ироничной.– А чтобы убедить челов, что моя информация правдива, при ее передаче вместе со мной будет присутствовать будущий Президент Содружества, господин Харк. Сейчас он лидер крупнейшей оппозиционной партии «Справедливость и порядок». Тебе все ясно?

– Когда Вы передадите мне информацию?

– Завтра.

– А как я попаду к челам?

– При доставке тебя на Гамед, это планета-рудник, там, кстати, заключенные челы больше трех лет не живут, фроловский корабль нападет на транспортник с заключенными и отобьет их. Дальше тебя переправят к челам. Ну а мы еще больше усилим наши военные действия против фролов, а то вообще обнаглели, наших заключенных стали отбивать, – ироничная улыбка Сарба перешла в смех.

– А я запомню все, что мне скажут. Я так понимаю, что мне придется запомнить не пару предложений.

– Правильно понимаешь. План операции представляет собой тысячи чисел: время и координаты появление из гиперпространства того или иного корабля, его дальнейшие маневры, ну а также основные характеристика корабля – мощность его лазерных пушек, характеристики маневренности в обычном пространстве и так далее.

– И я смогу все это запомнить?

– Запомнишь. Я это гарантирую, – улыбаясь, директор Службы Государственной безопасности бригадный генерал О'Локки Сарб налил в бокалы вино.

– Зв успех предстоящего дела! – мелодичный звон разлился по кабинету.

– Ландик, милый, ты понимаешь, меня могли убить! Если бы не эта, чудом оказавшаяся рядом полицейская машина, неизвестно, чтобы со мной было. Этот псевдополицейский пытался затащить меня к себе в машину.

– Зачем?

– А я откуда знаю зачем! – Весса схватила трясущимися руками стакан воды и залпом выпила.

Харк смотрел на испуганную, трясущуюся женщину, мысли путались. Полчаса назад ему позвонила рыдающая Весса и буквально прокричала в трубку, чтобы он немедленно приехал за ней в полицейский участок. Ничего не понимая, слыша лишь рыдания любимой женщины, Харк помчался по указанному адресу. Объяснения полицейских повергло его в шок. А'Вессу Лам, его Весу пытались похитить. И лишь по счастливой случайности, все обошлось.

– Кто похитил?

– Похитителей было двое, господин Харк. Один пытался завлечь госпожу Лам в машину, другой сидел за рулем. При попытке задержания их полицейским патрулем, они оказали сопротивления и были убиты. Личности их сейчас выясняются, – полицейский капитан, явно робея перед известным политиком, старался говорить быстро.

– Что за черт! Ничего не пойму.

– Потом, потом будешь понимать! А сейчас немедленно забери меня отсюда!

– Господин капитан, я могу забрать эту женщину?

– Разумеется, господин Харк. Госпожа Лам уже дала свои показания, и пока в ее присутствии нет необходимости.

– Куда? – спросил Харк, когда они сели в его автомобиль. – К тебе?

– Нет! Я боюсь ехать к себе! А вдруг меня там уже ждут!

– Домой, – коротко приказал он своему водителю.

В доме Харка на Весу напала настоящая истерика. Обычно спокойная, веселая и, он это отлично знал, мужественная женщина была неузнаваема. Она плакала, всхлипывала, руки ее постоянно тряслись.

– Господи, ничего не понимаю, зачем тебя было похищать? Они что, хотели выкуп за тебя потребовать?

Не зна-а-а-ю-ю! – прорыдала Весса. – У меня и денег больших нет… разве, если только тебя потребовали бы заплатить.

– Меня? А если… – неожиданная мысль пришла Харку в голову, – а если с помощью тебя меня хотели шантажировать? Накануне президентских выборов, чтобы я отказался от участия в них? Ведь все отлично знают мое отношение к тебе.

– Не знаю… – известная писательница, журналистка, телеведущая, сейчас выглядела растерянной и испуганной.

– Я все понял. Это дело рук Норка, больше некому.

В комнате повисла тишина, прерываемая лишь всхлипываниями девушки.

– Если бы это делала Служба Безопасности, я бы здесь не сидела. Они таких проколов не допускают. У них бы не работали камеры наружного наблюдения, и полицейские патрули были бы где угодно, только не на сорок девятой улице, – наконец произнесла Весса.

– Служба безопасности? Хорошо, что ты напомнила мне про Службу Безопасности! Вот я сейчас у Сарба и выясню, – Харк потянулся за телефоном.

– Не по телефону. Никто не должен обнаружить связь между тобой и Сарбом. А ты завтра с ним встречаешься. Вот все и выяснишь.

– О, я вновь узнаю свою умную Вессу!

– Я просто очень перепугалась. Одно дело, когда бросаешь свой автомобиль в лоб другому, чтобы спасти людей, и совсем другое, когда тебя хотят похитить и ты можешь запросто просто исчезнуть без следа.

– Ну, Норк, я тебе этого не прощу! Я устрою тебе победу в битве за Эльдурей!

– Не горячись, милый. Еще все хорошо обдумай. И можно я пока поживу у тебя, – я так боюсь возвращаться к себе домой, – девушка жалобно посмотрела на мужчину.

– О, Господи! Ну конечно же! Живи сколько хочешь, хоть всю жизнь!

– Ловлю на слове! Кстати, я вновь стала не только умной, но и… – по Харку стрельнул кокетливый женский взгляд.

– Весса!....

«Что ж пока все идет по плану, – генерал Сарб откинулся на спинку кресла и еще раз стал обдумывать предстоящую операцию, – никаких проколов. Будем надеяться, что и дальше все будет идти также. А дальше у меня О' Тропп Бирк. Как там говорят эти отсталые челы с Земли: «Долг платежом красен». А все же я неплохо подготовился к этой операции. Даже чужие поговорки выучил. И недаром. Определенно я сумел сделать почти невозможное – вызвать симпатию у чела. Пусть отсталого, захваченного разве что не на краю Вселенной, если конечно у Вселенной есть края. Нет, генерал, Вы явно достойны большего, чем пост начальника Управления государственной безопасности, – хозяин кабинета сладко потянулся в кресле. – Вот эта операция и покажет, достоин или нет, – сам себе ответил Сарб и, нажав кнопку внутренней связи, приказал своему адъютанту:

– Пусть ко мне зайдет полковник Бирк.

Генерал невольно залюбовался вошедшим в кабинет мужчиной. Густые черные волосы вились крупными кольцами. Высокий лоб нависал над прямым, с легкой горбинкой тонким носом и широко расставленными глазами с редкой зеленой окраской радужного кольца, окаймляющего зрачок. Выступающий вперед подбородок остановился у черты, позволяющей говорить о нем как о волевом, скульптурном, а не как о массивном, грубом. К этому следует добавить высокий рост и безупречную, прямо-таки аристократическую осанку.

– Садитесь, полковник. Сразу к делу, время не терпит. Пришло время отдавать долг.

– Я так и понял, господин бригадный генерал. Я к Вашим услугам.

– Вот и отлично. Приятно иметь дело с людьми, которые не забывают о своих долгах. Теперь о деле. Через три дня у Вас транспортировка пленных челов, фролов, а также осужденных наших соотечественников на Гамед?

– Так точно, господин генерал. Согласно утвержденному плану перевозок, – четко отчеканил полковник.

– Отлично. Возьмете на борт весь этот контингент, войдете в гиперпространство. Но вынырните из него не около Гамеда, а в другой точке. Примерно в двадцати световых годах от него. Навигационная ошибка, сбой оборудования. Бывает, сами знаете, – губы бригадного генерала чуть дрогнули в усмешке. – Точные ее координаты я Вам передам в конце беседы.

– Это серьезный прокол. Меня могут даже понизить в звании.

– За что? За то, что произошел сбой в системе управления корабля? – Сарб улыбнулся еще шире.

– При осмотре и тестировании корабля выявится, что система работала безупречно, – полковник Бирк возражал начальнику Управления Госбезопасности с каменным выражением лица.

– Для того, чтобы осмотреть и протестировать, необходима сама система управления.

– Простите, господин бригадный генерал, я не совсем понимаю…

Сарб встал из-за стола и неспешно прошелся по кабинету.

– Скажи, Тропп, только откровенно, – генерал остановился позади сидящего в кресле Бирка, – ты мне доверяешь? Сиди! Не вставай, – хозяин кабинета с силой опустил руки на плечи собеседника, не давая ему вскочить.

– Господин генерал! К чему такие вопросы? Вы для меня образец безупречного служения Родине, О' Тропп Бирк крутился на кресле, пытаясь встать.

– И этот безупречный образец, пользуясь служебным положением, покрыл довольно серьезный проступок одного полковника.

Бирк вздрогнул и опустил голову.

– Полковник, полковник, не надо громких фраз, – Сарб засмеялся и похлопал своего собеседника по плечу. – Чем высокопарней слова, тем меньше им надо верить. Один из законов для начальства! – и вновь смех хозяина кабинета. – Но я тебе верю, – голос генерала мгновенно стал сух и деловит, – верю, потому что у тебя есть голова на плечах. Собственно эту голову я и спасал тогда. Голову, не задницу. И эта голова должна понимать, – начальственная длань опустилась на роскошную шевелюру полковника, – что должность начальника Главного Управления Государственной безопасности обязывает ради блага страны совершать …. скажем так, не совсем понятные для окружающих поступки. Потому что, если они будут понятны, то они будут понятны и врагу. Ты с этим согласен, полковник?

– Да, господин генерал, – О' Тропп Бирк вновь попытался вскочить.

– Да сиди, ты! – сильная мужская рука властно толкнула его вновь в кресло. – Значит, понимаешь. Молодец! – Сарб словно маленького ребенка, погладил полковника по голове. – Тогда ты просто выполнишь мой приказ, выведешь свой транспортник в указанную мной точку. Ясно?

– Да, господин генерал!

– Вот и отлично, – хозяин кабинета вновь погладил полковника по голове. – Но это еще не все. В указанной точке будет находиться звездолет, точнее крейсер. Который ты идентифицируешь как фроловский. Собственно, и идентифицировать не нужно. Он нападет на тебя, и после непродолжительного боя ты сдашься. Сигнал о помощи ты, естественно, подашь, но… – Сарб сделал паузу, поглаживая голову полковника, – …координаты боя ты укажешь не совсем верные. Расхождения в световой год, больше не надо. Сказано же, система управления сбоит.

– Но, господин генерал, это измена…

– Ты сдашься! Тебе ясно? – пальцы, секунду назад ласкающие голову, мгновенно вцепились в густые волосы и с силой их дернули. Бригадный генерал навис над Бирком. – Ясно, полковник?

– Ясно…

– Фроловский крейсер потребует выдачи всех заключенных. Ты их посадишь на бот и отправишь к нему. Как только фрол уйдет, можешь лететь на Гамед.

– Зачем? Заключенных все равно уже не будет, – О' Тропп Бирк больше уже не порывался вскочить с кресла. – Да и как я полечу, если система управления будет повреждена?

– Ах, да у тебя же не будет системы управления. Что ж, будешь ждать помощи. Она быстро придет. Я гарантирую. И еще, чуть не забыл. Кроме заключенных, ты на Гамед будешь везти ценное оборудование для добычи руды. Очень ценное. И именно ради его сохранения, ты согласился на условия фрола, – и вновь рука Сарба стала поглаживать голову Бирка. А так бы ты, боевой полковник, конечно же сражался до конца. Лучше погибнуть, чем сдаться врагу. Так, полковник?

– Да, господин генерал…Мне все ясно. Спасибо….

– За что?

– За ценное оборудование.

– А, ну да! – Сарб искренне расхохотался. – Я же тебе сказал, что спасаю умные головы. Они всегда в дефиците и всегда нужны. Все, можешь идти и готовиться к рейсу. Координаты точки выхода здесь, – хозяин кабинета протянул полковнику небольшую пластиковую пластину – стандартная позитронная карта для записи полетных заданий для гиперпространственных звездолетов. – Остается только вставить. Здесь же специальная программа, которая сделает так, что при осмотре будет обнаружена ошибка в системе управления. Это к вопросу о тестировании.

«Надеюсь, он не побежит трезвонить, что генерал Сарб замышляет какие-то темные делишки, – хозяин кабинета смотрел на дверь, через которую только что вышел посетитель, – Да, нет. Полковник умный, понимает, что я его смогу раздавить одним движением мизинца. Да и куда ему бежать? Не ко мне же, в управление безопасности! Тогда мои люди быстро напомнят его старый грешок».

Три года назад полковник О' Троппи Бирк, командир эсминца, вляпался в весьма неприятную историю. При проведении учений что-то случилось с системой управления эсминца и совершая гиперпространственный переход, Бирк и его команда оказались не там, где ожидали. Расхождение с расчетной точкой оказалось порядка тридцати световых лет. В общем-то пустяк по меркам технологии гиперпространственных переходов. Не пустяком оказалась маленькая планетка, точнее астероид, километров сорок в диаметре. Эсминец «Бесстрашный – 2» вывалился из гиперпространства всего лишь в сотни километров от него. Это было вообще ничто, особенно если каменная глыба лежала точно на курсе звездолета. Законы физики были, как всегда, безупречны – с каким импульсом «Бесстрашный – 2» вошел в гиперпространство, с таким и вышел. На скорости пятьдесят километров в секунду эсминец Бирка смело шел на таран с телом, превышающим массу его звездолета в сотни раз. Люди как следует, не успели даже испугаться. Заголосила сирена предупреждения метеоритной атаки. Бортовой компьютер, перетасовав биты информации, «одним касанием» – за один период тактовой частоты своих процессоров, буквально поднял эсминец на дыбы. Мгновенно сбросив все блокировки, сразу выйдя на форсажный режим, врубились двигатели коррекции, за секунды такой работы сжигая весь свой ресурс. Корпус корабля аж застонал, выдерживая чудовищную нагрузку. А внутри любой незакрепленный или плохо закрепленный предмет становился смертельно опасным. До этого безобидный тюбик с соком превращался в грозную крупнокалиберную пулю, а плохо закрепленный стул в кают-компании превращался в разъяренного слона в посудной лавке. Экипажу эсминца крупно повезло, что он находился в противоперегрузочных креслах. Двадцати пяти кратная нагрузка буквально вштамповывала в них людей. Легкие из последних сил чуть приподнимали, ставшую стальной грудную клетку. Нет, не стальной. В три раза тяжелее стали! Грудная клетка стала буквально золотой. Не выдерживали и стали лопаться сосуды, когда привычная кровь стала в два раза тяжелее ртути. Мозг, в одночасье посаженный

на голодный паек по кислороду, до минимума урезал потребность в нем, спасая организм, и милосердно отключил сознание, чтобы не путалось под ногами.

А компьютер все взнуздывал и взнуздывал корабль, выгибая траекторию и уходя от гибельного столкновения. Ревели свою последнюю песнь двигатели коррекции. Полсекунды, секунда, полторы… И электронный мозг спас звездолет. Зацепив астероид антенной дальней космической связи, «Бесстрашный – 2» уже через секунду был в пятидесяти километрах от него.

Из шести членов экипажа один погиб. У него не выдержал крупный сосуд и произошло обширное кровоизлияние в головной мозг. Четверо отделались различной степени тяжести внутренними кровоизлияниями. А у командира эсминца, полковника Бирка лопнул лишь небольшой сосудик в правом глазу!

Компьютер, рассчитывая траекторию ухода от астероида конечно «знал», что возникающие при этом перегрузки смертельно опасны для людей. Но он знал и то, что корпус корабля их выдержит и выдержит он сам. А если после такого маневра электронный мозг в течении часа не получит ответа от экипажа на специальный звуковой и световой сигнал, то он самостоятельно запустит специальную программу возвращения корабля на базу. И такие случаи были. На жаргоне космолетчиков такой сигнал назывался звонок для мертвецов.

Из двух зол компьютер выбирал меньшее. Лучше вернуть на базу целый корабль с мертвым экипажем, чем просто стать космическим мусором. Электронный мозг легко делал такой выбор, эмоции не входили в его программное обеспечение.

После медицинского осмотра на базе, Бирка отправили домой. Врачи твердо знали, что ничто лучше не помогает преодолеть стресс как домашняя обстановка и родные. И полковник, чудом избежавший смерти и отделавшийся лишь одним лопнувшим сосудом в глазу прилетел домой… на неделю раньше окончания учений.

Все произошло, как в бородатом анекдоте – испуганная обнаженная жена в постели и не более одетый какой-то мужчина рядом с ней.

«Сделал сюрприз – нагрянул неожиданно», – мысль, казалось, тянулась бесконечно долго и, наконец, мгновенно оборвалась вспышкой лазерного луча. Вскочивший на постели мужчина, тут же рухнул обратно. Луч, выпущенный из личного бластера полковника, попал ему точно в правый глаз.

«Странно, почему-то у всех мужчин в последнее время страдает правый глаз», – эта мысль, лишенная всякой эмоциональной окраски, прочно засела в голове Бирка. А его рука, без всякого участия мозга, занятого анализом столь удивительного факта, медленно наводила бластер на второго участника прелюбодейства – собственную жену. Женщина, до этого впавшего в ступор при виде мертвого, обезображенного любовника, пронзительно завизжала.

Этот визг ее и спас. Очнувшийся мозг в последний миг удержал движение мужского указательного пальца, давившего на спусковой курок. Брик бросил бластер на пол и вышел из дома.

Его арестовали через час в одном из баров. Показания жены, его бластер около трупа – в лучшем случае это признают убийством в состоянии аффекта. Тогда разжалование и несколько лет тюрьмы. Если посчитают это обычным убийством из ревности – десять лет рудников на Гамеде, то есть на всю оставшуюся жизнь.

Командир эсминца «Бесстрашный – 2» все происходящее вокруг него воспринимал меланхолично – обстоятельно давал показания, не отказывался от назначенного ему адвоката и спокойно ожидал суд.

Через неделю к нему в камеру зашел маленький, полный мужчина и сказал, что теперь он его адвокат. Бирк только пожал плечами. Ему было все равно. Новый адвокат протянул ему листки бумаги:

– Это Ваше завтрашние показания. Пожалуйста, выучите их.

– Мне сказали, что следствие закончены и больше допросов не будет, – он вяло попытался отказаться от совершенно неинтересной ему процедуры заучивания.

Коротышка-адвокат скупо улыбнулся:

– У следователя поменялся взгляд на Ваше дело. Поэтому Вас завтра вызовут. Так что придется читать и учить, – и он второй раз протянул листки бумаги.

Брик вынужден был читать. Теперь его равнодушие сменилось удивлением. Из его новых показаний выходило, что это не было убийство из ревности, а обычная самооборона. Вернувшись из командировки, бравый полковник, предавался любовным утехам с соскучившейся по ним женой. Неожиданно в комнату ворвался обнаженный мужчина с бластером в руке. Только профессиональная молниеносная реакция спасла Бирка и его жену от смерти. Полковник сумел мгновенно схватить свой бластер, лежащий на тумбочке, и первым выстрелить.

Убитый мужчина оказался сослуживцем жены, который долго и безуспешно ее домогался.

– Но моя жена уже заявила, что погибший был ее любовником, – полковник вопросительно посмотрел на адвоката.

– Она уже изменила показания. Знаете после такой стрессовой ситуации немудрено что-нибудь напутать, – вновь скупая улыбка на лице.

Брик лишь хмыкнул и продолжил чтение. Узнав, что ее муж на несколько недель улетел на учение, этот сослуживец решил, наконец, добиться своего. Прихватив, очевидно для устрашения, предварительно купленный бластер, он проник в дом Бриков и ворвался в спальню, думая, что женщина находится одна.

– А почему он был голый?

– А как должен быть одет мужчина, собравшийся, в зависимости от сговорчивости Вашей жены, или заниматься любовью, или просто насиловать женщину? К тому же психологический эффект. Таким видом он сразу деморализовал свою жертву.

– А его бластер?

– Найден в руке трупа.

– Но полиция ничего же не обнаружила!

– Что Вы говорите? – улыбка на лице адвоката стала пошире. – Я вчера лично читал протокол осмотра. Найдено два бластера. Один армейский, марки «Волк», это Ваш, второй марки «Бизон», принадлежал убитому.

– Но меня же арестовали в баре!

– А я яй, полковник. Женщине простительно после такого не адекватно себя вести. Но боевому офицеру… Какой бар?

– «У бравого капрала», – сумрачно проговорил Бирк.

– Мы, конечно, можем допросить хозяина бара. Но я уверен, что он никакого ареста офицера Военно-Космического флота не видел. Может допросить обслуживающий персонал?

– Там роботы низшего класса.

– Ну вот видите. Так Вы настаиваете на допросе хозяина бара?

– Нет…

На следующий день полковник уже был на свободе.

Неделю спустя, когда ему предложили командовать транспортным кораблем, входившим с эскадру специального назначения Службы Государственной безопасности, О' Тропп Бирк узнал, кому он должен был столь чудесному спасению – могущественному начальнику этой Службы О'Локки Сарбу. Когда бригадному генералу доложили о чрезвычайном происшествии, случившемся с одним из высших офицеров Военно-космического флота, он решил спасти полковника. Мало ли что, пригодиться. Крупно обязанные командиры боевых звездолетов просто так на дороге не валяются.

«Да, не валяются, – Сарб взглянул на часы, – Хрил будет через пятнадцать минут. Я оставлял зазор между ними в десять минут. На пять минут быстрее уговорил Бирка Молодец, Сарб. Но пора завершать эту партию».

– Как только появиться полковник Хрил, сразу ко мне.

– Слушаюсь, господин бригадный генерал, – тот час отозвался адъютант.

Начальник Управления Государственной безопасности не ошибся, полковник О' Ларри Хрил появился ровно через пятнадцать минут.

– Ты как всегда точен, Ларри, – Сарб вскочил из-за стола и быстро подошел к вошедшему невысокому полноватому мужчине. Его абсолютно лысая голова так блестела, что разве не пускала «зайчики». – Рад тебя видеть, – генерал похлопал вошедшего по плечу.– Я тоже, господин генерал, – лицо Ларри осветила добродушная усмешка.

О'Ларри Хрил был сыном О'Стропп Хрила – лучшего друга будущего директора Службы Государственной безопасности, с которым он учился на одном курсе в Военно-Космической академии. Два друга тогда были неразлучны. Жили в одной комнате общежития, учились в одной группе и развлекались вместе. Однажды, уже будучи на выпускном курсе, друзья в баре отмечали день рождения Сарба. Тому там приглянулась одна девушка, гулявшая в своей компании. Локки попытался с ней познакомится, но, очевидно, из-за изрядно принятой дозы алкоголя, делал он это слишком неуклюже, вернее нагло. Дело закончилось дракой с парнями из компании девушки, которых было в два раза больше. Защищались Стропп и Локки браво, как и подобает будущим офицерам-космолетчикам. Даже чересчур браво. Двое парней своими головами разбили тяжелые бутылки с игристым вином. По крайней мере, именно так факт тяжелого сотрясения мозга у их оппонентов за внимание девушки попытались объяснить выпускники элитного военного заведения. В полиции им не поверили, резонно рассудив, что не головы парней разбивали бутылки, а наоборот, бутылки били по их головам. А бутылки, как раз, были в руках бравых курсантов. Дело принимало серьезный оборот, как минимум, отчислением из академии. Сидя в камере, в полицейском участке, друзья все трезво взвесили и, как и положено, будущим офицерам, приняли жесткое, без сантиментов, но правильное решение. Кто-то один должен взять вину на себя. Признаться, что именно он разбил головы двум парням. Оставалась выбрать, кто из них двоих возьмет вину на себя. Не долго думая, решили просто кинуть монетку.

– Звездолет, – Локки сделал свой выбор.

– Что ж, мне остается номинал, – легко согласился его друг.

Бригадный генерал Сарб и спустя тридцать лет помнил, как взвился верх один левр и глухо упал на пластиковый пол камеры, прямо к его ногам. На затертом пластике появился маленький кружок космоса с несколькими точками звезд, на фоне которых летел боевой звездолет кроков.

Друзья посмотрели друг другу в глаза.

– Значит этим уродам головы разбивал я, – Строп спокойно улыбнулся другу.

И так же спокойно он подписал протокол допроса, где всю вину брал на себя. Пострадавшие молодые люди, тоже изрядно выпившие в тот вечер, путались в показаниях. Наверху решили, что сразу лишиться двух офицеров, на обучение которых затрачено не мало левров, непозволительная роскошь. Дело быстро закрыли. О'Строппа Хрила отчислили из института, дали три года, которые тут же по его просьбе заменили пятью годами службы рядовым космодесантником. А еще через три года, во время очередной попытки захватить планету фролов Матею, десантный бот, на котором Хрил и его товарищи пытались высадиться на один из астероидов пояса Арбзира, в котором находится и Матея, был уничтожен мощным сдвоенным импульсом боевой лазерной установки. Погибли все.

У О'Строппа Хрила осталась жена и годовалый сын, маленький Ларри. Через пятнадцать лет он переступил порог того же института, который когда-то закончил его отец и

дядя Сарб. После окончания Ларри факультета космолетчиков, тогда заместитель директора Службы Государственной безопасности генерал второй ступени О'Локки Сарб забрал его к себе. А еще через пять лет он уже стал командиром крейсера «Арикдна», входившего в эскадру специального назначения и подчинялся непосредственно директору Службы Государственной безопаности бригадному генералу Сарбу.

Естественно генерал помогал сыну своего погибшего друга. Но довольно скоро он увидел, что Локки много взял от своего отца – решительность, отвагу, преданность. Только если О'Стропп Хрил был предан мужской дружбе, то его сын человеку, который был другом его отца и много сделавшим самому Ларри. И еще одно ценнейшее качество было у полковника О' Ларри Хрила – безоговорочная исполнительность. Какие бы задания не поручал ему Сарб, он всегда их выполнял безукоризненно, спрашивая лишь то, что касалась непосредственно поставленной задачи. Поэтому О'Ларри Хрил и его экипаж крейсера «Арикдна» быстро стали выполнять наиболее ответственные поручения.

«Пора мальчика двигать дальше, действительно заслужил, – смотря на добродушную улыбку своего подчиненного, подумал хозяин кабинета. – Вот проведу удачно эту операцию и двину. Вернее, сначала сам двинусь повыше, а потом и мальчика потяну за собой».

– А ты, я смотрю, как был модником, так и остался, – генерал кивнул на сияющую лысину полковника. – И что это за мода такая, сбрить всю шевелюру и покрыть голову светоотражающим лаком. У тебя же были прекрасные волосы!

– Эх, дядя… – Хрил сделал паузу, подыскивая подходящие слова.

– Что ты понимаешь, старый пень, во вкусах современной молодежи, – закончил за него Сарб. – Ты это хотел сказать?

– Ну, не так прямолинейно.

Оба мужчины взглянули друг на друга и расхохотались.

– Ларри, у меня к тебе задание, – бригадный генерал Сарб обладал свойством мгновенно переходить от шутки к серьезному разговору. – Важное задание, – уточнил он. – Впрочем, у тебя других и не было. Но все равно, это особенное. Если все удастся, я резко пойду вверх, да и ты в командирах крейсера засиделся.

С лица полковника О' Ларри Хрила мгновенно слетела добродушная улыбка. Теперь перед Сарбом стоял профессионал, внимательно слушающий задачу.

– Через три дня ты отправишься в одну точку, координаты здесь, – хозяин кабинета протянул полковнику точно такую же пластину, которую двадцатью минутами раньше дал полковнику Бирку. – Это дальние окрестности Гамеда. Там должен появиться наш транспортник, перевозящий заключенных на этот рудник.

– Он что, собьется с курса?

Бригадный генерал усмехнулся:

– Молодец, смотришь на несколько ходов вперед. Ты должен напасть на этот транспортник. Подпортишь чуть и принудишь сдаться.

– А если он откажется? Наши командиры звездолетов храбрые ребята.

– Этот тоже будет храбрым, но он сдастся. Ты потребуешь выдачи заключенных. Переговоры будешь вести на фроловском языке.

– Значит перед боем я должен буду отключить систему «Свой-чужой»?

Сарб задумался лишь на мгновение:

– Нет. Систему отключать не надо. А то какой-нибудь ретивый офицер на транспортнике раньше тебя бахнет из лазера. А мне бы не хотелось светиться с ремонтом твоего крейсера. Пусть нападение для них будет полной неожиданностью.

– После того, как я приму на борт заключенных, транспортник я должен уничтожить?

И вновь начальник Главного Управления Государственной безопасности задумался лишь на мгновение, словно взвешивая еще раз все за и против.

– Да, ты его должен уничтожить, – наконец четко прозвучало в кабинете, – как и заключенных. Кроме одного. Это будет чел. На позитронной карте, что я тебе дал, записан его код для «опознавателя». С этим челом перейдешь в другую точку, координаты там, – кивок на пластинку в руке Хрила, – посадишь в разведывательный бот, переведешь в режим автоматического пилотирования и направишь в третью точку. Это – окрестности человской базы Хартатира. После этого быстро назад на свою базу. Все. Вопросы?

– Я так понимаю, вторая точка тоже находиться недалеко от Хартатиры? Разведывательный бот дальше, чем на пятнадцать световых лет не прыгает.

– Правильно понимаешь, Ларри.

– Если меня при выходе из гипера засекут челы, может этого заключенного просто оставить в боте? Все равно его подберут. А так я пока буду отправлять его в гипер, пока сам буду туда уходить – много шансов получить по заднице или вообще сильно похудею.

– Хорошо, только не забудь ему включить человский сигнал бедствия. Он наверняка должен попасть к своим.

– Попадет.

«Жаль только полковника Бирка. Красивый, смелый мужчина. Жаль», – генерал Сарб смотрел на закрывшуюся за последним посетителем дверь.

Глава 11

Небольшое помещение камеры стало еще больше невыносимо. Несколько раз за ночь Андрей вскакивал с койки, стоял несколько секунд и вновь садился обратно.

– Волнуешься? – сокамерник Андрея Бахруд Бранул сел рядом.

– Волнуюсь. Боюсь, что там, – неопределенный жест рукой куда-то вверх, – в высших эшелонах власти кроков что-то не срастется и Сарб отменит операцию.

– А если Сарб перехитрит наших и они отдадут назад Эльдурей?

– Так что мне делать? Отказаться?

– Не знаю, – после долгой паузы произнес Бахруд.

– А ты попробуй себя поставить на мое место.

– Я бы не согласился, – ответ последовал немедленно.

«Вот о чем говорил Сарб. Любой чел отвергнет любое предложение любого крока о сотрудничестве. Так как будет уверен, что это подвох».

– Ну ты бы просто сообщил, переданную тобой информацию и все. А уже твое начальство решало бы, правда это или ложь.

– Я бы сразу им сказал, что это ложь! Крокам никогда нельзя верить! Я бы лучше вообще промолчал! – Бахруд Бранул распалялся все больше. – Неужели ты не понимаешь, не чувствуешь, что с кроками нельзя договориться. Их просто надо уничтожать!

«Да, Господь явно переусердствовал, создавая одновременно и кроков, и челов. В своей неприязни они и всю Вселенную к черту разнесут», – землянин смотрел на взволнованного Бахруда.

– А ты собираешься им помогать! Ты не чел! – сокамерник Андрея вскочил с его койки и с размаху повалился на свою.

«Действительно, а почему я не испытываю такой ненависти у крокам? – Андрей вспомнил свои размышления по этому поводу в первую ночь, проведенную в плену у кроков. Тогда он только отметил этот факт – особой ненависти к крокам он не испытывает. В ту ночь он объяснил это тем, что он просто мало время контактировал с кроками, и дисгармония между его биополем и кроковским не успела «вызреть». – Но прошла уже неделя. Тоже времени недостаточно. Или тут что-то другое? Может мое биополе не так сильно конфликтует с кроков-

ским биополем? Или вообще не конфликтует? А как же направление вращения спирали ДНК? Ничего не пойму».

– Послушай, Бахруд. Вот объясни мне… – он увидел, что тот демонстративно на койке повернулся к нему спиной.

«Ну и черт с тобой, – разозлился землянин, – в конце концов, моя Родина – Земля, а не какой-то Союз Свободных Цивилизаций, удаленный от нас сотни тысяч световых лет, – Андрей зевнул, – пора спать. Тут уже до подъема остался с гулькин нос. Часа три-четыре. А ведь завтра, вернее сегодня, мне предстоит запомнить кучу ничего не значащих для меня цифр.

«Господи, ну почему, если крупный политический деятель, так обязательно или неврастеник, или вообще полное дерьмо», – бригадный генерал Сарб, откинувшись на спинку кресла, смотрел на нервно меряющего шагами кабинет Харка.

– Генерал, Вы же понимаете, что если это штучки Ваших людей, то все предварительные договоренности между нами аннулируются.

– Господин Харк, я уже несколько раз Вам сказал, что это работа не моих людей. Поверьте, если бы работали мои люди, то уважаемая госпожа Лам не находилась бы в Вашем доме.

– Мне это уже говорила Васса, – нервно вскричал политик, – но кто, кроме Вас мог попытаться сделать это?

– Я всегда говорил, что госпожа Лам чрезвычайно умная женщина. И только что лишний раз в этом убедился. А относительно того, кто это мог сделать… Ну, назову навскидку несколько возможных адресов. Во-первых, Свил. У Верховного адмирала есть несколько весьма неплохо подготовленных примерно для таких дел подразделений. Например «Вепри» – специальный отряд для захвата космопортов противника. Я как-то раз присутствовал на их учениях – впечатляет. Ребята на индивидуальных космопланерах могут влететь прямо в окно здания, попутно перестреляв все живое, что встретиться на их пути. И это при перегрузках, в пятеро превышающих их вес. Во-вторых, министерство внутренних дел. У генерала Круппи тоже есть ребята, шустрые для подобных дел. В-третьих, управление собственной охраны Президента. Правда, их больше натаскивают на спасение, но по сути, что спасение человека, что похищение – весьма сходные операции. Еще парочку назвать?

– Не надо, убедили, – Харк перестал расхаживать по кабинету и присел в кресло, напротив генерала. – Ничего, придет время и Норк и за это ответит.

– И мне кажется, пришло время начать работу, гарантирующую исполнения Вашего желания.

– Да… вы правы, пора начинать, – Харк несколько раз утвердительно покачал головой из стороны в сторону. – Но только строго соблюдая все наши договоренности! – тут же вскричал он.

«Надо бы ребят наградить. Хорошо подогрели Харка. Теперь он, чтобы устранить Норка, готов на что угодно».

– Ну естественно!

– Хорошо, тогда пойдемте, я специально для этого приготовил помещение.

– Один момент, я сейчас распоряжусь, чтобы сюда доставили этого чела и необходимое оборудование, – с этими словами начальник Управления государственной безопасности дотронулся до браслета часов на запястье. – Вот теперь можем идти.

Но генерал не успел сделать и шагу, как часы на руке коротко пискнули.

– Простите, господин Харк, – меня хочет видеть мой адъютант.

– Пусть войдет, – политик пожал плечами, – на данном этапе мы, по-моему, все обговорили.

– Вы совершенно правы.

Дверь открылась, едва генерал успел договорить фразу. Скорым шагом адъютант приблизился к Сарбу. В руках его был телефон.

– Срочное сообщение, господин генерал.

Противник, как-то неуловимо проскользнув между руками Кедрова, вцепился тому в горло. В шее даже что-то хрустнуло.

«Что за черт! В спарринге запрещено душить. Вот пожалуюсь инструктору, – Андрей схватил нападавшего за руки и крутанул их, как учили в институте.

Хватка чуть ослабла. Воспользовавшись этим обороняющийся, что есть силы, ударил противника сдвоенными коленями в живот и одновременно толкнул в бок правым плечом. Не удержавшись, нападающий отлетел в сторону.

– Ты что с ума сошел!? – успел крикнуть Андрей и тут же едва успел сблокировать направленный ему в грудь удар головой. От резкого движения по шее разлилась нестерпимая боль.

Еще раз отлетев, противник вновь кидается на Кедрова.

– Ты никуда не полетишь! Не дам!

Превозмогая боль, Андрей обманным движением отклонился влево и что есть силы рубанул нападавшего по шее, под скулу. Захрипев, тот ничком упал на пол. Вспыхнул яркий свет и реальность ворвалась в мозг землянина вместе с вбегающими в камеру кроками.

На полу, подогнув под себя ноги, лежал Бахруд. Рядом с ним валялась, скинутая с койки подушка Андрея.

– Что здесь произошло? – один из охранников смотрел на Андрея, второй наклонился над лежащим Бахрудом.

Землянин почувствовал, что его тюремный комбинезон как будто закаменел, и он не может даже шевельнуться в нем.

«Я так и знал. Посылается сигнал и комбинезон становится типа смирительной рубашки, только намного эффективней, – Кедрову неожиданно вспомнился фильм «Кавказская пленница», когда Шурик дергался в смирительной рубашке, – тут бы он так не подергался», – он даже улыбнулся, но тут резкая боль в шее заставила его скривиться от боли.

Охранники что-то покаркали между собой. «Ошейник» Андрея молчал.

«Отключили».

В камеру вошел еще один крок. Судя по форме – не полностью черная, а с серебристыми вставками на руках и ногах, он был не рядовой охранник. Оглядев камеру, он обратился к Андрею:

– Как Вы себя чувствуете?

– Шея, – землянин дотронулся до нее рукой и вновь скривился от боли.

– Он Вас пытался задушить? – кивок на лежащего Бахруда.

– Не знаю, я спал и….

– Ясно, – перебил землянина крок. – Идти можете?

– Вроде бы.

Вошедший крок вытянул из кармана что-то, похожее на телефон, и сказал в него несколько фраз. Через несколько минут в камере появился человек в красном халате.

«Врач», – Андрей вспомнил свой первый допрос у кроков и не ошибся.

В руках у врача появился предмет, отдаленно напоминающий пистолет. Этот «пистолет» крок навел на Бахруда. Кедров даже на мгновение испугался, думая, что тот сейчас пристрелит его сокамерника. Но волнения были напрасны. «Пистолет» оказался диагностическим прибором, на небольшом экране которого появились какие-то значки. Врач что-то сказал человеку с серебристыми полосками и навел «пистолет» на Андрея. Секундная пауза:

– Вы можете поворачивать шеей? – участливо, насколько это возможно «каркая», спросил врач.

– Не очень.

Врач сказал несколько слов главному охраннику. Тот в ответ разразился длинной раздраженной фразой. Кроковский эскулап испуганно вздрогнул и неожиданно быстрым движением, прислонил «пистолет» к шее Андрея. Легкий укол и боль тут же прошла.

Кедрова отвели в какую-то комнату, уложили на что-то похожее на кушетку. Около землянина уже хлопотало несколько кроков в красных комбинезонах. Из ниши в стене на штанге выдвинулась полупрозрачная сфера и, секунду помедлив, словно раздумывая лечить чела или нет, надвинулась на голову Андрея. Вновь несколько уколов, затем человек почувствовал, как шею со всех сторон начали обрызгивать какой-то холодной жидкостью. Минута, другая и колпак вновь спрятался в нише.

– Вставайте, – над ним наклонился один из врачей.

Андрей осторожно встал с кушетки.

– Покрутите головой, – тут же последовала другая команда.

Кедров выполнил указание.

– Ничего не беспокоит.

«Ну прямо как на приеме у институтского врача».

– Нет.

Было видно, как кроки облегченно вздохнули. Андрей осторожно дотронулся до шеи. На ней было что-то вроде мягкого бинта.

– Чел, находившийся с Вами в одной камере сильно ударил Вас по шее, когда пробовал удушить. Произошло смещение одного из шейных позвонков, – «ошейник», спрятанный под «бинтом» бесстрастно перевел слова кроковского врача.

«А ведь я мог вполне погибнуть от руки чела. И стоило для этого лететь за сотни тысяч световых лет? На Земле людей с левосторонней ДНК – каждый первый. Да, я раньше думал, что религиозные противоречия самые непримиримые. Оказалось, нет. Оказывается, есть более фундаментальные противоречия, противоречия на уровне не психики, а генов. Вот только почему я так терпимо отношусь к крокам? Почему?», – когда через полчаса кроки засуетившись, впихнули его в флайер, землянин всю дорогу пытался найти ответ на этот вопрос.

* * *

– Что-то случилось, господин генерал? – Харк обеспокоено смотрел на Сарба.

– Да нет, все в порядке, – начальник Управления Государственной безопасности отдал телефон адъютанту, – просто несколько людей могут лишиться своих званий. Пустяки. Пройдемте, господин Харк, сюда скоро привезут этого чела. И не успеет еще взойти Парма, он вновь будет у меня в подвале.

В помещение, куда привели Андрея Кедрова, не было окон. По крайней мере даже намека на какие-то жалюзи, закрывающие окна, он не увидел. Да и вообще, особой мебели тоже не было. Небольшой стол, три кресла, стоящие у противоположной от входа стены и все. Два из них были заняты. В одном из кресел землянин узнал Сарба. Другой, среднего роста, полноватый мужчина со светло-русыми волосами, Андрею знаком не был.

«Лидер оппозиции Харк, возможный будущий Президент», – тут же догадался он.

Увидев Кедрова, мужчины встали из кресел, и подошли к нему. Сарб сделал властный жест рукой и двое охранников, сопровождавших Андрея, мгновенно исчезли.

Было видно, что русоволосый нервничает и, не зная куда деть руки, постоянно теребит их друг о друга. Землянин решил помочь известному кроковскому политику.

– Андрей Кедров, лейтенант Воздушно-десантных войск России, – представился он и протянул руку для приветствия.

Крок от неожиданности отшатнулся и сделал шаг назад. Затем, сконфузившись своей невольной реакции, взял себя в руки и энергично протянул свою руку.

– О'Санни Харк… председатель партии «Справедливость и порядок».

Крок и чел пожали друг другу руки. Скосив глаза, Андрей увидел, что генерал Сарб улыбается. И неожиданно, эта улыбка показалась землянину симпатичной.

«Нет, что-то тут не так. Мне точно кроки не кажутся омерзительными и я, например, просто того, что это крок, ему в глотку не вцеплюсь».

– Ну что, господа, приступим. У нас не так уж и много времени, – Сарб выразительно взглянул на часы.

– Да, конечно, – поспешно согласился Харк.

Генерал жестом руки указал Андрею на кресла:

– Садись в среднее.

Кроки сели по обе стороны от землянина.

– Смотри прямо перед собой. А мы тут с господином Харком немножко поговорим, – И Сарб, неожиданно, вполне по земному, подмигнул Кедрову. – Прошу, господин Харк, вам слово.

Но то, что начал говорить политик, Андрей не понял. Его «ошейник» переводить перестал.

«Ясно, не для моих ушей».

Между тем, «карканье» продолжалось:

– Уважаемые граждане Содружества Свободных Планет, я, О'Санни Харк, председатель партии «Справедливость и порядок» и… – политик сделал паузу.

– И я, бригадный генерал О'Локки Сарб, начальник Управления Государственной безопасности, – представился Сарб.

«Да они это снимают, – догадался Андрей, – поэтому и сказали смотреть перед собой. Где-то вмонтирована видеокамера».

– …понимая всю значимость для Содружества планеты Эльдурей, – вновь продолжил Харк,– совместно разработали операцию, одобренную господином Президентом Норком, по дезинформации нашего противника относительно наших планов по освобождению этой планеты. План операции состоит в том, что вот этот чел, – Харк указал на сидящего Кедрова, – захваченный две недели назад в одной из отдаленнейших секторов Вселенной, передаст командованию челов ложный, выгодный нам план операции по освобождению Эльдурея. Я правильно говорю, генерал Сарб?

– Вы говорите абсолютно точно,– начальник Управления государственной безопасности, не поворачивая головы к своему собеседнику, смотрел в невидимый глазок видеокамеры.

Услышав подтверждение своих слов, политик продолжил:

– Чтобы противник поверил нашей дезинформации, разработана легенда, по которой якобы Сарб, видя шаткое положение нашего Президента, решил выдать врагу истинный план операции по освобождению Эльдурея, чтобы я, наверняка, на следующих выборах занял этот пост. А в благодарность за это я должен его назначить Верховным Адмиралом нашего Объединенного Флота и Вице-президентом страны. Повторяю, что это только легенда, призванная убедить челов поверить нашей дезинформации,– и вновь, – я правильно говорю, генерал Сарб?

И вновь, глядя прямо перед собой, бригадный генерал подтвердил:

– Вы говорите абсолютно точно.

О'Санни Харк промокнул лоб платком, сделал глоток из стоящего перед ним стакана и продолжил:

– Я отлично понимаю, что в случае выполнения нашего плана, то есть в случае, если челы поверять нашей дезинформации и это будет способствовать освобождению Эльдурея, то скорее всего мой политический оппонент – нынешний Президент страны господин О'Ролли Норк будет избран на следующий срок. Но я также отлично понимаю, что нынешними своими действиями, я могу реально спасти сотни и тысячи жизней своих сограждан, могу помочь освободить Эльдурей, а значит предотвратить захват челами третьего сектора нашего государства. И поэтому, как патриот своей страны, я сознательно иду на это. Я надеюсь, что наш народ поймет и оценит мой поступок. Благодарю за внимание, – сказав последние слова, Харк устало откинулся на спинку кресла.

– Вы были так убедительны, что я действительно начал верить всему, произнесенному Вами.

– Господин Сарб, давайте не будем комментировать сказанное. Эта запись – мой гарант безопасности. Учтите, если вся эта затея с челом Ваша провокация, эта запись будет показана по всем телеканалам. И тогда Вы будете объяснять всем, в том числе и парламенту, почему Вы затеяли эту провокацию и оскорбили меня в моих патриотичных чувствах.

– Господин Харк, вопрос гарантии Вашей безопасности мы с Вами уже обговаривали. Я согласился на эту видеозапись, и Вы ее сделали. Этот вопрос закрыт. Давайте приступим к следующему этапу – передадим этому челу…дезинформацию по атаке на Эльдурей. Ох, простите, информацию,– Сарб едва сдержал улыбку, видя, как дрогнуло лицо у политика.

– Я готов.

Сарб дотронулся до своего браслета часов. Через несколько секунд открылась дверь и в комнату вошли охранники, сопровождавшие Кедрова. На этот раз они несли продолговатый ящик. Установив его посередине комнаты, они сняли с крышки ящика устройство, с виду напоминающее обычный портативный компьютер и поставили на стол, перед сидящими людьми.

– Все настроено?

– Да, господин бригадный генерал.

– Можете идти.

– Есть, – охранники удалились.

– Это и есть знаменитый потрошитель мозгов? – Харк не удержался и подошел к продолговатому ящику.

– Это называется «Устройство считывания и записывания нейроинформации», – Сарб подошел к политику.

– И что, положив меня сюда, можно выведать все мои тайны? – политик обошел устройство вокруг.

– Можно, – коротко согласился Сарб.

– Опасная штука.

– Полезная.

– О, для Вас да. Хорошо, что мы в парламенте приняли закон, жестко регламентирующий применение этого потрошителя.

– Господин Харк, у нас остается очень мало времени.

– О, извините, генерал. Давайте сюда Вашего чела.

«Все же бесцеремонные эти кроки. Молча отрубили «ошейник». Сами что-то начирикали на камеру, теперь рассматривают этот ящик. А меня как будто тут и нет. Ох, чует моя печенка, что придется залазить в этот гроб», – важный внутренний орган землянина не подвел.

– Господин Кедров, подойдите сюда, – услышал он. – Вам необходимо лечь в это устройство, – дождавшись Андрея, Сарб нажал какую-то кнопку на боку «гроба», и его крышка бесшумно съехала в сторону.

Внутри устройства землянин увидел, что-то похожее на матрас, а в одном из концов было установлено что-то вроде колпака

– Это абсолютно безопасно. Вы уже находились в нечто подобном, у нас, в Управлении. А это мобильный вариант той установки. Сейчас мы запишем Вам в мозг необходимую информацию. Это займет минут пятнадцать. После чего Вы возвратитесь назад. Вам все ясно?

– Все. Можно ложиться?

– Да.

Андрей залез в «гроб», не колеблясь, всунул голову в «колпак». Послышался легкий шум – закрылась крышка. Что-то мягкое прижалась ко лбу и вискам землянина. Потом все прекратилось.

«Странно, ничего не чувствую. Они уже начали вкачивать в меня цифры? – Андрей попробовал пошевелить головой. Несмотря на кажущуюся податливость, прижимы не позволяли это сделать. – Сарб сказал, все займет минут пятнадцать Минут пять точно прошло, а может и нет…»

И тут перед глазами вспыхнул мягкий голубоватый свет. Кедров закрыл глаза. Свет не исчез. И на фоне этого голубого свечения стали возникать колонки цифр. Они появлялись откуда-то сверху и, медленно опускаясь, постепенно таяли. Но как только последнія цифра в колонке растаивала, сверху медленно начинала опускаться следующая группа цифр.

«И это все? Даже не интересно, – несмотря на громадный объем информации, который впитывал его мозг, человек мог думать и вспоминать. В памяти Андрея всплыла картинка из далекого детства – всунутый в старую авоську белоснежный гусь, трубка, торчащая из его горла, мать, запихивающая в нее кашу и проталкивающая ее палочкой. Гусь даже не мог кричать, он лишь судорожно делал глотательные движения и отчаянно сучил лапами – у птицы выращивали громадную печень.

«Вот и в меня, как в этого гуся кашу, впихивают информацию. Я разве ногами не дергаю, – очередная колонка цифр медленно растаяла в голубом свете. – Все?».

Нет, это было не все. На фоне все того же голубого света перед внутренним взором Кедрова развернулось настоящее кино. Он неожиданно узнал комнату, в которой находился, и в знакомых креслах сидели все те же Сарб и Харк.

– Я, О'Санни Харк, председатель партии «Справедливость и порядок» и … – политик сделал паузу, давая возможность представиться рядом сидящему человеку.

– Бригадный генерал О'Локки Сарб, начальник Управления Государственной безопасности.

«Так вот что они снимали. Видеопослание. Только теперь я его почему-то понимаю».

Но это не была запись, которую сделали кроки двадцать минут назад. Да, это было видеопослание, видеопослание, адресованное челам.

Сидя за столом и смотря на монитор компьютера, Харк и Сарб говорили давно продуманную речь.

– … с помощью чела Андрея Кедрова передаем план операции по освобождению Эльдурея командованию челов, – говорил вновь Харк.

– В этом плане содержится исчерпывающая информация о дате начала операции, силах, привлеченных для ее выполнения, направлениях удара и маневрах каждого боевого звездолет, – теперь заговорил Сарб.

– Теперь мы хотели бы объяснить наш поступок, – Сарба сменил Харк, – у меня и у генерала Сарба давно вызрело убеждение, что внутренняя и внешняя политика, проводимая нынешним Президентом Норком гибельна для государства кроков. Попытаться сместить Норка при помощи заговора или восстания, при существующей конфронтации с вами, значит подвергнуть страну громадному риску. Остается устранить его демократичным путем, с помощью выборов. В настоящее время рейтинг Норка не высок, но в случае освобождения Эльдурея, он повыситься и этот человек останется Президентом страны еще на семь лет, ввергая страну в пучину экономического спада и военных поражений. Именно поэтому мы, О'Санни

Харк и О'Локки Сарб, решаемся на этот поступок. В случае неудачи под Эльдуреем, Норк гарантированно проиграет выборы, и Президентом стану я, О'Санни Харк. Моими первыми шагами будет направление Вам делегации с целью заключения перемирия, а потом и мира.

Голубое свечение погасло. Через несколько секунд крышка отъехала, и землянин с облегчением выбрался из этого «гроба».

– Спасибо Андрей за сотрудничество, – к Кедрову подошли улыбающиеся Сарб и Харк. – Что ж теперь готовьтесь к отправке к своим соплеменникам. С вами, очевидно, мы больше не увидимся.

За спиной землянина появились два знакомых охранника.

– Прощайте, господин Сарб, прощайте господин Харк, – Андрей по очереди пожал руки крокам, – рад был с вами познакомиться, – Кедров говорил вполне искренне.

– Интересно, поверят челы нашей информации, – Харк задумчиво смотрел в спину удаляющегося Кедрова.

– Если не поверят, то они этого симпатичного чела казнят.

– Мне будет жаль.

– Мне тоже.

Глава 12

Лазерный луч ярким копьем вонзился в башнеобразное тело звездолета. Вспышка и покоритель глубин Вселенной превращается в груду металла и пластика. Яркая, разноцветная клякса взрыва постепенно меркнет, сквозь нее начинают проглядывать невозмутимые звезды и вот уже вновь на черном полотне Космоса сверкают драгоценные крупинки звезд. Проходит еще несколько секунд, и три звездолета с отчетливо видным сине-красно-черным флагом Содружества Свободных Планет пропахивают очередную космическую братскую могилу.

– Ха, если бы было все так просто с этими челами. Долбанул один раз с одной пушки главного калибра и все – очередная человская или фроловская биомасса поступила на заморозку. А восемь залпов главного калибра, да не одной пушкой, а двенадцатью не хочешь?! – худощавый, с каким-то изможденным лицом брюнет средних лет презрительно махнул в сторону голографической картинки, нарисованной лазерами в ночном небе Арикдны.

– Девяносто шесть выстрелов, чтобы уничтожить крейсер? Не может быть! – собеседник брюнета, молодой белобрысый крок изобразил на лице крайнее удивление.

– Может, Барри, может! Если бы это было не так, я не сидел бы в этой вонючей столице и не протирал штаны в этом зачуханном баре, просаживая левры, прежде чем отправится на Гамед, а находился бы на боевом дежурстве в четвертом Б секторе на боевой космической станции «Щит – 2». А там год идет за два и зарплата соответственно. Но дело не в этих вонючих деньгах, Барри, а знаешь в чем? – брюнет наклонился через стол к своему собеседнику, его голос перешел на шепот.

– В чем, Троппи?

– А в том, что по моей вине погибли два замечательных офицера: капитан О'Крисс Зум и старший лейтенант О'Ралли Друз, – руки брюнета сжались в кулаки.

– Тропи, надо выпить за них! – предложил белобрысый.

– Надо, – согласился его собеседник. – Официант, еще два «Красного»!

Официант – невысокий блестящий цилиндр из пластика на четырех колесах через полминуты подкатил к столу. Внутри цилиндра что-то зажужжало и из него поднялась площадка, на которой стояли два прямоугольных стакана с бесцветной жидкостью. Белобрысый крок быстро переставил их на стол.

– Отваливай, – брюнет махнул рукой на официанта и взял в руки стакан. – За мужественных офицеров: капитана О'Крисса Зума и старшего лейтенанта О'Ралли Друза. Пусть Космос хранит их души! – два крока в один глоток опорожнили свои стаканы.

Между тем, на ночном небе столицы Содружества лазеры начали рисовать новую «картинку» – несколько колебаний световых лучей и желтая планета прочно обосновалась среди звезд. Причудливыми мухами вокруг нее закружили звездолеты. В баре «Цивилизация» постепенно смолк гомон посетителей. В конце концов, все взгляды устремились вверх, где за прозрачным полусферическим куполом начало разыгрываться очередное виртуальное космическое сражение. На черном фоне вокруг желтой планеты один за другим стали появляться светлые пятнышки, словно кто-то чем-то острым стал прокалывать черное сукно Космоса. В принципе, если бы это происходило в реальности, то так оно и было бы – звездолеты, выходя из гиперпространства, на мгновение в месте выхода разрывали привычный трехмерный мир, озаряя его «выхлопом» энергии перехода.

«Мухи», кружившие вокруг желтой планеты, резко стали менять рисунок своего полета, окружая белые пятнышки.

– Эльдурей! – то тут, то там вспыхивало среди посетителей.

И эти разрозненные всполохи, словно объединившись, перечеркнули ночное небо огненной фразой: «Освобождение Эльдурея» – компьютеры, спрятанные где-то в подсобных помещениях бара, рисовали будущее сражение, желание которого пропитало воздух Арикдны не хуже цветущей в парках и скверах прекрасной армунии – символа кроковской столицы.

Между тем «мухи» стали напоминать рассерженных ос, жалящих вынырнувшие из преисподней Вселенной кроковские звездолеты лазерными лучами. Те отвечали тем же. Виртуальное действо захватило всех. Люди словно забыли, что перед их глазами разыгрывается всего лишь красочное голографическое кино. Крики восторга или огорчения сопровождали каждый уничтоженный звездолет врага или потерянный свой. Постепенно, у одной за другой человской «осы» вырывали «жало» – нарисованные вражеские звездолеты исчезали в кляксах взрыва. Теперь уже кроковские «осы» кружили вокруг планеты, примериваясь для последней, решающей атаки. И вот решающий миг наступил. С нескольких сторон, построившись в боевые цепочки, кроковские крейсера и эсминцы устремились к поверхности Эльдурея. Та словно покрылась огненными оспинами – горели многочисленные базы и форты противокосмической обороны. Несколько секунд и на буро-желтом шаре планеты расцвел флаг Содружества свободных Планет.

– Даешь Эльдурей! – бушевало в баре и, словно отразившись от прозрачного купола, возвращалось вниз еще более яростным ревом, – Смерть челам!

– Челы, вы еще узнаете полковника Варка! – вскочив со стула, брюнет потрясал сжатыми кулаками ночному небу.

«Картинка» продержавшись еще несколько секунд на небе, быстро растаяла и вновь безразличные и холодные звезды светили через купол бара «Цивилизация». Вскочившие разгоряченные, возбужденные люди стали возвращаться за свои столы.

– Тебя же вроде из-за фролов того…перевели.

– Какая разница: фролы, челы? Все они левосторонники. Разделаемся с челами, легче будет покончить с фролами. Только правосторонники будут править Вселенной! Ничего, я еще покажу себя! Сдохну, а докажу всем, что значит боевой полковник Варк! Официант, еще два «Красного»!

– За победу над челами!

– За победу над челами и фролами! Смерть челам и фролам! – неслось отовсюду.

Блестящие пластиковые цилиндры на колесах с шорохом носились между столами, развозя напиткт. Хозяин бара «Цивилизация» не прогадал, заказывая программистам написать

мультик «Освобождение Эльдурея» – выручка в этот день подскочила вдвое. Кроковское общество жаждало реванша.

– Смерть челам и фролам! Даешь Эльдурей!

– Эльдира! Эльдира! – громкий голос отца несся над ущельем, отражаясь от стен, выступов, дробился и эхом возвращался со всех сторон: Эльдира, Эльдира. Эльдира….

Высокая девушка в короткой кожаной юбке и заправленной в нее просторной рубахе, под которой волнующе перекатывалась тяжелая грудь, услышав этот зов, лишь мотнула головой. Длинные рыжие волосы взметнулись в такт голове и тут же вновь разметались по широкой спине. Ловко перепрыгивая с камня на камень, пробираясь по руслу мелкой речушки, девушка через несколько минут оказалась у начала ущелья. Речушка, уставшая от бесконечных столкновений с мелкими и крупными камнями, с радостным плеском вливалась в большую полноводную реку, величаво, не спеша несущую свои воды куда-то по широкой долине, усыпанной небольшими лесками, изрезанной множеством оврагов и заросшей высокой травой.

Оказавшись на берегу, девушка проворно сбросила с себя юбку, рубаху и вот уже смуглое нагое тело мелькнуло в воздухе.

– Эльдира! – отразившийся от скал голос отца укоризненно прозвучал за спиной.

– Бульк, – почти без всплеска девушка нырнула в голубую реку.

Минута, другая… Копна рыжих волос показалась в сорока метрах от берега. Одновременно размашисто выбрасывая руки вперед, синхронно отталкиваясь от воды ногами, Эльдира устремилась к середине реки. Вода бурля, расступалась перед мощной грудью, чтобы обогнув сильное тело, вновь сомкнуться, образуя множество волн, которые расходясь, постепенно гасли.

Вот и середина реки. Что до одного, что до другого берега сто метров. Девушка перевернулась на спину, раскинула руки и вода, подхватив крупное тело, тихо понесла его по течению. Длинные волосы, распластавшись по воде, тихо покачивались на волнах. Легкий ветерок, яркое солнце, утонувшее в бесконечной синеве над головой и бесконечно дробящееся в водной ряби внизу – Господи, как же бывает прекрасен мир в редкие мгновения единения с ним!

Тихий тонкий звук, словно чуть завибрировала эта божественная синева, возник откуда-то справа. Он все нарастал и нарастал, наконец его услышала и Эльдира. Энергичное движение и лишь расходящиеся на поверхности круги. Вскоре от прекрасного мира не осталось и следа. Тихий ветерок сменился грохочущим ураганом, а вместо легкой ряби расходящиеся концентрические волны – легкий флайер завис над тем местом, где только что была девушка.

Девушка вынырнула в сорока метрах за караулившей ее машиной. Но на флайере были опытные люди и сразу засекли легкий всплеск чуть в стороне.

– Эльдира! Что за ребячество! Немедленно возвращайся! Ты срываешь весь праздник!

Легкий летательный аппарат крутнувшись на месте, быстро оказался над местом, где только что была девушка. Только что была… Теперь там бушевали волны от могучего потока воздуха, падающего сверху.

– Эльдира…А, черт! – сидящий в кресле рядом пилотом высокий грузный мужчина с седыми длинными волосами в сердцах отбросил от себя микрофон. – Несносная девчонка! Что она себе позволяет! Если она думает, что дочери Главного Командора можно все, то она глубоко заблуждается! И она сейчас это поймет! – с кряхтением мужчина повернулся в кресле. – Суфи, а ну вылови мне эту рыбку! И не церемонься, заслужила!

Позади двух кресел находился крохотный грузовой отсек, в котором на корточках сидело трое человек, одетых в ярко-синюю униформу. Один из них, с красными нашивками на груди и рукавах, сделал приказывающий жест рукой. Друг за другом трое мужчин прыгнули в воду.

Девушка вынырнула от них в двадцати метрах. Заметив преследование, она, делая мощные гребки руками, поплыла к противоположному берегу, не обращая внимания на зависший над ней флайер.

– Эльдира, прекрати ребячество! Ты же меня позоришь!

Смуглое тело с мечущимися в вихре воздуха волосами, продолжало упорно плыть к противоположному берегу. Двое преследующих девушку мужчин начали отставать, не в силах поддержать предложенный темп. Но третий оказался классным пловцом. Выбрасывая далеко вперед свои длинные руки, он с каждым гребком приближался к Эльдире. Вот уже ее молотящие воду ноги прямо перед его лицом. Он пытается схватить их, но сильная и скользкая от воды плоть легко вырывается. Девушка на мгновение оборачивается и что-то кричит. Рев висящего над ними флайера все заглушает. Мощный гребок, толчок ногами и мужчина уже скользит под водой. Бездонная голубизна неба сменяется сине-зеленым слоем воды, подсвечиваемый ярким солнцем, придавая ему изумительный вид… и только. Потому что небольшая деталь в этом пейзаже мгновенно превращает его с изумительного в великолепный, фантастический. Небольшая деталь – это Эльдира. Вид снизу на это большое обнаженное женское тело, яростно молотящее по воде руками и ногами, на эту большую грудь, колеблющуюся в такт движениям поистине потрясающ.

Но мужчина лишь мгновение любовался этим захватывающим зрелищем. Сделав еще один мощный гребок, он снизу поперек обхватил туловище Эльдиры. Последовавший тут же мощный удар локтем по голове едва не заставил пловца выпустить свою добычу. Превозмогая боль, мужчина принял единственно правильное решение – как можно сильнее прижался к девушке, пряча голову под ее грудью. Перестав работать ногами, он потянул извивающееся женское тело вниз, полагая, что нехватка воздуха заставит слабый пол прекратить сопротивление. Через полторы минуты сильный пол понял, что ошибся. Мощные рывки в его руках не утихали, а у него уже пошли круги перед глазами. Мужчина понял, что еще несколько секунд и он просто потеряет сознание. Мускулистые руки разжались, тело рванулось вверх, к спасительному воздуху и тут же получило мощный удар по голове стройной девичьей ножкой.

Медленно опускающийся на дно Суфи уже не видел, как подоспевшие двое его напарников наваливаются на девушку, как сбрасывается с флайера специальная сетка для перевозки грузов на весу, как ныряют за ним.

– Что ты себе позволяешь? – грузный мужчина с седыми волосами и только что вытащенная из воды девушка сидели рядом на большом ровном плато, покрытым сочной зеленой травой. За их спинами стоял флайер, а где-то еще дальше несла в свои воды в океан великая река фролов Иргуни. – Мало того, что опозорила меня перед людьми. Сбежав с Праздника Любви, так ты еще и чуть Скуфи не утопила. Вон до сих пор откачивают беднягу.

– А нечего было лапать меня! Жених нашелся, – Эльдира, закутанная в легкую пеструю шерстяную накидку, иронично усмехнулась.

– Он выполнял мой приказ! – в глазах отца блеснул гнев.

– Лапать меня? – девушка еще шире улыбнулась.

– Не лапать, а задержать! Зачем ты сбежала с Праздника Любви?

– А что я на нем забыла? – Эльдира презрительно фыркнула. – Соберутся сотня оболтусов и начинают пялиться на тебя.

– Эльдира, это же такой обычай! Парни демонстрирую свою удаль, потом выбирают себе невест, потом…

– Удаль они будут демонстрировать! Недомерки! Да я любого из них одним ударом уложу на пару часов отдыхать на травке. Того же твоего Суфи. Его счастье, что были мы в воде. На суше он бы так легко не отделался. Вообще бы на Праздник Любви перестал бы ходить за ненадобностью!

– Эльдира, прекрати! Ты еще чуть не утопила и еще говоришь, что он легко отделался. А он, между прочим, сын Руфи СакВока, Главного Судьи.

– Ну и что, что сын Главного Судьи? Все равно недомерок! – девушка в возмущении вскочила на ноги.

Ее отец, Матрул ДарВул, Главный командор Независимого государства фролов, с кряхтением сделал тоже самое.

Видя с каким усилием он встал, Эльдира смягчилась.

– Ну, пап, ну какой он мне муж? Он же мне едва до плеча достает! – девушка, прислонилась к отцу. Стало видно, что она полголовы его выше.

– Великий Мортон, что же мне с тобой делать? – ДарВул, погладил дочь по голове. – Ну они же не виноваты, что ты у меня такая, – в голосе отца послышались нотки гордости. – И в кого ты такая? Мать обычного роста, я высокий, но не на столько же.

– Надо у мамы спросить, может она знает, – Эльдира лукаво взглянула на своего отца.

– Ты на что намекаешь, несносная девчонка?! Ох, надо было тебя пороть в детстве! Совсем распустилась.

– Папочка, и ты бы поднял руку на свою маленькую девочку, – Эльдира еще сильнее прислонилась к отцу и обняла его за шею.

– Зато сейчас бы не было проблем, – пробурчал ДарВул, явно оттаивая. – Ладно, пошли к флайеру, пора лететь. И учти, через неделю, во второй день Праздника Любви ты должна сидеть на трибуне невест.

– И что это тебе даст?

– Ты станешь невестой самого достойного юноши.

– Суфи? – губы девушки презрительно изогнулись.

– Я сказал самого достойного. Тот, который быстрее всех в честной борьбе одолеет Круг Мужества.

– Ха, в честной борьбе. Знаю я эту честную борьбу. В позапрошлом году старший брат Суфи Пасул, что тоже добился руки моей двоюродной сестры честно? Да все же поддавались ему! Еще бы, старший сын самого Главного Судьи! – Эльдира отстранилась от отца и смотрела ему прямо в глаза.

– И что они плохо живут? Вон дочь у них родилась! – Матрул ДарВул даже поморщился от напряжения, пытаясь выдержать взгляд дочери.

– Родилась. Только Юрсуна каждый раз содрогается, когда Пасул приходит к ней в спальню, а утром плачет!

– Откуда ты это знаешь? Когда я ее вижу, то Юрсуна всегда приветлива, улыбается.

– А как она должна себя вести? Ходить, опустив голову? Плакать? Это не в крови семьи ДарВулов! А мне, как своей сестре, как женщина женщине она много чего порассказывала о Пасуле. Тебе это тоже рассказать? Рассказать, какие он предпочитает любовные утехи?

Отец не выдержав гневного взгляда дочери, отвел глаза.

– Суфи не Пасул, он мягче, сдержанней, – не поднимая глаз, заговорил он.

– Все равно он из рода СакВоков! От горечь-травы не получится сладкого бахрума!

– Дочь, что ты говоришь?! Главный судья Руфи СакВок всеми уважаемый человек!

– Не всеми, – отрезала Эльдира, – те, кто считает, что хорошим крок бывает только мертвым, кто не забыл уничтоженные, выжженные кроками наши города, Руфи СакВока не уважают. И таких становится все больше и больше.

– Но Эльдира, Главный Судья прав. Еще несколько десятилетий такой войны и фролы навсегда исчезнут во Вселенной. Мы должны поменьше воевать и побольше созидать. И Верховный Совет Достойных его поддержал. А ты знаешь, что Главного Командора назначает Совет. А перевыборы не за горами. И от СакВока много зависит, переизберут меня или нет.

– И ты ради своей должности готов подложить свою дочь в постель к сынку Главного Судьи! Не бывать этому! – девушка развернулась и решительно зашагала к флайеру.

– Ты через неделю должна сидеть не трибуне невест!

Эльдира замерла, словно ей выстрелили в спину.

– Хорошо, я буду там. Только не забывай, у невесты есть право на поединок с кандидатом в мужья. И я им воспользуюсь! – и Эльдира вновь, широко шагая, направилась к флайеру.

Всю дорогу, к резиденции Главного Командора отец и дочь не сказали ни слова друг другу.

Пилот, крутым виражом завис над посадочной площадкой на крыше резиденции и у самой земли резко сбросил тягу. Флайер ощутимо просел на своих амортизаторах.

«Ну сколько раз этому Заруфи говорить, что противоракетные маневры можно не выполнять, – Главный Командор поморщился в своем кресле от перегрузки, – что меня скорее добьет его посадка, чем вражеская ракета. Хотя он выполняет инструкцию и нарушить ее он не имеет право», – Матрул ДарВул, покряхтывая, вылез из флайера.

– Господин Главный Командор, – перед ним вытянулся начальник охраны, – за время Вашего отсутствия никаких происшествий не случилось.

ДарВул кивнул головой и направился к распахнутому стальному люку, ведущему внутрь резиденции.

– Офицер, поосторожней, прожжешь, – услышал он за спиной насмешливый голос своей дочери.

Главный Командор резко обернулся. Эльдира все в той же пестрой накидке насмешливо смотрела на начальника охраны. Он только сейчас заметил, что накидка явно маловата для Эльдиры и прикрывала лишь самое сокровенное. Стройные ножки из-за своей длины в это самое сокровенное не вмещались и посему были выставлены на всеобщее обозрение. К тому же, явно не маленький девичий бюст, лишившись привычных оков, весело гулял под накидкой.

«Срочно девку замуж, срочно!», – досадливо крякнув, Матрул ДарВул шагнул в люк. Хихикающая Эльдира последовала за ним.

– Иди к себе и оденься!

– Слушаюсь, папочка! – шутливо отдав честь, девушка свернула в коридор, где располагались ее апартаменты.

Проводив взглядом ее высокую, сильную фигуру, Главный Командор вошел в командный отсек.

«Великий Мортон, а ведь Эльдира права. Чтобы сохранить свой пост я готов ее бросить в объятия нелюбимого для нее человека. Неужели эта должность стоит такой жертвы? – миновав несколько постов охраны, ДарВул оказался в собственном кабинете. – Что там намекала Эльдира о поведении Пасула в постели с ее двоюродной сестрой? На что-то явно постыдное, унизительное для женщины, – Главный Командор привычно расположился в кресле, – а если и Суфи, брат Пасула, будет вести себя с моей дочерью, – от неприятных мыслей мужчина поморщился. – Неужели это стоит счастье дочери?»

ДарВул обвел взглядом кабинет. Несколько шкафов вдоль стен со старинными книгами по истории фролов, между которыми, искусно замаскированный под такой же шкаф располагался сейф с личным костюмом космодесантника и мощным лучеметом – фролы всегда были готовы в любой момент отразить десант кроков. В каждом доме, в каждой квартире, в каждом офисе стояли сейфы с оружием и обмундированием. Это касалось всех, от пятнадцатилетних старшеклассников и старшеклассниц до столетних стариков и старух – лозунг «Все как один» имел буквальный смысл. И высшие чиновники не были исключением. Прозвучал сигнал космического вторжения, будь добр, за тридцать секунд надень обмундирование, приведи оружие в полную боевую готовность и ожидай на свой мобильный телефон приказа: куда бежать и что

делать. Слишком безжалостен был враг и слишком превосходил он в численности, чтобы позволить роскошь застать себя врасплох, не с оружием в руках.

В центре кабинета небольшой стол совещаний, рассчитанный на шесть человек. Больше и не нужно. Решение нужно принимать быстро, опережая бортовые компьютеры кроковских боевых звездолетов. А если каждый будет говорить хотя бы минуту, то шесть человек, это шесть минут – больше циклограммы запуска десантного бота со звездолета-матки. А десять человек – десять минут – время баллистического, с противоракетным маневром, спуска большого десантного корабля.

Ну и, наконец, его рабочий стол с терминалом закрытой связи со всеми двадцатью семью наземными фортами и двадцатью базами противокосмической обороны, расположенными на астероидах. Отсюда, если понадобиться, он сможет управлять и вести огонь любым боевым лазером форта или базы.

«Так стоит все это счастье его дочери? – мужская рука осторожно легла на кнопку объявления всепланетной тревоги. Чуть сильнее надавил пальцем и на всех звездолетах, на всех фортах и базах, во всех квартирах, учреждениях, на улицах и даже в местах отдыха, словом везде, раздаться знакомая с пеленок тревожная мелодия: «Фролы, враг у ворот, враг атакует». И через тридцать секунд планета ощетиниться сотнями, тысячами линз боевых лазеров и лучеметов, смотрящих в небо, откуда яркими падающими звездами должны вывалиться десантные корабли, боты и капсулы кроков или ракеты с термоядерными боеголовками.

«Да, стоит, – большой палец руки медленно отодвинулся от большой красной кнопки, – это стоит счастья Эльдиры, потому что от действий человека, находящегося в этом кресле, в случае космической атаки будет зависеть не счастья, а жизни. Тысячи, десятки, сотни тысяч, миллионы жизней фролов. А я, как никто другой, смогу наиболее эффективно управлять имеющимися у нас силами. Я в этом уверен. А потому будет Эльдира через неделю у меня стоять в ряду невест, и Суфи СакВок надеть на ее правую руку свадебный браслет. И попробует она что-нибудь ему сделать! Тогда она, наконец, узнает, что значит гнев Главного Командора Матрула ДарВула! – пружинисто вскочив с кресла, мужчина охнул от боли в пояснице, скривился и уже не спеша пошел в личные покои, – надо поговорить с женой. В конце концов, она мать. И кто как не она должна приструнить дочь!»

Дверь в камеру распахнулась в тот момент, когда он меньше всего этого ожидал – во время обеда. Знакомый силуэт охранника в черном.

– Собирайся, чел. Доедать уже будешь на Гамеде, – «ошейник» блистательно воспроизвел всю язвительность в голосе крока.

«Ну, слава Богу, наконец-то», – Андрей пружинисто вскочил с койки, сладко потянулся – долгие, невыносимо тягучие часы ожидания закончились. Ничего не изменилось, как это часто бывает в такого рода операциях и он, наконец, летит на Гамед. Вернее, его попытаются отправить туда. Но, как обещал Сарб, где-то на них должны напасть фролы и отбить. А потом переправить челам.

«Интересно, а кто будет косить под фролов? Бахруд говорил, что фролы внешне отличаются от челов и кроков. Вот тех, действительно, визуально не отличишь. А эти космические пираты небольшого роста, хрупкого телосложения. Любой пленный чел или фрол поймет, что это не они. Ну и что с этого? Кому они смогут об этом рассказать? К крокам же назад они не попадут. А если кто-то попадет? Ведь в жизни всякое бывает. А кроки своим «потрошителем мозгов» быстро языки развязывают. Даже тем, у кого их нет! Рискует Сарб…Если конечно у «фрола-освободителя» нет приказа уничтожить всех, кроме него», – от этой мысли землянин даже остановился и тут же получил толчок в спину.

– Не задерживайся. Гамед не любит ждать! – и снова издевательское «карканье».

«Все правильно. Это железная логика проведения таких операций – свидетелей убирать, вольных или невольных. Будь то мужчины или женщины и дети. Так поступают все спецподразделения. И нет никакой разницы, на Земле это происходит или за миллионы световых лет от нее.

Дело не в расстояниях, дело в людях. А правая там спираль у них или левая – это роли не меняет. Главное, чтобы существо было разумное. Только homo sapiens может уничтожать себе подобных только потому, что те могут свидетельствовать против него. Так учили и его, на спецкурсе в институте – во время проведения спецопераций, с целью недопущения преждевременного раскрытия факта нахождения спецназа на вражеской территории, все невольные свидетели подлежат изоляции. При невозможности изоляции, их уничтожают», – спокойным твердым шагом Кедров шел по коридору Главного Управления Службы Государственной безопасности.

Знакомый лифт, быстро поднявший его на крышу здания. Знакомый флайер, легко взмывший в небо, как только захлопнулся за ним наружный люк. Час полета и в иллюминатор землянин впервые увидел космодром. Огромная ровная площадка, уставленная какими-то строениями и звездолетами, простиралась на десятки километров. Звездолеты, к удивлению Андрея, были сравнительно небольшими, не больше крупного земного пассажирского самолета. Сходство с земными самолетами увеличивали небольшие крылья, торчащие по бокам их корпусов. Правда некоторые звездолеты напоминали летающие тарелки, точь-в-точь как та, увиденная им на полигоне на Дальнем Востоке.

«Неужели эти крохотульки способны летать на миллионы световых лет? Да наша «Энергия» в десять раз больше», – Кедров буквально прилип к иллюминатору.

Флайер, тем временем, пошел на снижение. У самой земли на секунду включились двигатели вертикального взлета-посадки, легкий толчок и флайер застыл в двадцати метрах от звездолета – черного крупного летательного аппарата с несуразными, на земной взгляд, для такого размера трапециевидными крылышками.

Распахнулся люк. Один из охранников махнул Андрею рукой:

– Вылазь.

По обычному, ну прямо аэрофлотовскому трапу Кедров поднялся на борт звездолета. Шаг через люк, узкий тамбур, еще один люк и землянин оказался в обычном салоне современного пассажирского самолета – три линии кресел, по четыре кресла в ряд. Вот только не было иллюминаторов. Сплошная, отделанная каким-то пластиком поверхность стен.

В салоне уже находились люди. Они сидели с таким расчетом, что впереди, позади и по бокам каждого из них были свободные кресла.

«Посадили как картошку – квадратно-гнездовым способом», – усмехнувшись, Кедров шагнул в салон.

Его усадили в кресло, находящееся примерно в середине салона. Едва он в него сел, как почувствовал, что руки, до этого скованные невидимым полем, свободны. Но десантник ни мгновения не сомневался – любое его действие под контролем и малейшее угрожающее движение тут же будет пресекаться.

«Шаг влево, шаг вправо считается побегом, и конвой стреляет без предупреждения, – вспомнилась слышанная где-то в фильме про зеков фраза.

Легкий толчок прокатился по корпусу звездолета и Андрей почувствовал, как сила инерции все сильнее и сильнее прижимает его к креслу. Землянин чуть приподнялся, пытаясь сесть поудобней, но тут, очевидно, движки звездолета врубили маршевый режим, и человека бесцеремонно швырнуло назад.

«А прыжок на месте – провокацией», – всплыла из глубин памяти шуточная фраза. Кедров улыбнулся про себя, откинулся на спинку кресла и расслабился. От него пока ничего не

зависело. Пока он был лишь щепкой, несущейся в стремительном потоке не им просчитанных и осуществляемых событий.

Всемогущий Картан, как же не хотелось полковнику Бирку идти в этот рейс. Рейс, в котором событий обещало быть не на одну квалификационную комиссию. Да что там комиссию, не на один трибунал. Сколько раз, в эти оставшиеся перед стартом дни, полковник порывался куда-то идти, рассказать о, мягко говоря, странном задании бригадного генерала Сарба. Но вот именно куда-то. Куда идти? Не в саму же госбезопасность? В полицию? А толку? Полиция никогда не будет вмешиваться в дела Сарба. Если бы еще в этом деле был замешен их человек, а так… Он же сам сейчас относится к структуре госбезопасности. Но, допустим, эти ребята вмешаются. Отстранят его от рейса. И как он сможет доказать свои слова? А никак! Единственное материальное, что осталось у него от разговора с генералом это позитронная карта памяти. Ну и как он докажет, что ему ее передал сам начальник Главного Управления Государственной безопасности? Отпечатки пальцев? Не смешите. Наверняка кончики пальцев генерала чем-то были обработаны, образующим тончайшую, невидимую пленку. Проработав три года в структуре госбезопасности, Бирк видел и штуки похлеще, например, пленка, оставляющая отпечатки пальцев необходимого человека. А вот Сарбу есть, что предъявить полиции. Полковник даже затряс головой, отгоняя трехлетней давности картину – обнаженный мертвый мужчина с выжженным правым глазом.

Сказаться больным? Ну, это не серьезно. Это расписаться в собственной трусости и опять таки, тот же финал – возобновление дела по факту убийства любовника его жены. Придется лететь и молиться, чтобы все прошло, как и обещал Сарб.

Над космопортом ветер гнал рванные белые облака.

«Как моя судьба, покореженная, несущаяся не по своей воле неизвестно куда, – входной люк транспортного бота с легким шипением закрылся и через пятнадцать минут полковник уже был на орбите, предстояла стыковка с его транспортным кораблем. Полковник О' Тропп Бирк не мог видеть, хотя наверняка мог догадаться, что проходя атмосферу, бот раскаленной струей пламени своего движка испарил облака, на которые он недавно смотрел.

«Нет, ну надо же быть такой тупицей! Принять эти крохотульки в космопорте за звездолеты. Это все равно, что перепутать шлюпку с океанским лайнером», – Андрей Кедров прислушивался к звукам, доносившимся извне.

Час назад смолк гул двигателя и тяжесть, навалившаяся на землянина, исчезла. Он приподнял руку, расслабил мышцы. Рука без всякого напряжения осталась в том же положении.

«Это, по-моему, называется невесомость. Значит, вышли в Космос, – догадался он, – теперь надо ждать гиперпространственного перехода, – сердце гулко колотилось внутри. – Интересно, я что-нибудь почувствую? Или нет? Рази ты уже за тысячи световых лет отсюда».

Прошла минута, другая, в салоне корабля, вернее космической общей камере стояла гулкая тишина. Сокамерники Андрея сидели, как и он, откинувшись на спинку кресла, и молчали. То ли спали, то ли думали о чем-то своем. Яркий желтоватый свет обильно заливал все пространство.

Напряжение, связанное с полетом спало. Андрей попытался разглядеть людей, летевших с ним. Справа, через кресло от него сидел высокий седой мужчина. Глаза его были закрыты. Изможденное лицо было спокойно.

«Чел или крок? А может фрол? Нет, не фрол. Бахруд говорил, что фролы народ мелкий, как наши подростки. Бахруд… где ты? Хоть бы не в этом рейсе, где долететь должен один», – Кедров чуть наклонился вперед, пытаясь разглядеть, кто сидел за высоким мужчиной.

Неприязни к челу, с которым в течение недели делил одну камеру, землянин не испытывал.

«Да, он хотел меня убить. Но убить, чтобы я, как он считал, не передал его товарищам дезинформацию, из-за чего кроки могут вновь назад вернуть Эльдурей. А около этой планеты он потерял своих боевых товарищей. На его месте я точно также поступил бы. Так за что на него злиться? Вспомни, как нас учили в институте на занятиях по курсу «Проведения разведывательных рейдов в тылу врага». При возникновении угрозы для разведгруппы со стороны какого-либо ее члена, которое может привести к уничтожению группы, он подлежит нейтрализации», – по отношению к своим товарищам термин «уничтожение» не применялся. Он заменялся более обтекаемым «нейтрализация».

На сколько мог видеть землянин, в салоне сидели либо челы, либо кроки. И одни мужчины.

«Уже легче. Все-таки женщина, она и на миллион световых лет от Земли женщина».

И тут корабль, в котором находился Кедров, вздрогнул.

«Все началось! Сейчас будет прыжок через гиперпространство!», – сердце вновь пошло размашистой рысью.

Корабль явно совершал какие-то маневры. Тело ощутимо придавливало то к спинке кресла, то натягивались ремни, которыми Андрей был пристегнут, то его клонило либо вправо, либо влево. И тут раздался этот легкий скрежет.

«Хм, никогда не думал, что у врат в гиперпространство плохо смазаны петли», – землянин никак не мог идентифицировать раздававшиеся звуки.

Помог ему в этом высокий мужчина, сидящий справа.

– Все, причалили к транспортнику. Через пару часов уже будем на Гамеде, – далее «ошейник» землянина словно выплюнул непонятный набор букв, – курдада.

«Ругательство, – понял Андрей, – даже сверхразвитые кроки не смогли научить свои «ошейники» переводить непереводимую игру слов. А раз я не услышал «карканье» – это чел».

И тут до него дошел смысл слов, сказанный соседом.

– Твою мать! – теперь землянин решил озадачить электронный переводчик, – как я сразу не догадался. Какой к черту звездолет! Это мы только сейчас пристыковались к звездолету, – Андрей еще с минуту давал себе нелестные характеристики.

Тем временем транспортный бот, полностью уравняв свою скорость со скоростью звездолета, состыковался с ним. Тот час же в корпусе гиперпространственного транспортника распахнулся громадный люк, и специальный механизм втянул бот внутрь.

Едва захлопнулся люк, бортовой компьютер звездолета начал готовить его к переходу в гиперпространство. Мгновенно опросив все системы корабля, он убедился, что все в порядке. Теперь свое слово должны были сказать люди.

ВВЕСТИ ПОЛЕТНОЕ ЗАДАНИЕ

Вспыхнуло на центральном мониторе.

Полковник Бирк в специальный приемник вложил позитронную карту памяти.

«Будь ты проклят, Сарб».

Миллисекундная задержка – компьютер сравнивал двухсот пятидесятизначный код, хранящийся в его памяти, с кодом, записанным на карте.

ПОЛЕТНОЕ ЗАДАНИЕ ПРИНЯТО

Электронный мозг корабля подчинялся воле человека. И сразу же следом:

НАЧИНАЮ ЦИКЛОГРАММУ ПУСКА

Секундная пауза, дающая людям возможность отменить подготовку к гиперпространственному прыжку и, наконец, знакомый для компьютера слалом в преисподнюю, где вместо флажков выполненные команды:

ВКЛЮЧЕН ВТОРОЙ РЕАКТОР

ВТОРОЙ РЕАКТОР ВЫВЕДЕН НА НОМИНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ

ВКЛЮЧЕН РАЗГОН ТУРБИННЫХ БЛОКОВ

Побежали томительные секунды разгона блоков. На мониторе быстро менялись числа: 40…45…50 – силовая установка звездолета накапливала энергию, словно гигантская пружина, готовая стремительно разжаться и пробить вакуум – пустую, почти ничего не весящую, но в миллионы раз прочнее любой стали, субстанцию.

Сидящие в рубке управления звездолетом люди напряженно смотрели на монитор. Они отлично представляли, какие силы пробуждаются в нескольких десятках метрах от них. И что будет, если произойдет хоть малейший сбой, если компьютер не удержит хотя бы один из десятков тысяч контролируемых параметров в допустимых пределах и хотя бы миллионная часть высвобождающейся энергии плеснет за пределы силовой установки.

Люди понимали и поэтому молились. Молились своему Богу, Всемогущему Картану, что бы тот спас и сохранил. И лишь один человек просил обратное.

«Всемогущий Картан, сделай так, чтобы произошел сбой», – впервые в жизни полковник Бирк не хотел, чтобы все прошло нормально.

ЗАМКНУТА ПЕРВАЯ СИЛОВАЯ ЦЕПЬ

Система управления корабля начала плавно запитывать сердце гиперпространственного двигателя – нуль-континуум генератор.

А «пружина» сжималась все сильнее и сильнее – 60…70…80 процентов мощности уже набрали все быстрей и быстрей вращающиеся турбины.

ЗАМКНУТА ВТОРАЯ СИЛОВАЯ ЦЕПЬ

Генератор еще сильнее сомкнул свои магнитные объятия вокруг заключенного в него вакуума. Магнитное поле, словно пресс, выдавливающий из винограда сок, надавило на пространство и оно не выдержало, «брызнул сок» – из пустого вакуума, как из шляпы фокусника, стали выскакивать одни из самых таинственных частиц во Вселенной, гравитоны.

ЗАМКНУТА ТРЕТЬЯ СИЛОВАЯ ЦЕПЬ

И еще одна энергетическая река влилась в обмотки нуль-континуум генератора. И тут же усиленное магнитное поле сжало гравитоны в тонкий пучок и с силой, как из могучего лука, швырнуло в пустоту Космоса. И гравитонная стрела пробила «кольчугу» пространства, раздвинула сцепленные кольца мироздания. На краткий миг перед звездолетом образовалось действительно НИЧТО, не имеющее ни вещества, ни поля, ничего. Даже всепроникающего времени и то там не было.

ПЕРЕХОД

И в это НИЧТО провалился транспортный корабль «Звезда», чтобы пронестись вне времени и пространства и вернуться в него за тысячи световых лет от точки входа. Звезд на обзорных экранах будто кто-то выключил, осталась лишь одна чернота. В том мире, куда попал звездолет, света не было.

«Всемогущий Картан, ну зачем ты сделал это? Неужели нельзя было не замкнуть какое-нибудь крохотное реле или заставить компьютер «потерять» какую-нибудь команду. Ведь их десятки тысяч!» – перед глазами командира «Звезды» полковника Бирка вновь светились звезды на обзорных экранах. Корабль благополучно вышел из гиперпространства.

«Значит так тебе было нужно», – противно завыла сирена, датчики «Звезды» обнаружили рядом еще один звездолет.

– Черт! Ничего не пойму! Где мы вышли? – второй пилот транспортного корабля О'Строп Крос недоуменно смотрел то на обзорные экраны, то на экран монитора с высветившимися координатами корабля. – Хорошо, хоть в этот звездолет не вписались, – он кивнул на экран локатора. – Какой-то наш крейсер в тридцати тысячах километров от нас. – Странно, почему-то комп не выдает его название. Пишет, что только свой. Командир, что делать будем? Нашу систему управления видимо здорово глючит. Вывела нас неизвестно куда, корабли не опознает.

– Давай ее протестируем. И в зависимости от того, что она нам пропоет, будем принимать решение, – полковник Бирк говорил на «автомате», в любой момент ожидая вспышки на экране монитора: «Лазерная атака».

– Точно! – Крос нажал несколько кнопок на пульте управления. – Смотри, а этот крейсер приближается.

«Сейчас долбанет», – Бирк весь внутренне сжался.

– Выйди с ним на связь. Объясни ситуацию и спроси кто он, – он хрипло отдал команду.

– Есть! – снова несколько нажатий кнопок на пульте управления. – Говорит транспортный корабль «Звезда», летим на Гамед. У нас произошел сбой в системе управления, поэтому вышли из гипера не в расчетной точке. Кто Вы? Не можем определить.

В рубке наступила тишина. Бортовой хронометр бесстрастно отмерил минуту.

– Не отвечают. Кстати, тест показал, что все в порядке, – кивок на экран монитора, – а может дело не в системе управления?

– А в чем? – Бирк старался смотреть куда-то поверх головы своего подчиненного.

– А может эти координаты и указаны в полетном задании?

Полковник почувствовал, как неприятно струйка пота скользнула между лопатками.

«Ну вот и все, сейчас Крос все поймет. А что он собственно поймет? – тут же успокоил себя командир корабля, – что в конторе кто-то ошибся, внося координаты? А при чем тут я? Пусть тот, кто ошибся и отвечает. Все вопросы к Сарбу».

– Прилетим домой, там пусть и разбираются, кто напортачил, – Бирк почувствовал себя уверенней. Он даже на мгновение забыл, про приближающийся к ним крейсер.

Но тот тут же дал о себе знать. Взвизгнула сирена оповещения лазерной атаки и синхронно с ней на мониторе вспыхнуло: «Лазерная атака».

– Натрак! Он уничтожил нам лазерную установку! Он что, с ума сошел?! – Крос, что называется, таращился на монитор.

Следовавшие один за другим нештатные ситуации явно выбили второго пилота из своей колеи. На его лице читалось смятение. Но к чести офицера Военно-космического Флота кроков, он быстро справился с собой:

– Надо немедленно сообщить на базу об этом ублюдке. Там или сумасшедшие засели, или корабль захвачен челами или фролами, – второй пилот быстрым движением включил систему дальней космической связи и принялся лихорадочно настраивать ее на передачу.

Бирк, наконец, сбросил с себя оцепенение и судорожным рывком руки нажал кнопку перевода управлением на себя.

– Я сам, – полковник даже поморщился, чувствуя на себе недоумевающий взгляд своего подчиненного.

– Хоть бы успеть. Наверняка те ублюдки сейчас целятся в антенну гиперсвязи, – после паузы, глядя на быстрые движения пальцев своего командира, набирающего на клавиатуре текст гиперпространственного сообщения, проговорил второй пилот.

Вновь визг сирены – еще одна лазерная атака.

– Я так и знал. У нас больше нет антенны дальней космической связи, – Крос уже полностью взял себя в руки и говорил спокойным, слегка приглушенным голосом. – Ты успел передать?

– Не знаю… Команду на отправку сообщения дать успел. И сразу же атака.

– А это мы сейчас увидим, – второй пилот сделал несколько уверенных движений, выводя отосланное сообщение на экран своего монитора. Но прочесть он ничего не успел.

Динамики ближней связи, словно с отвращением, выплюнули:

– Внимание! Сопротивление бесполезно. Предлагаю вам отстыковать транспортный бот с находящимися на вашем борту заключенными. В этом случае, мы обещаем беспрепятственный Ваш уход. В противном случае мы открываем огонь на поражение.

– Точно челы или фролы. А у нас нечем ответить!

– Придется соглашаться, – Бирк почувствовал, как сразу стало сухо во рту.

– Ты что, с ума сошел? Это же предательство! Будем тянуть время. Сообщение отослано. Помощь будет.

– Даю Вам на размышление одну минуту. Если через это время мы не получим Вашего согласия, мы открываем огонь.

– Ты слышал? Наши не успеют. Придется подчиниться.

– А ты случайно, присягу не забыл, – второй пилот даже чуть привстал, буравя взглядом своего командира.

«Кроме заключенных, ты на Гамед будешь везти ценное оборудование для добычи руды. Очень ценное. И именно ради его сохранения, ты согласился на условия фрола», – вкрадчивый голос Сарба словно раздался за спиной.

– Нет, не забыл! А ты не забыл, что кроме заключенных, у нас в грузовом отсеке оборудования на сотни миллионов левров, а? И как командир «Звезды» я обязан его доставить на Гамед в целости и сохранности. И как командир, я принимаю решение! – Бирк включил микрофон.

– Говорит командир «Звезды». С кем имею честь разговаривать?

– Командир, не пытайся тянуть время, – донеслось насмешливо из динамиков, – соглашайся, или через тридцать секунд одним кроковским звездолетом станет меньше.

– Я согласен. Начинаю отстыковку бота.

– Так-то лучше. Ждем.

Бирк включил микрофон внутренней связи:

– Охранному персоналу, немедленно покинуть транспортный бот и собраться в кают-компании. Начальнику охраны через две минуты доложить об исполнении, – он говорил громко, уверенно. Даже не столько в микрофон внутренней связи, сколько для тех, на крейсере.

– Все равно это измена, – второй пилот, нахохлившись, смотрел прямо перед собой.

«А так бы ты, боевой полковник, конечно же, сражался до конца. Лучше погибнуть, чем сдаться врагу. Так, полковник?» – Сарб за миллионы километров от Бирка, словно подсказывал ему.

– За свои действия, я буду отвечать перед генералом Сарбом! – резко ответил Бирк. – Ты думаешь, ты один тут такой храбрый? Но я должен помнить и об оборудовании! Без него, я бы просто сейчас пошел на таран!

«Ох, быстрее бы все это закончилось. Потом нырнуть в гипер, долететь до Гамеда и оттуда обо всем доложить Сарбу. Все, задание выполнено».

– Говорит начальник охраны, капитан Прис. Мои люди находятся в кают-компании.

– Пойми, Строп. Наша безрассудная храбрость не стоит сотен миллионов левров! Не стоит, – полковник Бирк включил систему отстыковки транспортного бота.

И тут же в корпусе корабля начали распахиваться две огромные створки, впуская внутрь звездолета ледяной Космос. Десять секунд…пятнадцать…полминуты. Наконец, два стальных листа замерли. Безмолвно от транспортного бота, закрепленного на специальной раме, отошли кабель электропитания и подачи воздуха. Еще секунда – бортовой компьютер, словно придирчивая мать, «осмотрел» все системы транспортного челнока. Все в порядке, можно выпускать на «улицу».

Бесшумно рама с ботом стала подниматься, медленно выползая из чрева звездолета.

«Быстрей же, быстрей, – командир корабля мысленно подгонял безмолвные механизмы. – Быстрей бы расстыковаться и уйти в гипер», – у полковника даже заныл палец от желания нажать кнопку подготовки корабля к гиперпространственному переходу. – Такое приятное короткое движение. Раз и готово… Как нажать курок на бластере, стреляя в любов-

ника своей жены», – перед Бирком невольно возникла «картинка» – обнаженный мужчина с выжженным правым глазом – входное отверстие лазерного луча.

– Полковник Бирк, зачем Вы указали в гиперсообщении неправильные координаты нашего местонахождения? Чтобы к нам не пришла помощь и не помешала Вашим преступным замыслам? – на полковника смотрело дуло бластера в руках второго пилота. – Что это за координаты в сообщении, – Кросс кивнул на свой монитор.

«Досмотрелся таки, засранец».

– Строп, с чего ты взял, что координаты неправильные? – он начал все отрицать, отлично понимая всю бессмысленность этого.

Кто-кто, а второй пилот и по совместительству штурман, отлично знал, где они находятся.

– Эта измена, полковник! В соответствии с седьмой статьей Устава экипажа гиперпространственных звездолетов, я отстраняю Вас от командования звездолетом!

– За свои действия я отчитаюсь перед генералом Сарбом! С ним это все согласовано!

– Не юлите, полковник! Прекратите отстыковку бота.

– Это…это невозможно! Это приказ Сарба!

– Прекратите отстыковку, полковник!

И тут Бирк бросился на Кроса. Почему он это сделал, полковник бы и сам не смог объяснить. Это был импульс. Уж очень ему хотелось выполнить задание директора Службы Государственной безопасности. Вернее ему очень не хотелось лететь заключенным на Гамед. Лучше перевозить их. Может он надеялся и на то, что второй пилот не выстрелит в своего командира.

И уже вскочив, делая шаг к креслу второго пилота, Бирк увидел, как дернулся палец Кроса на спусковом крючке.

«Только не в правый глаз. Это был бы уже фарс», – мгновенная боль взорвалась у него в голове яркой вспышкой, чтобы тут же смениться черной, безмолвной тишиной…

Перепрыгнув через рухнувшего Бирка, второй пилот с силой хлопнул по кнопке, останавливающей отстыковку транспортного бота. Бортовой компьютер, готовившийся через полсекунды подать электрический импульс на расстыковку рамы и бота, мгновенно прекратил выдвижение челнока.

«Теперь успеть сообщить наши истинные координаты», – Крос, прикусив губу, быстро заполнял стандартный бланк сообщения о нападении.

– «Звезда», почему прекратили отстыковку бота?

– Техническая неисправность, – огрызнулся второй пилот.

– «Звезда», Вы испытываете наше терпение. Даю минуту, чтобы устранить Вашу техническую неисправность.

«У них что, другого интервала времени нет, кроме минуты», – пальцы второго пилота мелькали над клавиатурой. – Стоп! Но у меня же уже нет дальней космической связи. Эти же ублюдки снесли ее. Отослать по ближней связи в режиме гиперсообщения? Больше чем, на пять световых лет не закину. Что делать? – человек в отчаянье оглянулся, словно ища в обстановке знакомой рубке подсказку.

Пульт управления с множеством горящих лампочек, двумя мониторами и двумя креслами перед ними. По бокам мониторы внешнего обзора. У стены шкаф с двумя скафандрами. Все по два. Потому что экипаж – два человека. Больше не надо.

«И даже среди двоих, один оказался предателем, –Крос не выдержал и не отказал себе в удовольствии пнуть труп предателя. – Из-за тебя наши будут не там».

Решение пришло мгновенно, как импульс, заставляющий убить бывшего своего командира.

– «Звезда», ну что Вы там? – подгоняли динамики внешней связи.

– Еще полминуты, – второй пилот буквально вколачивал координаты точки выхода сообщения из гиперпространства.

– И ничего у тебя, предатель не получится. Заключенных врагу я не передам, а твоих сообщниках наши узнают, обязательно узнают, – взмах рукой – система связи переведена в режим посылки гиперсообщения. – Могут уничтожить звездолет? А его бы и так уничтожили, после того, как заполучили бы своих, – озарило Кроса, – А так пусть бьют и по своим! Но ты уже точно из этого рейса не вернешься, – удар по кнопке отправки сообщения, – Пошла!

– «Звезда», полминуты истекло. Если сейчас же не отстыкуете бот, открываем огонь. «Звезда», Вы поняли?

– А полижите мои дюзы! – второй пилот, ставший командиром, рванул рычаг перевода звездолета в ручное управление, еще движение и по кораблю побежала легкая дрожь – в корме заработал ракетный двигатель. Оскалив зубы и дергая ручки управления, Кросс загонял вражеский звездолет в центр экрана радара.

Полковник Брик уже помешать ему не мог. На его лице застыла гримаса ярости и боли. И лишь глаза уже были равнодушны ко всему, отражая лишь падающий на них свет. Вернее один глаз, правый. Лазерный луч, выпущенный бластером его подчиненного, прежде чем добраться до мозга полковника, мимоходом испарил небольшое препятствие на своем пути – его левый глаз. Вместо него зияла черная дыра с запекшимся в ней сгустком крови.

Сигнал срочного перехода в гиперпространство застал полковника О'Троппи Варка в кают компания, где он с отвращением посасывал через трубочку ненавистный сок цилкута. Периодически, через пару глотков, у офицера возникало желание расквасить туб с отвратительной жидкостью о стену помещения. Но, очередной раз сморщившись, мужчина делал очередной глоток. На такие добровольные самоистязания Варк пошел только потому, что один его знакомый врач, которому он безоговорочно верил, сказал, что этот сок очень благотворно сказывается на сосудах и сердце. На свое сердце, а тем более сосуды Варку было в высшей степени наплевать. Иногда покалывает в груди? Но что это за боль по сравнению с болью, которую испытал капитан Зум, когда до его обнаженного тела коснулся космический вакуум? И разве она может сравниться с болью старшего лейтенанта Друза, смотревшего на мучения своего товарища и бессильного чем-либо ему помочь? Можно раньше уйти из этого мира? А не так он уж и хорош, чтобы об этом сильно сожалеть. По крайней мере, в другом мире не будет ни челов, ни фролов, и ни надо будет нырять в это зловещее гиперпространство, каждую секунду опасаясь остаться там навсегда или вынырнуть в центре какой-нибудь звезды.

Так что на свое сердце полковнику Варку было наплевать. Но, к сожалению, без этого стучащего органа он не может осуществить свою клятву – уничтожить хотя бы один звездолет фролов, ну или челов, на худой конец. И не просто звездолет, а минимум крейсер. Разные эсминцы и прочая мелюзга не в счет. И поэтому полковник Варк сидел в кают-компании и пил треклятый сок цилкута.

Не прошло и секунды, как зазвучал во всех отсеках эсминца «Стерегущий -10» сигнал срочного перехода в гиперпространство, а его командир с чистой совестью уже швырнул туб с соком об стену, а свое тело из кают-компании.

– Что там? – Варк прыжком уселся в кресло, мгновенно оценивая обстановку по показаниям приборов на пульте управления.

Сейчас все системы корабля готовились к переходу в гиперпространство.

– Сообщение из Центра по гиперсвязи, – второй пилот О'Барри Казнус начал докладывать, не отрывая взгляд от экрана монитора. – Совершено нападение на наш транспортник, перевозящий заключенных на Гамед. Это в тридцати световых от нас. Координаты этой точки я уже ввел.

– Кто напал?

– Крейсер. Принадлежность не указана.

– Внимание! До прыжка осталось две минуты, – рявкнул компьютер. – Немедленно всем занять свои противоперегрузочные кресла.

– Да заняли, заняли, – Варк нетерпеливо барабанил пальцами по пластику пульта, – ты давай побыстрей шевелись.

«Вот, наконец, я и дождался, – в отличие от второго пилота, командир корабля был спокоен. Каким-то шестым, десятым чувством он понял, сейчас судьба, сам Всемогущий Картан предоставляет ему шанс. Шанс, который он не имеет права не использовать. – Теперь я с вами поквитаюсь. За все. За мучения Зума, за поломанную карьеру Хриса, за себя, в конце концов».

Далекий от переживания и мыслей людей, по «горло» занятый работой, бортовой компьютер время от времени выстреливал на мониторы людей отчеты о своей работе.

ВКЛЮЧЕН ТРЕТИЙ ТУРБИННЫЙ БЛОК

ЗАМКНУТА ВТОРАЯ СИЛОВАЯ ЦЕПЬ

«Крейсер, как я и хотел. Лишь бы меня не опередили», – опытный Варк прекрасно понимал, что Центр не ограничиться одним его эсминцем. Разные весовые категории. Очевидно, сейчас они ближе всех к той точке.

– Кто-то еще прыгает туда, кроме нас?

– До Прыжка осталось минута. Всем немедленно занять свои противоперегрузочные кресла, – захлебываясь в мириадах нулей и единиц, компьютер не забывал и о людях, об их безопасности.

– Что-то еще обещали подкинуть. Но мы там будем первые. Мы ближе всех, – второй пилот азартно улыбнулся. – Мы должны не дать этому засранцу уйти в гипер. Если что, получит по заднице, а то и сильно похудеет.

– Он это и сам понимает. Пока с нами не разделается, прыгать он не будет.

«Я не хочу бить по твоей дырке, а потом думать, остался ты цел или нет. Я хочу видеть, как рванули у тебя топливные баки, как из разорванного корпуса повыдувало в Космос этих ненавистных фролов», – Варк почему-то сразу решил, что этот вражеский крейсер фроловский.

– Значит будет хорошая драчка, – улыбка на лице второго пилота стала еще более азартней.

– Тридцать секунд до Прыжка. Всем немедленно занять свои противоперегрузочные кресла, – заорал компьютер.

Варк и Казнус синхронно привели свои кресла в состояние готовности к гиперпространственному переходу.

«Ничего. Как только вынырнем, сразу залп всеми калибрами, форсажное охлаждение и сразу второй залп. Сожгу лазеры? Черт с ними! Но только так эсминцем можно завалить крейсер», – командир корабля смотрел, как на мониторе желтая полоска – индикатор набора мощности гиперпространственным двигателем почти вытянулась во всю свою длину.

– Командир, выныриваем и сразу лупим по корме!

Варк лишь успел кивнуть.

– Сто процентов мощности. Прыжок! – гаркнул компьютер и тут же виртуальный мир навалился на людей двадцати кратной перегрузкой.

«Уже прилетели? Наверное. Судя потому, что кресло больше не обнимает с настойчивостью хорошо оплаченной проститутки», – землянин огляделся.

В салоне транспортного бота ничего не изменилось. Все также горел неяркий свет, освещая неподвижно сидящих в креслах людей, и все также стояла какая-то мрачная тишина. Да и чему этим людям было радоваться? Через час-другой они будут на Гамеде – планете-руднике, а оттуда редко кто возвращался. А если ты не крок, то шансов у тебя не было никаких.

«Впрочем, эти люди даже не доберутся до Гамеда. Сарб, наверняка, подстрахуется и уничтожит их, как лишних свидетелей. И что я могу сделать, чтобы помешать этому? Ничего. А если ничего, то и нечего рефлексировать, лейтенант Кедров… Господи, лейтенант. Доведется ли еще одеть погоны? Земля, Земля… До тебя, наверное, миллионы световых лет. Это расстояние даже невозможно представить. И там, на этом невообразимом, чудовищном расстоянии находится его мама», – у Андрея неожиданно выступили слезы. Натренированный к различным психологическим перегрузкам человеческий мозг, наконец, исчерпал свой ресурс и властно потребовал «перезагрузки». Пережить, выплакать случившуюся беду и уже, окончательно приняв ее как данность, двигаться дальше.

«Ничего, я обязательно вернусь, я обещаю вернуться, мама. Я кулаками, локтями, зубами буду пробиваться к Земле. Я хочу вновь увидеть родной дом, хочу сесть за стол в нем и съесть тарелку хорошего наваристого борща. Ты его так хорошо готовишь, мама. И ради этого я на все пойду. Этот мир мне чужой и я ему ничем не обязан. Ничем. Если надо, чтобы вернуться на Землю, убивать, я буду убивать, слава Богу, меня этому хорошо научили. Если надо участвовать в какой-то хитрой, непонятной операции, я буду участвовать. Мне ровным счетом все равно, кто в результате нее выиграет. Для меня главное, что она дает мне шанс вернуться домой», – землянин немного успокоился. Он выработал тактику своего поведения, чтобы уже дальше, не колеблясь, добиваться главной для себя цели, вернуться домой, на планету Земля.

Неожиданно дверь, ведущая в кабину пилота распахнулась и из нее выбежал крок в уже приевшейся черной униформе. Одновременно с ним, вскочили со своих мест два охранника, сидящие впереди. Все трое устремились из салона. Кедров оглянулся. Еще два охранника, сидящие сзади, делали тоже самое.

– Что-то случилось, – сосед слева, также как и Андрей, провожал взглядом бегущих кроков.

– В нашем положении, чем хуже им, тем лучше нам, – сосед землянина справа злобно улыбнулся.

«По-моему начинается», – Кедров невольно сжал подлокотники кресла.

Тут же последовал легкий толчок.

– Выдвигают из корабля, – тут же пояснил сосед слева. – Только как они без пилота будут сажать нас на Гамед?

– В автоматическом режиме. В принципе они так всегда и делали. Пилот лишь контролировал посадку, – пояснил сосед Кедрова справа.

– А зачем они убрали пилота? Нет, тут что-то не то, – другой сосед, будто о чем-то догадываясь, вопросительно посмотрел на Андрея. Как бы спрашивая, не он ли причина всего происходящего.

«Ты должен любой ценой попасть на Землю», – несколько минут принятое решение тут же подсказало, как себя вести.

– Может инструкции поменялись. Мало ли что, – землянин пожал плечами.

Вновь легкий толчок.

– По-моему, остановились, – сосед слева тревожно посмотрел на потолок салона, словно пытаясь разглядеть, что происходит за его обшивкой. – Сейчас должны расстыковаться.

Сильный толчок прижал всех людей, находившихся в салоне бота к спинкам кресел, и вновь перегрузка стала испытывать на прочность человеческие тела.

– Дьявол!

– Кастах!

Обреченные люди разных цивилизаций обращались к своим олицетворениям зла.

В рубке управления второй пилот «Звезды», включив форсажный режим, шел на таран крейсера.

– Ну и как это понимать? – полковник Варк в недоумении смотрел то на экраны внешнего обзора, то на молчащий датчик обнаружения, – по-моему, тут нет не то что каких-либо звездолетов, а и какой-нибудь завалящей молекулы белка.

– Надо сообщить об этом Центру, – второй пилот деловито щелкнул тумблером дальней космической связи. – Или ребята там, передавая координаты, ошиблись, что не мудрено, каждый день созерцая аппетитные попки женского персонала. Или вообще кто-то пошутил.

– Да, очень будет смешно! Через пару минут здесь из гипера будут вываливаться наши крейсера с пушками на «товсь», а здесь кроме нас никого и нет, Варк еще раз обежал глазами обзорные экраны.

– Как бы в пылу они в нас не разрядили свои главные калибры, – сыронизировал Казнус, – то-то смеху будет, – разговаривая, второй пилот быстро набирал гиперпространственное сообщение. – Ну что, отсылать? – вопросительный взгляд на Варка.

– Давай, – командир корабля разочарованно вздохнул. Снова придется пить этот проклятый сок цилкута, – пусть созерцателям аппетитных попок надают по их твердым задницам.

– Эх, и не только созерцателям! – второй пилот отправил сообщение.

– Подождем, может… – полковник не успел договорить.

Прозвенел мелодичный звонок и на экране монитора высветилось принятое гиперпространственное сообщение: «Первые координаты ошибочны. Истинные координаты: 768 897 095. Спешите!

Слова светились на экране спокойным желтым цветом, по люди, читающие их, почувствовали, как нервно, торопливо стучали по клавиатуре пальцы, набиравшие их.

– А почему сообщение пришло сюда, а не в Центр? – Казнус недоуменно посмотрел на своего командира. – А если бы нас вообще тут не было?

Опытный космический волк сразу все понял:

– Потому что у него уже нет дальней космической связи, антенну уничтожили! Передавали обычной в гиперрежиме. До Центра бы не достали. Передававший это послание человек знал, что мы будем здесь, – торопливо говоря это, Варк еще торопливее вводил в компьютер новые координаты для гиперпространственного прыжка. – Прыгаем в инерционном режиме.

– Опасно! Может не хватить энергии! – второй пилот тревожно наблюдал за действиями командира.

После выполнения гиперпространственного перехода силовая установка корабля – атомный реактор находится в разогнанном состоянии и выведена на пиковую свою мощность. Этот режим она может выдержать минуту, не больше. Но большего и не требуется – корабль уходит в гиперпространство. После Прыжка реактор по специальной программе постепенно тормозят, выводят на номинальный режим. «Загоняют в стойло», – как шутят космолетчики. Но если гиперпространственный переход осуществляется на небольшое расстояние, то можно попытаться осуществить его, используя энергию, загоняемого в стойло реактора. Это значительно ускоряет время подготовки к новому переходу, но существует опасность, что на него не хватит энергии и звездолет не сможет вновь выйти в обычное пространство.

– Хватит!

– Мы даже не успеем передать сообщение в Центр с новыми координатами. Это может быть ловушкой! Где мы никто не будет знать!

– Выполнять! – проревел Варк

– До прыжка осталось тридцать секунд, – вслед за ним заорал бортовой компьютер, словно электронный мозг занервничал, получив такое форс-мажорное задание.

Спорить и пререкаться уже было некогда. Люди торопливо нажали кнопки перевода кресел в режим гиперпространственного перехода.

– А все-таки надо было сообщить нашим, – успел пробормотать Канзус, прежде чем кресло забрало его в свои объятия.

«А потом только смотреть, как другие приканчивают фрола? Дудки! – полковник Варк привычно устраивался в окутавшем его кресле. – Как все замечательно складывается! Нет, Всемогущий Картан точно мне хочет помочь!»

– Сто процентов мощности. Прыжок!

Эсминец «Стерегущий – 10» вновь нырнул в преисподнюю.

– Ну и что будем делать? Этот псих прет прямо на нас!

Вопрос второго пилота повис в воздухе. Командир крейсера «Арикдна» О' Ларри Хрил приник к экрану радара, на котором точно в центре мерцала большая красная точка. Рядом с ней, словно устроив игру в перегонки, стремительно менялись числа – расстояние от них до этой красной точки – десяти тысячетонного транспортного звездолета «Звезда» несущегося со скоростью пятьдесят километров в секунду.

План, разработанный Сарбом, летел в тартарары с такой же скоростью.

«Ударить по этому кретину главным калибром? А как же задание? Мне же нужен чел. И как его вытащить с этого транспортного корыта?».

– Барри, сколько времени до столкновения?

– Если ничего не предпринимать ровно пять минут, – последовал четкий ответ второго пилота.

Рывок микрофона к губам:

– «Звезда», какого черта! Немедленно выключи маршевый двигатель! Или разнесу до дерьма!

– Кто ты там? Чел или фрол, полижи мне дюзы! Можешь стрелять! И заодно попрощайся со своими дружками на моем корабле. Живыми ты их не получишь!

«Спокойно, спокойно, Ларри. Еще есть время подумать. Транспортный бот находится уже снаружи. На таком расстоянии пятно лазера с полметра, не больше. Значит, не зацеплю. Главное, чтобы при взрыве этого дурака не зацепило обломками бот. Там они сидят без скафандров. Через пару минут будут одни трупы»

– Командир, надо стрелять. Он прет на нас носом. Все уязвимые места у него находятся в тени. С первого раза мы его не рассыплем. А время на второй залп может и не хватить. Как бы не пришлось увертываться.

Ты прав. Санни, а ну дай по этому засранцу всем, чем имеем, – отдал он приказ оператору лазерных установок.

– Есть из всего, что имеем!

Бортовой компьютер уже давно держал на «мушке», прущий прямо в лоб звездолет. Поэтому О'Санни Дирну осталось только у себя на пульте отметить установки, которые будут вести огонь и дать команду на исполнение.

На мгновение в рубке «просело» освещение – миллионы джоулей электрической энергии система управления корабля впихнула в лазеры, чтобы они через несколько мгновений, превратившись в кванты света, рванули вон из звездолета.

– Я так и думал. Прет дальше, – через паузу проговорил второй пилот. – Еще хорошо будет, если мы разрушили его носовые защитные экраны. Три минуты до столкновения.

– Санни, продолжай огонь в том же режиме.

– Есть командир. Залп через минуту.

– Давай.

Снова мигнуло освещение, и снова миллионы джоулей световой энергии унеслись в пространство.

– А ведь прет же! Командир, пора уходить.

– Санни, еще залп успеем? – Хрил не отрывал взгляда от экрана радара.

– Да.

– Барри, как только делаем залп, импульс в две секунды левым блоком двигателей коррекции и после этого сразу врубай маршевый.

– А разминемся? – в голосе второго пилота слышалось сомнение. – Может уже сейчас начать делать маневр?

– Разминемся. А начнем сейчас трепыхаться, этот засранец будет его отслеживать. А после залпа, если даже он уцелеет, ему будет не до того.

И опять бортовой компьютер замкнул реле, бросая электрическую лавину в горнила лазерных установок. И очередная порция рожденных квантов рассекла космический вакуум.

«Ну давай же, разваливайся», – полковник О' Ларри Хрил, сжав кулаки, впился в экран внешнего обзора.

– Есть! – одновременно выдохнули все кроки, находящиеся в рубке управления.

На экране внешнего обзора, в какой-то тысяче километров от них вспыхнула яркая красная точка – взорвавшийся транспортный корабль.

«Надеюсь, что транспортный бот уцелел. Сейчас подойдем поближе и ….

– Наш крейсер в пятидесяти тысячах километрах, – прерывая мысли Хрила, последовал доклад второго пилота.

Первый залп «Звезда» выдержал блестяще, даже уцелел носовой защитный экран.

«А ведь если повезет, то я смогу и достать его. Еще б пару залпов выдержать, и тогда проверим этих ублюдков на прочность, – Крос застыл в кресле, готовый в любую секунду изменить курс своего корабля, если вражеский крейсер начнет делать какой-либо маневр, уходя от столкновения. – Стоп. Ведь если меня взорвут, то транспортный бот с заключенными вполне может уцелеть. Он же уже снаружи корабля. Э, нет ребята. Умирать так вместе», – второй пилот дал команду на втягивание бота внутрь. – Поболтались в Космосе и хватит. Пора домой, к мамочке».

Взвыла серена – на «Звезду» обрушилась вторая лазерная атака.

«Да, дела становятся похуже, – Кросс смотрел на надпись на мониторе:

«Носовой защитный экран. Повреждения 95 процентов».

«Третей атаке мне не выдержать. Эх, жаль, что, наверное, этих челов или фролов с собой не прихвачу. Успеть бы бот втянуть», – второй пилот «Звезды» взглянул на экран внешнего обзора.

На корпусе корабля уже вновь распахнулся люк, ожидая намертво прихваченный к раме, покорный бот с людьми внутри.

«Еще двадцать секунд и уже легче будет помирать».

Третья лазерная атака хлестнула по «Звезде» через семнадцать секунд. Напрасно бортовой компьютер бросил все силы на охлаждение корпуса. С низвергающимся мощным потоком энергии он поделать ничего не мог. Центр лазерного пятна пришелся на отсек с аварийными запасами кислорода, расположенный рядом с рубкой управления. Мощный взрыв легко вынес переборку, разделяющую их, и жаркая огненная струя кислорода жадно лизнула помещение, где находился человек.

Майор **О'** Строп Крос даже не успел вскрикнуть. Полторы тысячи градусов легко кремировали два тела – командира и второго пилота транспортного корабля «Звезда». Еще несколько секунд сопротивлялись пластиковый пульт и другое оборудование рубки управления. На шестой секунде перегорели основные и резервные кабели электропитания и управления. Тут же смолкли насосы системы охлаждения ядерного реактора. Еще несколько секунд понадобилось для нагрева до критической температуры охлаждающей жидкости реактора. На двенадцатой секунды после третьей лазерной атаки рванула система охлаждения реактора, а еще через две секунды взорвался и сам реактор – заработал страшный принцип домино. Мощ-

ная ударная волна снизу пнула транспортник. Не выдержав нагрузки, сложился топливный отсек и несколько мгновений спустя мощный взрыв топлива разметал весь корабль.

– А ведь мы не расстыковались! Куда прем? – лицо соседа слева становилось все более тревожным.

«Что-то здесь не то. Нас должны были передать фроловскому крейсеру, а не таскать на внешней подвеске, как на Земле таскают коров на вертолетах. Или это все еще имитация боя?», – Андрей Кедрин, как и все находившиеся в салоне люди, с напряжением ждал, чем все эти непонятные для них маневры закончатся.

А маневры тем временем продолжались. Через несколько минут после начала перегрузки землянин уловил толчок, и появилось ощущение, что транспортный бот начал двигаться. Его догадка тут же подтвердилась.

– Никак нас обратно втягивают, – как-то даже весело проговорил сосед справа. – А что, я не против отказаться от экскурсии на Гамед. И компенсации за это требовать не буду.

– Что-то у кроков явно не ладится, – лицо другого соседа становилось все более и более тревожным.

– А ты что, за кроков переживаешь? – сидящий справа от Андрея мужчина даже наклонился вперед, чтобы посмотреть на собеседника.

– Я знаю, чем может закончиться такая внештатная ситуация для нас, заключенных.

– Чем же?

– Или перестреляют тут как в тире или, если не жалко бота, отцепят нас, а потом долбанут с лазерной пушки.

Мужчина по правую сторону от землянина ответить ничего не успел. Неожиданно бот швырнуло так, что едва не лопнули ремни, которыми люди были пристегнуты к креслам. Раздался треск, будто разрывали гигантский кусок материи. И тут же над головой противно, на высоких нотах засвистело. Свисту воздуха не менее противно стал аккомпанировать звук сирены. Свет в салоне тут же погас, затем вспыхнуло несколько ламп – система корабля перешла на аварийное освещение.

«Где-то нарушилась герметичность. И скафандра нет. Финита ля комедия. Нет, все происходит не так, как обрисовал мне Сарб. Это явно не похоже на имитацию боя», – Кедров в оцепенении слушал последнее «прощай» уходящего воздуха.

Сирена поорала и выключилась. Вместо нее в свист воздуха вплелись какие-то шипящие звуки.

– Быстро в рубку бота! Мне кажется, что САС все дыры не заделает, – сосед справа сильно ударил Андрея по плечу, выводя из состояния оцепенения. И тут же уверенным движением расстегнул замок ремней. – Давай, время в обрез!

Ничего не понимая, землянин вскочил с кресла и ринулся за своим соседом, переползая, как и он, через сидения, отталкиваясь ногами и руками от сидящих в них людей и не обращая внимания на их брань.

«Главное, не потерять опору для рук, а то взлечу под потолок и буду там кувыркаться», – Кедров старался не отстать от своего спутника.

В салоне бота стоял сплошной гам, крики перепуганных людей. Уже несколько человек, пытавшихся как и землянин перелезть через кресла и потерявших опору, кувыркались в невесомости в воздухе, стараясь за что-нибудь зацепиться.

Около дверей рубки уже стояло несколько человек. Один из них, держась за ее ручку тщетно колотил по ней ногами. Еще один удар, руки мужчины разжались и он, словно выпущенный из пращи камень, отлетел от двери и врезался в другого заключенного, стоящего за его спиной. Удар был настолько силен, что магнитные ботинки не удержали второго мужчину на полу и вот уже два человека, отталкивая друг друга и кувыркаясь, полетели по салону.

– Ничего не получится!

Андрей резко обернулся. За его спиной стоял Бахруд Бранул – бывший его сокамерник.

– Бахруд!?

– Кроки, естественно, закрыли дверь. Придется умирать, – продолжил он и посмотрел на Кедрова. На его лице промелькнула злорадная усмешка.

«А если это бой настоящий? Если на нас действительно напали челы или фролы? Или это кто-то ведет свою игру против Сарба?», – мозг лихорадочно пытался решить эту головоломку.

Начинала чувствоваться недостача кислорода, стало труднее дышать.

Между тем мужчина, потащивший Андрея к рубке, быстро оценил обстановку около дверей, ведущих в рубку.

– Кастах! Как я мог забыть! – он так взволнованно и громко закричал, что толпящиеся около дверей люди обернулись к нему. – В корме же стоит шкаф с тремя скафандрами! – и он бросился к проходу между креслами.

Толпа ринулась за ним.

Кто-то так сильно толкнул Андрея в спину, что он, чтобы не упасть, вцепился в спинку кресла. От резкого движения закружилась голова.

«Упаду – затопчут. Не податься панике, – землянин скользнул взглядом по людской толчее в проходе. – Даже умирать надо тоже человеком».

Свист над головами людей уже перешел в вой. Очевидно, что трещина в корпусе увеличивалась.

«Тем более осталось недолго. Минут десять, не больше. А там или задохнусь или кровь внутри вскипит из-за низкого давления», – Кедрову вспомнился документальной фильм, посвященный космонавтике. Там рассказывалось о судьбе троих советских космонавтов – Волкове, Добровольском и Пацаеве. При приземлении в их спускаемом аппарате преждевременно открылся клапан вентиляции, и произошла разгерметизация кабины. Из-за упавшего, практически до ноля давления, вскипела кровь в организмах космонавтов, и они погибли.

«Вернуться и умереть», – вспомнил Кедров название фильма, – а я даже мертвым на Землю не вернусь».

Неожиданно стало чуть легче дышать. Несмотря на многочисленные повреждения бота, его бортовой компьютер уцелел и даже ухитрялся бороться за спасение жизней мечущихся в салоне людей. Он запустил САС – систему аварийного спасения и из нескольких резервуаров в места нарушения герметичности корпуса стал поступать специальный жидкий пластик, быстро твердеющий при атмосферном давлении. Получив сигнал от датчика-анализатора, что потеря кислорода в салоне достигла критической величины, компьютер задействовал аварийный запас кислорода, скупо впрыскивая его в салон.

– Пошли, – неизвестно откуда возникший сосед потянул Андрея вновь к рубке.

Подойдя к двери, он спокойно, без суеты взялся за ручки и потянул на себя. Дверь легко открылась.

– Так ты крок?! – раздалось за спиной.

И тут же Кедров почувствовал сильный удар по затылку. Его ноги подогнулись и он рухнул на пол. Землянин уже не видел, как вздрогнул мужчина, помогавший Андрею, и как в его руке неожиданно оказался бластер.

Но Бахруд Бранул оказался проворнее. Свалив Кедрова с ног, он нанес такой же удар, по затылку, и мужчине. Тот растянулся рядом с Андреем. Бранул тут же упал рядом и выхватил из его рук бластер.

Несколько заключенных в суматохе, в слабом аварийном освещении сумели разглядеть, что рубка управления открыта и ринулись к ней.

Бывший сокамерник Кедрова начал стрелять, не вставая. Несколько коротких вспышек, несколько вскриков, утонувшие в многоголосом гаме криков ужаса и ругательств.

– На всех воздуха не хватит! И на всех мест тоже не хватит!

И снова яркие молнии, разрезая темноту, бьют по копошащейся массе людей.

И этот крик: «И на всех мест тоже не хватит!», услышал Андрей, придя в себя.

«Так говоришь, ты не стремился запрыгнуть первым в аварийную капсулу, тебе просто повезло», – землянин осторожно чуть подвинулся, выбирая положения для рывка.

– И ты получай, крок! – и слепящий луч ударил в голову лежащего мужчины.

Агонизирующее тело мощно дернулось. От рывка подошвы магнитных ботинок оторвались от пола и все еще корчившийся сосед Андрея по салону бота, взмыл вверх.

«А теперь моя очередь», – Кедров сжался, готовый в любой момент бросить свое тело в нужном направлении.

– И ты, предатель! – рука с бластером стала поворачиваться в сторону землянина.

Офицер-десантник рванулся вверх. Ох, как трудно пользоваться приемами самообороны, когда подошвы, словно приклеены к полу и легкие разрываются, жадно хапая разряженный воздух. Его летящая правая рука уже почти коснулась руки с бластером. Почти…

Очередная яркая вспышка в темноте.

«Не успел-е-ел…».

Обожгло где-то в шею. И все же Андрей успел почувствовать, как его ладонь рубанула по чужой плоти. Дальше мышцы десантника работали в автомате: захват чужой руки, рывок на себя, залом

– А-а-а, – отчетливо хрустнула кость.

Снова рывок, теперь уже под себя. Кедров с натугой наваливается на противника, левой рукой хватает того за волосы и делает ею тянущее движение к себе. Есть!

И лишь где-то на периферии сознания удивление – почему он еще жив? Ведь даже автоматические, чисто рефлекторные движения без участия мозга не происходят.

А его правая рука, тем временем, хватает бластер.

– Картзм мупрк, – Бранул дергается, пытаясь сбросить с себя землянина.

Удар ручкой бластера по затылку и чел затихает.

Кружиться голова, перед глазами плывут круги, в легких раздается хрип. Кедров с трудом приподнимает голову и осматривается. Люди неподвижно лежат на полу или повалившись на кресла. С десяток тел тихо дрейфует по воздуху. И все это сюрреалистическое зрелище заливает скудный аварийный свет.

Землянин со стоном скатывается с тела Бахруда, подтягивает ноги под себя, отрывая их от пола. Уже каким-то проблеском сознания он улавливает открытую дверь рубки и толкает себя в том направлении.

Словно из мрака показывается кресло пилота. Андрей его достает кончиками пальцев и, оттолкнувшись от него, изменяет траекторию своего движения. Оттолкнувшись ногами от потолка, землянин уже уверенно хватается за кресло и подтягивается к нему.

«О, да тут чуть легче дышать!» – бортовой компьютер, определив, что дверь в рубке открыта, в район кресла пилота стал подавать больше кислорода.

Россыпь кнопок и лампочек перед глазами. Больно жжет в шею. Андрей дотронулся до обожженного места. Пальцы ткнулись в оплавленные края коммутатора.

«Так вот что спасло мне жизнь! «Ошейник». Луч лазера попал в него», – пальцы начали ощупывать поврежденное место, – так вот почему я не понял последних слов Бахруда. Мой переводчик сломался», – небольшое усилие и Андрей почувствовал, что кольцо на шее разъединилось. Поднатужившись, Кедров еще сильнее разжал «ошейник» и снял его с шеи. Несколько секунд повертел в руках разорванное кольцо. Кровь стучала в висках, все же не хватало кислорода. Мозг, проталкивал по своим извилинам мысли, словно ворочал глыбы, тяжело, натужно.

«А если вот так взять и разорвать круг», – какой круг разорвать мозг не уточнил. Просто было смутное желание как-то вырваться их хода не им просчитанных событий.

«Только по-моему, его уже разорвали. Это явно была не имитация боя. Кто-то, очевидно не менее наделенный властью чем Сарб, вмешался в его игру. И кто-то не хочет, чтобы я попал к челам. И если этот бот все же подберут, то это будут не люди Сарба. И что они со мной сделают?».

Скрежещущий звук сирены заставил Кедрова вздрогнуть. Тот час же на пульте замигала красная лампа.

«Ну и что это означает? Не знаю, но что-то явно нехорошее. Может закончился кислород? Все, хватит рассуждать, надо действовать», – Андрей глубоко, сколько возможно, вдохнул воздуха и осторожно встал. – Надо разорвать круг», – с разорванным ошейником в одной руке, с бластером в другой, землянин двинулся к двери рубки.

«Я должен вернуться домой», – лазерный луч впился в «ошейник» на шеи Бахруда. Послышался стон.

Землянин еще раз нажал на курок. Металлическое кольцо на шеи лежащего человека в одном месте полностью расплавилось. Скупо выдыхая воздух, Кедров наклонился и снял его с Бахруда. Надел себе на шею. Боясь выдохнуть остатки воздуха, свой «ошейник» надел на бывшего сокамерника.

«Я должен вернуться к маме», – луч из бластера вошел точно в центр затылка чела.

Не обращая внимания на агонизирующее тело, Кедров вложил бластер в руку трупа своего соседа. Из последних сил сделал несколько шагов в сторону скопища лежащих в проходе тел.

«Эх, а в рубке же были скафандры», – с раскрытым в безнадежном вдохе ртом, землянин рухнул на чье-то тело.

«Нет, Всемогущий Картан сегодня явно ко мне благоволит», – довольный Варк хищно улыбнулся.

Картинка, представшая перед ним на экране локатора, была просто великолепной – неизвестный крейсер в каких-то пятидесяти тысячах километрах, а рядом с ним разваливающийся на части от взрыва транспортник, компьютер которого все же сумел еще раз напоследок пискнуть на своем электронном языке: «Я крок. Транспортный корабль «Звезда». И это последнее прощай уловили антенны «Стерегущего – 10». Все ясно. Что-либо уточнять, вступать в переговоры не имело смысла. Перед ним враг. Без сомнений, несмотря на то, что его автоответчик орал: «Я крок». Звездолет может и наш, кроковский. Но управлялся он явно не кроками. А потому…

– Огонь!

Четыре трехсот мегаваттника с ходу влупили по корме неизвестного крейсера.

Тот устоял. Но Варк и не рассчитывал с первого раза уничтожить звездолет. Крейсер есть крейсер – специально созданный убивать. А потому и сам космический убийца имеет крепкую шкуру. Но, наверняка, кормовые защитные экраны он уничтожил.

Динамик внешней связи разразился руганью:

– Баккара! Ты что не видишь, что свои! Под трибунал захотел?!

– Форсажное охлаждение! – не обращая внимание на ругань, Варк не сводил взгляд с экрана обзора.

Наведенный компьютером на нужную точку, мощный телескоп показывал, как в пятидесяти тысячах километрах впереди разворачивались на них лазерные пушки главного калибра.

«Не успеют, засранцы. Не успеют!», – Варк не отказал себе в удовольствии немного подождать, наблюдая за тщетными усилиями врага.

Он отлично представлял, как в рубке крейсера, покусывая губы, экипаж мысленно подгонял вращающуюся платформу с лазерными установками, как внутренне сжавшись, они в любую секунду ожидали воя сирены, сигнализирующей о лазерной атаке. Как косили глазами на монитор, беспощадно высвечивающий реальность – кормовые защитные экраны уничтожены и еще одну такую атаку они не выдержат.

Варк выстрелил за секунду до того, как компьютер на вражеском корабле должен был бы радостно запипикать и вывалить на экран монитора: «Прицеливание осуществлено».

На этот раз четыре трехсот мегаваттных сгустков энергии ударили по незащищенному кораблю. В несколько мгновений они прожгли корпус, пробили защиту ядерного реактора и ворвались в его активную зону. И реактору ничего другого не оставалось сделать, как взорваться. Что он и сделал через секунду.

– Свои, свои, – командир «Стерегущего – 10» с удовольствием наблюдал, как на месте крейсера быстро расширяется огненный шар, – свои своих не расстреливают. Трибуналом он угрожал. Жалуйся теперь.

– Командир, кто-то просит помощи.

И только сейчас Варк увидел, что на экране радара, на месте уничтоженного транспортника, продолжает пульсировать красная точка.

– Неужели кто-то уцелел?

Втрой пилот неопределенно качнул головой:

– Стандартный аварийный автоматический сигнал. Можно подойти ближе.

– Давай. Только сначала составь гиперсообщение, где мы. Пришло время, – Варк иронично улыбнулся. – И пойдем обычным ходом. На сегодня гиперпространственных прыжков хватит.

Через минуту «Стерегущий – 10»мчался к месту гибели транспортного корабля.

– Это транспортный бот, – через пятнадцать минут второй пилот смог понять, кто посылает аварийный сигнал.

– Транспортник такого класса имеет на борту два бота. Учитывая, что «Звезда» перевозила на Гамед заключенных, то в этом боте может быть или экипаж, или заключенне.

– Заключенные, командир. Посмотри, – второй пилот кивнул на обзорный экран, – бот почти что с наш эсминец. Там заключенные.

– Так…и что будем делать?

– Их там до сотни человек. Соваться не следует. Надо ждать помощи, – задумчиво проговорил второй пилот.

– Хорошо, подождем. Прилетят ребята, заберут эту сотню и получат премию за спасение людей. Сколько там за одну голову полагается?

– Командир, там же заключенные! Какое спасение людей?

– Тогда за пленение врага. Сколько стоит один фрол? А чел? Уж точно больше, чем один спасенный крок. Да после этого, баккара, над нами будут смеяться во всех барах Содружества! Ну так что?

Второй пилот неопределенно кивнул головой.

– Молодец, Барри, я всегда знал, что на тебя можно положиться. Стыкуемся.

Через час бригадный генерал Сарб получил гиперсообщение, в котором командир эсминца «Стерегущий – 10», полковник Варк докладывал об инциденте, произошедшем в тридцати световых года от Гамеда. Прочитав его, начальник управления государственной безопасности, не обращая внимания на адъютанта, грязно выругался. Его хитроумный план из-за какого-то чересчур ревностного служаки рухнул. Когда теперь еще представиться такая возможность карьерного взлета?

Немного успокоившись, Сарб еще раз пробежал глазами по сообщению.

«….неизвестный крейсер был уничтожен», – генерал вспомнил добродушно лицо О' Ларри Хрила, сына его погибшего друга О'Строппа Хрила.

«Так я мальчика и не успел повысить», – Сарб скрипнул зубами.

«…. На месте гибели транспортного корабля «Звезда» был обнаружен его транспортный бот. Я осуществил стыковку с ним и капитаном О'Барри Казнусом. бот был обследован. На его борту оказалось восемьдесят семь человек. Судя по характерным коммутаторам, надетым на шею и сигналам, испускаемых ими, все эти люди являются заключенными».

«Теперь им придется еще и выплатить премию за захват пленных. Натрак!».

«Из-за нарушения герметичности транспортного бота сорок семь заключенных погибли вследствие асфиксии. Их фамилии и идентификационные номера прилагаются в списке №1. Кроме того, у пятнадцати человек обнаружены ранения, вызванные лазерным лучом. Все эти люди также погибли. Их фамилии и идентификационные номера прилагаются в списке №2. У одного из этих пятнадцати человек (Рахуд Пуртул, идентификационный номер 67890) в руке обнаружен бластер марки «Волк», серийный номер 4789032456. Остальным заключенным оказана медицинская помощь. Их фамилии и идентификационные номера прилагаются в списке №3. Жду Ваших дальнейших распоряжений.

Взгляд директора Службы Государственной безопасности вновь споткнулся на фамилии Кедров, значившейся во втором списке.

«Значит чел погиб. Ну и что теперь делать? Натрак побери этих ретивых исполнителей. Попроси дурака воду достать, так он плотину откроет, – Сарб вскочил и в раздражении заходил по кабинету. – И какого натрака в боте возникла стрельба? Бластер несомненно принадлежит моему агенту, он должен был охранять чела. А в результате имеем дырки и у чела, и у моего агента, и у дюжины других заключенных. Послать на бот экспертов? И тогда через неделю все в Содружестве будут знать, что я пытался к челам послать своего человека. В парламенте подымится вой. Этих протирателей штанов хлебом не корми, дай на трибуне покрасоваться и кого-нибудь гневно пообличать. Правда, на хлеб они и так не посмотрят, – начальник управления государственной безопасности вспомнил роскошный дом Харка. – Создадут комиссию, начнут совать нос куда надо и куда не надо. Впрочем, депутатский нос уместен лишь в дверной щели. Что б придавить посильнее и отучить этих дармоедов лезть, куда не надо. Эх, была б моя воля… – бригадный генерал непроизвольно сжал кулаки и вздохнул. – Да, с такими храбрыми полковниками проявишь тут свою волю. С такими полковниками, сам до пенсии будешь бригадным генералом, – Сарб еще несколько раз прошелся от дверей до стола, принимая решение. Затем, подойдя к столу, нажал кнопку вызова адъютанта.

– Подготовь несколько приказов. Первый. Оставшихся в живых заключенных полковнику Варку лично доставить на Гамед. Второй. Ввиду аварийного состояния бота транспортного корабля «Звезда» и уменьшения непредвиденных затрат, бот вместе с телами погибших заключенных уничтожить на месте. Третье. За проявленное мужество и героизм, полковника Варка наградить орденом «За честь Родины» второй… нет, первой степени. Его второго пилота наградить тем же орденом второй степени. Все. Выполняйте.

– Есть!

«Ты у меня, полковник, до своей пенсии, будешь болтаться около Гамеда. Орденоносцы везде нужны».

– Эх, жаль, такая операция сорвалась, – сказал Сарб уже вслух, глядя на закрывшуюся за адъютантом дверь.

Глава 13

«Нет, ну это же на-до быть та-ким и-ди-о-том, чер-те что са-мо-му се-бе на-фан-та-зи-ро-вать и в ре-зуль-та-те ока-зать-ся здесь, – мозг, как и все тело, работал в пульсационном

режиме, стараясь попасть в такт вибрации огромного рудодобывающего комбайна. – А мо-жет я там, на бо-те пос-ту-пил пра-виль-но? И толь-ко бла-го-до-ря то-му, что за-те-рял-ся, сменив «о-шей-ник», еще жив? Еще… тут, в э-том чер-то-вом руд-ни-ке дол-го не про-тянешь. Так пра-виль-но я пос-ту-пил и-ли нет? И что-о д-е-л-а-а-ть? – фреза комбайна наткнулась на твердый участок породы и железный монстр, быстро-быстро, словно его заколотило от такого нахальства, завибрировал, продираясь вперед.

Сидевший в кресле оператора комбайна Андрей Кедров скользнул взглядом на экран монитора, где, также быстро вибрируя, поднимался вверх зеленый столбик – показатель нагрузки на фрезу.

«Д-е-в-я-н-о-с-т-о п-р-о-ц-е-н-т-о-в о-т м-а-к-с-и-м-а-л-ьн-о-й… м-о-ж-н-о н-е с-н-и-ж-а-ть с-к-о-р-ос-ть… ага… – Андрей дернул один из рычагов, находящихся перед ним назад. Скорость движения комбайна замедлилась. Получивший небольшую передышку, могучий исполин успокоился. Дрожь исчезла. – Я же не боек в перфораторе. Так и извилины в голове все распрямятся и мысли, фьють и выскочат. А мне они сейчас ох как нужны. Что же мне делать?»

Но ответить на этот привычный русский вопрос Кедров не успел. Предупреждающе взвыла сирена. Землянин успел увидеть, как вверху, в метрах двадцати от него на мгновение возникла серая пелена и тут же какая-то невидимая сила разорвала ее в клочья, смела, отбросив в глубь выработки.

– Спасибо, Лю.

– Мне показалось, что ты о чем-то задумался, – тут же раздалось в шлемофоне, голос напарника Андрея – бывшего врача с разбившегося звездолета челов.

– Угадал. Извини, расслабился.

– За что извинять? В таком месте, хочешь – не хочешь, начнешь копаться в себе, пытаясь понять, почему я очутился тут. Угадал?

– Угадал, Лю. Но мы отвлекаемся. Если снова придет серая волна…

– Работаем, – голос в шлемофоне перебил Андрея.

– Работаем.

Прошло три недели с тех пор, как он и еще двадцать четыре человека, оставшихся в живых после разгерметизации бота транспортного звездолета «Звезда», были доставлены на планету-рудник Гамед.

Неделя обучения и вот землянин, бывший офицер-десантник Российской армии, уже сидел в кресле оператора рудодобывающего комбайна и рубил «уголек» на благо цивилизации кроков.

С отрывочных сведений, полученных при обучении, со слов других таких же несчастных, оказавшихся на Гамеде, Кедров для себя уяснил, что представляет собой этот «уголек».

Этот «уголек», а точнее минерал кроки называли тардисом, представляющим собой смесь десятка различных металлов, в том числе и эрцерия, получаемого до этого только в ускорителях элементарных частиц, «лепя» из двух тяжелых ядер одно сверхтяжелое. И хотя по всем законам физики такие тяжелые ядра не могли просуществовать и секунды, чтобы снова не распасться на своих «родителей», эрцерий оказался стабильным элементом, с периодом полураспада в целых сто лет.

Но не это было главное в эрцерии. Подумаешь, не вписался в физический закон. Да сколько таких случаев было на протяжении истории. Можно сказать, что благодаря именно таким болидам, не вписывающимся в проложенный людьми путь прогресса, разбивающими окружающие его отбойные стены, развитие цивилизации не петляет узкой тропинкой, а несется по широкому хайвею.

Главное было то, что небольшие добавки его в сердечники нуль-континуум генераторов, превращали их из громоздких экспериментальных лабораторных установок в компактные установки, приемлемые для установки на звездолеты.

И именно поэтому недра Гамеда изъязвили многочисленные шахты, на которых работали заключенные. Последних кроки использовали не с целью поиздеваться над своими генетическими врагами и не с целью наказания своих провинившихся граждан. Вернее не только поэтому.

Все же для здоровья нации должны быть место, куда человек должен очень бояться попасть. Рудники на Гамеде были очень хорошей профилактикой от разных неблаговидных поступков. Например, любой кроковский чиновник знал, что за растрату государственных средств или взятку его не казнят. Ему просто дадут десять лет каторги на рудники Гамеда. А через пять лет, проведенных там у него от вездесущей радиации выпадут волосы и прицепится целый букет разных болячек. Через семь лет, из-за постоянных болей в теле и депрессии он уже будет молит Всемогущего Картана, чтобы тот поскорее забрал его к себе. А через восемь-девять лет его желание исполнится – истощенного, лысого старика, умершего от инфаркта, лейкоза или какой-либо другой болезни кремируют и прах ближайшим звездолетом отправят родственникам. Если, конечно, раньше его не заберет серая волна. Именно из-за этой волны и работали на Гамеде заключенные. Серая волна была особой формой жизни. В недрах, в общем-то безжизненной планеты, находились бактерии, питающиеся в избытке имеющимися радиоактивными элементами. Сами по себе, находящиеся в микроскопических порах пород, эти бактерии были безобидны. Безобидны для человека, одетого в скафандр с установленной противорадиационной защитой. Но человек, в погоне за драгоценным эрцерием полез в недра Гамеда, вырубая в теле планеты штольни и штреки. Появилось много свободного объема, прямо таки гигантское количество по сравнению с крохотными порами.

Свобода вообще сама по себе штука взрывоопасная. Но в случае с бактериями на Гамеде это проявилось особенно впечатляюще.

Есть такое вещество – окись этилена. В нормальных условиях оно представляет собой бесцветную летучую жидкость с явно выраженным эфирным запахом и саму по себе не горючую. Но стоит распылить эту жидкость в виде аэрозоля и образовавшееся облако подорвать с помощью детонатора, то получиться сильный взрыв, сравнимый с небольшим ядерным. По этому принципу работает объемная и кассетные бомбы. Так что свободный объем штука чрезвычайно опасная.

Так и с гамедскими бактериями. Находясь в выработках, они ничем себя не проявляют и фонят так же, как и все на планете. Но вот по какому-то невыясненному сигналу они почти мгновенно, в полсекунды группируются, уплотняются. Это уплотнение способно быстро перемещаться, совершая волнообразные движения. Поэтому и назвали это явление волной. Вернее сами бактерии не перемещаются, они лишь колеблются вверх-вниз. Перемещается сигнал, информации об уплотнении. Аналогично, как не перемещаются частицы воды при волнении моря или струна при вибрации. Волна есть, а продольного движения нет.

А серой волной назвали из-за цвета сгущения – серого как невзрачная дорожная пыль.

Эта волна целенаправленно движется к жертве. В пятидесяти-шестидесяти метрах от нее бактерии скачкообразно еще сильнее уплотняются. Плотность их достигает критической и получается маленькая атомная бомба. Причем бомба с довольно таки уникальными характеристиками. Даже не бомба, а мощный рентгеновский лазер с ядерной накачкой!

Яркая вспышка небольшого ядерного взрыва и из раскаленного плазменного облака бьет невидимый мощный узконаправленный луч гамма-излучения, убивающий человека мгновенно. Такого мощного жесткого излучения не выдерживает и электроника – компьютерные процессоры замирают также мгновенно, как и человеческие сердца. Причем серая волна разит точно в цель. Если в кабине управления находится человек, то рентгеновский луч поражает мозг. А затем, как контрольный выстрел, процессор бортового компьютера. После этого серая волна мгновенно рассасывается, сливаясь с обычной серой пылью, постоянно клубящуюся в выработке.

Почему так поступает серая волна, было не понятно. Неживая природа если и убивает, то случайно. Камень, пробивающий голову неудачливого альпиниста, никакого злого умысла не имел. Он просто падал. Живая природа, если убивает целенаправленно, то только с целью питания или защиты. Змея жалит человека не потому, что хочет его съесть, а потому, что тот близко подошел к ее гнезду или вообще наступил на нее.

Серая волна, как уже было сказано, сразу после нападения мгновенно рассасывается. Следовательно, своими жертвами она не питалась. Оставалась защита. Люди добывали руду – пищу для бактерий. Микроскопические живые существа просто защищали свою еду. Вроде все логично. Правда вопрос, почему эти бактерии так быстро эволюционировали, что «доросли» до рентгеновского лазера с ядерной накачкой, так решен и не был.

Для защиты человека и электроники от серой волны требовалась стальная многометровая защита. Машины с ней получались настолько громоздкими и тяжелыми, что стоимость руды достигала космических высот эффективней, чем гиперпространственные звездолеты, созданные с ее помощью. Нет, естественно, тардис добывали бы в любом случае. Технология гиперпространственных переходов, являющаяся ключом к быстрой экспансии Вселенной, оправдывала любые затраты. Но человек всегда стремится достигать результатов, обходясь малой кровью. И не важно, если малая кровь – это кровь твоего соплеменника по государству или по человеческому роду.

Радары против серой волны были бессильны. Во-первых, очень часто скопления бактерий возникали в пределах выстрела – в пятидесяти-шестидесяти метрах, который и производился через сотую секунду после образования уплотнения. Даже, если бы радар и успел засечь серый шар, струи сжатого газа просто бы не успели за это время добраться до него. А лазерный рентгеновский луч в десятки тысяч рентген газовая ударная волна, естественно, не остановит. И, во-вторых, скопления бактерий радаром не фиксировалось. Не фиксировалось и все тут. Вернее фиксировались за мгновения до ядерного взрыва, когда уже было поздно. Поезд уже ушел, точнее лазерный луч. А до этого электромагнитные волны беспрепятственно проходили через это образование, словно это был обычный газ.

Довольно быстро было замечено, что некоторые люди могли интуитивно почувствовать образование и приближение серой волны. А упредить, значит победить. Ведь еще за мгновения до ядерного взрыва серая волна беспомощна – сильный порыв воздуха и все. Кроки так и поступили. Рудодобывающие комбайны сбросили с себя свинцовые многотонные листы защиты и обзавелись баллонами со сжатым аммиаком – воздухом Гамеда и несколькими соплами. Умная, но неживая электроника потеснилась, и в комбайн посадили человека, вернее двух. Если один не почувствует волну, может второй ее уловит. Уловит и успеет нажать большую зеленую кнопку, задействуя мощную пневмосистему защиты. Под большим давлением, со сверхзвуковой скоростью из сопел по периметру комбайна ударят аммиачные струи. Многие уйдут в «молоко». Но одна, две попадут в цель и разметают смертельно опасное сгущение бактерий. Троих и более людей садить в один комбайн кроки посчитали нецелесообразным – машина становилась громоздкой, и в случае удачной атаки серой волны погибало сразу трое.

Так Андрей познакомился с Люртар Пардараштаном, своим напарником. Люртар Пардараштан или просто Лю, как потом стал называть его Андрей, служил на одном из человских крейсеров. В одном из полетов из-за сбоя системы управления, крейсер вынырнул из гиперпространства далеко от расчетной точки, в секторе, контролировавшимся кроками. Ничего страшного в этом не было. Определив свою истинные координаты можно было повторно уйти в гиперпространство. Страшное было другое – крейсер вышел из гипера в нескольких сотнях километров от одной из планет этого сектора. Экстренное торможение не спасло. Крейсер ударился о поверхность. Погибли все, кроме Лю. А его, с сотрясением мозга, со множеством переломами нашли кроки. Нашли, вылечили и отправили на Гамед – пусть отрабатывает свое лечение. Может не сразу от серой волны погибнет.

Обладает ли человек столь необходимым на Гамеде чувством на серого убийцу, выяснялось на практике: выжил – не выжил. Никакими тестами заранее это выявить не удавалось.

Своему напарнику Андрей представился как Бахруд, туманно объяснив, где находится его планета, и как бы нехотя признался в ее отсталости в техническом плане. Слава Богу, Лю оказался не любопытным и особо не расспрашивал Андрея о его Родине. Уличить Андрея могли кроки – коммутаторы на шее заключенных наверняка «стучали» им. Но вряд ли охрана рудника будет дотошно анализировать разговоры, которые травили между собой заключенные. Не собираются бунтовать, ну и ладно. По крайней мере, пока Андрея никто не трогал.

«Так правильно я поступил или нет? Может охране рудника открыться, кто я есть? Потребовать доложить обо мне Сарбу? А если все же против Сарба кто-то играет? Я же не знаю все хитросплетения кроковской политики. И этот кто-то контролирует Гамед. Что тогда? Тогда с меня выпотрошат все, что запихал Сарб и вновь бросят сюда, подыхать в этом штреке, добывая этот чертов тардис, – Андрей Кедров чуть добавил мощности на фрезу. – Нет не бросят. Я слишком много знаю. А вдруг я убегу? Рисковать никто не будет. Пристрелят и всех делов. Нет, открываться только в самом крайнем случае, когда пойму, что самому мне отсюда наверняка не выбраться. Господи, выбраться отсюда. С бронированным огромным щитом на входе в шахту, с многочисленной охраной, не зная, где находится космопорт. А даже если бы знал и каким бы-то чудом пробрался туда и даже исхитрился захватить какой-нибудь звездолет. И что дальше? Звездолет не БМДшка, управлять я им не могу, и куда лететь не знаю. Да, дела…. Действительно, его спасти может только чудо… Ну тогда я буду творить это чудо! Или я не десантура! Не боги горшки обжигают», – Кедров зло улыбнулся своим фирменным волчьим оскалом и с силой вдавил кнопку мощности.

На мониторе компьютера полоска показателя мощности резво выросла до максимального размера.

– Держись, Лю! Наведем тут шороху.

– Ты только фрезу не сожги.

Глава 14

Желто-красное светило немилосердно шпарило сверху, раскаляя разбросанные по огромной, теряющейся за горизонтом, красно-зеленой степи, бурые скалы-пики, растворяя в своих лучах клубящуюся пыль и нагревая саму землю, заставляя ее исходить горячим воздухом, струящимся вверх. И это было единственное, если не считать клубов пыли на горизонте, движение в этом огромном зелено-красном, голубом – по цвету неба мире. Ни малейшего дуновения ветерка, способного хоть как-то расшевелить сонную траву и обметать прохладой скалы. И эти огромные каменные глыбы словно пытались достать и наколоть на свои острия солнце за пытку, устроенную им.

Еле слышимый звук исподволь живым мазком проникает в этот красочный, но неподвижный пейзаж.

– Тук-тук-тук – тихо поднимается к небесам, вместе с клубящейся пылью. Но, в отличие от последней, звукк не растворяется в лучах светила и довольно быстро нарастает, усиливается.

– Бум-бум-бум – звук уже не робким пришельцем стучится в этот мир, а полновластным хозяином воцаряется в нем.

Еще секунда – другая и, казалось, грохот заполнил собой все вокруг, вытеснив из него и зеленую сонную траву, и застывшие на ней кляксы красных цветов, и грозящиеся солнцу бурые скалы и даже само светило.

По степи, немилосердно топча траву, несется сотня огромных черных животных. Длинные шеи, увенчанные небольшой приплюснутой головкой, вытянуты вперед и рассекают воздух, словно нос самолета, помогая телу в его борьбе с воздушной стихией. Огромный даже

для такого крупного животного хвост вытянут назад и мелко-мелко вибрирует в спадающих на него с туловища потоков воздуха. Две задних, столбообразных лапы, сильно пружиня, отталкиваются от земли, взрыхляя ее мощными длинными когтями. Две небольшие передние лапы, прижатые к телу, время от времени расправляются, превращаясь в крылья. Сильный взмах ими, в унисон мощный толчок задних лап и массивное черное тело взмывает в воздух. По дуге, поднявшись вверх метров на десять, животное пролетает метров семьдесят-восемьдесят. Перед самым приземлением оно вытягивает задние лапы и откидывает свою длинную шею назад. Толчок. Твердые когти без труда вспарывают землю, надежно фиксируя лапы. Сильные мышцы задних конечностей сжимаются, амортизируя тело, длинный хвост, распластавшись по земле, помогает лапам. Шея вновь бросается вперед, за ней тянется все тело. Мгновение и черное крупное животное продолжает свой бег по степи. Комья земли, словно шрапнель вылетают из-под лап. Пыль брызжет во все стороны и клубами поднимается вверх. Картазир – уникальное животное, краса и гордость Матеи и нигде, кроме нее не встречающееся. Умный и хитрый хищник, которого каким-то образом умудрился приручить человек.

На животном, там, где шея переходит в туловище, укреплено седло, в котором сидит человек. В его руках зажаты две веревки – поргочи, тянущиеся вдоль шеи картазира и оканчивающиеся петлями, надетыми на небольшие ушки на голове. Дергая ту или иную поргочу, наездник управляет животным, заставляя его поворачивать в нужную сторону. От седла вниз тянется еще одна веревка – коргоча, с укрепленными на ней несколькими металлическими шипами и охватывающая туловище снизу. Чтобы заставить картазира прыгнуть, человек одновременно дергает поргочи и коргочу, вонзая в толстую кожу шипы. Издав короткий, но грозный рык, хищник подчиняется воле человека.

Каждый картазир был разукрашен разноцветными ленточками, привязанными к его длинной шеи. По бокам животного висели, прикрепленные к седлу полотнища с выведенными на них цифрами. Такие же цифры были выведены и на спинах наездников, одетых в яркие цветные, под цвет ленточек на шеи своего картазира, костюмы. На головах у них были надеты шлемы.

Между тем, всадники, описав широкую дугу по степи, уже скакали по местности, густо утыканную скалами, скакали по своеобразному каменному лесу. Им приходилось бросать картазиров то влево, то вправо, чтобы проскочить между каменными глыбами. Прыжки пришлось прекратить из-за риска врезаться в преграду. До этого, всадники, двигающиеся плотной группой, постепенно вытягивались в цепочку – торчащие каменные иглы рассекали, разрыхляли толпу людей и животных, как грабли разбивают крупные комья земли. Пятнадцать минут такого слалома и определилась пятерка лидеров, оторвавшаяся на добрый километр от остальных.

Впереди, на картазире, разукрашенном красно-синими ленточками, скакал Гаргул ДарМол, двадцати трехлетний юноша, выпускник Технической Академии. За ним на расстоянии вытянутой шеи картазира находился двадцатилетний Ватрул ДарЗол, студент Университета Матеи. Его животное имело бело-зеленые цвета. Третьим скакал Суфи СакВок, двадцати четырехлетний сын Главного судьи, неся желто-зеленые цвета. Потом шел Марфи СакКонрок, зрелый, двадцати девятилетний врач. На шеи его картазира трепыхались ленточки фиолетового цвета. Замыкал пятерку двадцатилетний Пасул СакБордок с желтыми лентами на шеи животного.

Очередной Праздник Любви был в самом разгаре. Молодые люди со всей Матеи четыре раза в год съезжались сюда, на Хельдерейское плато, чтобы в честной борьбе выиграть право выбрать себе жену.

История этого праздника теряется в глубине веков, когда фролы владели еще десятками планет, а кроков не знал даже Верховный Совет Достойных. Но и тогда этот храбрый народ был немногочисленен, поэтому получение качественного, жизнестойкого потомства для него было

важнейшей задачей. И постепенно коллективный инстинкт самосохранения нации выработал такую форму создания семьи как Праздник Любви. На этом празднике, а точнее соревновании, определялись самые храбрые, самые сильные, самые умные молодые фролы. На этом празднике они получали право выбрать себе в жены лучших девушек их народа. То есть лучшее соединялось с лучшим. И дети от этого союза, унаследовав черты своих родителей, получались сильными, умными и красивыми.

Постепенно праздник, проводимый самим Верховным Советом Достойных, приобрел большую популярность. И любая девушка, даже принадлежащая к высшим слоям фроловского общества, считала удачей выйти замуж за парня, показавшего достойный результат на Празднике Любви. Тем более, что молодым людям, занявшим первые пять мест, кроме всего прочего, полагался солидный денежный приз.

В празднике имели право принять участие мужчины от двадцати до тридцати лет и девушки от семнадцати до двадцати пяти лет.

Естественно, что при всей своей демократичности у отпрысков богатых семей было больше шансов занять более высокое место, чем у менее состоятельных их сверстников.

Во-первых, на первом этапе устраивался своеобразный экзамен, где с помощью специально составленных задач и тестов у молодых людей определялся общий уровень эрудиции и сообразительности. Балл, полученные здесь, определял стартовый номер юноши на втором – главном этапе соревнования, скачках на картазирах по Кругу Мужества. Естественно, что выпускники различных частных, привилегированных школ и высших учебных заведений имели больше шансов получить высокий балл.

Во-вторых, и это было основным, состоятельные родители могли себе позволить купить дорогого породистого картазира и более дорогое, а значит более удобное и надежное оружие.

И все же, Праздник Любви давал отличный шанс бедному, но храброму, сильному, упрямому юноше одним махом пробиться в верхи фроловского общества. И в истории этого праздника такое уже бывало не раз. Парни из бедных семей занимали высокие места, несмотря на заурядность своего скакуна и оружия. Например, нынешний Главный Командор, выходец из семьи мелких чиновников, пробился наверх именно благодаря тому, что занял второе место на одном из Праздников Любви и породнился через брак с одним из самых влиятельных фроловских семейств.

Участвовать в Празднике Любви можно было три раза, а можно было не участвовать вовсе. Не тянуться на покупку дорогого картазира, не рисковать здоровьем, а иногда и жизнью, участвуя в безумной скачке по Хельдерейскому плато, словно специально созданного природой, чЧтобы испытать крепость человеческого духа.

Не участие в этом празднике-соревновании никаких ограничений на дальнейший жизненный путь молодых людей не накладывало. Можно было поступать в любое учебное заведение и выбирать любую профессию. Но… но никаких карьерных высот, за исключением разве что творческой, такой молодой человек не достигал. Негласное общественное мнение раз и навсегда награждало его меткой не то что неудачника, а человека, который особенно ни к чему не стремится. Иначе пару тысяч сабаров мог бы найти на самого заурядного картазара и выступить на Празднике Любви, как подобает настоящему мужчине-фролу. И пусть ты там не показал достойного результата, но ты стремился. А так, значит, ты просто боишься за свою жизнь или ты вообще несусветный лентяй, неспособный оторвать свою задницу от мягкого стула, ради жесткого седла на картазире. А поэтому, разве можно тебе доверить какое-нибудь ответственное дело? Нет, конечно. Тебе не то, что дело, девушку доверить нельзя. Какой из тебя муж, глава семьи? И считай, что тебе крупно повезет, если выйти за тебя замуж согласиться какая-нибудь девушка, из тех, на которую никто не обратил внимания на Празднике.

А нынешний Праздник Любви особенный. На него впервые приехала не какая-то там обычная девушка, а сама Эльдира, дочь Главного Командора Матрула ДарВула. И дело даже

не в том, чья она дочь, хотя и это играет немаловажную роль. Дело в ней самой. Немало парней заглядывалось на нее. Еще бы. Высокая, на полголовы выше любого мужчины-фрола, статная, с большой упругой грудью, что волнующе распирала одежду. Именно эта мощь и легко угадываемая темпераментность, словно магнитом тянуло обычно невысоких, тонкокостных фроловских парней. Привлекает противоположное! Во многих горячих головах рисовались картины первой брачной ночи с такой большой и сильной плотью. Опять же, повторюсь, высокий пост у ее папы.

Но, достигнув семнадцати лет, Эльдира не спешила приезжать на Праздник Любви, не спешила занять место на голубой трибуне для невест. Дерзкая, своенравная, острая на язык девушка открыто подшучивала над самыми завидными фроловскими женихами.

Партарул ДарВартарок, высокий, под брови Эльдиры, красивый парень, первый в выпуске Академии военных пилотов, единственный сын владельца крупной электронной компании, заняв на одном из Праздников Любви первое место, решился пренебречь многовековыми его правилами и прямо в прямом эфире предложил отсутствующей на празднике Эльдире стать его женой. На что тут же (прыткие телевизионщики сумели разыскать девушку буквально через пять минут после этого) услышал насмешливый ответ:

– Партарул, конечно бравый парень. Ну а что будет, если я, в порыве страсти, что-нибудь сломаю этому бравому парню? Страна лишится хорошего пилота и уважения ко всем нашим мужчинам.

Через четыре месяца Партарул ДарВартарок героически погиб, участвуя в атаке на военную базу кроков, на планете Амаргам, что в созвездии Круга. Его эсминец «Отчаянный» отменным маневром оказался за кормой тяжелого кроковского крейсера. «Отчаянный» успел сделать два залпа почти в упор, не переставая сближаться с врагом. Но хорошо защищенный крейсер устоял. Его лазернаые установки главного калибра уже почти довершали оборот, чтобы развеять в космическую пыль наглеца. У ДарВартарока, командира эсминца, была возможность экстренным переходом прыгнуть в гиперпространства и молить Всевышнего, чтобы подпространственная ударная волна не выкинула их прямо в какую-нибудь звезду. Но драгоценные сорок секунд, необходимые для этого, юноша потратил на другое. Перебросив маршевые двигатели «Отчаянного» на форсажный режим и безжалостно сжигая их ресурс, он мчался на кроков. Полтора миллиона мегаватт залпа главного калибра кроковского крейсера обрушились на него в пяти секундах полета или двухстах пятидесяти километрах от врага. Защитные экраны были мгновенно сметены, и мощный жаркий поток фотонов заполнил небольшой корабль от носа до кормы. Сразу же рванули топливные баки и реактор. Взрыв расшвырял в разные стороны сравнительно легкие остатки топливных баков, жилищного отсека, различных систем ядерного реактора. Но вот направление движения тяжеленной стальной плиты радиационной защиты почти не изменилось. И через пять секунд тридцати тонная масса на скорости более пятидесяти километров в секунду врезалась в кроковский крейсер. На такое, выражаясь техническим языком, механическое воздействие конструкция звездолета рассчитана не была. Рукотворный метеорит вспорол его, как нож вспарывает консервную банку, выплеснув в Космос его содержимое: оборудование и экипаж. В тот раз рейд фролов был удачным…

После этого случая дочь Главного Командора три года не приезжала на Праздник Любви. Журналисты, и с ними согласилось общественное мнение, написали, что девушке стыдно и любовь национального героя Партарула ДарВартарока все же была взаимной. Просто всему виной безрассудная молодость, когда часто сначала делаешь, потом думаешь. Эльдира не опровергала, но и не отрицала сказанное про нее в газетах, журналах, на телевидении. И опять же, все решили, что это проявление стыда и раскаяния. Одна лишь девушка знала, что все сказанное тогда, три года назад была правдой и даже сейчас она не изменила бы в тех словах ни буквы.

Через год после героической смерти ДарВартарока в Эльдиру влюбился Суфи СакВок. Но в отличие от пылкого романтического влюбленного Партарула, сын Главного судьи решил проложить более надежный, чем взаимное чувство путь к сердцу девушки.

Получив на свое предложение руки и сердца насмешливый отказ, Суфи решил добиться желанной женщины древним как мир способом – шантажом.

В последнее время кресло под Главным Командором Матрулом ДарВулом зашаталось. Тому виной не то чтобы провальная война с кроками, а война, ведущаяся на равных. На один потерянный звездолет фролов приходился примерно один звездолет кроков. На одного убитого фрола приходилось полтора крока. Это был путь в никуда, учитывая многократное превосходство кроков в людях и технике. Можно хоть тысячу раз одерживать такие вялые победы, а в итоге получить катастрофу – на тысячу первую победу у фролов не останется ни звездолетов, ни людей, чтобы ими управлять.

Поэтому все сильней в фроловском обществе раздавались голоса, считающие, что как бы там ни было, но с крокми необходимо заключить мир. Пусть ценой значительных уступок, даже потерей суверенитета. «Лучше быть автономией у кроков, чем вообще исчезнуть с лица Вселенной», – кричали такие. И главным выразителем таких настроений был Верховный судья Руфи СакВок. Постепенно этой идеей прониклось большинство членов Верховного Совета Достойных и нынешний Главный Командор, исповедующий бескомпромиссную борьбу с кроками, их стал не устраивать. А до перевыборов главнокомандующего военными силами фролов оставалось совсем ничего – три месяца.

Желание своего младшего сына жениться на дочери Главного Командора пришлось для Руфи СакВок как нельзя кстати. Напрямую убрать ДарВула Главный Судья не хотел. Что не говори, а старый вояка был еще очень популярен в народе. А так можно было, прикрываясь желанием сына, надавить на ДарВула. Попросить уговорить его свою дочь выйти за Суфи замуж, намекнув на свою благосклонность при голосовании по должности Главного Командора. А, согласившись на это, ДарВул дальше согласиться на все. В том числе и на проведение политики по замирению с кроками. Так даже лучше. Чем убирать популярного человека лучше сделать его союзником, вернее подчиненным, выполняющим указания хозяина. Так будет точнее. Одним камнем убить двух птиц. И сыну помочь и себе.

Отец Эльдиры, выслушав такую «убедительную просьбу» решил попробовать, как говорит фроловская пословица, проскакать сразу на двух картазирах. То есть, и место свое сохранить и остаться благородным по отношению к единственной дочери. Не раскрывая истинных мотивов своего поведения, Матрул ДарВул уговаривал Эльдиру принять участие в Празднике Любви, ссылаясь на народные традиции, на свою ответственность за судьбу дочери и свое желание иметь внуков, в конце концов. Главное уговорить, а там посмотрим. Если Суфи СакВок займет достойное место на празднике, а в этом Главный Командор не сомневался, то попробуй отказать такому парню в присутствии всего Верховного Совета Достойных. Да что там Совета. Ведь сын Главного судьи обратиться с предложением к Эльдире на глазах миллионов телезрителей. Ведь трансляция Праздника осуществляется на всю планету. При воспоминаниях об отказе его дочери Партарулу ДарВартароку все в том же прямом эфире ДарВул лишь досадливо морщился.

Девушка согласилась, но в последний момент прямо с трибун невест сбежала.

Сын Главного Судьи, сразу узнав об этом был вне себя. Старый же хрыч пообещал, что дочка будет на празднике. Полгода назад за баснословную сумму был куплен великолепный картазир. Мощные задние лапы с загнутыми наподобие знаменитого фроловского ножа когти – признак породы. Передние лапы с широкими перепонками, позволяющие этому животному совершать поистине гигантские прыжки в сто-сто двадцать метров. Длинная шея, способная с пяти метров дотянуться до соперника и выбить того из седла. Если к этому прибавить три года

занятий в знаменитой школе езды на картазирах, то у Суфи СакВока были не плохие шансы не просто хорошо выступить, а занять одно из призовых мест, если не первое.

Ну и естественно бардкур – вознаграждение потенциальным призерам праздника за то, что те, если опередят СакВока, не предложат Эльдире выйти за них замуж. И от бардкура никто не отказался! Да дочь Главного Командора, считай, уже была на его брачном ложе.

Да, сыну Главного судьи было от чего быть вне себя. Сыпля самыми непристойными ругательствами, которые он в совершенстве освоил в элитной Высшей школе управления, молодой человек отменил свое выступление на Празднике Любви и в жесткой форме потребовал от будущего тестя обеспечить явку Эльдиры на будущий праздник. Или… или пусть готовиться к перевыборам Главного Командора. И вместе с ним на флайере бросился догонять девушку.

Разгневанный на дочь, а больше на себя, что позволяет командовать собой какому-то юнцу, Матрул ДарВул догнал Эльдиру и вынудил ее дать обещание присутствовать на следующем Празднике Любви. Девушка свое обещание выполнила…

Позиция СакВока устраивала вполне. Впереди него были только Гаргул и Ватрул. Даже если они придут раньше его к финишу, то ничего страшного. Оба парня взяли бардкур от него и особо не кривились. Взять в жены Эльдиру было, конечно, заманчиво. Но, во-первых, можно было получить и отказ. И не просто отказ, а отказ, делающим тебя объектом насмешек и уничижительных цитирований в рубриках светских хроник, а то и просто героем анекдотов. Ведь даже Партарул ДарВартарок, национальный герой, и то не избежал этого. Отдавая дань уважения ему, народ, тем не менее, охотно пересказывал анекдот про него: Партарул получил за атаку на Амаргам орден Достойного первой степени посмертно? У парня не было выбора. Если бы он стал мужем Эльдиры ДарВул, то за первую брачную ночь он бы получил тот же орден и тоже посмертно.

Нет, деньги оно надежнее. А во-вторых, свет клином на Эльдире не сошелся. Хвала Великому Мортону, красивых девушек хватает – хрупких, нежных, кротких. И если этому Суфи СакВоку так хочется получить орден Достойных первой степени посмертно, то это его дело.

Последний в пятерке лидеров, Пасул СакБордок старался изо всех сил. Он, рискуя, проходил рядом со скалами впритирку, но зато этим выигрывая драгоценные мгновения, лавируя в этом чертовом каменном лесу. Но что можно сделать, если у тебя картазир за каких-то пятнадцать тысяч сабаров? А сделать надо было многое. Надо было обязательно обойти Суфи СакВока и получить право первому предложить руку и сердце прекрасной Эльдире.

Пасул СакБордок еще в школе по телевизору увидел эту девушку. Она тогда давала свой знаменитый ответ победителю очередного Праздника Любви Партарулу ДарВартароку. Увидел и полюбил. И тогда же, у экрана телевизора он дал себе слово добиться руки этой необычной девушки. Добиться или умереть. Прошедшие три года эту страсть не остудили. И каждый раз, читая списки девушек, пожелавших принять участие в очередном Празднике Любви, сердце парня замирало, а потом радостно гнало кровь по молодому телу мощными толчками – нет! нет! нет! Нет Эльдиры в списке!

Окончив школу первого уровня, Пасул СакБордок поступил в Академию военных пилотов. Как и неудавшийся жених Эльдиры Партарул ДарВартарок. Почему он так сделал? Ну, во-первых, ему и самому хотелось быть военным пилотом. Отец Пасула работал техником на одной из военных баз и обслуживал лазерные установки звездолетов. И иногда он брал сына с собой на базу. Командование этому не препятствовало, справедливо полагая, что это лучшая агитация за службу в Военно-Космических Силах. Паренек может выведать какие-то секреты? Многое он все равно не узнает. И зачем ему их выведывать? Разве что только из любопытства. Может рассказать своим друзьям? Ну и что. В любом случае кроки о них не узнают. Потому что на планете нет ни одного живого крока, только мертвые, ранее захваченные в ходе вылазок на их объекты. Да и немыслимо, чтобы какой-нибудь фрол, даже ребенок, предал свою Родину ради кроков. Любой фрол с пеленок знает, что с кроками не разговаривают, их убивают. И если

ты убил хоть одного крока, то значит жизнь прожил не зря. Но лучше убить хотя бы десять или сотню кроков, а еще лучше тысячу. Ведь ненавистных кроков в тысячу раз больше чем фролов. И этот разрыв все время увеличивается.

Поэтому Пасул мог с детских лет видеть военных пилотов, видеть, как все на базе к ним относятся как к высшей касте. Да и держались те как каста избранных. Ну а высшая каста и жить должна не чета обычному технику. На стоянке автомобили пилотов сразу выделялись среди остальных – самые новые, самые дорогие, самых престижных марок.

Постепенно, приобретая жизненный опыт, подросток стал замечать, что и одежда, и обувь, те же часы у военных пилотов не сравнить с теми, которые носил его отец. И однажды сын техника спросил у отца, почему он не имеет такой большой и красивой машины, как те дяди, которые ходят по базе в сине-красной форме. Он что меньше работает, чем они?

– Сын, тебе в школе уже рассказывали, кто такие кроки?

– Давно, папа. Это самые страшные наши враги.

– Правильно. Так вот, эти люди в сине-красной форме – военные пилоты. Они летают вот на этих больших кораблях и воюют с кроками. Это очень опасно и многие из них гибнут.

– Так зачем им тогда такие красивые машины? Их же все равно убьют! – прозвучал жестокий в своей детской непосредственности вопрос.

Отец не сразу нашелся, что ответить

– Ну надо же их хоть как-то отблагодарить за то, что они нас защищают. И поверь, сын, это совсем немного за не прожитые годы, – наконец проговорил он.

– Пап, а ты хотел бы быть военным пилотом?

Его отец долго молчал, а затем тихо произнес, глядя ему в глаза:

– Когда я был чуть старше тебя, я очень хотел стать военным пилотом. Но потом мой отец, твой дед, отговорил меня. И я до сих пор не могу ему этого простить.

– А если бы ты погиб? – в детских глазах читался испуг.

– А ты бы хотел кататься на такой машине, – взрослый кивнул на большой, сияющий на солнце хромированными деталями, автомобиль.

– Очень! – испуг в глазах Пасула сменился восторгом, быстро перешедшим в сожаление – такой автомобиль их семье не светит.

Всю эту гамму чувств в глазах ребенка безошибочно прочитал его отец.

– Для того, чтобы многого добиться, нужно уметь рисковать. И надо выбирать профессию, которая позволит это сделать и достойно вознаградит за это, – в голосе отца послышалась горечь.

– Папа, я хочу стать военным пилотом!

Отец погладил сына по голове и грустно улыбнулся, ничего не сказав.

С годами желания стать военным пилотом у Пасула только усиливалось. Детское восхищение перед этими смелыми людьми перешло в юношеское поклонение перед представителями опасной, но такой необходимой профессии – защищать их цивилизацию от кроков.

А узнав, что Партарул ДарВартарок учился в Академии военных пилотов, Пасул твердо решил поступать туда же.

Для Эльдиры профессия военного летчика ничего не значит? А если и второй мужчина, предложивший ей руку и сердце, также окажется военным пилотом, вернее будет им? Так может это судьба? Один раз она отвергла военного пилота. И он погиб. А ее многие посчитали и теперь считают косвенно виновной в его гибели.

Три месяца назад отчаянию Пасула не было границ – он увидел Эльдиру в списке участников праздника. А ему еще не исполнилось двадцати лет! И участвовать в этом празднике он не имел права. Но все более сгущающийся ко дню Праздника Любви мрак и ставший просто черным в день его открытия мгновенно рассеялся, словно среди ночи неожиданно взошел Альтаир – Эльдира исчезла с праздника! Парень ликовал. Следующего Праздника Любви, если

девушка будет в нем участвовать, он не пропустит. На следующий, после этого радостного события день ему исполнилось заветные двадцать лет. И в этом Пасул усмотрел знак Судьбы, знак одобрения его выбора самим Великим Мортоном.

Деньги на покупку картазира юноша всеми правдами и неправдами собрал. Часть дали родители, часть скопил Пасул сам со стипендии, которую он получал, как курсант Академии военных пилотов. Небольшую сумму дала сама альма-матер. Учебное заведение не то чтобы поощряло браки своих учащихся, но что это за выпускник Академии военных пилотов, за плечами которого нет участия в Празднике Любви?

«Второй раз она не должна отвергнуть, не должна. Психологически не должна», – Пасул СакБордок, прищурив глаза, смотрел на несущегося впереди картазира с числом «321» по бокам.

В воздухе послышался свист, и прямо с неба на скачущих людей стали падать разноцветные, с полметра в диаметре шары. Начался очередной этап гонки. Эти шары были сделаны из мягкого упругого материала и были радиоуправляемы. С многочисленных телекамер, установленных вдоль трассы скачек, с телекамер, находящихся на небольших радиоуправляемых самолетах изображение поступало не только в специальный телевизионный центр, чтобы оттуда транслироваться на всю планету, но и на специальный компьютер, который и управлял этими шарами.

Технология была проста. Со специального самолета, с высоты примерно полкилометра, шары сбрасывались прямо на соревнующихся молодых людей. Посредством четырех, выдвигаемых из шаров аэродинамических рулей, компьютер стабилизировал полет шаров и наводил на скачущих на квартазирах парней. При помощи тех же рулей, скорость шаров, естественно, замедлялась. Но все равно, те атаковали людей на скорости порядка тридцати метров в секунду. Человек, проворонивший атаку шара, получал сокрушительный удар, гарантированно вышибающий его из седла. Если учесть, что после этого он падал с высоты порядка четырех метров, а картазир бежит со средней скоростью двадцать метров в секунду, то переломы рук и ног, сотрясение мозга при этом считались заурядным явлением. Гораздо хуже, если упавший человек попадал под лапы другого картазира. Были и такие случаи.

Избежать столкновения с шаром можно было единственным образом – попасть в него из бластера. Тогда тот лопался, словно обычный воздушный надувной шарик. По правилам соревнования, компьютер пять раз атаковал шаром каждого участника. Следовательно, нужно было пять раз точно попасть в цель, одновременно управляя картазиром, скачущего среди скал.

Первый шар компьютер направил на Пасула слева, со стороны Альтаира. Парень уже давно опустил на своем шлеме лицевой щиток и включил радар. Светофильтр он заранее настроил таким образом, что на светило с трудом, прищурившись, но можно было смотреть. Разглядеть можно было и все вокруг. Скакать и одновременно вести бой с шарами, полагаясь лишь на один радар, Пасул не хотел.

Поначалу тонкий свист летящего шара перешел в оглушающий рев – на его поверхности были сделаны специальные отверстия, которые на скорости начинали играть такую вот «симфонию», больше напоминавшую музыкальное сопровождение дороги, ведущей в ад. Радиолокационная метка от шара на внутренней стороне щитка быстро ползла с верхнего левого угла к центру.

«Сам на луч просится. Сейчас мы его на него и наколем», – хладнокровно выждав секунду, пока красная точка окажется в самом центре, юноша вскинул руку с бластером и выстрелил.

Пасул уже давно научился направлять лазерный луч точно по центру щитка. Вспышка лазерного луча, захлебнувшийся на высокой ноте вой, перешедший в хлопок – цель поражена.

Парень быстро огляделся. Пока все чисто. Впереди показались две рядом стоящие, расходящиеся к верху скалы.

Впереди скачущий соперник стал забирать влево, не рискуя проскочить между каменными глыбами. Слишком узко. Решение созрело мгновенно. Пасул чуть дернул правой поргочей, направляя своего картазира между скалами. Умное животное чуть дернулось, не желая бежать на камни. Мужская рука дернула когочу. Стальные шипы больно впились в кожу картазира, заставляя подчиниться воле человека.

Пятьдесят, сорок, тридцать метров. Голубая полоска неба, окаймленная серо-бурыми скалами, быстро приближалась. Уже отчетливо было видно, что проход слишком узок и картазир, наверняка, заденет скалы передними лапами. Сверху послышался свист – компьютер наводил на Пасула второй шар.

Десять метров – два скачка картазира. Парень на мгновение вскинул голову, ловя своим шлемным радаром приближающийся шар. Тот заходил сверху-справа и был уже в …. двадцати трех метрах – вспыхнули цифры на внутренней стороне щитка.

– А-а-а, – заорал Пасул и сильно дернул поргочи и когочу, заставляя картазира взвиться в воздух. И тут же, обхватив шею дракона, вывалился из седла в левую сторону. Через полсекунды шар протаранил то место, где только что был человек.

Компьютер со своими миллиардами операций в секунду, естественно, успел отреагировать на этот финт человека, выставив в нужное положение аэродинамические рули шара. Тот резко клюнул вниз. Но его скорость была слишком велика, а места для маневра было слишком мало. Могучая сила инерции бросила его на каменную стену, на точащий из нее острый выступ. Хлопок, и в одной из электронных ячеек компьютера изменилась информация – восемьсот тридцать пятый номер успешно отразил две атаки.

Не подвел Пасула и его картазир. Умное животное, мгновенно оценив размеры расщелины, расправило свои передние лапы-крылья чуть позже, чем того требовал человек – едва они миновали скалы.

Едва услышав хлопок шара и вслед за ним шорох расправляемых перепончатых крыльев, всадник изо всех сил подтянулся за шею животного, бросая свое тело вновь в седло. Необходимо было успеть до того, как картазир приземлиться. Сильный толчок, наверняка, бы сбросил седока на землю.

Успел! Прыжок картазира, из-за не синхронной работы передних и нижних лап получился скомканным, а потому коротким и непродолжительным. Едва Пасул коснулся седла, как сильный толчок тут же надежно «зафиксировал» парня в нем, болезненно отозвавшись в ягодицах.

Юноша даже вскрикнул от боли и тут же радостно рассмеялся. Ближайший соперник под номером триста двадцать один был от него в каких-то трех метрах и целился в атакующий его шар. Идеальный случай. Резкий одновременный рывок левой поргочей и коргочей. Выдрессированное животное тут же исполнило то, что потребовал от него человек – короткий взмах длинной шеей слева направо и маленькая головка, словно маятник ударила по впереди скачущему сопернику. Если человек готов к такому удару – вжался в седло покрепче, схватился за поргочи, то у него есть шанс удержаться на своем картазире. Но триста двадцать первый номер отражал совсем другую атаку. Коротко вскрикнув, он с высоты четырех метров полетел вниз, в сочную зеленую траву, подминая нежные красные цветы, обильно распустившиеся в ней.

Успешно отразив еще три атаки шарами, Пасул закончил этот этап четвертым. Впереди, в метрах пятидесяти от него, скакал ненавистный Суфи СакВок – шестьдесят девятый номер. До финиша оставалось каких-то пять километров и один этап. Эти километры пролегали по пойме реки Хельдерей, разлившейся здесь на несколько больших и малых рукавов. Между рукавами было разбросано множество озер и вездесущих скал-пик, словно ждущих свою жертву, чтобы нанизать ее на свои шершавые каменные острия. И река, и озера кишели различной живностью,

где более мелкий и слабый организм служил пищей более сильному и крупному, чтобы тот, в свою очередь, мог утолить жажду еще более крупному хищнику. Природа не сентиментальна, она целесообразна.

Мелкими личинками, червячками трапезничали мелкие рыбешки, резвящиеся у самой поверхности воды. Время от времени из глубин поднимались более солидные рыбы, чтобы стремительным броском заглотнуть зазевавшуюся мелочь. Но и на этих рыб была управа. В холодных и темных глубинах, куда вновь опускались рыбы после удачной охоты, медленно, не спеша, лениво шевеля плавниками, дрейфовали настоящие подводные дредноуты – трех-шести метровые рыбины. Их медлительность была обманчива. Мощный удар хвостом, бросающий массивное тело вперед и вот уже огромная пасть смыкается, и несколько рядов острых зубов буквально превращают жертву в фарш. И вновь медленный сонный дрейф в темных глубинах.

Но и на этих гигантов нашлась управа. На самом дне озер, изрытыми глубокими ходами-пещерами обосновался самый грозный хищник здешних озер и рек – мардур – четырехметровая рептилия с трема парами лап, вооруженных острыми когтями и пастью, усеянной треугольными, острыми как бритва зубами. Арсенал вооружений этого существа довершал двухметровый хвост, усеянный мелкими, но острыми шипами и заканчивающийся костяным тридцати сантиметровым двузубцем.

Неслышно подкравшись к своей жертве, мардур хватал ее за голову своей пастью, одновременно своими лапами разрывая брюхо несчастной.

Охотилась эта рептилия и на суше, нападая на животных, подходящих к реке и озерам на водопой. И вновь в ход шли страшные лапы и пасть. Плюс в работу вступал хвост. Мардур изгибал его в вертикальной плоскости, приподнимая задними лапами еще и туловище и с силой, через голову бил по своей жертве, вонзая в ее тело двузубец, а затем сдирал кожу, словно рашпилем, многочисленными острыми шипами.

Нападал этот водный хищник и на картазиров – десять тонн вкусного и питательного мяса с его точки зрения. Но тут силы были равными. Шести лапам с острыми когтями противостояли только две, но значительно более внушительных размеров, один удар которых мог легко переломать хребет мардуру. Двухметровый хвост с шипами и двузубцем противопоставлялся еще более мощный четырехметровый хвост, пусть усеянный не так часто шипами, но последние были в несколько раз больше. Только пасть картазира явно уступала пасти мардура, вооруженной страшными треугольными зубами в несколько рядов. На картазир и не использовал ее в качестве оружия. Оружием служила сама голова животного, которую оно использовало, как молот. А рукоятью этого молота служила пятиметровая шея. Сильный ее взмах и живой десятикилограммовый молот, описав широкую дугу, обрушивался на нападающего.

Пасулу сразу повезло. Сын Главного судьи немного не рассчитал и послал своего картазира в прыжок-полет через небольшое озеро чуть раньше, чем требовалось. В результате при приземлении хвост животного оперся не на твердую землю, а на податливую воду. Вздымая фонтаны брызг, картазир шестьдесят девятого номера все же удержал равновесие, но Суфи СакВок потерял на этом несколько секунд. Расстояние между соперниками сократилось до десяти метров. Уловив знакомую вибрацию почвы, из глубин озер стали подниматься страшные мардуры в предвкушении пиршества. Но на этот раз коса точно нашла на камень, вернее лазерный луч. Всадники внимательно смотрели по сторонам, высматривая опасных водных тварей. Каждый участник соревнования отлично понимал, что в случае удачной атаки этого хищника на его картазира, он не только автоматически выбывает из этого Праздника Любви, как не дошедший до финиша, но и, возможно, теряет выдрессированное дорогое животное.

И вновь Пасулу повезло. На пробегающего рядом с небольшим озерцом, скорее лужей, картазира СакВока из нее неожиданно напал небольшой мардур. Учуяв опасность, животное шарахнулось в сторону, сбиваясь с хода. Надо отдать должное Суфи, он отреагировал молние-

носно. Вспышка лазерного луча и атакующая рептилия завертелась на месте, пораженная из бластера в одну из лап. Через секунду набегающий на своем картазире Пасул добил своего невольного помощника точным выстрелом в голову – поди знай, что на уме у раненного хищника. И вполне может случиться, что этот помощник в одночасье может превратиться в врага. Да и какая может быть благодарность к злобной, тупой твари, живущей одними инстинктами и рефлексами. Тут к человеку не всегда бываешь благодарен…

Расстояние между восемьсот тридцать пятым и шестьдесят девятым номером сократилось до минимума – шесть метров. Еще чуть и можно будет атаковать, пытаясь вышибить противника из седла, «погладив» его, несущейся с окружной скоростью порядка двадцати метров в секунду, десятикилограммовой головой своего картазира.

Впереди показалась очередная водная преграда – озеро с вздымающейся из него длинной и узкой скалой, похожей на предостерегающий перст какого-то сверхсущества, способного видеть будущее. И тут Пасул допустил ошибку. Судьба, очевидно, не захотела ему в третий раз подряд давать зеро.

Когда до озера оставалось метров двадцать, юноша решил рискнуть и послал своего картазира в прыжок-полет. В принципе, это озеро он уже должен был перелететь. И этим прыжком он сокращал расстояние с Суфи СакВоком до предела, с которого уже можно свободно его атаковать. Лететь тебе, сын Главного Судьи, на землю и бессильно глотать пыль, поднятой моим картазиром.

Резкий рывок упряжью, толчок могучих лап и вот с шумом расправились кожаные перепонки крыльев. Суфи оглянулся, мгновенно оценив обстановку и еще быстрее приняв решение. Недаром он учился в элитной школе обучения езды на этих животных. Картазир Пасула был у него уже над головой, чуть правее. Уверенная мужская рука подняла в воздух десятитонного картазира с желто-зелеными лентами на шеи и тут же, что есть силы дернув поргочи на себя, отдала команду крылатому существу прекратить полет. Подчиняясь намертво вбитым в него рефлексам, животное резко выгнуло шею назад, готовясь к приземлению. Двигаясь по дуге с боевой скоростью в двадцать метров в секунду, голова картазира ударила по левому крылу своего собрата, совершающего полет. От резкой боли тот инстинктивно, как человек отдергивает руку от источника боли, прижал лапу к туловищу. И тут же, потеряв равновесие, завалился на левый бок. Высоты, чтобы выйти из этого непроизвольного пике не было, и Пасул вместе с картазиром рухнул в озеро.

Нет, фонтана брызг вверх не поднялось. С высоты семи метров человек и животное упали на одиноко стоящую скалу. Вылетев из седла, Пасул по касательной ударился о камень и упал в воду. Его картазиру повезло меньше. Тяжелая туша упала на скалу левой передней лапой, тут же сломав ее. Со страшным воем, сдирая кожу об острые выступы, картазир съехал вниз. Из многочисленных ран хлынула кровь, подкрашивая воду озера в красивый пурпурный цвет. И тут в действие вступили мардуры. Уловив сильные всплески сразу три страшных тварей устремились к месту падения человека и животного.

Оглушенный ударом об скалу, Пасул слишком поздно увидел грозящую ему опасность. Мардур был от него уже в метре. Юноша рванул бастер из набедренной кобуры. Безжалостный хищник пастью перехватил руку, не дав ей нажать на спусковой крючок. Не обращая внимания на страшный вопль человека, тварь мотнула головой, отрывая руку Пасулу. Еще раз открылась и закрылась пасть и конечность человека с судорожно зажатым оружием отправилась по тому же печальному пути, по которому прошли сотни рыб-жертв этого водяного монстра.

И вновь раскрылась страшная пасть. На обезумевшего от боли человека накатила смрадная волна дыхания мардура, но в следующий миг все собой заслонила страшная боль…

Пасул СакБордок уже не видел, как в его убийцу попал лазерный луч, выпущенный Суфи СакВоком.

Картазир, протаранивший восемьсот тридцать пятый номер вместе с седоком, приземлился, вернее приводнился в пяти метрах от берега. Суфи СакВок только мельком посмотрел на упавшего в метрах пятнадцати от него соперника. Все его внимание было сконцентрировано на водной поверхности озера. Юноша отлично понимал, что привлеченные шумом упавших в озеро картазиров, к месту падения неминуемо подтянутся мардуры. Он не ошибся. В метрах трех, справа от себя парень заметил почти скрытую в воде рептилию, спешащую со всех своих шести лап к нему. Выпущенные подряд два заряда бластера навсегда успокоили опасного хищника. Сын Главного судьи почти уже выбрался на сушу, когда воздух пронзил отчаянный нечеловеческий вопль. Юноша не успел. Выпущенный им луч лазера ударил в голову мардура на секунду позже того, как пасть животного сомкнулась на человеческой голове…

И второй военный пилот не смог покорить сердце Эльдиры ДарВул. Недаром Пасула предостерегала сама Судьба, грозя ему гигантским пальцем-скалой. Несколько лет назад сын скромного оружейного техника дал себе слово добиться руки и сердца одной из самых блистательных девушек фроловского общества. Добиться или умереть. Великий Мортон склонился ко второму варианту. Почему он не захотел помочь этому чистому и скромному юноше? Кто его знает. Боги не отчитываются в своих Деяниях. На то они и Боги. Наверное, так было нужно.

Какая либо страховка участников Праздников Любви не предусматривалась. Иначе, какое это испытание? Все должно быть как в древности.

Суфи СакВок пришел лишь пятым – слишком много времени он потерял в том озере. Но это его не огорчало. Все пришедшие к финишу перед ним молодые люди взяли от него бардкур, и значит не будут претендовать на руку и сердце самой большой и сильной, а для него еще и самой желанной фроловской девушки.

В голубое небо поднялась сотня черных труб, и громкие торжественные звуки возвестили, что соревнование окончено и сейчас наступает самый волнующий момент – каждый из юношей, дошедших до финиша, будет называть имя своей избраннице, предлагая ей выйти за него замуж.

Молодые люди, сидя на своих усталых картазирах, выстроились клином. Впереди стоял победитель соревнования, за ним, в следующем ряду на своих животных сидели парни, занявшие второе и третье места. Еще ряд – четвертое, пятое и шестое места. И так далее.

Напротив клина женихов стояла огромные трибуны, выкрашенные в синий цвет – знак чистоты и непорочности, как небо над планетой фролов. Это были трибуны невест. На них сидели девушки – будущие жены сидящих перед ними на своих картазирах парней – усталых, потных, но гордых, довольных собой. Они прошли. Они прошли труднейшую дистанцию, Круг мужества, не спасовали и теперь вправе громко, на всю планету назвать имя своей суженной. Рядом с синими трибунами стояли пустые трибуны, окрашенные в желтый цвет – цвет любви и верности. У подножия горой вздымающихся синих и желтых трибун стояла небольшая, желто-зеленая – раскрашенная в цвета государственного флага фролов, трибуна. На ней в полном составе восседал Верховный Совет Достойных – высший орган управления фроловской цивилизацией. По левую сторону от этих трибун стояли белые трибуны для родителей и родственников юношей и девушек, принимающих участия в Празднике Любви. По правую сторону возвышались красные трибуны – для родственников и друзей, знакомых молодых людей и просто зрителей.

На желто-зеленых трибунах встал невысокого роста черноволосый мужчина в желто-зеленом хитоне – Глава Совета Достойных Варзарул СакТардол.

– Верховный Совет Достойных приветствует храбрых и сильных мужчин, доказавших свое право называться так, пройдя Круг Мужества, – негромкий, с легкой хрипотцой голос, многократно усиленный, отфильтрованный специальной аппаратурой, раскатисто, уверенно, проникновенно звучал на Хельдерейском плато. – Теперь вы получили право выбрать себе в

жены лучших девушек нашего народа. И пусть ваш выбор будет удачным. И вы проживете со своими избранницами долгую и счастливую жизнь, родите и воспитаете смелых, умных и сильных детей, таких же, как и вы сами. Пусть процветает народ фролов! Хвала Великому Мортону!

И вновь протрубили черные трубы.

– Ватрул ДарЗол, – отчетливо разнеслось над трибунами.

Все телекамеры скрестились на лице победителя очередного Праздника Любви. На огромных экранах, установленных около трибун, было видно, как волнуется юноша. Но, справившись с волнением, Ватрул ДарЗол, буквально на последних метрах сумевший обойти Гаргула ДарМола, и грудью своего картазира сорвать широкое синее полотнище – финишную черту, начал произносить традиционные слова:

– Кармира ДарМонтарок, я предлагаю тебе стать моей женой.

Ровно половина экранов моргнула, и на них возникло изображение избранницы победителя очередного Праздника Любви.

– И вместе со мной воспитать наших будущих детей, – громко, отчетливо неслось над трибунами, – храбрыми, умными, сильными, беззаветно любящими свою Родину и готовыми, если потребуется, отдать за нее жизнь. Кармира ДарМонтарок, ты согласна?

Девушка от волнения не могла произнести ни слова. Но компьютер, получив сигналы от видеокамер, уже нарисовал на огромных телевизионных экранах утвердительный кивок ее головы.

Тот час белые и красные трибуны разразились овациями. На экранах высветились счастливые лица родителей Ватрула и Кармиры, крупным планом, на всю планету заблестели слезы в глазах у матери девушки.

Юноша слез с картазира и подошел к невысокому помосту. Туда же подошла девушка. Молодые люди взошли на него, и вся планета услышала слова клятвы:

– Мы, Кармира ДарМонтарок и Ватрул ДарЗол, клянемся перед всей великой цивилизацией фролов, что будем жить в любви и согласии, воспитывать наших детей храбрыми, умными, сильными, беззаветно любящими свою Родину. Мы клянемся неустанно приумножать ее богатства и могущество. Мы клянемся, что если потребуется, отдадим наши жизни за нашу Родину. Мы клянемся, что и наши дети будут всегда готовы сделать то же самое. И пусть свидетелями нашей клятвы будет весь фроловский народ.

И вновь трибуны разразились аплодисментами.

Сойдя с помоста, молодые люди встали на специальный автомобиль, представляющий собой открытую платформу и совершили, под рев труб, почетный круг вдоль трибун. После чего Кармира и Ватрул взошли на желтую трибуну. Свою избранницу стал называть следующий юноша.

По мере того, как юноши, выполнив необходимую церемонию, вместе со своими избранницами занимали желтую трибуну, волнение охватывало Матрула ДарВула все больше и больше. С головы не выходила фраза дочери, сказанная сразу же после того, как она согласилась принять участие в Празднике Любви.

«Только не забывай, у невесты есть право на поединок с кандидатом в женихи. И я им воспользуюсь!»

«Великий Мортон, образумь мою дочь. Ну где это видано, чтобы невеста вызывала на бой жениха? Этим правом уже не пользовались сотни лет. А если она еще и победит Суфи? Это даже хуже, чем отказ. Да меня не то, что Главным Командором не переизберут, меня Сак-Вок растерзает, – Матрул ДарВул подавил в себе острое желание встать с кресла, обернуться и, задрав голову, попытаться увидеть свою дочь, сидящую у него за спиной на трибуне невест. – А ведь девчонка может такое отчебучить. И воспользоваться древним правом и этого худосоч-

ного Суфи завалить на глазах у всей планеты, – невольная гордость за свое чадо наполнило сердце Главного Командора, и тут же была вытеснена отчаянием.

Матрул ДарВул неожиданно понял, что так оно и будет. Дочь вызовет на поединок сына Главного Судьи. Победит его под свист и улюлюканье молодежи и гробовое молчание взрослых – все же повержен сын Главного Судьи. И на всю планету обязательно покажут его лицо, лицо Главного Командора, лицо отца этой дерзкой, так не похожей на остальных фроловских девушек, девчонки. И покажут лицо Руфи СакВока – Главного Судьи Свободной Цивилизации фролов. Наверняка, оно и тогда будет бесстрастным, как всегда. ДарВул ни разу не видел СакВока смеющимся или разгневанным. Почти всегда на нем висела дежурная учтивая улыбка. Вот так, чуть-чуть, одними уголками губ Главный судья улыбался, когда оправдывал какого-нибудь командора крейсера, из-за неправильных действий которого был сорван тщательно спланированный рейд на кроковскую базу. Но так же СакВок улыбался, и когда утверждал решение трибунала, приговаривающего другого командора к смертной казни за, вроде бы точно такие же действия.

«Будет, как обычно, учтиво улыбаться, а через месяц отправит меня на пенсию. И это в лучшем случае. А то, может, найдет какую-нибудь историю двадцатилетней давности и начнет меня подводить под трибунал. С него станется. А у какого боевого командора таких историй нет? Тогда посчитали, что ты правильно поступил, пожертвовав эсминцем или даже крейсером, ради удачного рейда в целом. А сейчас может статься, что такие потери посчитают чрезмерными, со всеми вытекающими отсюда последствиями, – Главный Командор тихо вздохнул про себя и посмотрел на сидящего чуть ниже его, в следующем ряду Главного судью. – Тонкая шейка, такую свернуть, раз плюнуть. Легче, чем рвануть рычаг аварийного перехода в гиперпространства, – ДарВул невольно скосил глаза на свои кулаки, в которых легко можно было спрятать бластер малой мощности. – А поди ж ты, не получается свернуть. Он сам кому хочет свернет».

Очевидно, почувствовав чей-то взгляд, Руфи СакВок обернулся. Глаза двух мужчин на мгновение встретились.

– Суфи СакВок, – прозвучал голос диктора.

ДарВулу показалось, что его коллега по Верховному Совету Достойных прищурил глаза и как-то многозначительно на него посмотрел, словно предостерегал Главного Командора от необдуманных действий его дочери.

«А я что могу сделать, – мысленно огрызнулся ДарВул. – Это же не девушка, а вулкан. А разве можно управлять вулканом».

Правда, его мысленный диалог оказался напрасным. Руфи СакВок уже давно смотрел на поле, поэтому даже по глазам он не смог бы прочесть горькие мысли Главного Командора.

«А пошел ты…», – старый космический волк перевел взгляд на экран, показывающий сына Главного судьи.

– Эльдира ДарВул, я предлагаю тебе стать моей женой.

«Великий Мортон…», – замерев, Матрул ДарВул смотрел на свою дочь. От волнения он уже не слышал продолжения речи юноши. И лишь последние слова:

– Эльдира ДарВул, ты согласна? – вновь вбросили его в реальность.

– Я требую поединка с Суфи СакВоком, – эти несколько простых слов словно вытеснили воздух с плато, такая настала тишина.

«Вот и все. Больше ты никогда не будешь бить своей ладонью ладони командоров, отправляя их в очередной рейд. Потому что это прерогатива Главного командора, а ты им больше не будешь».

Ответ девушки поверг в замешательство не только зрителей, но даже и Верховный совет Достойных. Лишь через долгую минуту раздался голос его Главы:

– Эльдира ДарВул, если мы правильно тебя поняли, ты желаешь воспользоваться древним правом невесты не просто отказаться от сделанного тебе предложения, а и доказать, что твое решение правильно?

– Да, – коротко упало с трибун невест.

Право, которым захотела воспользоваться девушка, была разве не древнее самого Праздника Любви. По крайней мере, когда правила праздника-соревнования еще только складывались, в народе уже существовал обычай, что если девушке не нравился парень, за которого ее пытались выдать родители, она могла во всеуслышанье вызвать этого парня на поединок. Если девушка его проигрывала, то она тут же развязывала пояс у мужчины, что означало ее согласие выйти за него замуж. Но если девушка выигрывала поединок, то теперь даже родители не вправе ее заставлять ставать с этим человеком на свадебный ковер. И в глазах всего народа считалось, что девушка поступила правильно, и никто не вправе был ее осуждать. Какой же это муж, если не смог одолеть будущую свою жену?

И вновь долгая пауза. Устроители праздника судорожно перерывали правила, пытаясь найти те, которые регламентировали этот случай. Наконец они были найдены.

– Суфи СакВок, – вновь заговорил Глава Верховного Совета Достойных, – желаешь ли ты, принять вызов Эльдиры ДарВул?

Суфи не мог так владеть собой, как его отец. Большие экраны крупно показывали его растерянное лицо. Такого поворота событий парень явно не ожидал.

– Напоминаю тебе, Суфи СакВок, что в случае отказа принять участие в поединке, ты на этом Празднике Любви лишаешься права выбора себе невесты, – уже успокоившись, Варзарул СакТардол бесстрастным голосом чеканил жесткие правила поединка. – Если ты примешь участие в поединке, но проиграешь, ты имеешь право повторного выбора себе невесты. Если ты выиграешь поединок, эта девушка станет твоей женой.

Последние слова растаяли в воздухе. Над трибунами повисла тишина.

– Я…я согласен, – наконец проговорил Суфи СакВок.

– По правилам Праздника, поединок должен состояться немедленно!

И вновь юноша и девушка подошли к помосту. Но не для того, чтобы перед всем фроловским народом поклясться в любви, а чтобы сойтись в поединке. Через несколько секунд один из них, под смех зрителей, слетит с помоста, сброшенный оттуда соперником.

– Уважаемые отцы, повяжите пояса истины своим детям, – Глава Верховного Совета Достойных скрупулезно выполнял все пункты правил.

Матрул ДарВул и Руфи СакВок спустились с трибун, и подошли к своим детям. В руках у каждого из них было по черному поясу истины. По правилам поединка, юноша и девушка могли хватать друг друга руками только за эти пояса. Во время схватки руки от пояса отрывать было запрещено. Действие ног не регламентировалось.

Глаза Главного Командора и Главного Судьи встретились. Лицо Руфи СакВока было, как всегда, бесстрастным. Но в его серых глазах легко читалась злоба и ненависть.

«Ну вот и все, прощай должность Главного Командора… Ну и эйр с ним. Пошел этот Главный судья в кусомак», – ДарВул залихватски, как в молодости, в рубке управления крейсером, выругался, правда, молча.

Сразу стало легче. И мужчина с огромным удовольствием широко улыбнулся своему коллеге по Верховному Совету Достойных.

– Доченька, сделай этого заморыша. Пусть поваляется в пыли на глазах у всей планеты, – тихо прошептал Главный Командор, надевая на Эльдиру пояс.

– Ой, папка, да за такие от тебя слова, я бы и картазира в пыли заставила валяться. А этого мужчинку и подавно, – в глазах девушки прыгали веселые искорки.

«Ох, бесенок, не покалечила бы только».

– Клац, – замок на поясе закрылся.

– Суфи, ты должен выиграть у этой бабы. Иначе наша семья станет для всех фролов посмешищем.

– Да, отец, – в голосе отпрыска явно не чувствовалось уверенности.

– Эх, говорил тебе, не связывайся с ней. И что ты в ней нашел? Разве это девушка, это какой-то маленький картазир или мардур, – Руфи СакВок досадливо махнул рукой.

– Клац, – замок на поясе закрылся.

– Уважаемые Руфи СакВок и Матрул ДарВул, покиньте помост. Пусть теперь ваши дети выяснят, кто из них прав, пусть они сами выяснят истину.

Двое мужчин, стараясь не смотреть друг на друга, спустились с помоста и поднялись на свои трибуны.

– Эльдира ДарВул и Суфи СакВок, снимите с себя обувь, – последовало новое распоряжение.

– Возьмите друг друга за пояс, – озвучен был следующий пункт правил, едва молодые люди выполнили предыдущий.

– Я тебе никогда этого не забуду, – парень зло посмотрел на девушку и взялся за ее пояс. – Ничего, ты у меня поваляешься в пыли. А потом я тебя за твои длинные волосы приволоку на брачное ложе.

– Я всегда знала, что ты и твой старший брат подонки, – Эльдира рывком схватилась за пояс юноши, тот даже не удержался и сделал шаг к девушке.

Теперь молодые люди стояли вплотную друг к другу. – И когда ты будешь валяться внизу, в пыли, знай, что это и за унижения моей двоюродной сестры.

На трибунах зрителей послышался смех, столь гротескная получилась картина. Девушка почти на голову была выше парня. Из-за этого лицо Суфи почти уткнулось в вздымающуюся горой прямо перед его глазами девичью грудь. И это при том, что парень даже откинул назад голову.

– Эльдира ДарВул и Суфи СакВок, приготовились… поединок!

Чего не откажешь сыну Главного Судьи, так это в уме, умении быстро находить правильные решения в самых критических ситуациях. Едва Глава Совета произнес: «Поединок», как молодой человек тот час же резко присел вниз, увлекая за собой девушку всей тяжестью своего тела. Одновременно, он резко выбросил вперед свои ноги, безжалостно нанося ими удар по ногам Эльдиры. Девушка даже вскрикнула от боли. Трибуны неодобрительно загудели, послышался даже свист. План Суфи был прост. Используя вес своего тела, опрокинуть своего противника, оглушить болью и пользуясь его замешательством, помогая себе ногами, перекинуть через себя. При этом девушка должна была выпустить из рук его пояс. Это автоматически означало бы ее поражение. А при определенном везении, то и сбросить ее с помоста. Размеры его были не слишком велики.

Дочь Главного Командора спасла ее отменная реакция. Почувствовав, что она падает вперед, Эльдира не смотря на резкую боль в ногах, не растерялась и тоже резко присела, навалившись всем телом на парня. Тот задергался, но сбросить девушку с себя не мог. Несколько минут молодые люди барахтались на полу помоста, под смех и свист зрителей.

«Нет, пора этот древний обычай отменять, – глядя на комичную ситуацию на помосте и слушая, раздающееся со всех сторон улюлюканье, Глава Верховного Совета Достойных Варзарул СакТардол сейчас мог лишь досадливо морщить лицо, – вместо торжественного, волнующего события для всей планеты какой-то балаган. Если через минуту ничего не решится, я остановлю поединок. Пусть начинают сначала, а не елозят друг по другу».

Но вмешиваться Главе Совета не пришлось.

Пытаясь удержаться на парне, Эльдира неожиданно поняла, как выйти из этой патовой ситуации. Недолго думая, она, чуть приподнявшись, рывком бросила тело чуть вперед и удовлетворенно улыбнулась. Лицо Суфи оказалось точно на уровне ее груди. Дальше было просто.

Навалившись вновь всем телом на юношу, девушка теперь просто ждала. Дальше работу за нее выполняла ее великолепная грудь. Сын Главного Судьи утонул в ней как в мягкой, объемной подушке. Через полминуты он почувствовал, что начинает задыхаться. Все попытки хоть както глотнуть свежего воздуха ни к чему не привели. Девушка изо всех сил прижималась к нему, не оставляя ни малейшего шанса. Суфи своими энергичными движениями лишь усугубил свое положение, быстро растратив все свои запасы кислорода. Перед глазами пошли разноцветные круги, теряя сознание, инстинктивно он открыл рот, тут же закрытый горячей женской плотью.

«Только не укусить. Только не укусить», – сил осталось лишь на эту мысль и на то, чтобы побороть искушение сомкнуть челюсти, прогрызть зубами себе путь к глотку свежего воздуха.

Большего позора, чем во время поединка укусить девушку и представить было трудно. Это было во сто крат хуже, чем просто слететь с помоста на землю. И от невозможности исполнить это свое самое сильное в жизни желание, на глаза Суфи СакВока навернулись слезы, он захрипел и наконец-то потерял сознание.

Почувствовав, что ее соперник обмяк, девушка, опершись на колени, привстала, поднатужилась и выпрямилась во весь рост, держа на вытянутых руках между ног безвольное тело сына Главного Судьи. Под аплодисменты, смех и свист Эльдира сделала шаг и легко сбросила своего несостоявшегося жениха с помоста. Затем победно подняла вверх свои сильные большие руки. У ее ног суетились врачи, приводя в чувство СакВока.

На следующий день во всех газетах гвоздем номера было описание поединка Эльдиры и Суфи. Разнообразными шрифтами и цветами пестрело: «Сын Главного Судьи у ног дочери Главного Командора», «Эльдира – мужчины. Два ноль в пользу девушки», «Вместо брачной клятвы, поединок», «Придушенный девичьей грудью»… Респектабельные «Известия Матеи» поместили на первой странице фотографию дочери Главного Командора с гордо поднятыми вверх руками. Над фотографией крупно было набрано: «Так кто сможет обуздать Эльдиру?».

Глава 15

Ночное черное небо за окном озарилось яркими желто-красными сполохами. В их отсветах заблестел полированный стол, которого поддержал, стоящий на нем, экран монитора. Эти блики стали раздражать сидящего за столом человека. Он несколько раз досадливо покрутил головой, затем резко ударил по кнопке. Огромное окно кабинета мгновенно стало черным – включился светофильтр.

«Сколько можно крутить во все небо столицы этот мультик про освобождение Эльдурея? Как будто мы его уже освободили. Что за бред выдало управление пропаганды. А если мы не вернем Эльдурей? Да над нами тогда все будут смеяться. Впрочем, и без этого мультика тогда над нами все будут смеяться. И смеясь, выберут в Президенты этого Харка. А уж как он повеселиться над нами, придя к власти», – бригадный генерал О'Локки Сарб поморщился.

Поморщился не от этой мысли, а оттого, что вспомнил сегодняшнее совещание у Президента Норка. Такой выволочки он и Верховный Адмирал Свил давно не получали. Норк орал на них так, как капрал не орет на новобранца в учебном центре, делая из него настоящего десантника. Норка понять было можно. До выборов остается чуть больше трех месяцев, а его рейтинг почти в два раза меньше рейтинга Харка. Президент орал, а они краснели и кусали губы. В конце совещания, наоравшись и устав от этого, Норк уже более спокойным голосом приказал им явиться через два дня и окончательно принять решение, атаковать Эльдурей или нет. А если нет, то что делать. При этом он выразительно посмотрел на него, Сарба, красноречиво давая понять, что, наверное, пришло время вплотную заняться вторым вариантом операции «Справедливость».

Над этим Директор Государственной безопасности сейчас и думал. Что лучше: все же атаковать Эльдурей или второй вариант операции «Справедливость». Отбить Эльдурей, несо-

мненно, более предпочтительно. Эта победа упала бы на чашу хрупких весов политических судеб, словно тяжеленная гиря, вместо нескольких, почти эфемерных процентов рейтинга. На чашу весов, естественно, Норка. И Харк бы сразу улетел в политическое небытие. Но….но Эльдурей надо отбить. Отбить не у каких-то там фролов. А у челов – сильного, ничем не уступающим крокам, противника. А если отбить не удастся? Тогда в политическое небытие улетит Норк, вместе со своими помощниками, включая Сарба. А ему, бригадному генералу Сарбу, ох как не хотелось улетать. Ему, потомку древнего аристократического рода оказаться задвинутым в никуда? Лишиться возможности принимать важнейшие, ключевые для развития государства решения? Причем лишиться навсегда. Он отлично понимал, что с клеймом неудачника, бездари, человека отдавшего и не сумевшего вернуть Эльдурей, ему уже никогда не подняться. Нет, это для Сарба, правнука знаменитого Верховного Адмирала А'Красса Сарба, победителя битвы при Хантеи, было категорически неприемлемо. Никогда Сарбы не выпадут из обоймы самых влиятельных людей цивилизации кроков.

«Отбить Эльдурей… А Верховный Адмирал у нас Свил, – директор Управления Государственной безопасности мысленно представил перед собой невысокого полного мужчину с вечно каким-то неуверенным взглядом, – нет, так мы точно Эльдурей не вернем. Значит второй вариант?»

Второй вариант – это дискредитация Харка. Шумный, с кавалькадой машин у его особняка, арест известного политика. Суд над ним, с трансляцией на все планеты кроков. И показ видеофильма, того, где он, Сарб, и глава оппозиции, смотря в видеокамеру произносят: «*Я, О'Санни Харк, председатель партии «Справедливость и порядок» и бригадный генерал О'Локки Сарб, директор Службы Государственной безопасности с помощью чела Андрея Кедрова передаем план операции по освобождению Эльдурея командованию челов. В этом плане содержится исчерпывающая информация о дате начала операции, силах, привлеченных для ее выполнения, направлениях удара и маневрах каждого боевого звездолет* а».

«Конечно, подымится дикий вой. Оппозиция с трибуны парламента, в своих телеканалах и газетах будет орать, что это провокация. Пусть орут. Создадим комиссию по проверки подлинности видеозаписи. Туда пригласим ведущих экспертов, обязательно и тех, кого предложит оппозиция. Бояться нечего. Видеозапись то подлинная! И это неоспоримый факт. А все остальное это разговоры. Почему он, бригадный генерал Сарб, также присутствует в этом фильме и вместе с Харком произносит страшные слова государственной измены? А потому что должность у него такая, оберегать безопасность государства и разоблачать его врагов. А чтобы их разоблачать, очень часто приходится втираться к ним в доверие. Узнав о готовящейся операции по освобождению Эльдурея (свидетели найдутся!) Харк понял, что в случае ее успеха, его шансы выиграть предстоящие президентские выборы минимальны, вернее нулевые. И чтобы обезопасить себя, он решился на предательство.

«*В настоящее время рейтинг Норка не высок, но в случае освобождения Эльдурея, он повыситься и этот человек останется Президентом страны еще на семь лет, ввергая страну в пучину экономического спада и военных поражений. Именно поэтому мы, О'Санни Харк и О'Локки Сарб, решаемся на этот поступок»,* – это твои слова, Харк. Здесь ты вольно или невольно объясняешь свой поступок – боязнь, что в случае освобождение Эльдурея, Норк снова станет Президентом. А все это: «*ввергая страну в пучину экономического спада и военных поражений*» – просто красивые слова. Даже в глазах врагов человек не хочет выглядеть предателем своей страны.

Но подробной информацией о предстоящей операции Харк не располагал. Чтобы ее достать, он вышел на связь со мной, бригадным генералом Сарбом, пообещав мне в обмен на мое предательство, должность Верховного Адмирала Объединенного Флота. Чтобы до конца разоблачить высокопоставленного предателя, я дал согласие, – Сарб удовлетворенно хмыкнул и откинулся на спинку кресла. – А ведь совсем неплохо я все придумал. Если я такую речь

произнесу на суде в качестве свидетеля, то она будет весьма и весьма убедительна. И не только для судей, но и для всего сообщества кроков. А предательство в пользу челов наш народ не простит никому. Особенно, если его патриотические чувства подогрели таким фильмом во все небо. Это все равно, что забрать у ребенка конфету. Нет, Управление пропаганды сделало все правильно с этим фильмом «Освобождение Эльдурея», – Сарб снова нажал кнопку на столе, выключая светофильтр.

В кабинет тот час же ворвался яркий свет – построившись в боевую цепочку, кроковские звездолеты осуществляли последнюю, победоносную атаку на Эльдурей.

«А почему Харк обратился к Вам, директору Службы Государственной безопасности? Он что, ненормальный? – Сарб задал себе один из вероятных вопросов оппозиции к нему. – Ммм… потому, что на то я и директор Службы Государственной безопасности – так строить свою работу, чтобы на меня, как на приманку слеталась всякая государственная нечисть. Как я этого добился? Господа, вы уже пытаетесь узнать методы работы службы государственной безопасности, а это есть государственная тайна, не подлежащая огласке в суде, – хозяин кабинета порывисто вскочил из-за стола и зашагал по кабинету. – Теперь самое главное. У Харка есть запись, где мы вместе с ним произносим совсем иные слова: *«…я совместно с бригадным генералом Сарбом разработали операцию, одобренную господином Президентом Норком, по дезинформации нашего противника относительно наших планов по освобождению планеты Эльдурей»*.

На этой записи, как гаранта своей безопасности, настоял глава оппозиции. И пока такой видеофайл есть у Харка, он неуязвим. Оппозиционные телеканалы тут же прокрутят его в эфире, и тогда несладко придется уже Сарбу, а вместе с ним и Президенту Норку. Что ж, пора Блестящей доиграть свою партию, – директор Службы Государственной безопасности вновь сел за свой стол и нажал кнопку вызова адъютанта.

– Пошлите сообщение Блестящей: «Статью необходимо откорректировать». Подпись – редактор.

– Слушаюсь, господин генерал.

«А все же, как жаль, что этот чел Андрей Кедров так нелепо погиб. Освободить Эльдурей намного было бы приятней, чем просто втоптать в грязь своего врага, – потомок знаменитого победителя при Хантеи сожалеющее вздохнул и вновь, став из-за стола, подошел к окну.

В черном небе столицы государства кроков плыла, нарисованная лазерами, планета Эльдурей. На ее буровато-желтом диске отчетливо был виден флаг Содружества Свободных Планет кроков.

«Эх, если бы это было на самом деле, если бы осуществился первый вариант операции «Справедливость». Я бы тогда стал бы также знаменит, как и мой прадед, Верховный Адмирал А'Красс Сарб. Жаль, что этот Кедров не долетел к своим челам. Жаль. Мне почему-то казалось, что этот парень сможет выпутаться из любых передряг. А так Эльдурей наш только в этом мультике. Не все тому, что видишь глазами можно верить», – бригадный генерал Сарб еще долго смотрел в ночное небо. На миг ему показалось, что что-то важное в предстоящей операции он упустил. И это что-то важное связано с его последней мыслью. Но это ощущение быстро растаяло, вытесненное красочной картинкой – буро-желтая планета на черном фоне, а сверху яростное, энергичное: «Даешь Эльдурей!»

Входная дверь из редчайшего аркура, бесшумно и легко открылась. Но эта кажущая легкость была обманчива. Под дорогущим аристократическим деревом скрывалась стальная плита, способная выдержать лазерный луч, выпущенный с флагманского крейсера, или таранный удар тяжелого десантного танка. Массивную пятитонную дверь открывали и закрывали мощные электромоторы, искусно спрятанные в косяке двери.

Тяжело ступая, Харк зашел в обширный холл собственного дома. Два вышколенных охранника остались снаружи. Едва входная дверь все также бесшумно захлопнулась, холл наполнился мелодией любимой симфонии хозяина дома. С первыми аккордами музыки на втором этаже отворилась дверь и в проеме показалась женщина. Розовое полупрозрачное платье не скрывало ее роскошного тела. Большая грудь с крупными коричневыми сосками волнующе шевелила легчайшую ткань, по которой сверху струились густые черные волосы. Длинные стройные ноги вздымались вверх, плавно переходя в соблазнительные бедра и делая плавный изгиб, образовывали тонкую талию.

Мужской взгляд жадно устремился по просвету между женскими ножками вверх и огорченно замер в районе бедер. Чуть сгустившаяся в этом месте ткань позволяла лишь угадывать срывающуюся за ней прекрасную сущность.

– Весса… – выдохнул Харк.

Улыбаясь, женщина стала неспешно спускаться по лестнице. Розовая дымка платья образовывала причудливые тени, которые, то появляясь, то исчезая, каждый раз как-то по-новому показывали прятавшуюся за ними красоту.

Не выдержав, хозяин дома махом одолел лестничный пролет, отделявший его от вожделенной добычи. Мужские руки смяли тончайшую ткань платья, и словно от этого сильного движения розовый эфемерный туман рассеялся, и проступила телесная явь. Тихо, жалобно затрещала материя.

– Весса, Весса, – шептал мужчина, словно задыхаясь.

Героическое крещендо, достигнув своего апогея, разлилось по холлу энергичным аллегро.

Сильным, почти грубым движением, глава партии «Справедливость и порядок» развернул женщину и животом вперед толкнул ее на перила. Дерево жалобно скрипнуло, и тут же мелко завибрировала, сдерживая напор двух человеческих тел.

Симфоническая мелодия рокотала в доме, причудливо и довольно гармонично перебиваясь все более и более громкими и протяжными женскими вскриками. И, наконец, долгое и громкое человеческое си закончило энергичный темп музыки. Он стал замедляться, переходя в спокойное анданте и далее успокаиваясь до адажио.

С удовлетворенным стоном Харк отпустил женские бедра и оперся на противоположные перила. Весса повернулась к нему лицом и, улыбаясь, кивнула на разорванное, валяющееся на полу затоптанное платье:

– Это уже третье за двадцать дней.

– Зато доволен хозяин бутика, где ты их покупаешь.

– И я тоже, – Весса посмотрела прямо мужчине в глаза.

Тот рывком вновь притянул ее к себе.

– Потом, потом, – женщина игриво отталкивала Харка от себя. – Сначала ты должен попробовать, что я приготовила, – и она потянула мужчину вверх по лестнице.

– С удовольствием! Готовишь ты великолепно, особенно десерт!

– Десерт? Я никогда не…

Хозяин дома, видя недоуменное лицо своей подруги, расхохотался. Взглянув на хохочущего Харка, Весса поняла о каком «десерте» идет речь и тоже прыснула смехом.

На втором этаже, в гостиной лидера оппозиции ждал великолепно сервированный стол. На его середине стояло огромное серебряное блюдо, в котором, словно собираясь взлететь, раскрыв свои мощные крылья, сидел жаренный варран. В тени его крыльев разместились вазы с фруктами. Чуть дальше, на специальных подставках стояли, наклонившись на птицу, словно нацеленные на нее ружья, несколько бутылок с красочными этикетками на боках. Несколько великолепных букетов цветов довершали эту красочную картину.

– Внутри варрана твоя любимая каша с портасами.

– Дорогая! – Харк притянул к себе женщину и поцеловал в губы.

– Ты даже не представляешь, каких трудов мне стоило найти такой экземпляр варрана.

Политик усмехнулся:

– Представляю, особенно если учесть, что он занесен в реестр редких животных, охота на которых категорически запрещена.

– А мы и не охотимся! – Весса быстро надела на себя легкий халатик.

– Конечно. Мы употребляем!

Смеясь, О'Санни Харк и его подруга А'Весса Лам сели за стол.

Наполнив бокалы, хозяин дома взглянул на Вессу:

– За что пьем?

– Я думаю, что пока у нас может быть один тост, – женщина лукаво взглянула на мужчину, – за будущего Президента Содружества Свободных Планет О'Санни Харка.

– С удовольствием!

Мелодичный звон хрусталя разлился по гостиной. Сделав несколько глотков, женщина привстала и, едва касаясь птицы, провела ножом вдоль ее туловища. Сработала магнитная защелка, и умелые руки легко сняли белоснежную шкуру с перьями с ее хозяйки, открывая доступ к жареному мясу.

– У, вкуснотища какая! – Харк от удовольствия даже потер руки.

Через час, под тосты, шутки, анекдоты и остальной ничего незначащий треп редкая птица по частям перелетела в желудки людей.

Размякший политик откинулся на спинку кресла.

– Фу, надо себя сдерживать в пище, а то разнесет, и перестану нравиться избирателям.

– А что для тебя важнее, нравиться избирателям или мне?

– Весса, и ты еще спрашиваешь? – мужчина потянулся к женщине. – Я жду десерта.

– Будет тебе десерт, будет. Не волнуйся, мой Ландик. Но давай не будем спешить. У меня есть кое-что еще для нашей культурной сегодняшней программы.

– Да? И что же?

Ни слова не говоря, Весса вышла из-за стола. Высоко подняв руки вверх, она хлопнула в ладоши. И тот час же гостиная погрузилась в темноту. Но вот в ее углах вспыхнули небольшие прожектора: красный, зеленый, синий, желтый. Их лучи скрестились на стоящей женщине. Еще один громкий хлопок и легкий халатик скользнул вниз. Заиграла медленная, томная музыка. И известная телеведущая, журналист, писательница, плавно выгнувшись назад, коснулась руками пола. Харк, как зачарованный не сводил с нее глаз. Толчок и женские ноги взмыли вверх. Разноцветные блики света играли на вытянутом, как струна, женском теле. Роскошная копна волос черным потоком спадала с головы и растекалась по полу. Лидер оппозиции издал какой-то булькающий звук. Весса, стоя на руках, медленно повернулась к нему лицом и еще медленнее развела ноги. В темноте комнаты в пульсирующем свете четко выделялся Y-образный силуэт, который стал медленно вращаться вдоль своей оси. И вновь потрясенному Харку открылись прекрасные женские ягодицы, ровная спина с вздувшимися буграми мышц. Женские ноги медленно сомкнулись, быстрое движение и Весса, кувырком через голову, оказалась у ног мужчины. Еще мгновение и вновь упоительное раздвижение женских ножек в шпагат.

– Возьми меня, – выдохнула женская грудь…

Они долго лежали на ковре, отдыхая.

– Ты была великолепна, – мужчина потянулся и поцеловал женщину в ушко.

– Ты тоже был великолепен. Но я жду теперь твой номер для нашей культурной программы.

– Мой? – политик был явно озадачен.

– Никогда не поверю, что у моего Ландика нет в запасе какого-нибудь увлекательного зрелища. И я даже знаю какого.

– Какого? – механически спросил Харк.

– Редкого, которого никто не видел, и если бы его показали по ТВ, то я уверенна, оно бы установило рейтинг просмотра на долгие годы вперед.

– Ты имеешь ввиду… – политик смутно начал догадываться, о чем идет речь.

– Запись твоего с Сарбом обращения к нации, где Сарб признает, что этому дикому челу в голову всунули дезинформацию про операцию по освобождению Гамеда, – А'Весса Лам не стала заставлять известного политика, принявшего изрядно на грудь, напрягать свои извилины.

– Но…но у меня ее здесь нет! – Харк похоже даже обрадовался такому обстоятельству.

– Теперь я понимаю, на каком месте я у тебя, – женщина сделала движение, чтобы встать с ковра.

– Подожди, не злись, – мужчина не дал Весе подняться. – Я понимаю тебя, ты журналист, писательница, телеведущая, в конце концов. Для тебя информация – это воздух, без которого ты не можешь жить. Но пойми, эту информацию ни в коем случае нельзя обнародовать. По крайней мере, сейчас.

– Ты что, считаешь меня дурой? Естественно, я все это понимаю. Но посмотреть все равно очень хочется! Ну, Ландик, милый.

– Но она действительно не здесь. Ведь если это все с челом провокация и Сарб доберется до этой записи, мне конец. Она у надежного человека, который передаст ее на телевидение, если со мной что-нибудь случиться.

– А на часик у этого человека можно взять эту запись, – Весса просяще посмотрела на мужчину.

– Ну хорошо. Но только на один час!

– Ландик, я тебя люблю!

С трудом поднявшись с пола, шатаясь, Харк добрался до телефона. Нажал кнопку связи с охраной.

– Кунни, сейчас поедешь в то место, куда мы ездили с тобой дней десять назад… да, туда и попросишь хозяина дать тебе сейф, который я ему оставил. Я ему сейчас перезвоню. Все, действуй, – мотнув головой, хозяин дома нажал еще несколько кнопок на телефоне. – Привет. Узнал? Сейчас к тебе приедет мой охранник, дашь ему ту штуку, что я у тебя оставил. Нет, через час я тебе ее верну. Так надо. Ничего не случилось. Просто мне она сейчас нужна. Через час я тебе ее верну. Все. Пока.

– Сейчас привезут, – хозяин дома повернулся к Вессе.

– Кстати, а что с тем челом?

– Не знаю. Я несколько дней назад, при случае, спросил у Сарба. Он дал понять, что все идет по плану, и чтобы я не волновался.

– Ну-ну.

Через сорок минут Харк уже вытащил черный квадратик карты памяти из миниатюрного сейфа, способного хранить свое содержимое в течение двух часов при внешнем воздействии в две тысячи градусов, и вставил в телевизор. Зажегся экран.

– Я, О'Санни Харк, председатель партии «Справедливость и порядок» и бригадный генерал О'Локки Сарб, директор Службы Государственной безопасности, понимая всю значимость для Содружества планеты Эльдурей, совместно разработали операцию, одобренную господином Президентом Норком, по дезинформации нашего противника относительно наших планов по освобождению этой планеты, – раздалось в темноте гостиной.

«Совместно разработали… Сарб предложил, а я… согласился…, – звуки из телевизора становились все тише и тише, глаза слипались, – … А в благодарность за это я должен его назначить Верховным Адмиралом нашего Объединенного Флота и Вице-президентом страны, – еле

слышно донеслось до Харка с экрана телевизора, – шиш тебе, а не Верховный Адмирал… – мужчина громко захрапел.

– Ландик, милый, тебе плохо? – как-то сразу отчетливо донесся до Харка встревоженный голос Вессы, выдергивая его из сна.

– По-моему. Я заснул…

– Еще как заснул! Такого богатырского храпа я еще никогда не слышала.

Мужчина посмотрел на выключенный телевизор.

– А запись, что, закончилась? Ну и как, понравилась?

– Еще бы! Обязательно вставлю сходную ситуацию в свой новый роман.

– Ну-ну, – Харк поискал глазами пульту управления телевизором.

«Нет, надо прекращать такие культурные программы с Вессой. Так и спиться недолго».

– А где пульт?

– Ты хочешь еще раз посмотреть? – Весса улыбаясь, протянула хозяину дома небольшой черный прямоугольник.

Не говоря ни слова, мужчина включил телевизор. И вновь лидер оппозиции при помощи Сарба с экрана телевизора убеждал кроков, что ради благоденствия Отчизны он готов поступиться президентским креслом. Харк и сам не знал, что заставило его вновь посмотреть на запись. Вессе он доверял полностью, и у него даже мысли не было, что с записью может что-то случиться. Это был чисто инстинктивный импульс, сродни врожденному инстинкту самосохранения. Уж слишком многое для Харка эта запись значила.

Облегченно вздохнув, хозяин дома вытащил карту памяти из телевизора, и вновь спрятав в сейф, вызвал охранника.

– Кунни, теперь отвези это назад.

Едва за тем закрылась дверь, как Харк ощутил на своей шее сочные женские губы.

– Я хочу отблагодарить тебя за доставленное удовольствие.

«Нет, от культурной программы отказываться не стоит, разве что сократить спиртное, – мелькнуло в голове лидера оппозиции, прежде чем мягкие влажные женские губки медленно опускающиеся по его телу, окунули его в омут чувственных наслаждений, – чуть-чуть сократить…»

Глава партии «Справедливость и порядок», очевидно, мгновенно вынырнул бы из этого сладкого омута, если бы ему кто-то сказал, что запись, которую он только что смотрел с Вессой, использовать для еще одного показа не получится. Отключенный на каких-то десять минут легким снотворным, Харк не видел, как его любимая женщина, вытащив карту памяти из телевизора, на несколько секунд положила ее в небольшое красное устройство, внешне похожее на коробочку для драгоценностей. Нет, она этим не уничтожила запись. Просто «умная» коробочка подсадила на карту памяти еще более «умную» программу, которая удаляла запись, после первого же ее просмотра. Бригадный генерал Сарб здраво рассудил – перед показом на телевидении, запись обязательно раз, да просмотрят. Блестящая со своим заданием справилась, как всегда, блестяще.

Директору Службы Государственной безопасности О'Локки Сарбу не пришлось прилагать никаких усилий, чтобы завербовать А'Вессу Лам. Пять лет назад уже довольно известная журналистка сама предложила его ведомству свои услуги. Бригадный генерал, естественно, согласился. Особых условий А'Весса не ставила. Умная, расчетливая женщина отлично понимала – чтобы приносить максимальную пользу Службе Государственной безопасности, она должна быть весьма популярной личностью. Это открывало бы для нее двери в кабинеты к любым известным и влиятельным людям. И под видом журналистского расследования позволяло бы узнавать многие, весьма интересные для государственной безопасности факты. А наиболее быстрый путь к популярности – это телевидение. Понимал это и Сарб. Поэтому неуди-

вительно, что за эти пять лет А'Весса Лам сделала феерическую карьеру – стала ведущей очень популярной телевизионной программы, за свои блестящие статьи, посвященные войне между кроками и челами, она стала лауреатом нескольких престижных премий, журнал «Мир и мы», который она основала, стал самым популярным изданием такого рода. Природный талант, помноженный на возможности и поддержку Службы Государственной безопасности – еще удивительно, как Весса не сама возглавила оппозиционное движение.

Сарб Вессу не напрягал и конкретных заданий не давал. Пару интересных сведений об известных людях в месяц и достаточно. И роль любовницы главы крупнейшей оппозиционной партии О'Санни Харка она у Сарба выпросила сама. Сама же и разработала довольно рискованную операцию по знакомству с ним. Весса била по сердцу известного политика, что называется, дуплетом. Красивая, известная женщина, да еще его спасшая – никакой бронежилет от такого выстрела не спасал. И неудивительно, что опытный, прожженный политик влюбился в молодую женщину по уши.

Целый месяц на специально оборудованном полигоне известная журналистка под руководством опытных инструкторов отрабатывала рискованный маневр – торможение миниатюрной «Кареной» несущегося ей в лоб тяжелого « Ланда». Правда, миниатюрным автомобильчик журналистки казался только внешне. Специалисты из ведомства Сарба значительно утяжелили его, под капот всунули движок раз в пять мощнее предыдущего. Так что, когда «Ланд» и «Карена» сошлись лоб в лоб, радиатор в радиатор, это был бой равных соперников.

Чтобы вывести Харка на А'Вессу Лам люди Сарба поработали и над автомобилем известного политика – в нужным момент у «Ланда» отказали тормоза. Самое сложное было заставить стадо гарнов заманить Харка на нужный спуск к реке. Пришлось пятнадцати животным – почти трети стаду вживлять в мозг специальные чипы, позволяющие в нужный момент управлять волей животных. А опытный оператор просто талантливо сыграл белогрудым самцом-гарном (кстати, белое пятно на груди животного также нарисовали люди Сарба), дразня Харка и ловко уклоняясь от его выстрелов.

Все было разыграно как по нотам, и вскоре Сарб мог со знанием дела обсуждать не только мысли известного политика, но и самые интимные моменты его поведения. Харк перед Сарбом предстал, что называется, не только без штанов, но и остального белья под ними.

На следующее утро, когда Харк отсыпался после культурной программы, адъютант доложил Сарбу:

– Блестящая передала, что статья откорректирована.

– Спасибо.

– И все же, я настаиваю на рейде на Гамед. В случае его успеха, мы сами, наконец, сможем производить гиперпространственные двигатели, а значит и звездолеты. И тогда пропадет необходимость атаковать хорошо защищенные космопорты кроков, теряя людей и те же звездолеты, – произнеся эти слова, Главный Командор фролов Матрул ДарВул промокнул лоб платком, затем, чуть подавшись вперед, оперся кулаками об стол, скомкав в один из них платок.

В зале заседаний Верховного Совета Достойных на миг повисла тишина. Уж слишком страстной была речь ДарВула. Глава Верховного Совета Варзарул СакТардол чтобы не встречаться взглядом с Главным Командором склонил голову и рассматривал свои пальцы.

Тишину прервало тихое покашливание. Все посмотрели на Главного Судью Руфи Сак-Вока. Откашлявшись, он не спеша спрятал белоснежный носовой платок во внутренний карман желто-зеленого хитона – официальной одежде членов Верховного Совета Достойных.

– Тут уважаемый ДарВул произнес хорошие, точные слова: «хорошо защищенные космопорты кроков». Но ведь Гамед защищен еще лучше! Не хуже, чем Вальта, где кроки собирают свои звездолеты. Так почему Главному Командору не предложить рейд на Вальту? В случае

успеха у нас будут новенькие звездолеты, а тут надо сначала сделать гиперпространственный двигатель, потом звездолет. И не факт, что наши ученые и инженеры с этим справятся.

– Вальту еще надо захватить. А это даже не космопорт, – не поднимая головы, произнес Глава Совета.

– Вот именно! Это же касается и Гамеда, – воодушевленный поддержкой СакТардола продолжал Главный Судья, – мы просто потеряем людей и звездолеты, которых у нас и так не очень много. Неужели это не понятно уважаемому Главному Командору? Или эту операцию следует рассматривать в контексте предстоящих перевыборов Главного Командора? – маленькие серые глазки Главного Судьи насмешливо смотрели на Матрула ДарВула.

«Что ж, за все надо платить. А за наслаждение зрелищем валяющегося у ног своей дочери сына главного своего политического противника нужно платить вдвойне. Оно того стоит! Ты же, Матрул, во время проведения Праздника Любви все для себя решил, чего же ты жмешься и подбираешь слова?» – и главный Командор, еще раз вспомнив гордо поднятые вверх руки дочери, а у ее ног, под помостом, валяющегося сынка СвкВока, широко и открыто улыбнулся.

И продолжая улыбаться прямо в эти насмешливые серые глазки, он громко, уверенно заговорил:

– Неужели не понятно Главному Судьи, что рейд на Вальту и рейд на Гамед – это две большие разницы. Для успеха на Вальте нам необходимо точно знать, когда будут завершены ходовые испытания какого-нибудь звездолета. В противном случае мы будем там слишком рано, и звездолет будет просто не готов или в него еще не загрузят топливо, либо слишком поздно, когда он просто улетит с Вальты. А узнать точно этот день не представляется возможным. Близко к этой планете кроки не подпускают, поэтому детальная техническая разведка исключена, а агентурной у нас нет. А про Гамед мы твердо знаем – раз в десять дней оттуда уходит звездолет в сторону Вальты. Нетрудно догадаться, что у него на борту. Но не это главное, – ДарВул еще шире улыбнулся, – в случае успеха нас ожидает всего один лишь звездолет, пускай и новый. А после рейда на Гамед мы можем построить десять звездолетов! И звездолетов, которые нам нужны, а не которые мы захватим. Звездолетов, учитывающих специфику наших боевых действий. Для уважаемого Главного Судьи я уточню в чем она состоит, – Матрул ДарВул вдруг почувствовал давно не испытываемый им азарт, азарт командора крейсера, бросающего свой корабль в атаку и распарывающего ненавистного крока своими лазерными пушками главного калибра. – Наши крейсера должны быть симбиозом крейсера и транспортного корабля, чтобы в него свободно, со всем вооружением вмещался полновесный дистрикс, все пятьсот человек. А не так как сейчас, когда в жилом отсеке люди сидят друг у друга на головах, а часть людей находится в коридорах. И это при гиперпространственном переходе! Неудивительно, что три процента людей мы калечим при этом. Кроме того, необходимо обеспечить скоростной спуск корабля с орбиты и подъем на нее. А для этого необходима более мощная тепловая защита. В отличие от кроковских звездолетов, наши должны иметь….

– Достаточно, уважаемый ДарВул, – прервал Главного Командора Глава Совета СакТардол, – все присутствующие уже поняли, что в перспективе наши звездолеты должны отличаться от кроковских. Но речь сейчас идет о другом – совершать рейд на Гамед или нет.

– Разрешите еще раз мне, уважаемый Глава Верховного Совета Достойных, – Руфи СакВок, казалось, с трудом оторвал взгляд от ДарВула, чтобы почтительно посмотреть на СакТардола.

– Конечно, уважаемый Главный Судья.

СакВок вновь перевел взгляд на своего оппонента. Теперь его глаза были отнюдь не насмешливы. Теперь на Главного Командора смотрел холодный, расчетливый противник, желающий его уничтожить, а потому не позволяющий себе каких-либо эмоций.

– Я, может, предвосхищаю события, и все же я вкратце хотел бы ознакомить присутствующих с разработанной, в том числе и мной, стратегией взаимоотношений с кроками. Правда,

многие члены Совета ее отлично знают, так как вместе со мной принимали участие в ее разработке. Суть этой стратегии – рейды против кроков следует прекращать, как малоэффективные, приносящие больше вреда, чем пользы.

– И что вместо них? – спросил ДарВул, хотя уже отлично знал ответ на этот вопрос.

– На первом этапе вооруженное перемирие.

– А на втором?

– А на втором, уважаемый Главный Командор, установление дипломатических отношений с кроками и начало взаимовыгодного сотрудничества.

«Как он еще не сказал пока еще Главный Командор», – подумал ДарВул, а вслух коротко сказал:

– Это измена.

– И в чем же эта измена состоит? В том, что я предлагаю остановить бессмысленную гибель наших пилотов и десантников, составляющих цвет нашей нации? Или в том, что средства, идущие на эти рейды направить на развитие экономики, науки, на социальные нужды, в конце концов. Известно ли уважаемому ДарВулу, что средняя продолжительность жизни фрола составляет девяносто восемь лет, а крока, в пересчете на наши года, сто двенадцать? Так в чем же измена?

– Измена всему левостороннему сообществу цивилизаций.

– То есть челам, – последнее слово Главный Судья буквально выкрикнул. – А чем эти челы нам так существенно помогли, а? Прислали с десяток старых звездолетов, да несколько сотен костюмов десантников. А мы за это, получается, должны посылать на смерть наших лучших парней. Так?

– Нет, – спокойно ответил Главный Командор.

Он уже полностью успокоился и хладнокровно продумывал свои слова, как когда-то также хладнокровно рассчитывал маневр, чтобы выйти в корму кроковскому крейсеру:

– Мы посылаем своих замечательных ребят в бой с кроками не потому, что чем-то обязаны челам. Мы посылаем их в рейды, потому что кроки наши враги. И они никогда не станут нашими друзьями, они всегда будут стремиться нас уничтожить. Всегда. Даже тогда, когда, может быть, будут изображать из себя наших партнеров. Это закон! Левосторонние и правосторонние цивилизация всегда будут врагами, всегда будут стремиться уничтожить друг друга. И это надо помнить. Разрабатывая рейд на Гамед с целью захвата эрцерия, я, кроме всего прочего, хотел дать импульс нашей науки. Хотел, чтобы наши ученые, разрабатывая гиперпространственный двигатель, вновь поверили в свои силы и преодолели застой, который ныне царит в науке. Лишь только захватывая образцы чужих достижений, мы обречены всегда быть последними. И рано или поздно наши враги благодаря своей науке преодолеют защитный пояс, которым нас наградил Великий Мортон и тогда фроловской цивилизации наступит конец. Потому что противопоставить нам будет нечего, – ДарВул медленно обвел глазами присутствующих Достойных – членов Верховного Совета Достойных затем промокнул лоб платком. – И еще я хотел бы сказать, – голос Главного Командора стал чуть хриплым, – цивилизация, которая ради спокойствия и сытой жизни, хочет примириться, а может и как-то задобрить своего исконного врага, обречена. Так всегда было в истории и так всегда будет. И лишь те цивилизации, которые несмотря ни на что били своих врагов, жили долго. А обижаться, что челы нам мало дали…. Им самим несладко. Основные силы кроков направлены то против их. Мы сами должны бить нашего врага. Иначе, какая же мы великая цивилизация? А челы просто наши братья, которые дают, сколько могут и которые всегда нам будут ближе кроков. Просто потому, что они нам братья. У меня все, уважаемые члены Верховного Совета Достойных.

И вновь в зале заседаний повисла тишина.

– Пап, ну что? – дочь ворвалась к нему в кабинет. Именно ворвалась – двери рывком распахнулись настежь, а охранник, пытавшийся доложить о приходе Эльдиры, отлетел в сторону, из-за обрушившегося на него левого бедра пробегающей мимо девушки.

Матрул ДарВул кивком головы приказал охраннику выйти из комнаты.

– Утвердили, – наконец коротко сказал он.

– Ты у меня молодец, папка, – с радостным визгом дочь бросилась на шею отцу.

– Эй, эй, поосторожней, а то шею свернешь. А она мне еще ой как пригодиться. В рубке управления крейсерам знаешь, как иногда надо головой крутить, чтобы видеть все сразу мониторы?

– Какие мониторы, какой крейсер? – девушка разжала свои объятия и сделала шаг назад, заглядывая отцу в глаза.

ДарВул не стал больше темнить, а выложил все правду сразу:

– Эльдира, дочка, рейдом на Гамед руководить буду лично я.

– Отец… – Эльдира всегда, если не была с чем-то согласна с ДарВулом, называла его отцом.

– Если бы я не сказал, что лично буду участвовать в этом рейде, то его бы и не было.

В комнате повисла тягостная тишина. Девушка, опустив голову, о чем-то думала. Главный Командор подошел к окну и стал рассматривать знакомый пейзаж – раскинувшийся в долине огромный мегаполис. Через равные расстояния, как бы расчерчивая город на квадраты, высились куполообразные башни – площадки мощных лазерных установок. Фроловская цивилизация жила в постоянном ожидании кроковского вторжения.

– Я все поняла, – наконец произнесла Эльдира, – ты все правильно рассчитал. Многие Достойные и в том числе и этот Главный Судья, – лицо девушки скривилось в брезгливой гримасе, – считают рейд безнадежным, из которого никто не вернется. Поэтому Руфи СакВок и сам голосовал за него, и своих дружков попросил. Он мстит за позор сына на Празднике Любви. Лучше бы я вышла за этого Суфи замуж, – девушка тяжело вздохнула и, подойдя к отцу, прижалась к его спине.

Тот вздрогнул и, резко обернувшись, прижал девушку к себе.

– Дира, глупенькая, наоборот, это замечательно, что ты так поступила. Иначе я, наверное, никогда бы не решился на этот поступок. Так бы и цеплялся за свою должность, пока не получил бы пинка под зад от того же СакВока.

Отец и дочь еще несколько минут стояли, прижавшись друг к другу.

– Па, наконец, ты меня снова назвал Дирой, как в детстве. Ты так долго этого не делал…

– Действительно долго, – ДарВул еще крепче прижал Эльдиру к себе, – прости. Ну ничего, теперь исправлюсь. Вернусь с рейда, возьму отпуск и мы втроем: ты, мама и я куда-нибудь махнем, подальше от всего этого, – Главный Командор кивнул на окно за своей спиной.

– Па, а если ты… – дочь не договорила фразу.

– Вернусь, Дира, теперь я обязательно вернусь. Я тебя еще замуж выдам, как и полагается порядочному отцу. Не отвертишься!

– Папка, ты только вернись! Тогда я выйду за любого, на кого покажешь.

– Ловлю на слове!

Радостное возбуждение, охватившее отца и дочь, быстро спало. Слишком велик был риск для ДарВула погибнуть, не вернуться с рейда. И это холодной рукой сжимало их сердца.

– Когда рейд?

– Через пять дней. У меня, в принципе, все готово. Я давно задумал этот рейд, собирал сведения о Гамеде. Да и чем раньше, тем лучше. А то еще отменят, – мужчина иронично усмехнулся. – А теперь иди. Мне надо еще все же многое сделать. И вот еще что, – ДарВул на мгновение замялся, – ты матери пока ничего не говори. Я ей сам скажу, когда нужно будет.

– Хорошо, папа, – склонив голову, девушка вышла из кабинета отца.

«Что ни говори, а пребывание на руднике кроки постарались сделать максимально комфортным, – Андрей Кедров лежа в кровати, обводил глазами комнату. – Как гостиничный номер на двоих в нашей гостинице. В хорошей гостинице. Две удобные широкие кровати, белье меняется каждый день. На стене панель телевизора и не какой-то там кухонно-миниатюрный вариант, а с диагональю в метр. К нему даже есть игровая приставка с кучей игр. В одну он уже сыграл – гонялки на машинах. Ничего, увлекательно. И машины почти как земные. Разве что не хватает на них логотипов известных марок. Да, сюда вездесущий «Мерседес» еще не добрался. Но это, дело времени, – Андрей грустно усмехнулся. – Очень далекого времени, сливающегося с бесконечностью. Боюсь, что тогда и «Мерседеса» не будет. Ничто не вечно под луной, а уж тем более какой-то там навороченный автомобильный брэнд, – землянин еще раз вздохнул и продолжил осматривать уже привычный интерьер. – Санузел вообще мечта поэта, одно загляденье. По крайней мере, на Земле я в таком не бывал. Унитаз: сел, сделал дело, кнопку нажал, встал. Все. Даже, пардон, подтираться не надо. И через полминуты это кроковское чудо и морально, и технически готов к приему следующего посетителя, точнее его задницы, – российский офицер весело хмыкнул. – Ванна большая, с гидромассажем. А если хочешь, то нажимаешь специальную кнопочку, и воздух становится как в хвойном лесу – сосной пахнет, травками всякими. Не портит впечатление даже какой-то чуть сладковатый запах, не свойственный земному лесу. Надоел лес, нажимаешь другую кнопочку и пахнет почти что ночными фиалками. И кнопочек таких пятнадцать штук. И это не считая десяти вариантов работы гидромассажа. Нет, совсем неплохо здесь все кроки устроили».

– Умиляешься кроками? – его напарник по работе и сосед по комнате Люртар Пардараштан, сидел на своей кровати, свесив ноги на пол.

– Лю, я уже не раз замечал, что ты умеешь читать мысли. Или все челы обладают такой возможностью, кроме таких недоразвитых как я?

– Не прибедняйся. Освоил комбайн лучше всех. Больше всех руды добываешь. Как там у Вас говорят – рубишь уголек во славу кроков.

– Ни во чью славу я не рублю, – раздраженно отмахнулся Кедров, – просто… просто так получается. Да и ты вроде тоже в том же комбайне сидишь. Вот и говори мне: «Хватит, Бахруд. Норма есть».

Лю ничего на это не ответил, только улыбнулся мельком и неопределенно пожал плечами.

И вновь у землянина создалось впечатление, что напарник читает его мысли и отлично понимает, что скрывается за его почти детским: «Просто так получается». Впрочем, ничего определенного Лю в голове Андрея прочесть не мог. Потому что тот и сам ничего определенного пока не задумал. Было лишь огромное желание вернуться домой, на Землю. Но для этого, для начала нужно было как-то вырваться с тщательно охраняемого рудника, а дальше с еще более тщательно охраняемого Гамеда. Как? Вот этого российский десантник не знал.

«Пока не знаю, – успокаивал себя Андрей и зло щурил глаза и покусывал губы.

Но на всякий случай Кедров решил хорошо зарекомендовать себя в глазах кроков. Мало ли что. Каши маслом не испортишь. Землянин точно знал, что чем хуже к тебе кроки относятся, тем меньше шансов на побег.

«А наоборот? Посмотрим».

– А то, что ты сейчас умилялся кроками, не трудно было догадаться, – продолжал разговор напарник Андрея. – Обводишь комнату глазами, сжимаешь губы, то грустно, то весело улыбаешься, будто что-то вспоминаешь и сравниваешь.

– А откуда ты знаешь, что если я сжимаю губы, то я что-то вспоминаю и сравниваю?

– А все люди так делают. И на какой планете, в каком созвездии живет человек особого значения не имеет. Анатомия и физиология то у всех сходная.

– Ага, особенно у кроков, с их правозакрученной спиралью ДНК.

Лицо Лю из добродушного сразу стало нахмуренным.

– И, тем не менее, если не считать этих спиралей, кроки и челы практически неотличимы друг от друга. Даже фролы, с их левой спиралью ДНК сильнее отличаются от нас, чем кроки, – наконец проговорил он.

– А эти, как их, ну еще одна цивилизация есть, – Андрей нахмурил лоб, вспоминая свой разговор с Бахрудом Бранулом в кроковском “СИЗО”.

– Мнемы, – подсказал Лю.

– А у них спираль куда закручена?

– Мнемов никто в глаза не видел. Поэтому, куда закручена у них спираль, никто не знает.

– А может это легенда?

– Может, – задумчиво ответил Лю.

«А насчет чтения мыслей он так прямого ответа не дал. По губам он догадался. Я, когда немного злюсь, между прочим, тоже губы сжимаю. А когда сильно – разжимаю в улыбке».

– И обстановка тут самая заурядная. Просто для тебя она кажется роскошной, потому что ты… – Лю запнулся, подбирая слова.

«Ошейник» Андрея умолк, терпеливо дожидаясь новой порции информации, которую нужно так «переварить», чтобы у хозяина не случилось несварения – чтобы он все понял.

– Жил в недоразвитой цивилизации, – землянин решил прийти на помощь своему более развитому соплеменнику.

– Если человек пользуется навороченным унитазом, с квадросистемой и подогревом, это еще не означает, что он умнее и вообще лучше того, который…

– Ходит в деревянный сортир в углу огорода с выгребной ямой и доской, с дыркой посередине, – с веселой иронией закончил землянин.

Напарники взглянули друг другу в глаза и рассмеялись.

– Я таким чудом ассенизаторского искусства пользовался до семнадцати лет, пока жил у матери в деревне, – пояснил Андрей и тут же осекся – вряд ли даже на какой-нибудь отсталой человской планете существуют подобные туалеты.

– Бахруд, уже давно замечено, что с техническим развитием цивилизации, нравственные качества человека не улучшаются. Я бы даже сказал, что наоборот, ухудшаются, – Лю не обратил никакого внимания на последние слова своего напарника.

– Это точно, – Кедрову вспомнились последние «достижения» земного человечества – концлагеря с газовыми камерами и крематориями, атомные бомбардировки и напалм.

«Да, кроманьонец, разбивавший черепушку своего собрата каменным топором был куда гуманней своего далекого потомка, который придумал столько способов умерщвления себе подобных, будто этим только и занимался на протяжении веков. А в принципе, так оно и было».

– А кроки преследует вполне прагматичные цели. Чем дольше мы здесь находимся, тем больше этого тардиса мы добудем.

– Лю, да все я отлично понимаю. Просто непривычно и все.

– Даже покидать такое уютное местечко не хочется, – Лю рассмеялся, не сводя глаз с Андрея. – Ну да ладно, не дожидаясь ответа, продолжил он, давай спать. Через восемнадцать гамедских часов мы дожны сидеть в комбайне.

– Давай, – Андрей нажал кнопку на прикроватной тумбочке.

«И все же этот чел мысли умеет читать, как бы он мне зубы не заговаривал. Интересно, а мысли кроков он тоже умеет читать? Было бы неплохо. Было бы неплохо, если бы мы вместе совершили побег. Вдвоем всегда легче бежать, чем одному. Мировая практика побегов свидетельствует. Напарник спину прикроет, поможет через препятствие перелезть. Да и охранников вдвоем легче нейтрализовать, чем одному. Эх, побег…Земля… Господи, как бы я хотел променять этот роскошный унитаз на сортир в мамином дворе…Мама… – ком подкатил к горлу. – Как ты пережила известие о моем исчезновении. Единственный сын, единственная опора и

бесследно исчез. Или что там наговорило мое начальство. Надеюсь, не прислали запаянный цинковый гроб с землей внутри. С наших генералов станется, – при мысли о «родных отцах-командирах» ассоциативно вспомнился родной российский бардак.

«Такая страна, такие возможности, а у солдата сортир не намного лучше, чем у мамы в деревне. Зимой, пока оправишься, закоченеешь. А летом, семь ручьев выплачешь. Что-что, а хлорки для этого дела не жалеют. И так во всем, куда не кинь взглядом. А у кроков пятнадцать разных ароматов и десять программ для гидромассажа. Для зеков, каторжан. Какая страна, такие и сортиры! – Андрей иронично улыбнулся. – Ничего, зато люди закаленными получаются. Случись атомной войне, русские погибнут предпоследними, перед тараканами. А может и последними. Тараканов цивилизация разбаловала. А если так, то я просто обязан вернуться на Землю и обнять маму. Обязан, – землянин резко, махом перевернулся на другой бок.

Жалобно скрипнула кровать.

«Черт, Кедров, держи себя в руках. С такими нервами, ты разве что до ближайшего крематория доберешься, а не до Земли, – землянин, как его учили в десантном институте, замедлил дыхание, чтобы успокоиться. – Интересно, а мой напарник знает о моих треволнениях? Должен знать. Как он меня только что подковырнул, насчет нежелания покидать этого уютного местечка. Точно мои мысли прочел о побеге. А сам он не желает покинуть это теплое место? Надо бы его прощупать на эту тему, – Кедров взглянул темноту, в ту сторону, где стояла кровать с Лю. – Только как? Все мыслимые и немыслимее места тут, на Гамеде просматриваются видеокамерами. «Ошейники», как пить дать, «стучат» своим хозяевам, так что не поговоришь. Стоп. Если он читает мысли, а это так, то он в этот миг должен знать, что я хочу его «пробить» насчет побега. И что? – из темноты раздавалось спокойное дыхание ровное дыхание Лю. – Черт его поймешь. Не хватало еще храп услышать, как звуковое «подтверждение» моей догадки. Может, когда спит, он мысли не читает. Я когда сплю, не слышу же, что рядом говорят. Если конечно не орать. А если мне «поорать»? – Кедров вновь пристально начал всматриваться в спокойно дышащую темноту и что есть силы «орал» про себя – я хочу бежать отсюда. Ты пойдешь со мной?

Из темноты все также доносилось ровное спокойное дыхание.

«Ладно, утро вечера мудренее. Посмотрим».

Звонок подъема, как всегда, прозвенел ровно в десять по местному времени.

Андрей и Лю встали с кроватей одновременно.

– Привет! Как спалось? – глаза чела смотрели на землянина весело, чуть прищурившись.

«Нет, точно читает мысли. Читает и все тут».

– Привет. Да так, можно считать, что нормально.

– Сегодня ты идешь первым в душ, – все тот же веселый с прищуром взгляд голубых, как земное небо глаз, которые никогда его не видели.

– Я не против.

Как только люди приняли душ, снова звякнул звонок – завтрак. Из специальной ниши в стене выдвинулся поднос, уставленный тарелками с едой и двумя стаканами с красным напитком.

Андрей Кедров уже привык к здешней пище. Кроки, работающих в руднике людей, разнообразием блюд особенно не баловали. Сытно, полезно, есть можно? Ну и хватит. Не вип-персона, в плену, чай.

Первое блюдо обычно представляло собой, что-то похожее на густой земной бульон, только с более острым вкусом и запахом, отдаленно напоминающим клубнику. Второе блюдо было похоже на пудинг, чуть более плотный, чем земной. Вкус варьировался от, можно сказать, никакого, до весьма острого, сильно похожего на баранину. На третье подвали неизменную кисловато-сладкую жидкость. Температура – чуть теплая. Зато ее цвет варьировался от фиолетового до красного, не пропуская ни одной природной масти. Впрочем, после каждой смены

кроки присылали две банки барлока – слабоалкогольного, градусов пять, напитка, типа пива. Хочешь, пей сразу, хочешь, поставь в небольшой холодильник и растягивай удовольствие до следующей смены. Правда, перед самой сменой побаловать себя не удастся. Банка, куда был налит барлок, была с секретом. За некоторое время до начала смены она закрывалась и ни капли напитка с нее вытрусить не удавалась. Причем время закрытия определялось объемом оставшейся в банке жидкости, чем меньше оставалось барлока, тем раньше закрывался «магазинчик».

Завтрак прошел молча. Через час людей ждала тяжелая, смертельно опасная работа – чуть зазеваешься, даже не зазеваешься, просто вовремя не почувствуешь серую волну и все, через секунду получишь в себя узконаправленный луч в десять тысяч рентген. Поэтому люди старались понапрасну не расплескать ни капли той энергии, которую накопили за время отдыха. Старались настроиться на необходимый ритм – предельная собранность, разгребание всех мысленных завалов, стоящих на пути между сознанием и подсознанием. Голова должна быть пуста, чтобы уловить тот незначительный электрический импульс, слабый голосок, шепот подсознания, предупреждающий о смертельной опасности. Иначе – смерть.

– Ну что, по коням? – Андрей вытер салфеткой губы и вопросительно посмотрел на своего напарника.

Предстояло еще надеть защитные костюмы, проверить их на герметичность, проверить зарядку их аккумуляторов, наличие аварийного запаса воздуха и так далее и такое прочее. Гамед был слишком опасной и коварной планетой, чтобы предоставлять ему хоть малейший шанс расправиться с тобой.

– По коням, – Лю встал из-за стола. – Как там у вас говорят на Земле, что наша жизнь? Игра.

– Да, и не всегда ты в ней выигрываешь.

– Я тут у этих кроков интересную игру нашел. Почти что тренажер для нашей работы. Нужно добыть побольше руды. Сыграем? Хоть эту то игру мы, надеюсь, выиграем.

– Прямо сейчас? – Андрей недоуменно смотрел на своего напарника. Что за блажь перед самой работой.

– Ну, как хочешь, можно и отложить. А жаль, уж очень интересная игра, – Лю взял в руки игровую приставку и нажал кнопку.

Тот час же на стене над дверьми вспыхнул экран телевизора.

«А он случайно того, не тронулся?», – землянин все с большей тревогой смотрел на странно ведущего себя чела.

– Лю, а ты… как себя чувствуешь?

«Господи, более глупого вопроса и придумать было нельзя», – Кедров смущенно посмотрел на напарника.

Тот лишь улыбнулся и направился в двери.

«Ну вот, обиделся».

– Лю, ты меня извини, я… – договорить, объясниться российский офицер не успел. В поле его зрения оказался экран телевизора, на котором стройными рядами выстроились комбайны. Оставалось нажать лишь кнопку, чтобы запустить игру, бросить виртуальные механизмы в бой с виртуальной рудой. Но Андрей сейчас ни за что бы в жизни не нажал эту кнопку. Он даже не сразу осознал увиденное. И лишь через секунду мозг справился с, общем-то, простой задачей. В телевизоре, во весь экран крохотные комбайны образовали надпись: «Пойду», на русском…

Серую волну они почувствовали одновременно. Почувствовали – это означает, что неожиданно возникает ощущение, что на тебя кто-то пристально смотрит, появляется какая-то неприятная пустота в желудке и общее ощущение дискомфорта. В обыденной обстановке,

человек просто оглянется вокруг, может поморщиться или инстинктивно ускорит шаг, а то и просто отмахнется. Но не на Гамеде. Резкий удар по большой зеленой кнопке – и из нескольких сопел, расположенных по периметру транспортера бьют мощные сверхзвуковые струи аммиака, способные уничтожить зарождающуюся серую волну в радиусе шестидесяти метров – эмпирически, стоившее жизни десяткам людей, определенное расстояние, за которым серая волна не атакует.

Еще больше жизней забрала разработка способа борьбы с этим беспощадным, таинственным убийцей. В конце концов, родилась пневмопушка, бьющая мощной сверхзвуковой струей. Стремительно сгущающуюся в плотный комок пыль просто так не разгонишь. Это вам не лесной предрассветный туман, а своеобразная конструкция рентгеновского лазера с ядерной накачкой! Между стремящимися друг к другу частичками пыли возникает какое-то мощное поле, которое можно преодолеть, лишь хлестнув мощной сверхзвуковой струей газа.

Емкости баллонов пневмопушек хватало на пять залпов подряд. Дальше требовалась перезарядка – включался мощный компрессор, жадно всасывающий и вминающий аммиак – воздух Гамеда в опустевшие баллоны. Пять минут. Или минуту на залп – арифметика проста. И в это время люди и техника была беззащитны. Работающие в рудниках люди эту минуту называли время для молитвы. И действительно, оставалось молиться своему богу и уповать на него же.

Извне послышался легкий хлопок. Аммиачный ураган, выплюнутый соплами, преодолел звуковой барьер. А звукоизоляция кабин отсекала большую часть децибел.

– Где была?

– По-моему сзади, – напарник Андрея Кедрова в своей кабине не отрывал взгляд от экрана монитора заднего обзора.

– Плохо. Мне тоже показалась, что она появилась сзади, – землянин двинул рычаг скорости от себя, ускоряя движение транспортера.

– Плохо, – согласился с ним Лю.

Плохо было вдвойне. Обычно серая волна почему-то атаковала спереди по ходу движения. Если это происходило, когда люди сидели в рудоуборочном комбайне, то это хоть как-то можно было объяснить. Спереди для этой машины – это то пространство, которое было между кабинами людей и фрезой, которая собственно и производила добычу руды. Здесь, естественно, концентрация пыли была максимальной, а, следовательно, и легче было появиться серому убийце. Но и когда люди ехали в транспортере, проклятие Гамеда тоже обычно появлялось перед ним. Если же таинственный убийца появлялся сзади, то это всегда означало одно – сегодня рудник особенно агрессивен к людям. Ну, а если атака происходила на транспортер, который только перевозил людей, а руду не добывал, то значит, сейчас рудник просто неистовствует, и не успокоиться, пока люди не отдадут ему очередную жертву. Здесь, на Гамеде никто не сомневался, что серая волна – это плоть от плоти рудника, а значит и всей планеты.

Все рудники на Гамеде, а их было пятеро, были устроены сходным образом. Там, где располагался рудник, на поверхности был лишь аэродром, с которого руда доставлялась на обогатительную фабрику, где из нее добывался бесценный эрцерий. От аэродрома была проложена короткая дорога, оканчивающаяся куполообразным сооружением, представляющим собой вход в тоннель. Непосредственно вход закрывался огромным стальным многотонным щитом. При необходимости щит сдвигался в сторону, и из-под земли вывозилась добытая руда. Через этот щит вниз, в рудник доставлялись необходимые машины, запасные части к ним, еда и воздух для людей. Люди в свой ад также попадали через этот вход. По периметру стальная плита ощетинилась десятками сопел, гарантирующими, что страшный серый убийца на поверхность Гамеда не попадет. За щитом в глубь планеты на пять-восемь километров шла штольня. На этой глубине, там, где добывался тардис, Гамед имел пористую структуру, напоминающую обычную мочалку, только несравненно больших размеров. Одна пора имела раз-

меры порядка трех-пяти километров длиной, полкилометра шириной и пятьдесят-семьдесят метров высотой. Перегородки между такими порами имели толщину двести-пятьсот метров. В этих перегородках, в виде включений и находился тардис – руда, которую добывали, и в которой находился эрцерий. Включения представляли собой пласты, обычно метровой высоты и трехметровой ширины, причудливо петляющие, словно пытаясь уйти от людей, в теле планеты.

Тардис добывали специальными комбайнами – мощное гусеничное шасси, на котором были установлены две одноместные кабины и многозвенный двухсот метровый манипулятор, оканчивающийся фрезой, примерно метрового диаметра. Ну и конечно пневмосистема – несколько расположенных по периметру корпуса комбайна сопел – пневмопушек, баллонов и компрессора, закачивающего в них аммиак. Энергией комбайн обеспечивал ядерный реактор. Манипулятор был выполнен в форме трубы, с установленным внутри транспортером. По этой трубе руда подавалась от фрезы в специальный контейнер, располагающийся в виде прицепа позади комбайна. Емкости контейнера хватало на смену – десять гамедских часов. После чего контейнер отстыковывался от комбайна и транспортером доставлялся на базу. Там из таких контейнеров формировался состав, который раз в гамедские сутки вывозился на поверхность, где его ожидал огромный транспортный самолет. Контейнера перегружались в него и доставлялись на обогатительную фабрику. Раз в десять суток с Гамеда обязательно стартовал звездолет в направлении Вальты, небольшой планете, крутящейся под одним солнцем с Арикдной – планетой-столицей кроковской цивилизации. На Вальте изготовлялись нуль-континиум генераторы – сердца гиперпространственного двигателя. На той же планете производилась сборка подавляющего большинства кроковских звездолетов. В частности, все боевые корабли собирались именно на Вальте.

На подземной базе, куда доставлялись бункера с рудой, располагалась и жилая зона для заключенных и охраны.

Работы на Гамеде велись круглосуточно. На транспортерах сменный экипаж рудоуборочного комбайна подвозил к нему пустой контейнер. Прибывший и сменяемый экипаж менялись местами, потом производилась перестыковка контейнеров. Далее сменившийся экипаж доставлял загруженный контейнер на базу.

Экипажи комплектовались исключительно челами и фролами. Кроки, осужденные на работы на рудниках Гамеда, были задействованы на базе. Они осуществляли техническое обслуживание комбайнов, тягачей и другого оборудования и за пределы обычно не покидали, также как и охрана рудника.

Тардис – руда в которой содержался драгоценный эрцерий, имела насыщенный голубой цвет. С видеокамер, установленных рядом с фрезой экипаж комбайна мог четко видеть, что он добывает в данный момент – тардис или пустую породу. Если тардис, открывалась заслонка и руда по транспортеру попадала в контейнер. Благодаря многозвенному механизму манипулятора, люди, управляя с комбайна, могли отслеживать пласт тардиса, следуя его причудливым изгибам на двести метров, то есть до выхода пласта в другую пору. Если длины манипулятора все же не хватало, то пласт «добивали», вгрызаясь в него с другой стороны, с соседней подземной пустоты.

Бывало, что сменный экипаж находил на месте проведения работ мертвых своих напарников и выведенный со строя комбайн – атака серой волны удалась. Радиосвязь с комбайнами в руднике часто нарушалась. Для ее осуществления в каждой поре устанавливалась ретрансляционная станция. И сигнал от комбайна эти станции передавали как эстафетную палочку, пока он не достигал базы. Но эти станции также подвергались атакам серой волны. Поэтому часто было непонятно, то ли экипаж подвергся атаке серой волны, то ли какая-нибудь промежуточная ретрансляционная станция. Если сигнал от того или иного комбайна пропадал, помощь его экипажу практически никогда не высылалась – людей не хватало и в девяноста случаях выяснялось, что повреждена какая-нибудь ретрансляционная станция.

В транспортере, в котором Лю и Андрей ехали к своему комбайну, воцарилась напряженная тишина. Рука Лю неподвижно лежала на большой зеленой кнопке, готовая в любой момент безжалостно вдавить ее, чтобы забушевал вокруг тягача сверхзвуковой аммиачный ураган.

После того, как Андрей Кедров прочел на экране телевизора, за сотни тысяч световых лет от Земли, от России слова на родном языке, он с изумлением посмотрел на своего напарника. Тот лишь улыбнулся и почти по гагарински сказал: «Поехали. Времени нет».

«Откуда он знает русский язык, буквы? Откуда? – человеческий мозг метался во все стороны, но стальное острие логики всюду натыкалось на такую же сталь стены, закрывающей истину. – Выучил? У кого? Кроки случайно обнаружили Землю во время своего рейда. Челы? Так те вообще о своих недоразвитых собратьях ничего не знают. Откуда?»

Размышления Андрея были прерваны.

– Бахруд, Лю, вы живы? – ожила рация голосом Рахада Дарбула – командира экипажа, который сейчас работал на комбайне.

– Вроде отстрелялись. Сзади напала.

– А у нас все пока спокойно. За смену ни одной атаки, – сдержанно призналась рация.

– Поплюй.

– Что-что, не понял?

– На моей планете так говорят, чтобы не накликать беду, – пояснил землянин.

– А-а-а, понятно. Так и сделаю. Только тебе придется вытирать мои плевки со стекла.

– Рах, а ты сначала отпусти щиток своего шлема, – тут же нашелся Андрей.

В эфире раздался смех.

Кедров увидел на своем мониторе внутренней связи, как недовольно поморщился Лю в своей кабине.

– Рах, конец связи. Через пятнадцать минут будем у Вас.

– Понял, ждем.

Всю оставшуюся дорогу Андрей и Лю не перемолвились ни словом.

«Черт, Лю прав. Во время такого трепа как раз наиболее удобно атаковать, человек отвлекается. И знаю об этом и все равно отвлекаюсь. Эх, русская душа», – Андрей сделал последний поворот, за которым открылось огромное пространство – подземная пора, освещенная яркими прожекторами, установленными по ее периметру через каждые сто метров. И все равно в огромном помещении царили сумерки – как никак почти пятьсот миллионов кубических метров без единого кванта своего света.

Примерно в километре от входа в пору ярким красным светом мигал проблесковый маяк комбайна.

– Рахад, Кармар, мы вас видим.

– Мы тоже, – немедленно отозвались в комбайне двумя голосами. В них чувствовалась неприкрытая радость и облегчение – смена подходила к концу. Через час они будут на базе, где можно сбросить с себя опостылевшие скафандры, принять ванну и вытащить из холодильника бутылочку барлока.

Андрей подвел транспортер к комбайну строго по инструкции – с левой стороны, на расстоянии полуметра. Кабины, как в транспортере, так и в комбайне представляли собой полусферы, выполненные из прозрачного специального стекла, стойкого к излучению. Поэтому люди между собой обменялись приветственными жестами.

Первым кабину по инструкции должен был покинуть Кедров. Он закрыл щиток своего шлема, еще раз проверил герметичность своего костюма – на внутренней стороны щитка ровным синим цветом светился небольшой синий кружочек, и открыл люк кабины. Сколько раз землянин проделывал эту операцию, но все равно, в момент открытия люка он инстинктивно задерживал дыхание. Легко выбравшись из кабины и перепрыгнув на комбайн, он подошел к

кабине, в которой сидел Рахад. Теперь те же действия предстояло выполнить командиру сменяемого экипажа. В это время оставшиеся сидеть в своих кабинах Лю и Кармар застыли в напряженных позах, пытаясь уловить момент зарождения серой волны.

Откинулся люк на кабине Рахара. Не теряя ни мгновения, он выбрался из него. Быстро хлопнув того по плечу, Андрей скользнул на освободившееся место.

– Чмок, – люк плотно сел на место. Тут же включилась установка, заменяя аммиак в кабине на воздух.

– Чмок, – Рахар уже занял свое место в транспортере.

Теперь попасть в комбайн предстояло Лю. Андрей мельком бросил взгляд на мониторы внешнего обзора. Ровным светом горят прожектора, освещая зеленоватые стенки поры. Сноп от света прожектора комбайна направлен на отверстие, на высоте метров двадцать. В отверстие входило одно из звеньев манипулятора. Все спокойно. Хотя разве можно визуально увидеть зарождающуюся серую волну? Практически нереально. Бактерии, имеющие микронные размеры после получения таинственной команды слепляются в тридцатисантиметровый шар за полсекунды. И не спасает даже то, что, как правило, этот шар образуется в ста-ста пятидесяти метрах от своих потенциальных жертв – людей и техники. Эти сто-сто пятьдесят метров шар проскакивает за десятые доли секунды. Скорость пассажирского самолета! Ведь движется не сам шар, а волна уплотнения. Образовавшийся шар тут же и рассосался, чтобы тут же возник следующий, но уже ближе к жертвам. Это как ударная волна ядерного взрыва – передвигается только уплотнение. Попробуй, увидь это и успей отреагировать. Выручает интуиция. Каким-то образом люди способны предугадать появления серой волны. Впрочем, удивительного ничего нет. Ведь живое способно чувствовать живое. И особенно если оба разумны…

Серую волну первым почувствовал Лю уже стоя на комбайне. Он предостерегающе ткнул рукой куда-то вверх. Его жест мгновенно поняли все. Только одно в данный момент могло привлечь человека, вышедшего из маленького, но комфортного для него мирка кабины – серая волна, серый убийца. Три руки почти одновременно вдавили три зеленых кнопки. Спаренный залп пневмопушек транспортера и комбайна разорвал тишину рудника. Лю не ошибся, таинственная, агрессивная для человека и его творений жизнь подкралась сверху. Ударная аммиачная волна ее застала в восьмидесяти метрах от людей – через сотую секунду должен был последовать небольшой ядерный взрыв и узкий невидимый рентгеновский луч пронзил бы первую жертву. Молекулы аммиака плотной струей вошли в комок бактерий. На одну живую частичку приходились сотни тысяч еще более мелких неживых частичек, сотни тысяч ударов, разогнанных до сотен метров в секунду молекул аммиака. И таинственное поле, сгоняющее бактерии в сверхсложный атомный рентгеновский лазер, как пастух сгоняет овец в одно стадо, было побеждено. Его цепкие объятия разжались, и мириады бактерий стали тем, чем и должны были быть – мириадами бактерий, мирно кушающих радиоактивную породу.

Неприятный озноб пробежал по спине. В желудке у российского офицера образовалась какая-то холодная пустота – серая волна! И снова рявкнули пневмопушки. Краем взгляда Андрей увидел, что его напарник успел вновь запрыгнуть в кабину транспортера. Уже легче. Хоть какая-то, но защита. От луча мощностью в десятки тысяч рентген не спасет, но и без него в рудниках Гамеда хватает «прелестей». Тот же радиоактивный фон с десяток рентген в час, который создают все породы, которыми Бог наградил эту планету. Всевышний в тот момент, наверное пребывал в дурном настроении. Поэтому долго находиться просто в одном защитном костюме, все равно, что прогуливаться по Оймякону зимой в легком свитерке. Поможет, но не надолго.

Третью серую волну люди почувствовали, когда еще не успели затихнуть ударные волны, посланные по душу ее сестрички. И вновь вздрогнули шланги высокого давления, подводящие аммиак к соплам.

«Массовая атака. Карусель!», – Андрей слышал о таком явлении, когда одна серая волна сменяет другую, но сам в такую переделку он еще не попадал.

Теперь все зависело от того, сколько времени продлиться такая атака, сколько оборотов сделает такая «карусель». Естественно, компрессора включились сразу, после первого же залпа. Но все равно, больше двух залпов подряд они не сделают. Двух?

И вновь атака.

– Рах, это карусель! – закричал российский десантник по рации. – Следующий раз не стреляй. Я прикрою. Потом ты!

«Эх, поздно догадался!» – и снова залп.

Пушки транспортера промолчали – Рах и Лю поняли его мысль.

«Остался один выстрел. В транспортере и все. Дальше придется умирать. Эх, даже с Лю не успел переговорить. И все-таки, откуда он знает русские буквы и слова? Умирать? Дудки! Спецназ ГРУ так просто не возьмешь! – в голову Андрея пришла спасительная идея. Или не спасительная. – Там увидим!» – правая рука оторвалась от бесполезной сейчас зеленой кнопки и стала лихорадочно колдовать на пульте управления.

Шестая волна не заставила себя ждать, явилась, едва много миллионно раз получив по «шее», «разбежались» бактерии предыдущей волны. И вновь она пыталась напасть на людей сверху, как и все предыдущие.

К концу шестого залпа, включив максимальную скорость, Андрей вывел фрезу из тоннеля, который она прогрызла в породе. И тут же включил режим подъема – звенья манипулятора, одно за другим, начали раскладываться, вытягиваясь в прямую линию. Фреза быстро стала подниматься вверх. Тридцать, сорок метров.

Легкий озноб, неприятное чувство сверлящего взгляда – седьмая волна. Короткий взгляд на индикатор готовности пневмопушек – желтый запрещающий цвет.

Вот она. По пологой прямой серый сгусток живой материи в мгновение ока спикировал на них. В пятидесяти метрах он еще потемнел, став темно-серым, и вдруг полумрак рассеялся – плазменный шар небольшого ядерного взрыва высветил на дне подземной пустоты круг диаметром в сто метров. Звук взрыва, преодолев звукоизоляцию кабин, был чуть слышнее ударов в момент преодоления аммиачных струй, выброшенных из сопел звукового барьера. Уникальность этого живого и, скорее всего, разумного рентгеновского лазера была и в том, что у него был беспрецедентно высоким коэффициент полезного действия. Практически вся энергия ядерного взрыва каким-то непостижимым образом переходила в энергию жесткого гамма-излучения. Ни тебе каких-то заметных других видов излучений: нейтронного, альфа-излучения. Практически не было и ударной волны, не больше чем от среднего калибра фугаса. Тяжелые гусеничные машины – тягач и комбайн даже не качнуло, разве что чуть манипулятор на последнем. Световое излучение – вспышка еле одолела круг в сто метров.

Землянин быстро огляделся. Кто? Кого серая волна выбрала первой жертвой. Рахад, Рах… Сквозь стекло кабины было отчетливо видно, что командир отработавшего смену экипажа упал грудью на пульт управления тягачом. Упал уже мертвым. Человек мгновенно погибает уже при двух тысячах рентген. Говорят: «Смерть под лучом». А тут, как минимум, десять тысяч. Раненых при атаке серой волны не бывает.

Волна злости накатила на Андрея. Оскалившись волком, он продолжал управлять манипулятором. Только бы успеть. Живой лазер «перезаряжается» быстро – десять секунд и новая вспышка.

Фреза быстро глотала метры высоты. Сорок пять, пятьдесят метров. Одновременно с вертикальным движением, нажимая несколько кнопок на пульте управления, землянин заставил двигаться фрезу и в горизонтальной плоскости. Мгновение и метровый диск фрезы легко протаранил серый шар.

– Получай, сволочь! – едва фреза коснулась серой волны, Кедров тут же включил ее вращение.

В лучах прожекторов режущие кромки рабочего инструмента комбайна образовали сплошной блестящий светлый круг.

Естественно, далеко разбросать мириады бактерий фреза не могла, но нарушить целостность шара – легко! Десять секунд после первой вспышки истекли, но нового выстрела рентгеновского лазера не последовало.

– Знай наших! – азартно заорал российский десантник, заставляя фрезу совершать небольшие колебательные движения: вперед-назад, влево-вправо, подальше разбрасывая «ошметки» серого убийцы.

Но «мозг» серой волны разрушен не был – не было достигнуто то критическое расстояние, после которого высокоорганизованная армия бактерий, превращается в неорганизованную толпу. И этот «мозг» доказал, что он способен действовать не только по одному сценарию. Несколько секунд и бактерии сгустились в шар в трех метрах от фрезы.

И вновь первым почувствовал серую волну Лю – у этого парня была просто таки феноменальная интуиция. Время молитвы – минута уже прошла, и комбайн был снова способен на залп. Седьмая серая волна вмиг распалась и растворилась в аммиачном урагане.

«Не отмахаемся», – тоскливо мелькнуло в голове у Андрея.

Восьмой сгусток бактерий не заставил себя долго ждать, примчался точно по расписанию. Вернее не примчался, а возник почти в том же месте, где разнесли в клочья его коллегу по нелехкому киллерскому ремеслу. Но на пульте управления транспортером уже горела синим разрешающим светом индикаторная лампа готовности пневмопушек. Упругая струя аммиака в сотни атмосфер легко, в пух и прах разнесла мрачное порождение Гамеда.

«Все, опять надо ждать и молиться. На девятый залп силенок пока не накопили», – россиянину неожиданно вспомнилась виденная им в бытность учебы в Рязанском институте воздушно-десантных войск картина Айвазовского «Девятый вал».

Он тогда со своим товарищем Колей Дементьевым в увольнении на выходные выбрались в Санкт-Петербург. Погуляв по Невскому, полюбовавшись Иссакием и Зимним, они свернули с проспекта, прошли мимо памятнику Пушкину и неожиданно оказались перед тяжелыми чугунными воротами и двумя бронзовыми львами, будто охраняющих фасад здания. Это оказался Русский музей. Время еще было, и друзья решили зайти. Гуляя по музею, они переходили из зала в зал, осматривая выставленные там картины. Собрание икон, занявшее сразу несколько залов, особого впечатления на Андрея не произвело. Обычные мужские и женские лица, на которых написана кротость и покорность и в то же время в их взглядах сквозила какая-то снисходительность. Но пройдя несколько залов, друзья буквально остолбенели. На все стену раскинулось огромное полотно – «Последний день Помпеи». Гений художника смог передать всю разрушающую мощь природы, легко расправляющуюся с древнеримским городом. На фоне рушащихся храмов, объятого огнем неба погибают люди. Одни уже покорились своей судьбе, другие все еще мечутся, пытаясь спастись. Но уже упали с пьедесталов их боги…

Ошеломленные увиденным, друзья перешли в следующий зал. И вновь у них захватило дыхание – «Девятый вал» Айвазовского. Бушующее море, носящее как щепку, сломанную мачту с уцепившимися за нее людьми. Сил у них, боровшихся со стихией всю ночь, практически не осталось. А на них идет огромная волна, девятый вал – по поверью, во время шторма каждая девятая волна превосходит по силе все предшествующие. И никуда от нее не уйти. Как сейчас, в недрах Гамеда. Только вместо тысяч тонн разбушевавшейся воды, на них сейчас обрушится тысячи рентген разбушевавшейся чуждой жизни.

И все же там, в Русском музее, Андрею показалось, что для этих людей это не последний их день, не последний день Помпеи – лучи солнца уже разорвали мрачные низкие тучи и вскоре стихия сойдет на нет.

– А ведь, кажется, карусель закончилась, – голос Люка вернул Андоея к реальности. – Гамед больше свои шары в нашу сторону не гоняет.

Усилием воли Кедров заставил себя убрать руки с пульта управления и с наслаждением откинулся на спинку кресла.

Несколько минут оставшиеся в живых люди в оцепенении, приходя в себя, сидели в своих кабинах. Напряжение схватки медленно спадало.

– Надо базу вызвать, – наконец заговорил землянин, – сообщить о случившемся. Попросить помощи. Не ехать же тебе одному, – Андрей на мониторе внутренней связи посмотрел на все еще растерянное лицо напарника Рахада.

– Связи нет, – будничным тоном сообщил Лю.

Андрей нажал кнопку вызова, но вместо знакомого позывного базы, в наушниках раздался бессмысленный шорох помех.

– Я так и думал, – между тем продолжал его напарник. – Что-то их не было слышно, пока мы тут героически фрезой отмахивались. А то вечно орут: «Что там у вас? Сообщите базе». Будто чем-то помочь могут. Только мешают.

– Так что будем делать? – россиянин незаметно для себя взял инициативу в свои руки.

И тут же сам и предложил:

– Пусть Кармар пересядет в транспортер. Во вторую кабину перенесем тело Рахада. Мы будем работать, а ты, Кармар, будешь в тягаче, рядом с нами. Если что, подстрахуешь нас, а мы тебя. Три человека всегда лучше, чем два. Если придет помощь, отправишься на базу вместе с ней.

– Правильно, – поддержал напарника Лю.

– По инструкции я должен возвращаться. Необходимо доставить руду на базу, – какой-то бесцветный голос уцелевшего напарника Рахада прозвучал в наушниках Андрея и Лю.

Кармар был прав. Инструкция обязывала, что если из экипажа остается один человек, то он должен продолжать выполнять ту работу, которая предусматривалась в данный момент. Если он работал до атаки серой волны на комбайне, то он и дальше должен был добывать руду. Если он находился в транспортере, то он и дальше должен был везти руду на базу или пустой контейнер к комбайну. Свести к минимуму потери рабочего времени. Эрцерий превыше всего!

«В чем всегда сильны высокоразвитые цивилизации, так это в порядке, дисциплине. Все случаи жизни расписаны и обставлены частоколом параграфов и инструкций. Каждый несет свое бревно куда необходимо, а не куда ему хочется. Но в этом и их слабость. Вернее слабость представителя этой цивилизации, выпавшего из обоймы. Та же, впитанная с молоком матери привычка к порядку и дисциплине в плену диктует ему – сиди и не трепыхайся. Вот тебе норма, а вот тебе паек и сотня литров воздуха за выполнение этой нормы. Эх, то ли дело русская душа. Сюда бы хотя бы еще пяток ребят с учебки ГРУ, надобывали бы мы тогда крокам «уголька»…

– И что будет, если ты не подчинишься? – землянин постарался придать своему голосу максимальную ироничность и насмешливость, на какую только был способен. Может «ошейники» хоть толику этого донесут до собеседника. – Сошлют? Куда? Что еще может быть хуже Гамеда! Казнят? А кто им руду будет добывать? Что там еще? Изобьют, высекут за плохое поведение? Чтобы ты в лазарете дармовой паек жрал и воздух переводил? Или может ты боишься, что тебя в угол поставят? – Андрей уже орал на изумленного, не привыкшего к такому обращению чела.

– Так ты остаешься? – спокойный голос Лю резко контрастировал с гневным тоном землянина.

– Да… – в голосе Кармара особой уверенности не было. – А что я есть буду?

– Тогда быстро проваливай, – уже заорал Лю. – Давай, вылазь из комбайна, нам работать надо. А то приедем на базу и скажем, что ты нам работать мешал!

Кедров не выдержал и рассмеялся. Прыснул и Лю.

– И по попке получишь, – поддержал своего напарника Андрей.

Испуганный Кармар выскочил из кабины комбайна и подбежал к кабине, в которой сидел Лю. Тот, насколько это было возможно в этих условиях, неторопливо вылез из нее. Через секунду там уже сидел напуганный чел.

– Чмок, – и за Лю закрылась люк кабины комбайна.

В огромной подземной поре все было спокойно, серый убийца не атаковал. Еще десять минут люди производили перестыковку контейнеров. Наконец транспортер с контейнером, наполненным рудой и телом Рахара, взял курс на базу.

«Говорил же Рахаду, поплюй», – землянин смотрел на проблесковый маячок удаляющегося транспортера.

– Ну что, пора работать, – Андрей вновь положил руки на пульт управления.

– А когда мы будем обсуждать план побега, – неожиданно прозвучало в его наушниках.

Андрей почему-то в этот момент подумал, что маячок транспортера еще не скрылся за поворотом.

«Все, путь ко второму варианту расчищен. Можно хоть сегодня брать Харка. Ну, что, Локки, начинать? – но все естество профессионального разведчика и потомственного аристократа противилось этому. Это было не то, это была грязная работа. Сарб просто помогал одному политику в борьбе против другого. – Политика – дерьмо. А я в ней как-то умудрился стать сантехником. Эх, если бы тот чел остался жив, какую операцию можно было бы провести! – и вновь, как и два дня назад, у Сарба мелькнула мысль, что он что-то недоработал, недо…проверил. – Недопроверил! – Вот что он не смог додумать тогда, стоя у окна и наблюдая красочный фильм об освобождении Эльдурея. – Не все, что видишь собственными глазами можно верить. Как этим, будь он неладен, Варком были идентифицированы заключенные на боте? Да по их коммутаторам! Каждый «ошейник» имеет свой характерный сигнал, в котором закодирована фамилия заключенного. И если каким-либо образом этот чел сумел поменять свой коммутатор на коммутатор кого-то из погибших, – мозг бригадного генерала выдавал мысли четко и ясно, словно читал их с экрана компьютера. Сарб знал это свое состояние. Именно в эти моменты он принимал самые, как оказалось, важные для себя решения. И никогда, НИКОГДА при этом не ошибался. – То для Варка этот Кедров и стал погибшим. В лицо то этого чела он не знает. А он побоялся посылать туда экспертов, боясь огласки. Так… Но это же можно легко проверить. В любом случае Варк был обязан составить отчет, а отчет обязательно должен включать видео и фотоматериалы».

Директор Службы Государственной безопасности, стараясь быть спокойным, ввел в компьютер свой код доступа и через пару мгновений уже был в центральном архиве данных. Еще пару нажатий клавишами и на экране возникла таблица всех рейсов на Гамед за последний год. Вот он, этот рейс – восьмого числа шестнадцатого месяца. Сарб дал команду компьютеру показать ему всю информацию об этом рейсе.

Транспортный бот, заваленный трупами, распахнутая настежь рубка управления… Бригадный генерал уже не раз наблюдал подобные картины, поэтому, скользнув равнодушным взглядом по изображению, он закрыл этот файл – не то. Нужный файл был следующий. Сначала шли фотографии погибших – на экране замелькали посиневшие лица с широко раскрытыми ртами и с глубокими царапинами на шее – люди раздирали ногтями себе горло в тщетной попытке сделать еще хотя бы один глоток. Потом пошли фотографии трупов со следами ранений, сделанных лазерным лучом. У некоторых из них было, как на фотографиях предыдущих трупов посиневшее лицо и широко раскрытый рот – эти были только ранены лазерным лучом, а погибли они от удушья.

«Охраны там уже не было. Среди заключенных бластер был только у моего агента. Значит, стрелял он», – и Сарб тут же увидел лицо своего человека. Луч, выпущенный из бластера,

попал ему в висок. – А кто же убил его? На следующей фотографии была сделана пометка, что в руках этого человека был обнаружен бластер. Бригадный генерал узнал на ней бывшего сокамерника Кедрова. Начальник Службы Государственной безопасности умышленно подсадил его к землянину. Он должен был просто ввести Кедрова в курс дела, рассказать об основах устройства мира, в который тот попал. Тогда с землянином было бы легче работать. И даже не надо было того просить об этом или заставлять. Скука, обычная человеческая потребность в общении и такое же человеческое желание просветить более отсталого товарища, одновременно почувствовав свое превосходство – и всю необходимую информацию Кедров получил как на блюдечке.

Но не поэтому директор Управления Государственной безопасности долго и с облегчением рассматривал эту фотографию.

«Я так и знал», – Сарб еще раз прочел подпись под фотографией: «Андрей Кедров. Регистрационный номер 68435. Чел. Сектор 39878. Звездная система 6754. Звезда 53. Планета 3».

Уже спокойно, как игрок, доигрывающий выигрышную партию, бригадный генерал начал просматривать фотографии оставшихся в живых заключенных. На седьмой фотографии он увидел знакомое лицо землянина.

«Бахруд Бранул, – прочел он подпись под фотографией. – Регистрационный номер 66321. Чел. Сектор 12352. Звездная система 342. Звезда 123. Планета 2».

«И зачем ты захотел исчезнуть для меня? Так и не смог решить для себя – передаю я через тебя челам правдивую информацию или нет? – директор Службы Государственной безопасности увеличил фотографию, пытаясь разглядеть выражение лица Кедрова. – Нет, причина не в этом. Для тебя челы с других звездных систем, что дальние родственники, о которых ты раньше и не слышал. А какие родственные чувства можно проявлять к такой родне? Только сугубый интерес – какая доля наследства тебе причитается после их смерти. Для тебя мое предложение отличный шанс вновь оказаться на своей планете, и ты не должен был его упускать. Не должен. И тем не менее, ты решил затеряться от меня. И где затеряться. На Гамеде! Считай на предпоследней остановке. Последняя, конечная – смерть. Нет, тут что-то не так. А может он не от меня пытался скрыться? А от кого еще? Кроме меня он никого у нас и не знает, – Сарб начал догадываться о мотивах поведения землянина. – Вот именно, никого! Он практически ничего не знает о других влиятельных людях нашего государства, об интригах между ними. Все правильно. Когда операция пошла не по моему плану, этот чел решил, что в игру вмешался кто-то еще, не желающий, чтобы он попал к своим. И скрывался он от этого мифического врага. Изобретательно скрывался. Молодец! Я с самого начала в нем не ошибся. Жаль, что он не крок, жаль. Впрочем, это я уже говорил. Так, теперь действовать. Время еще есть».

Директор Службы Государственной безопасности сладко, до хруста костей потянулся и резко ткнул кнопку связи с адъютантом:

– Немедленно гиперсообщение на Гамед. Заключенного Бахруда Бранула, регистрационный номер 66321 от работ на руднике немедленно отстранить, поместить в карантинный отсек и ждать дальнейших указаний. Подпись моя. И второе. Готовьте корабль на Гамед. Вылет сегодня. Все ясно?

– Какой корабль?

«Вот именно, какой? Кому можно поручить это дело. Эх, Ларри, Ларри, и угораздило же тебя на этого Варка нарваться», – Сарб досадливо поморщился.

– Готовьте мой «Адмирал Сарб». Нагряну ка я на Гамед с внеплановой проверкой.

– Слушаюсь, господин генерал.

«А на месте и решу, как этого чела к своим переправить. И его заодно еще раз прощупаю».

Андрей Кедров внимательно посмотрел на своего напарника, зачем-то выждал, когда проблесковый маячок тягача скроется за поворотом и, наконец, ответил спокойным тоном:

– А ты не боишься, что о нашем разговоре узнают кроки? – и он дотронулся рукой до «ошейника».

– Связь же повреждена.

– А когда приедем? Наверняка эти штуки могут хранить, а потом сбрасывать информацию.

– Могут, – с улыбкой согласился Лю. – Но я не собираюсь возвращаться. Вернее, я возвращусь на базу, но чтобы оттуда прорваться наверх.

– То есть, сейчас мы с тобой все обсудим и сразу начнем действовать?

– Да, – Лю уже не улыбался.

– А если я не соглашусь?

– То есть ты не хочешь больше посидеть в сортире у своей мамы?

– Хочу, Лю. Очень хочу! Поэтому – излагай.

– Кроки восстания тут внизу, на руднике не бояться, – напарник Андрея говорил быстро, уверенно, как о давно хорошо продуманном деле. – Чуть что, перекрыли кислород и все. Поэтому охрана внизу минимальна. Больше для того, чтобы мы между собой не подрались и не обижали кроков-заключенных.

«Точно. В концлагерях тоже охрана была минимальна. Очень редкие заключенные решались на побег. Куда бежать? Везде чужие. А если поймают, запытают до смерти».

– Хорошо, пусть мы захватили базу. Наверх то нам не прорваться. Я, когда меня сюда вниз везли, хорошо разглядел тот щит наверху. Кроки, наверное, его специально всем нам показывают, чтобы отбить всякую охоту рыпаться. Такой щит лучеметом не возьмешь, комбайном не прогрызешь и транспортером не протаранишь. Такую громадину разве что ядерным взрывом можно сорвать с места.

– Правильно, Бахруд. Его ядерным взрывом и придется подрывать.

– Меня не Бахрудом зовут, а Андреем.

Лю только улыбнулся в ответ. Похоже, истинное имя Андрея для него не было новостью.

«Точно читает мысли. Откуда он тогда узнал русские буквы?»

– А у тебя, что, атомная бомба есть? Плохо обыскали?

– Обыскали меня хорошо, – Лю не обращал внимания на сарказм своего напарника и говорил серьезно, без малейшей и тени улыбки, – Но атомная бомба у меня есть.

– Где? – удивленно вскричал землянин.

– Тут, – Лю постучал рукой по шлему, – остается только сделать.

– А-а-а, – энтузиазм землянина явно пошел на убыль, – не знаю, но атомная бомба, сделанная на коленке – что-то мне мало в это верится.

– Как это «на коленке»?

– Из подручных средств. Из этого комбайна, например.

– Без комбайна не обойдемся.

Андрей внимательно посмотрел на своего напарника. Его не покидало ощущение, что все это понарошку. Что Лю вот-вот рассмеется, хлопнет его по плечу и скажет: «Как я тебя, старик, разыграл!». Но сидящий в своей кабине чел был абсолютно серьезен и внимательно, без улыбки смотрел на Кедрова с экрана монитора.

– Давай, говори, – землянин больше не иронизировал.

Лю говорил минут двадцать, если надо, подробно отвечая на вопросы Андрея. И с каждой минутой у землянина росло чувство, что побег возможен. Какие шансы на успех? А он не бухгалтер, чтобы считать. Он лучше вместо подсчетов займется более необходимым делом – созданием атомной бомбы и доставкой ее к щиту. Ну и утихомириванием тех вражин, которые попытаются этому помешать. Положа руку на сердце, в своих способностях относительно тре-

тьей задачи российский офицер-десантник был более уверен, чем в двух первых. Ну, ничего, прорвемся. Вот именно, ничего. Андрею вдруг вспомнился случай, услышанный им на лекции по военной истории. Когда канцлера Германии Бисмарка упрекали за слишком мягкое отношение к России, он отвечал: "В Германии только я один говорю "ничего!", а в России – весь народ". И вспоминал случай, когда русский ямщик с таким ветерком вез его в Петербург, что чуть не покалечил. И при этом он все приговаривал: «Ничего-о!».

«Ох, и погуляем мы на руднике! Надолго кроки запомнят. Ничего, все будет хорошо!» – весело-агрессивно скалясь, россиянин положил руки на рычаги управления комбайном. Многотонная, десяти тысячесильная машина вздрогнула и начало движение. Поднимаясь на манипуляторе, фреза начала нацеливаться на стальной белый бочонок, стоявший прямо посередине подземной пустоты.

– Хррр, – пластины фрезы из твердосплавного материала начали крошить ретрансляционную станцию.

Андрей добавил усилие на фрезу и через полминуты из станции посыпались искры и повалил дым.

– Готова! – Лю с монитора улыбался Кедрову. – Теперь «ошейники» на нас точно не настучат.

– Если только кроки не заявятся сюда с ремонтом.

– Это было бы даже лучше.

– Согласен. Но чудес не бывает. Чтобы сбежать отсюда, нам придется пройти все ступеньки. Перескочить не получится, – землянин плавно развернул многотонную махину комбайна и подвел его к стене. Работа закипела.

Но Садхр, которым поклонялись челы и земной Бог на пару решили, очевидно, все же оказать небольшую услугу своим подданным – чудо произошло. Кроки оперативно приехали ремонтировать отдаленный ретранслятор.

– Смена на подходе, – проблесковый маячок транспортера первым, как всегда, заметил Лю.

– Ты смотри, смена пролетела – не заметил.

– Что ты хочешь, последняя! В любом случае – последняя.

Мужчины через экраны мониторов взглянули друг другу в глаза, как бы спрашивая друг друга: «Ну что, напарник, ты готов?». Пауза… и губы двух людей, рожденных в сотнях тысячах световых лет друг от друга, раздвинулись в дружеских улыбках – готов, напарник, готов. На меня ты можешь положиться.

– Андрей, кроки! – и вновь глазастый Лю обнаружил опасность первым.

Вслед за транспортером со сменным экипажем, из-за поворота показалась машина охранного персонала – такая же гусеничная платформа, но только с тремя кабинами – в двух сидело по кроку, третья была пуста. И рядом с кабинами, где сидели кроки, были установлены по одной мощной лазерной установке.

– Твою мать! – Андрей рванул комбайн с места, как есть, не слаживая раздвинутый метров на сто пятьдесят манипулятор, заслоняя от подъезжающих кроков изувеченную ими ретрансляционную станцию.

Если кроки увидят ее, то сразу поймут, что Андрей и Лю что-то замыслили и прикажут им выйти из комбайна и перейти в пустующую кабину. Тогда все, что называется, приехали – на машине охранников в карцер. Не подчинение – почти мгновенная смерть. Против двух ста мегаваттных лазеров не попрешь. Уделают, как слепого котенка. Все это российский офицер просчитал мгновенно, еще пару секунд и туша комбайна загородила покореженную стальную бочку.

– Молодец, – раздался в шлеме Кедрова голос Лю.

Тот лишь махнул головой – все еще было впереди. Он сделал лишь первый, и пока правильный ход. А сколько таких ходов еще впереди? Только в отличие от шахмат, кроки поставят мат после первого же неправильного хода.

Транспортер со сменным экипажем остановился, не доезжая до комбайна метров тридцать. Еще чуть дальше остановились кроки.

«Правильно, сволочи, поступают. Даже если я как-то умудрюсь к ним приблизиться, то протаранить их не смогу, транспортер помешает».

– Что случилось? – раздалось по рации.

– При смене предыдущего экипажа комбайна, были атакованы серой волной, несколькими серыми волнами, – говоря, Кедров лихорадочно думал, что делать.

«Да, застали врасплох, как салаг. Понадеялись на трусость врагов, думали, что сюда они явятся не скоро, а то и вовсе не явятся. Пришлют вместо себя нашего брата чела с новым ретранслятором и все дела. Да, лейтенант Кедров, недооценил ты противника. Ну, что двойку будем ставить, или попробуешь выпутаться? – землянин чуть ли не услышал голос подполковника Новоземельцева, преподавателя тактической подготовки. – Будем выпутываться, товарищ подполковник. Будем выпутываться».

– Это мы знаем, – коммутатор на шее Андрея переводил каркающие звуки чужой речи. – Что это за странные маневры перед нашим прибытием?

Кедров бросил быстрый красноречивый взгляд на Лю – помоги, напарник!

Тот, прикусив губу, молчал.

«Черт! А, где наша не пропадала. Попробую включить дурку».

– Я и сам не пойму. После атаки серой волны, мой напарник как-то странно стал себя вести. Пару раз ни с того, ни с сего, переводил управления на себя и совершал примерно такие, как сейчас, странные маневры.

«Поверят или нет? Если нет, то сейчас последует команда выйти из комбайна, а если да….».

– Понятно. С вашим напарником будем разбираться на базе. А сейчас произвести смену экипажа! Первыми меняются вторые члены экипажа.

«Вроде поверили. А толку? Черт, что же делать? Направили прямо в лоб две лазерных пушки, не рыпнешься», – Андрей, стиснув зубы, наблюдал, как транспортер со сменным экипажем, подъехал вплотную к комбайну. Люк в одной из его кабин открылся, и второй оператор следующего экипажа заспешил к кабине Лю.

Землянин скользнул взглядом по монитору внутренней связи – напарник, не мигая, смотрел на него. Андрея даже показалось, что даже как-то испытывающее. Мол, справишься с этой ситуацией или нет. И этот взгляд, может быть даже почудившийся, подстегнул Кедрова.

«Справлюсь!» – еще даже не план действий, а уверенность, что он выпутается из создавшейся ситуации, заставили российского офицера улыбнуться напарнику и красноречиво чуть кивнуть головой – меняйся, все будет нормально.

Лю, как и положено, быстро выскочил из своей кабины и бегом бросился к освободившейся кабине транспортера. А к Андрею уже спешил командир сменного экипажа.

Шаг, второй, третий и в голове землянина окончательно выкристаллизовалась спасительная трехходовка. Чел уже подошел к его кабине.

«Пора! Извините, комрады, но по-другому никак», – Кедров резко рванул один из рычагов управления комбайном на себя, а второй, тут же, от себя.

Почти синхронные две вспышки лазерных лучей. Дернулся в своем кресле второго оператора только что сменивший Лю чел. Рядом с кабиной Андрея рухнул его командир, невольно закрывший землянина своим телом и уже не видевший, как вращающаяся фреза обрушивается на кабину с кроком. И что для круглой бездушной железяки, привыкшей часами, сутками крошить твердую породу Гамеда, какое-то высокопрочное стекло?

Вопль крока резанул по барабанным перепонкам и тут же оборвался. Пятитонная громадина почти мгновенно смолола податливую человеческую плоть.

– Ударом лома по спине соперника ему все же удалось переломить ход схватки, – оскалившись, пробормотал россиянин.

И вновь русские руки рванули рычаги управления манипулятором.

«Не успева-а-а-ю!» – Андрей, словно в замедленном кино смотрел как разворачивается на него ствол лазера.

Транспортер, стоящий между кроковской машиной и комбайном, казалось, прыгнул – Лю, наплевав, на все инструкции с ноля перевел двигатель тягача в форсажный режим. Сто тонная машина, словно задираясь, боднула свою подружку. Вспышка лазерного луча и со свистом атмосфера Гамеда ворвалась в кабину Андрея, прессуя менее плотный кислород заодно с азотом.

Крок не растерялся и быстро переприцелился. А фрезе Андрея еще надо было целых полтора секунды до новой цели. Транспортер бессильно вращал гусеницами, упершись в бок кроковской машины.

– Не стреляй! – эфир прорезал отчаянный крик Лю.

Ничего не понимающий Кедров в каком-то оцепенении продолжал давить на рычаги управления.

«А вспышку луча не увижу, как не слышишь выстрела, которым тебя убивают».

Вращающаяся фреза легко смешало в одно целое стекло, пластик, сталь и органику – все компоненты, которые присутствовали в кабине. Только почему-то второй крок вообще не кричал.

Тугой громовой удар, легко ворвавшийся в кабину через оплавленное лазерное отверстие, больно ударил по ушам. И только через секунду земной мозг сумел, наконец, овладеть ситуацией.

– Напарник, ну ты даешь! Даже в такой ситуации почувствовал серую волну! А я то думал, к чему это: «Не стреляй»? – хриплый голос Кедрова нарушил эфирное молчание после пяти минуты напряженного ожидания атаки следующей серой волны.

– Ты тоже хорош! В твоих руках фреза лучше всякого бластера!

Еще несколько минут люди приходили в себя после такой драматической схватки.

– Ну что, поехали на базу? А то нас там, наверное, заждались. Жаль комбайн оставлять. Там бы наверняка пригодился.

– Нельзя, Андрей. Кроки сразу насторожатся.

– Это понятно. Ладно, Лю, прикрой меня. Пойду, пошарю в машине кроков. Может, какое оружие найду.

– Это было бы замечательно.

Землянин подошел к изувеченной им машине. Почти зажмурив глаза, почти на ощупь, он искал бластер в том, что когда-то называлось человеком.

«Хорошо, хоть в костюме. А если бы голыми руками?» – россиянин с трудом подавил рвотный рефлекс.

– Есть! – Андрей победно поднял правую руку вверх с зажатым в ней оружием, залитым кровью.

– Пользоваться можешь? – деловито спросил Лю.

– Вроде бы, уже доводилось, – Кедров внимательно смотрел на бластер, отдаленно напоминающий маузер.

«Так, это, наверняка, курок. А где же предохранитель? Должен же быть? Оружие есть оружие. Общая схема применения должна быть одна и та же, – российский офицер крутил оружие в руках, нажимая на разные выступающие части. Оружие казалось монолитным, никаких движущих частей Андрей не обнаружил.

– Предохранитель ищешь?

– Угу, – Кедров уже даже не удивился способности своего напарника читать мысли.

– Сильно надави на курок. Вот и все.

Прицелившись куда-то в темноту, землянин нажал на курок. Последовала яркая вспышка.

«Порядок в танковых частях!»

– Немного неудобно. Тугой курок. При частой стрельбе устанешь.

– Второй раз будет намного легче. Предохранитель ты снял первым нажатием. Если пауза в стрельбе будет больше определенного времени, оружие автоматически вновь станет на предохранитель.

«Хорошая система», – профессионально оценил лейтенант спецназа России.

– Ты второй бластер ищи, не теряй время.

– Хорошо устроился. Сам в кресле сидит, а мне в кроковской требухе копайся.

– Хорошо, давай буду копаться я, – предложил Лю.

– Да сиди уж. Уж очень у тебя хорошо получается чуять серую волну, – Андрей махнул рукой.

– То-то.

– Есть! – Кедров показал своему напарнику второй бластер. – Ого-го! Держитесь, кроки! Теперь мы вооружены и очень опасны!

– Андрей, поехали, – поторопил его напарник. – Надо спешить.

Пристыковав к транспортеру бункер с рудой, уже через пятнадцать минут Кедров и Лю держали курс на базу. Позади них остались изувеченная машина охраны с обезображенными трупами ее хозяев и их родной комбайн с трупами сменного экипажа. Для того чтобы хоть как-то их похоронить, не было ни времени, ни сил. Впереди у этих двоих людей на транспортере была база с вооруженными кроками, а еще дальше массивный стальной щит, преграждавший им путь на поверхность Гамеда, на свободу.

– Андрей, можно вопрос?

– Давай, только вслушивайся. Обидно будет, если именно сейчас получим рентгеновский луч, – сжимая рычаги управления, Кедров внимательно смотрел вперед. До базы оставалось километров десять.

– Не волнуйся, не получим. Ты долго колебался, когда придумал, как обезвредить этих двух кроков?

– Ни мгновения. Я понял, о чем ты хочешь меня спросить. Да, мне ребят с нашего сменного экипажа жалко. Но меня, там, на моей Земле учили, уничтожая врага, забудь о жалости и милосердии. Это относится как к врагам, так и к своим. Ты должен действовать рационально – добиться победы минимальной ценой. В противном случае, ты никогда не сможешь послать товарища на смерть, зная, что при этом ты выполнишь поставленную задачу и убережешь десятки других жизней.

– Хорошо вас там учат на Земле. Качественно, – Лю усмехнулся.

– А теперь у меня вопрос. Почему ты, почувствовав серую волну, дал ей возможность раз выстрелить? А вдруг бы она ударила не по кроку, а по мне или тебе?

– Ну, во-первых, не было другого выхода. Разметай я серую волну, в следующее мгновение крок бы убил тебя, а потом меня.

– А во-вторых? – землянин на секунду бросил взгляд на напарника.

– Я уже давно понял, что серая волна разумна или подчиняется какому-нибудь разуму.

– Разумная планета?

– Может быть. А разум поступает разумно. Кто заставляет нас добывать руду, тем самым, терзая планету? Кроки, – тут же ответил на свой вопрос Лю. – Поэтому серая волна, в первую очередь, старается уничтожать именно их.

– А почему ж она не напала на них, еще когда они ехали к нам?

– Не знаю. Эта разумная жизнь не все время ж атакует. Может не было возможностей, а может… может хотела, чтобы у нас появилось оружие, – напарник Андрея усмехнулся.

Усмехнулся и Кедров этой шутки.

«В каждой шутки есть доля шутки», – почему-то вспомнилось ему поговорка.

– Вот она. Давай, – услышал он голос Лю.

Посмотрев вперед, Кедров понял, что имел в виду его напарник.

– Сейчас рихтанем! – россиянин с удовольствием, чуть довернув тягач, наехал гусеницей на белый корпус ретрансляционной станции. – А теперь контрольный выстрел в затылочек, – лихо развернувшись, Андрей саданул по уже сплющенной станции второй гусеницей. – Думаю, что передавать она уже не будет.

– Точно, – согласился Лю. – Давай здесь и будем ждать.

Транспортер замер около изувеченной им ретрансляционной станции. Потянулись минуты ожидания в огромной подземной пещере, слегка освещенной сотнями прожекторов, установленных по ее периметру.

Землянин сидел, откинувшись на спинку кресла, держа руку на кнопке включения пневмопушек. Над прозрачным куполом кабины, в нескольких десятках метрах клубилась темнота, готовая в любое мгновение выплюнуть серого убийцу. Убаюкивающим зеленым светом, прямо на стекле кабины светились показания величины радиации.

«Сто восемьдесят. А сколько это будет в наших родных рентгенах в час? Судя по нашим тяжеленным защитным костюмам, речь идет отнюдь не о «предельно допустимых дозах излучения для гражданского населения», – Кедрову вспомнились слова препода на лекции по оказанию первой помощи. – Эх, золотое время было».

Под приколы, шуточки и всеобщее здоровое ржание будущие десантники учились делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Некоторые из курсантов в очередное увольнение грозились посетить классных девочек по сто баксов в час, чтобы хорошо закрепить теорию. Приглашали и его, Андрея. Он тогда отказался. Тогда у него еще была Люда.

«Люда…», – вычеркнутый из сердца, заклейменный как предатель, образ девушки всплыл в памяти мужчины. Невыносимо захотелось прижать ее к себе, растрепать густые длинные волосы, впиться губами в нежные губки, схватить в охапку, утащить куда-нибудь на сеновал и больше не сдерживать своих желаний и рук.

– Едут, – остужающе раздалось в шлеме.

Разрезая темноту лучами фар, к ним приближался транспортер. Как и договаривались, Кедров вылез из кабины и пошел к нему навстречу. И едва тяжелая машина замерла на месте, он ловко вскочил на нее и подошел к командирской кабине.

– Вылазь, – последовала короткая команда, подкрепленная для убедительности покачиванием бластера перед глазами перепуганного чела.

Командир недавно сменившегося экипажа безропотно вылез из кабины.

– Давай, лезь в мою кабину.

Чел бегом кинулся к транспортеру Кедрова.

– Тебя тоже это касается, – дуло бластера уже смотрело на второго члена экипажа.

Второй чел быстро засеменил к кабине Люка.

Напарник землянина, подождав, пока Андрей занял место в кабине, вылез из своей:

– Стоять здесь в течение двух часов. Иначе… – лазерный луч сверкнул рядом с ухом перепуганного чела.

Довольный произведенным эффектом, Лю подошел к штырю антенны и, поднатужившись, вырвал ее из гнезда. Перед тем, как сесть в свободную кабину чужого транспортера, он показал ошеломленным челам два растопыренных пальца на вытянутой к ним руке – два часа.

– Ну что, будут стоять два часа? – Андрей умело перестыковал контейнера с рудой и сразу же разогнал чужой тягач до максимальной скорости.

– Два не два, а час точно будут стоять, приходить в себя. Нам хватит.

Андрей и Лю поступили правильно. Увидев прибывающий на базу транспортер с того комбайна, к которому была послана машина охраны, но без нее, кроки, естественно бы насторожились. А так для них это был обычный сменный экипаж, прибывающий на базу для отдыха.

Они сразу решили не брать с собой челов, высаженных со своего транспортера. Во-первых, уже просто не было времени объяснять им, что к чему. Во-вторых, на чем их везти на базу? На засвеченном транспортере?

«Извините, ребята. Но в этот раз без вас. Еще, может, благодарить будете, если у нас не получится. Живы останетесь. Еще три-пять лет тут протянете. Нет, не будут они нас благодарить. Потому что мы вырвемся отсюда. Обязательно вырвемся», – сжав губы, Андрей Кедров гнал транспортер на базу.

– Андрей, надо снять «ошейник».

Землянин, лишь согласно кивнул своему напарнику. Находящийся на шее предмет в мгновенье мог оказаться убийцей своего хозяина, вернее подопечного. Настоящие хозяева этого тонкого и легкого колечка находились на базе. И вполне могло оказаться так, что по какому-то кодированному сигналу, это колечко могло убить или, по крайней мере, обездвижить своего подопечного. Электрический ток, какой-нибудь газ или обычный взрыв – мало ли какая начинка скрывается под блестящей поверхностью коммутатора.

Правда, они лишаться возможности общаться. Но выбора не было.

Опыт снятие «ошейника» у Кедрова уже имелся. Больше не говоря ни слова, он быстро снял с себя шлем, нащупал рукой стальной ободок, поднес к нему бластер и решительно нажал на курок. Не обращая внимания на боль в шее, российский офицер, поднатужившись, разогнул кольцо и снял его.

Его напарник внимательно наблюдал за всеми этими манипуляциями. Увидев, что Андрей отбросил от себя изувеченный коммутатор, он жестом показал, чтобы тот сделал то же самое с его «ошейником».

«Да, чем развитее цивилизация, тем нежнее ее члены», – мелькнуло в голове у землянина и тут же ему стало неловко. Ведь Лю вполне мог прочесть эти его мысли.

«Ну извини, браток. Ляпнул – не подумал. Мало ли по каким причинам ты сам не можешь его снять», – Кедров с трудом втиснулся в кабину к напарнику.

Лю тут же снял с себя шлем. Ободряюще улыбнувшись, русский поднес бластер к шее чела. Вспышка. И вот уже еще один коммутатор оказался без своего подопечного. Транспортер продолжал свой путь на базу.

– Папка, ты только вернись. Обязательно вернись, – Эльдира прижалась к груди отца.

– Ну конечно вернусь.

– Нет, ты поклянись, что ты вернешься. Учти, если это не так, – девушка старательно избегала слов «не вернешься», – то еще не мало фроловских парней будут валяться под помостом на Празднике Любви.

– Ну тогда точно вернусь. Клянусь! – ДарВул засмеялся и нежно похлопал дочь по широкой спине. – Ну все, Дирка, дай мне с мамой попрощаться, – Главный Командор легко отстранил дочь и подошел к жене.

– Прощай, Сарфула.

– До свидания, Главный Командор.

Мужчина улыбнулся и молча обнял женщину.

– Береги, Дирку. Она у нас хорошая девушка, только бедовая.

– Вся в тебя.

– Ну все, мне пора…

– Матрул…

– Да, Сафи.

– Ты возвращайся, обязательно возвращайся. Я не могу без тебя, родной, – плечи женщины затряслись в рыдании.

– Ну вот и ты туда же. Вернусь я, вернусь.

И всю дорогу в космопорт Главный Командор продолжал повторять про себя эти слова: «Вернусь я, вернусь».

А через пять часов, уже на орбите, наблюдая простирающуюся под ним родную Матею, твердым властным голосом он скомандовал:

– Ввести полетное задание.

– Полетное задание введено.

– Объявляю десятиминутную готовность к гиперпространственному прыжку.

Рейд фролов на Гамед начался.

Транспортер медленно въехал в ворота базы. Сразу за ними располагалась специальная транспортная площадка. Андрей и Лю должны были поставить туда тягач с контейнером, после чего в сопровождении двоих охранников проследовать в свой отсек жилой зоны.

Замедляя ход, транспортер подъезжал к месту стоянки. Метр, полметра до белой разметочной полосы.

«Ну, поехали!» – Андрей, что называется до полика, утопил педаль газа. Многотонная махина резво рванула вперед. Чуть потянув на себя левый рычаг, Андрей подмял гусеницами крока из обслуживающего персонала и через секунду в бок ударил машину охраны. Высунувшейся из кабины Лю, тут же двумя выстрелами прикончил в ней опешивших кроков.

Теперь взялся за бластер Андрей. Несколько выстрелов и на транспортной площадке не осталось ни одного вооруженного крока. А его напарник, выкинув труп крока, уже положил руки на пульт управления машиной охраны.

Завыла сирена.

«Ну, сейчас начнется», – Андрей, выбравшись из транспортера, быстро взобрался по лестнице на козловой кран. Этим краном перегружались контейнеры с рудой на специальный автопоезд, который затем доставлял их на поверхность планеты.

Андрей и Лю отлично понимали, что единственный шанс вырваться на поверхность Гамеда, это действовать быстро, решительно, дерзко. Максимально используя фактор неожиданности. Помогало им и то, что они досконально знали всю технологию работ на базе, так как уже не первый раз доставляли туда руду.

Ударом ноги землянин распахнул дверь. В кресле машиниста крана сидел перепуганный крок. Российский офицер бластером указал на контейнер на транспортере. Затем указал на поезд. Крок поспешно обернулся к пульту управления. Через пять минут контейнер уже стоял на платформе поезда.

Охрана рудника, получив сигнал тревоги, с транспортной площадки, попыталась было проникнуть туда. Но Лю, комфортно обосновавшись в машине охраны, щедро поливал два прохода, ведущие к нему «горячими» квантами лазерных лучей.

В это время на транспортной площадке находились еще два экипажа челов, вернувшихся со смены. Ничего толком не понимая, но видя, что их товарищи убивают ненавистных кроков, они, подобрав оружие, присоединились к ним. В принципе, другого выхода у них не было,

вернее им его не оставили Лю и Андрей. Челы отлично понимали, что кроки уже не будут разбираться, кто начал восстание и кто принимал в нем участие. Все челы, находившиеся на транспортной площадке в тот момент, когда Андрей раздавил первого крока, автоматически подлежали уничтожению. Поэтому, похватав оружие у убитых охранников, они быстро, без лишних проволочек пристрелили безоружных кроков из технического персонала.

Охрана, поняв, что на техническую площадку так просто не прорваться, заблокировали проходы, ведущие в жилую зону и на склады. Не особое рвение кроков в подавлении смуты можно было легко понять. Куда эти челы-самоубийцы на технической площадке денутся? В жилую зону, чтобы объединиться с остальными челами и фролами им не прорваться. Прорываться на поверхность? Стоящий на выходе огромный массивный стальной щит отметал такую возможность. Так чего лезть на рожон, рискуя получить в грудь лазерный луч? Перекрыть подачу воздуха на транспортную площадку и через десять-двенадцать часов можно идти подбирать трупы.

Тем временем на базу продолжали съезжаться сменившиеся экипажи. Три, пять, десять, пятнадцать, двадцать, двадцать один экипаж. Все.

«Очко, – невольно усмехнулся землянин. – Теперь пусть тянут карту кроки. Поглядим, сколько у них получится», – Кедров посмотрел в глаза кроку.

– Ладно, живи, – Андрей стал спускаться с крана.

Выставив охрану, люди окружили Лю, который им что-то объяснял. Судя по жестикуляции, он предлагал людям немедленно избавиться от коммутаторов на шее и объяснял, как это можно сделать. Некоторые тут же стали снимать их, другие выжидающе смотрели на товарищей, ожидая, что из этого получится.

«Теряем темп, – в голове землянина словно тикал невидимый таймер обратного отсчета, и Кедров буквально каждой клеткой своего организма чувствовал, что скоро он обнулиться. И тогда шансов на спасение никаких.

Лю продолжал говорить, объясняя людям, что делать. Несколько человек устремились к автопоезду. Необходимо было специальным образом его сформировать – впереди поставить платформу, на которой стоял контейнер, с рудой, добытой Лю и Андреем. За ней должен был стоять тягач, а за тягачом все остальные контейнеры с рудой.

Землянин даже не сразу понял, что произошло. С десяток человек безмолвно, как подкошенные, упали на землю.

«Ошейники! – наконец догадался Андрей.

Кроки, очевидно, вычислив, кто сейчас находится на транспортной площадке, активизировали какую-то функцию коммутатора, в результате чего челы и фролы, не успевшие их снять, или погибли, или были парализованы. В любом случае для них все. Они навсегда останутся здесь. У их более проворных товарищей все еще оставался шанс на спасение.

Челы бросились к своим упавшим товарищам. Спустя несколько секунд стало ясно – те мертвы.

«Так даже лучше. Больше мучаться они не будут», – землянин подошел к одному из оставшихся в живых челу, тронул за плечо и показал на платформы с контейнерами. Надо спешить. Оплакивать погибших будем потом… Если сами останемся в живых.

После небольшой растерянности, работы возобновились. Наконец, автопоезд был сформирован. Лишь один Лю все еще ковырялся в кабине управления тягача. Андрей подошел к нему. При помощи бластера вскрыв верхнюю панель пульта управления, напарник россиянина копался в его электронном чреве.

«Мда…будем считать, что Лю знает, что делает. И все равно, это почти то же самое, что голыми руками сделать трепанацию черепа и покопаться в мозгах с целью, например, сделать их обладателя абсолютно бесстрашным. Хотя я читал, что древние египтяне в человеческих черепушках дырки делали и не только на войне».

Напарник Кедрова вылез из кабины, что-то ему сказал и указал рукой на массивные ворота, закрывающую наклонную штольню, ведущую наверх.

«Все, можно ехать. А там будь что будет», – землянин сел в машину охраны.

Остальные челы сели в свои транспортеры. Лю подошел к рубильнику около ворот и рванул его вниз. Кедрову сначала показалось, что ничего не произошло. Стальная пластина ворот даже не пошевелилась. Наконец он услышал свист и сразу все понял. Кроки не стали строить огромную шлюзовую камеру для автопоезда. Они посчитали, что проще, после отправки его наверх, поменять воздух на транспортной площадке. Поэтому сразу за воротами находилось пространство штольни, заполненное аммиаком – атмосферой Гамеда. И если бы ворота распахнулись сразу, находящийся под более высоким давлением аммиак, подобно урагану, ворвался бы на базу, сметая все на своем пути.

Свист усиливался. Давление по обе стороны от ворот выравнивалось. Наконец медленно стальная плита стала отъезжать вбок. Людям открылся скупо освещенный просторный ход, довольно круто поднимающийся вверх. Лю сел в кабину тягача, и колонна машин двинулась вверх. Первым ехал автопоезд, тянущий платформы с контейнерами, за ним, в ряд по две ехали транспортеры. Замыкал колонну Андрей на машине охраны. Две лазерных установки смотрели на открытый проем входа в базу, за которым вперемешку лежали трупы челов, фролов и кроков. Смерь примирила всех: и людей, со спиралью ДНК, закрученной влево, и людей, чья спираль ДНК имела совершенно противоположное направление завивки.

Через полчаса движения колонна остановилась. Впереди, в каких-то двух километрах был виден щит. Даже не щит, а Щит – огромное стальное сооружение, метров пятнадцать в диаметре, с торчащими по его периметру соплами пневмопушек. Кроки тут, на руднике опасались не челов или фролов, а серой волны. Действительно, кто такие челы или фролы? Обычные живые существа, медленно передвигающиеся, неспособные существовать тут без защитного костюма и которых легко можно убить обычным лазерным лучом. А серая волна – это другое. Мгновенно возникающее буквально из ниоткуда, двигающееся со сверхзвуковой скоростью, убивающее мощным рентгеновским лучом непонятно что было по настоящему опасно. Поэтому и смотрели внутрь Гамеда с десяток пневмопушек, готовые в любое мгновение рявкнуть сверхзвуковыми струями аммиака и разнести эту страшную серую нечисть. А двухметровая сталь надежно защищала людей от жесткого рентгеновского излучения. Единственное, что предусмотрели кроки против своих заключенных, это то, что Щит мог выдержать лобовой удар тяжелого и мощного тягача автопоезда. А каким еще оружием могут завладеть эти несчастные? Бластерами и лазерными установками машины охраны. Испугали! Не атомной же бомбой?! Ха-ха-ха!

Вид Щита у Андрея трепета не вызвал. Почему-то он полностью был уверен в плане своего напарника.

«Ничего. Подумаешь, большой чопик. Выбьем, куда он денется!»

Землянин был уверен и в том, что они сумеют захватить на планете какой-нибудь звездолет и улететь отсюда, что называется по-английски, не прощаясь. Если, конечно, не считать прощанием вывороченную пятнадцатиметровую глыбу металла. А звездолетом Лю, как оказалось, управлять умеет.

«Темнит что-то напарник. Странные какие-то у челов врачи. И в электронике разбираются, с бластеров очень даже неплохо стреляют, и звездолетами умеют управлять. И атомную бомбу запросто могут сделать. Какие-то спецназовцы, а не врачи».

Мелькнула какая-то тень, и в свободную кабину вскочил Лю. На лице напарника землянина сияла азартная улыбка. Автопоезд продолжал свое движение без него. В тягаче за хозяина остался бортовой компьютер. Выполняя волю человека, он на максимальной скорости вел автопоезд прямо на Щит. Освещая панель управления красным светом, горела лампочка – обесточены насосы системы охлаждения реактора. Но у компьютера глаз нет, а соответству-

ющий сигнал, после того, как Лю покопался в пульте управления, до электронных мозгов не доходил. Для него все было в норме, а поэтому вперед на Щит! Так приказал человек.

– Ну и на что они надеются? – начальник охраны щита полковник О'Тонни Дорк смотрел по монитору, как к щиту приближается автопоезд. – Они что, решили его протаранить?

Начальник караульной смены майор О'Ралли Ламан неопределенно пожал плечами:

– Пусть таранят. Ничего они ему не сделают. Под ним и подохнут. Аммиаком, надеюсь, они еще не научились дышать.

– Там, внизу побудешь, не только аммиаком дышать научишься. С серой волной от тоски и безысходности переспишь!

Кроковские офицеры расхохотались.

– Внимание! Экстренное сообщение, – неожиданно ожил монитор внешней связи. – Три фроловских звездолета прорвались через внутренней периметр космической обороны и вошли в атмосферу Гамеда. Два звездолета уничтожены наземными противокосмическими средствами. Один продолжает полет в вашу сторону. Приготовиться к возможному десанту.

– Не нравиться мне все это. Восстание, рейд фролов. Не одна ли эта операция? – полковник Дорк нахмурил лицо. – Что там внизу?

– Тихо, – на мониторе высветилось лицо начальника подземной охраны рудника. – Ребята провели шмон среди заключенных. Ничего подозрительного не нашли. Но на всякий случай, пару человек посадили в изолятор. Ситуация полностью под контролем.

Помещение охраны заполнил резкий скрежещущий звук, доносящийся из динамиков.

– Все, уперлись в щит, – полковник Дорк еще с полминуты наблюдал, как передняя платформа с контейнером, толкаемая тягачом, вибрируют, упершись в непреодолимую преграду. – И у нас под контролем. Сейчас чуть-чуть поскребутся и затихнут… Что за черт!

Ему на мгновение показалось, что щит, не устояв под натиском многотонной махины, дрогнул. Да нет же, дрог….

Ударная волна ядерного взрыва, встретив на своем пути щит, ударила по нему всеми своими сотнями атмосфер. Не рассчитанное на такое воздействие крепление щита не выдержало. Первым поддалась левая сторона. Забетонированные анкерные болты были вырваны с «мясом». Многотонная конструкция хлопнула, будто форточка на ветре. Стальная пятнадцатиметровая плита, провернувшись на креплении с правой стороны, ударила по помещению охраны, смяв и сплющив все, что там находилось.

Полковник Дорк уже не услышал вой падающего с неба фроловского тяжелого крейсера.

Яркая вспышка озарила полутемную штольню. Будто чья та невидимая гигантская рука схватила многотонные контейнера и швырнула их назад, в глубину Гамеда. Атомная бомба Лю сработала!

Идея напарника Андрея была проста, но из той простоты, что граничит с гениальностью. Работая в руднике, Лю заметил, что радиоактивность пород разная. Например, тот же вожделенный для кроков тардис практически не излучал. А вот попадающиеся темно-зеленые прожилки в стенах пустот при поднесении к ним счетчика радиации заставляли того сходить с ума. Лю сделал вывод, что эти прожилки руда, содержащая большое количество урана. Естественно, чел знал, что для атомной бомбы необходим уран двести тридцать пятый, составляющий менее процента от более распространенного урана двести тридцать восьмого. Напарник Андрея надеялся, что раз эта руда так фонит, то там нужного урана будет хотя бы процент. Лю и не собирался делать классическую атомную бомбу. Ему нужно было создать взрывчатку, достаточную, чтобы вышибить щит. Для этого, вместе с Андреем, он набил двадцатитонный контейнер темно-зеленой рудой. И поставил его первым в автопоезде, перед тягачом с атомным реактором. На базе, он, вскрыв пульт управления, понял, как отключить насосы системы охла-

ждения реактора и там же выломал реле, докладывающее бортовому компьютеру, что давление в контуре охлаждения ниже допустимого. Бластером ослабил замки на крышке контейнера. За километр до щита, он, переведя тягач на автономное управление, выключил насосы охлаждения. Минуту без охлаждения реактор держался. Этого времени хватило, чтобы доехать до щита. От удара об него, замки не выдержали, и двадцать тонн радиоактивной руды высыпалось прямо на тягач. И тут пришла очередь реактора. Расплавившись, активная зона прожгла контур охлаждения, и охлаждающаяся жидкость соприкоснулась с тысячами градусов. Мгновенно образовавшийся пар разворотил активную зону. Миллиарды и миллиарды нейтронов обрушились на руду, разнося вдребезги ядра урана двести тридцать пять. По сути, взорвались мириады миниатюрных атомных бомб. Один процент от двадцати тонн руды – это двести килограмм урана двести тридцать пять. Если даже нейтроны «вынюхали» один процент нужных ядер, то это целых два килограмма – значительно больше, чем в портативных ядерных устройствах и только раз в двадцать меньше атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. Неудивительно, что щит кроков не выдержал.

Защищать Лю и Андрея от атомного взрыва должны были контейнеры с рудой, предназначенные для отправки на поверхность. И полсотни двадцатитонных контейнеров, плюс километр расстояния, плюс транспортеры, на которых ехали челы, плюс машина охраны выполнили эту задачу.

– Держись! – Андрей уцепился за пульт управления.

Тяжелая машина заскрежетала, начала подниматься на дыбы. Но гравитация в этом споре победила давление. Машина охраны, замерев на мгновение в таком неестественном для себя положении, рухнула вниз.

– Все, получилось! Молодец, Лю! Вперед! Даешь Гамед! – выжимая из машины все, что можно, Андрей Кедров рванул вперед, лавируя между стоящими и опрокинутыми транспортерами. Дальше пошли разбитые контейнеры. Расталкивая их, круша гусеницами, Андрей и Лю стремились к отчетливо видимому грязно-оранжевому небу Гамеда.

«И все же я свою задницу в кресле Главного Командора не зря протирал – своих людей кой чему научил. Хотел бы я видеть, кто еще смог бы повторить такой маневр», – Матрул ДарВул, сидя в кресле командора эскадры, по монитору наслаждался зрелищем разворачивающейся им разработанной операции.

Два фроловских крейсера, в ста тысячах километрах от Гамеда вели бой с четырьмя кроковскими звездолетами. Еще один звездолет фролов с противоположной стороны в режиме форсажа пер прямо на планету, не обращая внимания на два кроковских крейсера и эсминец, болтающихся у него на хвосте. Уничтожить его было практически невозможно – болванка, почти вся забитая старыми защитными экранами, с топливом, плескающимся на самом дне топливных баков, была неуязвима для лазерных лучей. Вот на таком форсаже она должна была войти в атмосферу Гамеда и ярким метеоритом, перечеркнув густое, буро-желтое небо, врезаться в планету. Если повезет, то за собой она может прихватить какой-нибудь кроковский звездолет, чей командир будет особо ретиво ее преследовать. Но не это было главное. Целых три фроловских звездолета, с утрамбованным в их отсеках десантом, вынырнули из гиперпространства в какой-то тысяче километров от планеты, оставив за спиной все космическую охрану планеты.

Да, это было чрезвычайно опасно. Малейшая ошибка в расчете, неверная восьмая цифра после запятой в определении градиента гравитационного поля планеты или скорости движения ее по орбите и грозные космические машины запросто могли выйти из гипера в районе ядра Гамеда. Но не зря Главный Командор терпеливо, скрупулезно производил разведку этой сверхважной планеты. Недаром, отрабатывая методику расчета точки выхода из гиперпространства, он, не жалея дефицитного топлива, раз за разом на одном из звездолетов тестиро-

вал различные трассы. В итоге – тысяча километров! Чуть более сорока секунд полета! Теперь попробуйте перехватить, ублюдки правосторонние.

– Выполнить коррекцию на цель! – по рубке загремела команда командора крейсера «Матея» Марзула ДарСонрока.

«Каков командирский голос. Мой ученик», – Главный Командор и по совместительству командор эскадры ДарВул, не вмешиваясь, наблюдал за происходящим.

Бортовой компьютер, сопоставив в своей «голове» свои координаты и координаты цели – обогатительного завода, выдал команды на двигатели коррекции. На корпусе звездолета прорезались языки пламени – включились ракетные движки. Флагманский звездолет начал медленно опускать нос, словно пытаясь поцарапать близкую планету. Ощутимо навалилась перегрузка. А компьютер все подавал и подавал свои электронные команды на двигатели коррекции, все сильнее загибая траекторию корабля.

Секунда, другая. Наконец, долгожданная команда:

– Мы на посадочной глиссаде! Включить режим торможения!

Теперь перегрузка навалилась всерьез. До кругов перед глазами.

«Да, стар я уже стал. Раньше, при таких режимах, мог и сорон спокойно через соломку потягивать».

Взвыла сирена.

– Лазерная атака. Шестьдесят процентов повреждения головного защитного экрана, – бесстрастно доложил компьютер.

«Да нет, ублюдки, не успеете».

– Залп по обнаруженной цели!

Звездолет чуть тряхнуло – две ракеты, набирая скорость, обогнав пославший их корабль, устремились к цели.

Еще раз заревела сирена. В рубке погасли потолочные плафоны.

«Молодец. Все силы на защиту корабля», – старый командор мысленно похвалил бортовой компьютер, словно он был живым существом, самостоятельно принимающий правильные решения.

– Лазерная атака. Девяносто процентов повреждения головного защитного экрана, – и, не меняя своего спокойного тона, тут же продолжил, – Внимание. Ракетная атака.

«А вот это уже очень плохо, – опытный командор буквально кожей почувствовал миллисекундную паузу – компьютер мгновенно перетасовывал возможные варианты дальнейших своих действий, выбирая оптимальный. – Совершаю противоракетный маневр, – огласил свой вердикт электронный мозг.

Но люди его уже почувствовали раньше, чем были произнесены эти слова. Бортовой компьютер действовал быстрее, чем говорил. При таких скоростях движения корабля и атакующих его средств, человеческий мозг уже был не в состоянии обрабатывать льющуюся стремительным потоком информацию и принимать решения. Поэтому электронный мозг в таких ситуациях уже даже не спрашивали разрешения у своего органического собрата на свои действия.

А перегрузка уже резвилась во всю, прессуя людей в ложементы, спирая у них дыхание.

В полуобморочном состоянии ДарВул смотрел на экран монитора. Уходя от ракет, компьютер уже далеко увел звездолет от глиссады, заканчивающейся около обогатительного завода. До поверхности оставалось около двадцати пяти километров. Рядом светились показания скорости: около двух километров в секунду по вертикали и чуть больше километра в секунду по горизонтали.

Опытный человеческий мозг сразу все понял.

– Посадка в заданном районе невозможна, – тут же компьютер подтвердил вывод человека.

Все находящиеся в рубке фролы, невольно посмотрели на старого командора. Теперь решение должен принять он. Компьютер тут не помощник.

«Уходить? А потом всю оставшуюся жизнь видеть ухмыляющееся лицо СакВока? Лучше смерть!»

– Садимся! Режим восемьдесят!

«Вернусь я, вернусь» – эх, обманул я тебя, наверное, Дирка».

Еще сильнее опустив нос, звездолет стремительно уже почти просто падал вниз.

Сирена предупреждения атак выла беспрерывно.

– Лазерная атака. Семьдесят процентов повреждения третьего бокового защитного экрана.

«Не достанут!»

Семь километров до поверхности.

– Объект шесть. Ядерный взрыв, – абсолютно нереально прозвучало в данной обстановке сообщение компьютера.

О, недаром последние несколько месяцев Матрул ДарВул буквально жил идеей рейда на Гамед. Поэтому, ему не надо было даже тех мимолетных нескольких десятых секунды, чтобы вспомнить, что подразумевается под объектом шесть. По неизвестной причине на одном из рудников Гамеда произошел ядерный взрыв. Стальной щит, перекрывающий доступ внутрь рудника разрушен, иначе компьютер и не заметил бы этот ядерный взрыв. Не получилось достать чистый эрцерий? Руда тоже подойдет!

– Перенацеливание на объект шесть!

Пять километров до поверхности.

И вновь трудяга компьютер, переварив систему сложнейших навигационных уравнений, стал заводить звездолет на новую цель.

Три километра до поверхности.

– Приготовиться десантной группе!

В жилом отсеке взвыла сирена. Три сотни человек синхронным движением опустили щитки на шлемах. Тридцать человек вскочили со своих кресел и, несмотря на перегрузку, расположились около трех десантных люков. Лучшие из лучших. Они первыми окажутся на поверхности Гамеда, чтобы прикрыть высадку остальных своих товарищей.

– Мы на посадочной глиссаде. Выпускаю тормозные закрылки.

Огненным болидом «Матея» неслась к земле.

Один километр до поверхности.

– Включаю экстренное торможение.

Все, Рубикон пройден. Выполнив последнюю команду, компьютер уже будет не в силах изменить траекторию корабля. Любая попытка сделать это приведет к потере устойчивости огромной машины и простому, банальному падению на поверхность планеты.

Восемьсот метров, шестьсот, четыреста, двести….

– Включаю посадочный импульс.

Звездолет тряхнуло до перехватывания дыхания.

– Посадка.

Сильный толчок.

«Бедные ребята-десантники», – морщась от боли, ДарВул нажал кнопку освобождения от ремней кресла.

А тридцать человек, по десять на каждый люк, в защитных костюмах уже прыгали на Гамед, с ходу открыв огонь по крокам. В пятидесяти метрах от них зиял развороченный вход в рудник. Бортовой компьютер «Матеи» свою задачу выполнил безукоризненно.

«Нет, но словно сам Всемогущий Картан не хочет, чтобы я использовал этого чела, – кусая губы, бригадный генерал О'Локки Сарб на экране внешнего обзора наблюдал, как фролы, блестяще обманув космическую оборону Гамеда, тремя звездолетами ринулись на обогатительный завод. – Вот когда позавидуешь звездолетам фролов. Пусть лишний вес на защиту, зато могут сами садиться, со всем вооружением».

Крейсер директора Службы Государственной безопасности прибыл в район Гамеда семь часов назад, вынырнув из гиперпространства в двухстах тысячах километров от планеты. Уже, практически подойдя к планете-руднику на обычных двигателях, Сарб стал свидетелем неожиданной, дерзкой атаки фролов.

«Так может послушаться Его и пусть этот чел догнивает в своем руднике?», – генерал не сводил глаз с экрана.

Ему было отчетливо видно, как лазерные лучи наземных лазерных установок противокосмической обороны впиваются в окутанные раскаленной плазмой атмосферы Гамеда корпуса фроловских звездолетов. Вот один из них мгновенно превратился в огромный огненный шар.

– Есть один!

В это мгновение датчик обнаружения показал, что буквально рядом с его крейсером возник, появившись из гиперпространства, эсминец. Сирена тревоги не зазвучала – свой эсминец. Едва оказавшись в трехмерном пространстве, он выбросил из себя большой десантный бот, который тут же включив тормозной двигатель, нырнул к планете.

– Кто это там такой отчаянный?

– Эсминец «Стерегущий -10». Командир – полковник О'Троппи Варк, – тут же ответил командир крейсера, сверившись с компьютером.

– Еще один! – выкрикнул кто-то у Сарба за спиной.

Генерал быстро посмотрел на экран монитора. Гамед украсился еще одним огненным шаром. Третий фроловский звездолет, атакованный ракетами, уходил круто влево. Бот с эсминца пытался повторить за ним этот маневр, но, не имея такой скорости, как у звездолета, заметно отставал.

– Ядерный взрыв на втором руднике!

«Там где этот чел! Нет, ну точно Всемогущий Картан решил вмешаться в возню людей».

– Крейсер фролов атакует рудник!

«К черту все! Мне нужен этот чел! И мне сейчас не помешает ни Всемогущий Картан, ни натрак, ни тем более полковник Варк!»

– Экстренное снижение! На рудник!

– Сгорит вся защита! – командир крейсера полковник Свор удивленно посмотрел на генерала.

– Потом отремонтируем! Садимся!

В рубке управления тут же закипела работа.

– Ввести координаты цели.

– Включить предварительное торможение.

– Есть параметры спуска.

– Торможение!

И еще один звездолет, словно споткнувшись, вонзился в атмосферу Гамеда.

Отвыкший от открытых пространств, землянин на мгновение растерялся. Перед ним простиралась серо-черная пустыня, на горизонте смыкающаяся с грязно-буро-оранжевым небом Гамеда. Прямо от выхода с рудника, рассекая пустыню, рванула бетонка, заканчивающаяся в километре небольшой бетонной площадкой. На ней стоял огромный самолет, фирмен-

ного кроковского цвета – черного. Слева и справа от бетонки стояли куполообразные сооружения.

Но разглядывать открывшийся пейзаж у Кедрова времени не было. На поверхности Гамеда кипел бой. Буквально в пятидесяти метрах от российского офицера-десантника стояло черное башенообразное сооружение. Из него выпрыгивали люди, одетые в бело-синие костюмы и такой же раскраски шлемы. В руках у них были уже знакомые землянину, похожие на автоматы, лучеметы из которых время от времени били яркие вспышки. Сразу же Андрей увидел и мишени бело-голубых стрелков. Кроки в своих черных костюмах, прячась за куполообразными сооружениями, вели ответный огонь. Били лазерные лучи и из куполов. Вели огонь и несколько машин охраны. Неожиданно из «башни» ударило сразу несколько ослепительно ярких лучей. Одна из машин охраны, куда уперся один из лучей, мгновенно взорвалась. Такая же участь постигла и одно из сооружений. А из другого повалил черный дым.

«Свои!» – землянин по-военному быстро оценил обстановку и понял, как ему действовать.

– Лю, давай по машинам охраны, – закричал он, забыв, что тот его не понимает.

Машина с Лю и Андреем рванулась вперед. Но Лю, очевидно, понял своего напарника. Две лазерных пушки их машины резво повернувшись, открыли огонь.

«Андрей, давай к звездолету», – прозвучало в голове у землянина.

Не раздумывая о природе этого голоса, Кедров, подмяв зазевавшегося крока, крутанулся на девяносто градусов и устремился к призывно распахнутому люку «башни».

Застыв у монитора, Главный Командор смотрел за разворачивающимся боем. Его люди, быстро десантировавшись, теснили кроковскую охрану рудника, вход которого зиял огромной дырой.

«Лезть туда? А если кроки сумеют захлопнуть дырку? Что тогда? А зачем тогда рейд? Мы же летели за эрцерием», – мысли одна за другой проносились в голове старого космического волка.

Он ничего не успел скомандовать. Из провала выскочила кроковская машина, вооруженная двумя лазерными установками и неожиданно открыла огонь по своим. Затем, резко развернувшись, устремилась прямо к звездолету.

– Пропустить! – скорее интуитивно, чем осознанно приказал ДарВул.

Из развороченного входа в рудник стали выезжать еще машины. Судя по тому, что кроки стали стрелять и по ним, там сидели челы или фролы.

– Лазерная атака, – голос компьютера прогремел как гром среди ясного неба. – Семьдесят процентов повреждения второго бокового защитного экрана.

– Бот сверху! – вскрикнул командор крейсера ДарСонрок. – Высота двадцать! Удаление шестьдесят!

«Я бы тоже так поступил», – Главный Командор понял замысел крока, управляющего ботом.

Лупя из лазеров, идти прямо на его крейсер, а возле самой поверхности дать максимальный импульс маршевым двигателем. Могучий столб пламени наверняка завалит крейсер и почти наверняка взорвет. А геройский бот лишь тряхнет этим взрывом. Браво, командир. Крути дырку для ордена.

– Крейсер сверху! Высота сорок! Удаление сто двадцать!

«А это уже чтобы наверняка. Эх, не сдержал я клятву перед дочерью», – ДарВул оцепенело смотрел, как машины с рудника подъезжают к его крейсеру.

Бригадный генерал Сарб не сводил глаз с экрана монитора. Его крейсер, медленно сбрасывая скорость и высоту, несся над Гамедом. В центре экрана пульсировала зеленая точка – бот с эсминца «Стерегущий -10».

– Бот открыл стрельбу по фроловскому крейсеру!

Сарб скрипнул зубами, затем глухим голосом приказал:

– Уничтожить бот.

Полковник Свор изумленно посмотрел на своего начальника. А тот, глядя прямо офицеру в глаза, отчеканил:

– Уничтожить бот. Выполнять!

Служа у Сарба, Свор давно понял, что приказы могущественного директора Службы Государственной безопасности необходимо беспрекословно выполнять, какими бы они не были. Безопасность государства достигается разными путями…

– Цель четыре. Главный калибр. Уничтожить!

Через секунду три шестисот мегаваттных луча превратили маленький бот в раскаленный плазменный шар.

– Сбой в системе прицеливания. Напишите рапорт на мое имя. А сейчас уходим на орбиту, – прочертив огненный след в небе планеты, крейсер «Адмирал Сарб» скрылся за горизонтом.

«Великий Мортон, спасибо тебе за Твою милость. Спасибо, что не забываешь раба твоего ничтожного Матрула ДарВула», – наверное, впервые в жизни старый космический волк, участвовавший в десятках кровавых рейдов на кроковские базы искренне, до слез в глазах молился Богу фролов.

И как тут не поверить в чудо, когда на твоих глазах кроковский крейсер в упор расстреливает кроковский же бот, неотвратимо падавший на них с небес словно Божья кара.

– Командор, что дальше? Идем в рудник?

«Нет, хватит играть со смертью в прятки. Пару десятков человек спасли. Рейд оправдан».

– Забираем всех с рудника и уходим.

Через несколько минут фроловский звездолет нырнул в низкие темно-бурые тучи Гамеда…

Высокий, выше ее отца, и даже шире его в плечах молодой чел с рудника спускался по трапу.

«Такого под помост, в пыль не бросишь. Он сам кого хочешь, бросит», – Эльдира еще секунду рассматривала молодого светловолосого мужчину, затем с криком:

– Папка! – бросилась на шею Главному Командору.

Тот только крякнул от напряжения, удерживая дочь.

Глава 16

– Итак, ставлю вопрос на голосование. Кто за предложение уважаемого Главного Судьи прошу голосовать, – Глава Верховного Совета Достойных Варзарул СакТардол обвел глазами присутствующих.

В зале совещаний воцарилась тишина. И в этом безмолвии стали загораться яркие синие фонарики в изголовьях кресел членов Совета. Один, второй, третий, четвертый, пятый, шестой…

– За предложение уважаемого Главного Судьи проголосовало шесть человек, большинство. Предложение принято. Итак, до полного прочтения информации, которую кроки ввели в мозг чела Андрея Кедрова, его и его товарищей с Матеи не выпускать.

В зале совещаний на мгновение вновь воцарилась тишина, тут же прерванная человеческим голосом.

– Руфи, все эти твои слова, что опасно для нас, фролов, отправлять этого чела к своим, так как неизвестно, что кроки всунули в его голову, просто отговорки. Пусть челы сами решат, верить этой информации или нет, – Главный Командор Матрул ДарВул говорил тихо, не повышая голоса. И лишь сжатые до белизны на костяшках пальцев громадные кулаки, лежащие на столе, выдавали напряжение этого человека.

– Я еще раз повторю. В голове у этого чела вполне может находиться информация, являющаяся провокацией против нас, фролов, – Главный Судья Руфи СакВок говорил таким же тихим, спокойным голосом. – Возможно, таким образом кроки хотят поссорить нас и челов.

– Это ты сам хочешь поссориться с челами! – Матрул ДарВул не выдержал и выкрикнул эти слова. Ты просто боишься, что челы одержат победу над кроками, и тогда конец твоим планам замирения с нашими врагами! Конец твоим планам стать Главой Совета!

– Уважаемый Главный Командор, соблюдайте элементарные правила приличия. Заседание Верховного Совета Достойных объявляю закрытым, – Варзарул СакТардол, опершись о стол, медленно поднялся с кресла.

– О чем ты сейчас думаешь? – Эльдира приподнявшись, посмотрела на лежащего рядом с ней Андрея.

– Честно?

– Значит что-то неприятное для меня, – девушка задумчиво провела пальцем по губам мужчины.

– Не угадала. Я подумал, что я первый мужчина на Земле, который занимался любовью с инопланетянкой. Обалдеть!

– Тебе это льстит?

– Честно говоря, да.

– А больше ты ни о чем не думал?

– Думал, – мужчина улыбнулся. – Думал, что как мне повезло, что я встретил такую девушку, как ты.

– И попробовал бы ты так не подумать!

– И что бы было? Ты бы меня растерзала?

– Я тебя и так сейчас растерзаю!

И вновь мужское и женское тела сплелись в одно целое, сладостно терзая друг друга, чтобы через несколько пленительных мгновений не только сплестись, но и слиться друг с другом. Слиться и продолжать схватку между собой, в которой оба будут победители.

Неслись быстротечные любовные мгновения, прессуя часы в минуты и сокращая ночь до несколько таких минут, заполненных частым прерывистым дыханием, заканчивающимся протяжным криком-стоном.

– Сумасшедший! Ты, по-моему, сломал мне кровать! – девушка, оседлав мужчину, одновременно пыталась заглянуть вниз, на пол.

– А, по-моему, мы ее сломали вместе. Или ты скажешь, что не принимала в этом участия?

Эльдира, прекратив вольтижировку на Андрее, скатилась с него и сладко потянулась:

– Принимала, принимала. И где ты такой стремительный на мою голову взялся? У нас, фролов совсем не так…

– А у нас, в России говорят: «Пока француз целует даме ручку, русский уже завершает медовый месяц».

– А кто такие французы?

– Немного похожи на вас, фролов…

Чернота ночи за окном медленно растаяла, уступая место напористому рассвету. И вместе с ночью уходили любовные страсти, сменяясь дневными заботами.

– Эльдира, мне надо добраться к своим.

– Ты меня не любишь… – девушка повернулась спиной к мужчине.

– Это ты меня не любишь, – Андрей прижался к девичьей спине.

– Я же не бегу от тебя.

– Давай полетим к челам вместе, ты и я. Я передам им информацию, и мы вернемся назад.

– Верховный Совет Достойных пока не разрешил тебе лететь к своим. Они должны выяснить, что за информацию кроки закачали тебе в мозги, – Эльдира схватила мужскую руку, не давая ей вольготно путешествовать по ее телу.

– Пока они выяснят, этой информации будет грош цена. У них же нет потрошителя мозгов. Эльдира…Дирочка, пойми, мне очень нужно.

– И мы потом вернемся назад, на Матею?

– Клянусь!

– Хорошо, я помогу тебе, но мы летим вместе, – тихо произнесла дочь Главного Командора.

– Только так, декабристка ты моя!

– А кто такая декабристка?

– Я тебе расскажу… чуть позже, – российский офицер неожиданно почувствовал, что его рука вновь получила свободу действий.

«Прелесть, а не девушка. Ураган! А формы! Такая точно и в горящей избе и коня на скаку… – закрывая за собой калитку, Андрей Кедров даже не увидел, почувствовал, какое-то движение за спиной.

Резкий разворот через левое плечо – если понадобиться, правая, основная рука, по инерции так и пойдет дальше, нанося удар врагу.

– Андрей Кедров? – перед ним стояли трое в черно-синей форме фроловской полиции.

Из-за угла, визжа шинами, вынырнул такой же раскраски автомобиль.

– Да.

– Прошу следовать за нами, – тут же двое полицейских подошли и взяли российского десантника за руки. – Советую не сопротивляться. Это только усугубит Ваше положение, – оставшийся стоять перед Андреем полицейский твердо смотрел ему в глаза.

– В чем я обвиняюсь?

– Прошу, – полицейский жестом руки указал на остановившийся рядом с ними автомобиль.

– Эльдира, о чем ты думала! – Матрул ДарВул раздраженно мерил шагами комнату. – Впрочем известно чем, – отец остановился напротив дочери, смотря ей в глаза. – Ты понимаешь, что ты опозорила всю нашу семью? Уже во всех газетах и на всех каналах только и обсуждают твои любовные утехи с этим челом. И что теперь? – ДарВул не сводил глаз с Эльдиры. – Год домашнего ареста, пять лет на запрет участия в Празднике Любви.

– Тоже мне праздник нашли, – фыркнула девушка, не отводя глаз, – я только буду счастлива, что мне не надо больше приезжать на эту ярмарку невест! И как это низко, папа, подглядывать, выслеживать! Кому какое дело, в конце концов! Мы любим друг друга! И этим все сказано!

– И так же, наверное, будешь счастлива, когда мне официально, с публикацией в газетах вынесут выговор за плохое воспитание дочери? – спросил Главный Командор, не обращая внимание на гневную филиппику Эльдиры.

Дочь потупила глаза.

Учитывая, с каким уважением, можно сказать трепетом, фролы относились к Празднику Любви, неудивительно, что они добрачную связь молодых людей возвели в ранг преступления. И действительно, разве можно, чтобы победитель Праздника выбирал себе в жены девушку, которая уже кому-то принадлежала? Разве может она стать примерной матерью своим детям и чему она может их научить?

Юноше, уличенному в такой связи, на два года запрещалось участвовать в Празднике Любви. Для девушки наказание было более суровым. Фролы справедливо полагали, что если девушка не захочет, преступления не будет. А юноша… что ж на то он и мужчина, завоеватель по натуре. Девушке за это преступление полагался год домашнего ареста, и она пять лет не имела права участвовать в Празднике Любви. Правда, существовал древний обычай, ровесник самого праздника, согласно которому молодой человек мог изъявить желания поймать сунгхога. Если ему это удавалось, то он мог жениться на свой девушке, и все обвинения в их адрес автоматически снимались. Но это если поймать сунгхога…

– Тебе не объявят выговор, – дочь вновь посмотрела в глаза своему отцу.

– Это почему же?

– Андрей поймает сунгхога!

Высохший густой кустарник тянулся от скал до самого леса. Под ним проглядывалась темно-серая, почти черная земля, больше похожая на глину. Лениво шевелясь под небольшим ветерком, высохшие ветки терлись друг о друга, издавая неприятный, какой-то сухой звук.

«Будто кости друг о друга стучат, – Кедров и Лю, в окружении нескольких фролов, стояли на небольшой площадке, расположенной на одной из скал, – и черная глина для еще большего повышения оптимизма. Веселенькое местечко. Глина, одним словом».

– Может все-таки откажешься? Мне тут местные аборигены сказали, что шансов у тебя почти никаких, – Лю посмотрел в глаза другу. – За последние пятьдесят лет ни одного удачного случая.

– И опозорить девушку?

– Да это какой-то анахронизм – не спать с мужчиной до свадьбы!

– Действительно анахронизм, – россиянин рассмеялся. – А насчет шансов, какие они у нас были, когда мы бежали с Гамеда? Что-то тогда ты о них не заикался. И вообще, посмотри на этих задохликов, – он, не стесняясь, ткнул рукой в сопровождающих их фролов, – у них может «шансов почти никаких», а у меня, – десантник-спецназовец выразительно сжал свой кулак и напряг мышцы руки, – почти сто процентная вероятность удачной охоты!

Фролы возмущенно зашумели, задетые словами землянина.

– Чел Кедров, еще раз спрашиваю, не отказываешься ли ты ловить сунгхога? – Главный Судья Руфи СакВок начал произносить положенные в таких случаях слова. – Напоминаю, что в случае удачи, все обвинения с тебя и с Эльдиры ДарВул будут сняты, и вы сможете пожениться. Но если твоя попытка окажется неудачной, девушка все равно понесет наказание, которое заслужила.

– Не отказываюсь, судья СакВок, – Андрей, улыбаясь, смотрел на фрола.

Андрею Кедрову по фроловским законом было положено одно свидание с Эльдирой. На нем девушка рассказала о законе, который они нарушали, наказаниях, предусмотренных в этом случае и о том, как их можно избежать. Рассказала она и о своих взаимоотношениях с семейством Главного судьи.

СакВок сделал знак рукой. Сверкнули лазерные лучи и подожженный с двух сторон, сухой кустарник загорелся. Две стены огня ринулись друг на друга, испепеляя все на своем пути. Через десять минут огненные валы соприкоснулись и медленно опали, уничтожив друг друга. Лишь все тот же легкий ветерок гонял по песку остывающий пепел.

Главный Судья, наблюдавший за этим грозным зрелищем в бинокль, довольно рассмеялся и показал рукой на черный провал в земле – вход в нору к сунгхогу – гигантскому десятиметровому удаву.

«А диаметр у этой змейки не меньше метра, – Андрей, прищурившись, рассматривал отверстие в стене. – И сколько же она весит тогда? Тонн восемь. Нет, меньше. У них же сила тяжести, две трети нашей. Значит, тонн пять. Существенное облегчение, вашу мать».

Землянина подвели к норе. Он все с себя снял, оставшись лишь в трусах.

«Черт, как-то неприлично погибать в трусах. Значит, не будем погибать!»

Один из фролов связал его лодыжки веревкой, тянущейся к обычной лебедке. На голову Андрея он надел повязку с фонарем, а на руку специальный браслет.

– Можете лезть.

– Спасибо!

«Прямо как ловля на живца. Жаль только, что живец – это я», – чертыхнувшись, Кедров полез в нору.

Поймать сунгхога означало то, что человек, с привязанной к ногам веревкой, должен был лезть к нему в нору, представляющей собой систему подземных тоннелей, не более метра в диаметре. Где-то там под землей, должна была произойти встреча человека и рептилии. Разумное существо должно было схватить отдаленного родственника по разуму и подать сигнал – надавить на браслет. Испущенный браслетом сигнал по веревке, сделанной из вещества, проводящего радиоволны, попадал на поверхность и улавливался аппаратурой. Как только на поверхности начинала мигать зеленая лампочка, включалась лебедка и усилием в несколько тонн, человек с удавом вытягивался из норы.

Это была теория. На практике, очень часто гигантская змея просто заглатывала человека, или, прижав своим могучим телом к стенкам норы, попросту ломала ему позвоночник или грудную клетку, а потом все равно проглатывала. Правда, переварить законную добычу ей не удавалось. Человек или успевал все же сдавить браслет, и его буквально выдергивали из страшной пасти. Или через некоторое время, не получив сигнала, лебедку все равно включали и начавшее уже перевариваться человеческое тело, все же доставлялось на поверхность. Бывали случаи, когда удав, пытающийся удержать лакомую добычу, с одной стороны и лебедка с другой стороны, попросту разрывали человека на две части.

«Ну и как ты собираешься этого змея-горыныча отлавливать? – Кедров по-пластунски все глубже и глубже забирался внутрь норы. – Как там нам говорил подполковник Новоземельцев на тактике? Прежде чем бросаться с голой задницей на противника, ПОДУМАЙ! Может кроме задницы у тебя есть еще и граната? – землянин остановился, чтобы отдышаться. – Так, голая задница имеется. Трусы дела не меняют. А где же моя граната? Фонарик? Пятьдесят грамм веса, вольт пять напряжения. И гусеницу им не убьешь. Браслет? Даже повеситься от безысходности на нем не получиться. Веревка? Гм?» – передохнув, Андрей пополз дальше.

«Вот и первое ответвление. И куда ползти? Почти как в сказке, направо полезешь – в желудок к твари попадешь, налево – там же окажешься. А не подождать ли змейку здесь? Тут хоть места побольше, – сделав необходимые приготовления, Андрей стал ждать, периодически колотя ногами о стены норы. – Вибрацию почвы эта тварь наверняка должна отлична слышать».

Сунгхог появился из правого ответвления. В свете фонаря жутко блеснули зеленые глаза. Увидев добычу, змея на мгновения замерла, потом по громадному телу прошла волна, и удав рывком бросился на землянина.

Продумывая тактику боя, российский офицер сразу для себя определил – схватка должна быть скоротечной. Под землей, в тесноте, в темноте он многотонную махину измором не возьмет. Скорее наоборот. Поэтому его судьба должна решиться в первую, максимум вторую минуту. Это как бой двух истребителей. Увидели метки друг друга на радарах, автоматическое

прицеливание, пуск ракет и сразу противоракетный маневр, до кругов перед глазами. А через минуту кто-то уже распадается на десятки запчастей.

Кедров ожидал сунгхога, сидя на корточках. И едва смрадная пасть оказалась от него в полуметре, он накинул на нее веревку, собранную в несколько колец, тут же отпрянув в левое ответвление. Землянин заранее, сидя около развилки двух ходов, подтянул к себе несколько метров, веревки, тянущейся за ним, и собрал ее в кольца.

Змея действовала стремительно. Едва Андрей оказался в тоннеле, как вновь увидел своего преследователя.

«Пора!» – россиянин с силой сдавил браслет на запястье и, оттолкнувшись руками, ногами вперед, прыгнул в пасть сунгхога. Тварь, не ожидавшая такого, даже на мгновение замерла. Едва очутившись внутри змеи, человек пошире расставил ноги, руками хватаясь за пасть.

«Хорошо, хоть зубов нет!»

И тут лебедка, выбрав слабину, дернула своим многотонным усилием. Причем, так как сунгхог повернулся, чтобы достать свою жертву, усилие было направлено не вдоль его тела, а под некоторым углом. Все случилось почти так, как и предполагал землянин. Еще в детстве, усиленно штудируя математику для поступления в Рязанский институт воздушно-десантных войск, он прочитал про одну задачку, решенную Эйлером. Если веревку несколько раз обмотать вокруг столба и потянуть за один из концов с большим усилием, то, чтобы удержать другой конец, усилия почти не потребуется. Именно на этом эффекте основана швартовка судов к пирсу, когда канат несколько раз обматывается вокруг стальной тумбы – кнехта.

– Отдать концы! – и судно надежно пришпилено к берегу.

«Ну, концы отдавать я не собираюсь, а вот ты, тварь, отдашь».

И тут сильный рывок едва не выдернул человека с пасти сунгхога.

«Ничего себе, почти не потребуется усилия. Чуть ноги таким «почти не потребуется» не поломало».

Очевидно, шкура змеи была покрыта слизью и поэтому имела меньшее трение, чем тот же стальной кнехт. Но дело было сделано – петли на теле удава надежно прикрепили его к лебедке, и та волокла его на поверхность.

Подземное чудовище сопротивлялись изо всех сил, но против механического чудовища поделать ничего не могло. Мешал удаву и человек. Несколько секунд назад вожделенная добыча превратилась в ненавистный кляп, мешающий дышать. Но не проглотить его, ни вытолкнуть назад, змея уже не могла. Не сладко приходилось и «кляпу». Из-за смрадного дыхания рептилии и недостатка воздуха, Кедров почти терял сознания. Перед глазами пошли огненные круги, появился звон в ушах.

«Господи, ну сколько можно тянуть. Я же прополз километр от силы».

Очевидно, и за миллионы световых лет от Земли христианский Бог не потерял своего могущества. Андрей тут же услышал какие-то возгласы, и сразу стало легче дышать – сунгхога вытащили на поверхность. По телу змеи пошла крупная дрожь, мышцы в его пасти несколько раз мощно сократились, едва не сломав землянину руки и рептилия затихла, исполосованная лазерными лучами.

Первое, что Андрей Кедров увидел – это лицо Лю на фоне ослепительно-голубого неба.

– А ты говорил – шансов почти никаких, – и землянин тут же отключился – мозг, изголодавшийся по кислороду, вырубил сознание, чтобы не путалось «под ногами», пока он будет приводить в порядок все системы организма.

– По всем нашим законам, он может взять меня в жены! И там ничего не написано про челов!

– Доченька, но он даже не знает, где его планета!

– Значит, еще сильнее он будет любить ту планету, тот народ, который его приютил! – отрезала Эльдира.

Затем, смягчившись, продолжила:

– Папка, ну посмотри на всё это без всяких предубеждений. Ну неужели ты не понимаешь, что на всей Матеи не найдется фрола подстать мне? Ну как я смогу уважать мужа, который на голову меня меньше и которого я могу поднять за шиворот? И неужели тебе не лестно иметь зятя, сумевшего победить сунгхога? Впервые за пятьдесят лет!

«А ведь дочь права. Ну как она может жить с фролом-мужчиной? – Матрул ДарВул окинул Эльдиру взглядом, словно видел ее первый раз – Высокая, с его ростом, грудастая, с сильной широкой спиной и под стать ей руками и ногами. Только талия как у фроловских девушек тонкая, вызывающая желание обхватить ее рукой. Только если у других девушек мужской руке не на что опереться – за талией платье отвесно спадает вниз, то у Эльдиры ниже талии платье изгибается вокруг сдобной упругой попки. Да и этот чел настоящий мужчина. Что там победитель Праздника Любви. Таких победителей получается четыре на год. А этот победил самого сунгхога! И если дать ему гражданство… Эльдира права, человек, оторванный от своей родины, будет ценить чужую, где ему дали кров и пищу. Этот человек может далеко пойти. И какие у них должны получиться замечательные дети. Нет, дочь сто раз права».

– Ну ты у меня и таран. Что хочешь пробьешь! Я согласен.

– Папка! – дочь прыжком бросилась на шею ДарВулу, едва не сбив его с ног.

Веселье было в самом разгаре. Матрул ДарВул расстарался и свадьбу единственной дочери гулял в летней резиденции Главы Верховного Совета Достойных Варзарула СакТардола. Столы ломились от всевозможных яств и напитков. Некоторые гости даже перешептывались, что Главный Командор втихую организовал рейд, чтобы добыть, например, вон тех прекрасных сине-зеленых лоборов или поставить на стол бутылки с редчайшим «Азарули». Слух присутствующих услаждали известнейшие певцы и музыканты. Словом Матея надолго запомнит, как дочь Главного Командора Матрула ДарВула выходила замуж!

Но и без этой роскоши свадьба бы запомнилась надолго. Такой колоритной пары фролы еще не видели. Высокий жених, под рукавами рубашки которого переливались шары мускулов. Такого же роста невеста, на груди которой бусы из ярко-красного рартолина лежали как на подставке.

В начале празднества произошел небольшой конфуз. По фроловским обычаям, чтобы узнать, кто в доме будет хозяином, невеста и жених становились друг напротив друга и тянули за разные концы будущей брачной простыни. Кто перетянет, тот и хозяин в доме. Эльдира и Андрей так рванули простынь на себя, что та с оглушительным треском тут же даже не разорвалась – лопнула.

Но и еще одним запомнится эта свадьба…

– Пошли, – шепнула Эльдира, прильнув к Андрею в танце.

Парочка, лавируя среди танцующих гостей, шмыгнула за дом. Через минуту к ним присоединился Лю.

Пробежав по лужайке метров двести, они оказались около правительственного флайера. Около него стоял часовой.

– Хочу жену покатать! – Андрей улыбнулся. – Сегодня наш день.

Часовой отрицательно мотнул головой.

Российский десантник уже хотел снять этого охранника по всем правилам – резким ударом того пах заставить согнуться, сунув лицо прямо ему в руки. Дальше просто. Одна рука зажимает рот, другая наносит резкий удар в основание черепа. Человек отключается мгновенно.

Ситуацию разрядила Эльдира. В руке девушке оказался телефон. Она нажала кнопку и придвинулась ближе к часовому.

– Папка! Разреши!

Из телефона донеслось невнятное бормотание.

– Ну пожалуйста! Просто разреши! Это же мой день! Ой, спасибо! Еще скажи! – дочь Главного Командора поднесла телефон к уху часового:

– Разрешаю! – услышал он не совсем трезвый голос Главного Командора.

Не давая охраннику опомниться, Эльдира, легко оттолкнув его, поднесла к замку двери небольшой черный квадратик. Дверь флайера тот час же открылась.

– За мной! – и дочь Главного Командора влезла в летательный аппарат.

За ней тут же последовали Андрей и Лю.

Часовой растерянно наблюдал за их действиями.

«Поднять тревогу? Попытаться помешать? Но там же дочь Главного Командора! У нее ключ от флайера. Главный Командор разрешил. Сегодня же ее свадьба. И что, испортить ее?» – охранник отошел на несколько метров от флайера.

Эльдира не зря была дочерью Главного Командора фролов. Боевым звездолетом она, конечно, управлять не могла, но разными там флайерами, прогулочными космическими яхтами и прочей дребеденью – в совершенстве.

Щелчок тумблером – включен режим бесшумности. Еще несколько уверенных пассов над панелью приборов управления. Флайер ожил – загорелось множество лампочек в кабине, чуть слышно завибрировал двигатель. Снята блокировка с несущего винта. Чуть сильнее газу. От винта! С легким свистящим звуком флайер оторвался от земли и, едва не зацепив за забор резиденции, прыгнул в ночь.

А в резиденции Главы Совета грохотала музыка – единственная дочь Главного Командора выходила замуж.

– Вот он! – Эльдира указала на черный звездолет, одиноко стоявший на небольшой бетонной площадке – личный крейсер Главного Командора.

Чуть поодаль располагалось несколько зданий и ангаров. Андрей и Лю синхронно взглянули на часы. Прошло пятнадцать минут с тех пор, как они покинули резиденцию Главы Совета. Тревоги объявить еще не могли, даже если заметили исчезновения невесты и жениха. Не будет же Матрул ДарВул поднимать панику. Полетает Эльдира и вернется. Потом, конечно, получит. Но свадьбу дочери Главный Командор портить не будет.

Девушка, лихо заложив вираж, села около звездолета. Тут же все трое выскочили из флайера и подбежали к трапу, ведущего к входному люку крейсера. От одного из зданий к ним спешила машина с охраной. В двух метрах от Эльдиры, Андрея и Лю она остановилась. Из нее выскочили трое вооруженных людей. Узнав Эльдиру, их пыл значительно поубавился. Да и флайер у них за спиной был с государственным гербом на борту.

– Командор пятой ступени Суфи СакМарон, – вытянув перед собой правую руку, открытой ладонью вперед, представился один из них.

– Эльдира ДарВул, – произнесла девушка. – У меня есть срочное сообщение к начальнику дежурной смены командору четвертой ступени ДарБаркору. Немедленно вызовите его, – продолжала прессинговать офицера девушка, не давая тому опомниться. – Это срочно! – рявкнула она и стала подниматься по трапу.

За ней устремились Андрей и Лю.

СакМарон поспешно вытащил из кармана телефон и поспешно произнес:

– Пасул, открой. Тут к тебе дочь Главного Командора со срочным сообщением.

Люк звездолета тут же распахнулся. Из него быстро вышел фрол в сине-красной форме военного пилота.

– Здравствуйте, Эльдира, – мужчина удивленно смотрел на дочь Главного, стоящей уже на площадке перед люком.

– Здравствуй, Пасул. Случилось экстраординарное событие, – девушка тут же огорошила и этого мужчину. – Но не здесь, – Эльдира выразительно кивнула назад. – Пошли к тебе.

И вновь, как и двадцать минут назад у флайера, она решительно, чуть потеснив собеседника, шагнула внутрь звездолета. Лю и Андрей тут же последовали за ней.

Едва Андрей переступил порог, дочь Главного Командора хлопнула рукой по кнопке закрытия люка. И тут же ее муж, развернувшись, снизу вверх ударил в челюсть ничего не понимающего начальника дежурной смены звездолета. Тот, отлетев, ударил офицера охраны. Люк захлопнулся.

Тройка заговорщиков ринулась к рубке управления. Ударом ноги Андрей распахнул дверь. Еще двое фролов из дежурной смены, удобно развалившись в креслах, смотрели порнушку.

– Службу надо нести, а не развлекаться! – рявкнул российский офицер-десантник и с ходу заехал одному из вскочивших фролов ногой в живот.

Каруселька и второй фрол, получивший удар в живот, растянулся рядом с первым.

– Могли б и так договориться, – Лю кивнул на бластер в руке Эльдиры.

– Некогда! Лю, в кресло!

Напарник Андрея, вскочив в кресло первого пилота, на мгновение замер, осматривая пульт управления. Затем неуверенно щелкнул одним из тумблером. Зажглись несколько лампочек. По экрану монитора побежали строки с какой-то информацией. Удовлетворенно улыбнувшись, уже уверенней, чел нажал несколько кнопок.

– Включена циклограмма пуска, – неожиданно голосом дочери Главного Командора промурлыкал бортовой компьютер. – До старта тридцать секунд. Пристегнуть ремни безопасности.

– Есть! – заорали одновременно Андрей и Эльдира.

Тому, что Лю может управлять боевым звездолетом, землянин уже не удивлялся.

«Если человек на коленке склепал атомную бомбу, то почему бы ему ни уметь управлять звездолетом? Фроловским звездолетом».

Под вой сирен на стартовой площадке, сквозь матюгающийся и орущий начальственными голосами эфир, крейсер Главного Командора «Матея» стартовал со своей тезки.

«Если до полуночи не получу сообщения с Матеи, арестую Харка. Тянуть больше нельзя. Операция должна начаться через пять дней, – бригадный генерал Сарб задумчиво смотрел на экран монитора. – Хоть что-то с этой операции я то должен получить», – директор Службы Государственной безопасности посмотрел на часы.

Стрелки вот-вот должны были соединиться, чтобы начать отсчет новых суток. Генерал не любил современные часы, бездушно меняющие цифры на своем табло. То ли дело старинные. Вращающиеся их стрелки его подстегивали. Смотря на них, наглядно был виден неумолимый бег времени. Каждая неиспользованная секунда терялась навсегда.

– Господин директор. Срочное сообщение с Матеи. Вы сейчас его прочтете? – раздался учтивый голос адъютанта по внутренней связи.

– Да.

Тот час же на экране монитора высветилось: «Сегодня, в 29-34 по центральному времени с Матеи стартовал одиночный звездолет. В 29-48 он совершил гиперпространственный переход. Судя по гравитационному и световому излучения, а также размерам гиперпространственного окна, это «Матея» – личный крейсер Главного Командора фролов Матрула ДарВула».

«Это Кедров. Без сомнения».

Сарб нажал кнопку связи с адъютантом:

– Соедини меня с Верховным Адмиралом Свилом.

«Пора перебрасывать вторую ударную космическую бригаду. А Харка, все же, стоит арестовать. Мало ли что».

– Господин директор. Верховный Адмирал Свил на связи.

Глава 17

– Итак, господа. Давайте попробуем подвести итоги, – Президента Союза Свободных Цивилизаций Картар Вараштан посмотрел на присутствующих высших офицеров. – Ваше мнение, маршал Бран.

Кресло жалобно заскрипело под поднимающимся маршалом.

– Информация, полученная от этого чела, совпадает с нашими предположениями, относительно плана будущей операции кроков, – густым уверенным голосом произнес Главнокомандующий Космическими силами челов. – Судя по тому, как интенсивно противник тестировал трассу в шестом секторе У, нападение, скорей всего, будет производиться оттуда.

– А если это демонстративное тестирование? Чтобы ввести нас в заблуждение?

– Господин Президент, кроки, понятно не дураки. Они тестировали и другие сектора. И некоторые даже более интенсивно. Но наш Главный Космический штаб проанализировал все эти вторжения кроковских звездолетов в район Эльдурея. Учитывалось все: интенсивность, характеристики звездолетов, рассеивание выходов их из гипера по секторам, градиент приближения к планете и так далее. Расчеты показали, что именно в шестом секторе У кроки собрали информации процентов на тридцать больше, чем, например, в десятом секторе А. Хотя последний по интенсивности полетов кроков занимает первое место. Также обращает на себя внимание и то, что в шести световых годах от Эльдурея, в секторе восемь ноль кроки смонтировали неплохую искусственную базу. Теперь им там удобно накапливать силы для нанесения удара.

– А причем тогда сектор этот… – Картар Вараштан сделал паузу, вспоминая, – ну У..

– Шестой У, – уточнил начальник разведывательного управления генерал армии Захрад Вардан.

– Полученная информация от этого чела это объясняет. Кроки, оказывается, протестировали гиперпереход от этой базы в сектор шесть У. То есть они сначала прыгают из базы туда, потом, возможно в инерционном режиме, по оттестированной трассе к Эльдурею.

– Насчет этого двойного перехода у нас есть какая-то информация? – Президент вопросительно посмотрел на начальника разведывательного управления.

– Мы зафиксировали, что из района кроковской базы было осуществлено примерно пять процентов гиперпространственных переходов не в район Эльдурея. Куда именно выяснить не удалось.

– Ясно. Итак, Ваше мнение, маршал Бран.

– Так как информация этого чела не противоречит нашим наблюдениям, то я предлагаю изменить конфигурацию наших сил около Эльдурея таким образом, чтобы в назначенное время атаки около семидесяти процентов всех наших сил располагалось или в самом секторе шесть У или в непосредственной близости от него. Если даже информация, полученная нами, окажется ложной, – продолжал все также уверенно гудеть маршал, – тридцать процентов средств сумеют на некоторое время удержать кроков, а тут подоспеют и остальные силы. Эльдурей – планета маленькая. Быстро вокруг нее крутанемся!

– Еще мнение будут?

– Маршал Бран прав, – с места вскочил начальник Главного Космического штаба Главный генерал Баррад Кагараштан. – Наш штаб рассмотрел несколько математических моделей атаки на Эльдурей, – быстро зачастил он тонким голоском. – То, что передал нам этот чел – это наиболее оптимальная для кроков атака. А то, что предлагает маршал Бран, наиболее оптимальная оборона для нас.

Президент Картар Вараштан, глядя на этого сухонького старичка – начальника Главного Космического штаба, невольно улыбнулся.

– Еще мнения? – высший чиновник государства челов посмотрел на своих подчиненных. – Мнений больше нет. Что ж. Все это очень похоже на правду, – задумчиво произнес Картар Вараштан. – Харк может пойти на такую авантюру, чтобы заполучить президентское кресло кроков. Что ж, мы этот его подарок примем. А насчет перемирия с нами, о котором он так красиво говорил, подумаем. Подождем, когда к нам отойдет их третий сектор. А там посмотрим.

– Правильно, – прогудел маршал Бран.

– Итак, – уже энергичным голосом произнес хозяин кабинета, – действуем, как предлагает маршал Борн. Господин Высший генерал, а Вы оперативно сделайте необходимые расчеты по изменению конфигурации наших сил.

– Уже сделано! – голос генерала сорвался на фальцет.

Теперь улыбнулись все.

– Тогда совещание считаю закрытым, – привычно подвел черту Президент Союза Свободных Цивилизаций. Но откинуться на спинку кресла, как он любил это делать после закрытия совещания, не успел.

– Господин Президент, разрешите, я возьму с собой на Эльдурей эту троицу с Матеи. Если информация окажется все же ложной, они не увидят окончания операции.

– И что же Вы с ними сделаете, маршал?

– Вышвырну в открытый космос! Без скафандров!

– И даже ту очаровательную девушку?

Главнокомандующий Военно-Космическими силами челов на мгновение задумался.

– А с девкой мы посмотрим, что делать, – наконец произнес он.

Каменистая глыба небольшой планетки Эльдурей тускло отсвечивала под своим солнцем – звездой Харир.

«Невзрачная каменная глыба в тысячу километров в диаметре. Смотреть не на что. Но надо же – именно в этом районе других планет нет. Поэтому только на этой планете можно было построить перевалочную базу для третьего сектора государства кроков. И они ее построили. А мы отбили. Теперь только вопрос времени, когда весь этот сектор будет наш. Если, конечно, кроки не отобьют Эльдурей обратно, – Маршал Бран взглянул на экран монитора, отображающий всю обстановку вокруг планеты.

Около сотни крейсеров и эсминцев челов вращались на разных орбитах вокруг Эльдурея. Пока все шло по плану. Положение орбит звездолетов, их взаимное расположение было рассчитано таким образом, чтобы в расчетное время семьдесят процентов всех сил оказывалось в нужном секторе. И где бы ни вынырнул из гиперпространства кроковский звездолет в этом секторе, если он будет ближе двух миллионов километров от планеты, то по нему сразу смогут открыть огонь не менее трех звездолетов челов.

Коротко пискнул корабельный хронометр – время атаки кроков. Ничего не изменилось – датчики контроля целостности пространства молчали. Кроков около Эльдурея не было.

«Если через пятнадцать минут кроки не начнут атаки, вся эта конфигурация сил потеряет всякий смысл. Многие звездолеты уйдут за терминатор, взаимное расположение кораблей изменится. И многие районы сектора окажутся уже не прикрытыми», – маршал Бран не сводил глаз с монитора.

Зазвучал мелодичный сигнал – пришло гиперсообщение. Главнокомандующий Военно-Космическими силами челов мгновенно вывел его на экран: «При более детальном обследовании фроловского звездолета, прибывшего с Матеи, было обнаружено, что с него, после выхода

из гиперпространства было отправлено шифрованное гиперсообщение в направлении сектора сто одиннадцать В».

«Кроковский сектор! Значит, все-таки дезинформация. Черт!»

Бран раздраженно ударил по кнопке внутренней связи:

– Барруд, возьми с собой несколько человек и приведи ко мне в рубку эту троицу. В наручниках!

– Есть!

Взвыла сирена – сработал датчик контроля целостности пространства – есть гиперокно! В ста тысячах километрах от крейсера челов из гиперпространства вынырнул звездолет. Не успел бортовой компьютер обработать полученную информацию, как сирена заревела вновь и больше она не смолкала.

Выныривающие из гиперпространства звездолеты дырявили Вселенную, как град дырявит землю. Массовая атака!

«Информация верна!» – Главнокомандующий Военно-Космическими силами челов ликовал.

Заработали мощные лазерные пушки – кроки и челы на расстояниях в сотни тысяч километров стали обмениваться уколами многомегаваттных лазерных лучей. В десятках рубках управления заорали сирены предупреждения лазерных атак, и десятки бортовых компьютеров зачастили: «Внимание! Лазерная атака» и сыпали процентами повреждений защитных экранов. Завыли, выведенные на полную мощность насосы систем охлаждения, остужая разгоряченные лазерные пушки и защитные экраны. То там, то здесь вспыхивали красивые звездочки взрывов звездолетов – братские могилы для десятков людей.

Андрей Кедров заворожено наблюдал за грандиозным космическим сражением. Его, вместе с Эльдирой и Лю привели в рубку управления. Но сейчас до них, кроме охраны, никому не было дела. Маршал Бран лишь махнул рукой, не отрывая взгляда от монитора. И начальник охраны так и не понял, что означал этот жест. То ли увести их снова в каюту, то ли оставить здесь, в рубке.

Экран монитора Главнокомандующего Космическими силами челов окрасился в пурпурный цвет – срочное сообщение!

«Атака кроков в секторе два ноль. Среднее удаление от планеты двадцать тысяч километров».

Не успел Бран выругаться, как сообщение на экране мигнуло и изменилось: «Среднее удаление от планеты десять тысяч километров».

Кроковские звездолеты, с невероятной точностью выныривали из гипера, что называется, едва не задевая скалы Эльдурея.

Сообщение мигнуло еще раз: «Массовая атака! Среднее удаление от планеты три тысячи километров».

– Выкиньте их за борт! – в бессилии загрохотал маршал Бран.

Это была катастрофа. С такого расстояния кроки могли с ходу десантироваться на Эльдурей. Залп в упор по наземным оборонительным средствам из лазерных пушек. Тут же залп ракетами с ядерными боеголовками и десант. Даешь Эльдурей!

Директор Службы Государственной Безопасности Сарб совместно с начальником Генерального штаба генералом армии Заварком и периодически им мешающего Верховного Адмирала Свила разработали просто гениальную и дерзкую операцию. Кроки ударили из того сектора, трассы который практически не тестировали. Тестирование они произвели на ходу. Запускалось сразу несколько звездолетов с различными координатами выхода. Параметры наиболее удачного выхода тут же передавались по гиперсвязи и следующие разведчики-звездолеты прыгали через гипер с уже уточненными параметрами. Еще одно уточнение и десятки звездолетов ринулись на Эльдурей. Да, при таких скоростях обработки информации ошибки

были неизбежны. И несколько звездолетов вынырнули из гипера или прямо в куцей атмосфере планеты, чтобы тут же сгореть – скорость выхода из гиперпространства составляла больше пятидесяти километров в секунду! Или прямо в теле планеты. Но эти потери были оправданы. Так как они были единственны. В этом секторе человских звездолетов практически не было, а из-за ничтожно малого времени перед десантированием, они не успевали и подойти. А через пару минут кроки уже будут на поверхности планеты. И выковырять их оттуда будет уже значительно сложнее.

Но охранники не успели даже схватить Андрея, Лю и Эльдиру.

– О, Господи, что это? – во всегда уверенном голосе Главнокомандующего Военно-Космическими силами челов было столько растерянности и даже испуга, что все, находящиеся в рубке люди, замерли и как завороженные смотрели на экран внешнего обзора. Неожиданно черный Космос побелел, словно на него опустился густой туман. И все вокруг замерло. Перемещающиеся по всему экрану точки звездолетов остановились, словно застряли в каком-то киселе. Мгновенно остановил свой бег под звездолетом каменистый Эльдурей. Прошло еще несколько секунд, и Андоей Кедров увидел на экране, как к ним приближается какое-то уплотнение, сгусток.

«Серая волна!» – мелькнуло у него в голове.

Он ошибся. Эта субстанция была намного могущественней серой волны.

– Что это? – одновременно в испуге выдохнули несколько человек.

– Это мнемы, – раздалось у землянина за спиной.

Он стремительно обернулся. На него, усмехаясь, смотрел Лю.

Эпилог

– Ну вот и все. Пора прощаться.

Лю, Андрей и Эльдира стояли около распахнутого люка мнемовского звездолета – непривычной ажурной конструкции, способной окутываться каким-то туманом, непробиваемым ни для лазерных лучей, ни для напора воздуха при старте и посадке корабля.

Над ними раскинулось бескрайнее голубое небо Матеи. Легкий ветерок осторожно шевелил волосы людей.

Все уже было сказано и рассказано.

Лю, вернее Люртар Пардараштан был мнемом, представителем той загадочной цивилизации, легенды о которой ходили и у челов, и у кроков. Но с которой никто и никогда не сталкивался. И звали Лю, конечно не Лю, а …. выговорить этот свистящий набор звуков землянин так и не научился. И был Лю наследным принцем империи мнемов. Он командовал одним из соединений кораблей, которые вели разведку в пространстве, которое контролировали челы.

Однажды, принц осуществлял один из рядовых разведывательных полетов одним звездолетом. Во время гиперпространственного перехода, в системе произошел сбой. Корабль вынырнул далеко от расчетной точки, в секторе Вселенной, контролировавшемся кроками. Вынырнул в сотне километров от одной из планет. Экстренное торможение не помогло. На скорости несколько километров в секунду корабль врезался в планету. Погибли все, кроме Лю. За те несколько секунд, которые оставались до столкновения, командир звездолета катапультировал принца, тем самым мгновенно погубив себя и всех людей, находящихся в рубке. Раскаленный воздушный поток на такой скорости становящийся вязким как жидкость, ворвавшись в рубку, тут же кремировал людей.

Кроки, зафиксировав падение, практически сразу же были на месте катастрофы. Это и спасло Лю, обгоревшего, со многими переломами, лежавшего недалеко от места падения звездолета. Корабль был замаскирован под человский звездолет. На принце была форма человских военных пилотов. Сам он отлично знал человский язык, впрочем, как и кроковский тоже.

Перед разведывательными полетами, при помощи специальных биотехнологий светловолосые голубоглазые мнемы превращались в обычных сероглазых, русоволосых челов. Вылечив и не зная, кто он таков, кроки отправили принца на рудники Гамеда. Неписанные законы мнемов не разрешали просить помощи у других, менее развитых цивилизаций.

На Гамеде Лю встретил Андрея. И против находчивости, физической выносливости землянина и знаний мнема кроки не устояли. Вышибив ядерным взрывом щит на руднике, друзья вырвались на поверхность Гамеда…чтобы тут же оказаться у фролов. Уже удирая от фролов Лю, наконец, смог получить доступ к аппаратуре гиперпространственной связи и успел передать сообщения на ретранслятор – небольшую автономную космическую станцию, находящуюся в одном из секторов кроков. Та, усилив сигнал, тут же перепассовала его на следующий ретранслятор. Быстро пробежав по цепочке, сигнал попал к мнемам.

После долгих дебатов в Высшем Совете мнемов было принято решение явно вмешаться в ход событий – впервые за несколько тысячелетий. Никто из челов, кроков или фролов не знал, и не мог знать, что произнес на совете дистарх – король мнемов, отец Лю:

– Я прошу вмешаться в ход событий не только потому, что хочу спасти сына. Не кажется ли Вам, уважаемые члены Высшего Совета, что пора открыто объявить себя? Не кажется ли вам, что созданные нами народы вполне созрели для открытого сотрудничества с нами? Что специально заложенные противоречия между ними, возрастающие по мере их развития, уже не стимулируют развитие цивилизаций, а замедляют его? И, следовательно, замедляется и общее развитие. А ведь до решения Основной Задачи осталось не так уж много времени. Каких-то три миллиарда лет.

Еще находясь в каюте человского звездолета, Андрей не выдержал и задал, мучавший его вопрос:

– Лю, так вы сеятели?

Мнем улыбнулся своей обычной мягкой улыбкой.

– Даже принцу не все можно говорить.

– Ладно, но хоть скажи, ты мысли читать точно умеешь?

– Могу. Могу и в памяти покопаться. Как бы без этого я смог написать тебе послание твоими буквами?

– Я так и знал!

Потом был перелет на Матею. Потом был сначала гневный, а потом, по мере рассказа Эльдиры, Андрея и Лю, все более удивленный взгляд Главного Командора Матрула ДарВула.

Кроки, так неожиданно застрявшие в космической пустоте, как мухи в меде, были отпущены восвояси. Мнемы поступили как грозный рефери. Сказали «брэк» и развили противников по углам ринга.

– Лю, ты прилетай еще к нам.

– Обязательно!

Друзья обнялись.

– Держи, – мнем протянул землянину небольшой пластиковый квадратик. – Тут координаты твоей Земли.

– Лю!… – землянин осторожно повертел квадратик в руках. – Как все же хорошо, что ты следил за челами! Если бы за кроками, мы с тобой никогда бы не встретились. Ну и всего остального тоже не было бы.

– Не люблю следить за кроками, – Лю улыбнулся, – две недели надо мучаться в биостатах. Уж слишком большое различие между нами, больше даже чем с фролами.

– Так внешне мы же не отличаемся! – удивленно воскликнул Андрей.

– А внутренне?

– Вы научились изменять направление вращения спирали ДНК?!

– Ты нам льстишь, – принц-мнем расхохотался. – Все гораздо проще. Тебе разве не говорили?

– Что?

– У кроков же сердце с правой стороны!

Люк звездолета захлопнулся.

До наступления Всемирного Хаоса, когда нарастающая плотность темной материи разорвет существующую Вселенную в клочья, оставалось всего ничего – три миллиарда лет. Единственная сила, способная помешать этому, было человечество. Все человечество: и мнемы, и челы, и кроки, и фролы. Надо развиваться, надо спешить. Таймер обратного отсчета неумолимо стремился к нулю.

Второй роман трилогии
«Волк с планеты Земля»

Ненависть Волка
(второй роман трилогии «Волк с планеты Земля»)

Глава 1

Десантный бот, сверкнув пламенем тормозного двигателя, скользнул с орбиты вниз. По крутой дуге, прессуя воздух и находящихся в нем людей, он устремился к Земле. На черном ночном небе мигнуло несколько звезд, обозначая траекторию космического гостя. В сотне метров от земли стреловидный корпус бота в секунду неожиданно как бы распух, округлился, на мгновение блеснуло синим, и черный дискообразный аппарат тихо опустился на поляне.

– Давай Андрей. До твоей деревни десять километров. Завтра, в это же время ждем тебя здесь, – Главный Командор Матрул ДарВул внимательно взглянул в глаза своему спутнику. – Не опаздывай, – на лице мужчины появилась улыбка, больше похожая на гримасу от боли.

Кедров правильно понял переживания Главного Командора.

– Не волнуйся, не опоздаю, – и через паузу, широко улыбнувшись, – у нас с Эльдирой медовый месяц еще не закончился.

Было видно, что собеседнику Андрея эти слова понравились. Улыбка на его лице вытянулась в ровную дугу, не помятую переживаниями и страданиями.

– Ну, давай. А мы тут для тебя немного поработаем, – сквозь улыбающиеся губы ДарВула блеснули зубы – гордость фроловской стоматологии и трансплантологии.

Бесшумно открылся люк, и ноги Андрея Кедрова дотронулись до родной земли. Даже не так. Дотронулись до родной Земли, до родной! Наконец-то!

«Ну, здравствуй, родная», – мужчина непроизвольно опустился на колени и прильнул лицом к траве. От ее запаха закружило голову.

Теперь он понимал, что чувствуют люди, чудом выжившие в небе и целующие бетонку аэродрома. Он тоже выжил в небе. В далеком небе. В очень далеком небе. Три месяца назад он, лейтенант Воздушно-десантных войск был захвачен инопланетянами, как бы это не звучало дико и смешно, и казалось понятным лишь для врача психиатрической больницы.

Так Андрей Кедров оказался… о, теперь он знал, где тогда оказался – на Арикдне, столице могущественного государства кроков – Союза Свободных Цивилизаций, почти в шестистах тысячах световых лет от Земли! Да, очень далекое небо… Свет, не спеша, со скоростью каких-то триста тысяч километров в секунду, испущенный Пармой – солнцем Арикдны, в сторону Земли шестьсот тысяч лет назад назад, когда по той бродили мамонты, только сейчас дошел до нее. Мамонты к этому времени уже вымерли. А что будет еще через шестьсот тысяч лет?

Андрей, как мамонты, не погиб. Он вернулся домой. И не через сотни тысяч лет, а через три месяца. Правда, для этого ему пришлось убивать. Убивать кроков и убивать их злейших врагов – челов. Правда для этого ему пришлось спуститься в рудники Гамеда – страшной планеты, в недрах которой обитает серая волна – скопление бактерий, убивающее все живое мощным рентгеновским лучом. Правда, для этого его должны были спасти фролы – люди еще одной цивилизации, раскинувшейся в глубинах Вселенной. Правда для этого его должна была полюбить своенравная Эльдира – дочь Главного Командора фролов. Полюбить настолько, чтобы, как в голливудской мелодраме, прямо с их свадьбы на отцовском звездолете вместе с ним сбежать к челам. Правда… нет, не правда! Он не влюблял в себя Эльдиру, чтобы сбежать от фролов. Он ее полюбил, так же, как и она его. Ну а то, что это оказалось весьма кстати для побега… когда попадается бутылка хорошего вина, только идиот не выпьет ее полностью! И чтобы вернуться на Землю лейтенанту российской армии должны были на помощь прийти почти боги – могущественные мнемы. А для этого его другом и напарником по тяжелой, смертельно опасной работе на Гамеде, должен был стать Лю – наследный принц мнемов. Да, цепочка выстраивалась еще та – прогулка по минному полю в этом случае действительно была прогулкой[5].

Поднявшись с земли, Андрей Кедров махнул на прощание рукой Главному Командору и исчез в темном лесу. Минуту спустя десантный бот растворился в черном небе. И вновь лишь мигнули несколько звезд, обозначая его траекторию назад, на орбиту.

Родная деревня встретила своего бывшего односельчанина лаем собак. Они своим лаем передавали Андрея, словно эстафетную палочку. Последним залаял Ворон, его пес, взятым в дом еще щенком.

– Тише, Ворон, тише. Хозяина не узнаешь?

Сильный, гулкий лай за забором мгновенно стих. Кедров осторожно заглянул во двор. Родном дом встретил его черными прямоугольниками окон и закрытой дверью. Ворон, большой черный пес с рыжими пятнами, увидев хозяина, рвал цепь, и радостно повизгивая.

– Тише, Ворон, тише. Всех соседей разбудишь.

«А это мне сейчас совсем ни к чему», – бывший выпускник Рязанского института Воздушно-десантных войск быстро осмотрелся. Из мрака угадываются дома соседей, чуть блестя окнами в лунном свете, да светится одно из них. Все тихо.

Парень подошел к калитке, нащупал щеколду, потянул ее вверх. С легким скрипом калитка отворилась. Андрей вступил в свой двор.

– Хороший мой пес, не забыл хозяина, – Кедров обхватив черного пса за шею, прижал его голову к своей груди. – Скучал, наверное.

Словно понимая человеческую речь, пес лизнул Андрея в лицо.

– Скучал, скучал! – человек прижался к влажному, холодному носу животного.

Скрипнула входная дверь.

– Кто там?

Сердце, казалось, остановилось. А потом, словно наверстывая упущенное, заходилось мощными, частыми толчками.

– Мама, это я, – Андрей не узнал своего осевшего, хриплого голоса.

– Штурман, осуществить коррекцию прицеливания!

– Есть! – штурман крейсера «Адмирал Сарб» подполковник О'Сунни Лиман нажал несколько клавиш на пульте управления.

Бортовому компьютеру понадобились долгих три секунды, чтобы уточнить истинное положение корабля в пространстве и рассчитать поправки на прицеливание, вызванные рассогласованием между теоретическими координатами точки выхода из гиперпространства и истинными.

– Коррекция осуществлена, – подполковник Лиман подытожил работу компьютера.

– Пуск! – тут же последовала следующая команда командира корабля полковника Свора.

И вновь систему управления крейсера сработала безукоризненно. Где-то в глубине корабля замкнулись необходимые реле и «Адмирал Сарб» выплюнул из себя сигарообразное тело. Нет, это не была ракета класса «космос – земля», за ней не тянулся столб ярко-красного пламени – след работы реактивного двигателя. Блестя в лучах недалекой звезды, оно медленно, с какими-то двадцатью метрами в секунду, отползало от крейсера.

В километре от него из сигары вырвался небольшой голубоватый столб пламени, и через мгновение она исчезла, провалившись в гиперпространство. Исчезла тоже на мгновение, ровно настолько, чтобы, пронесшись вне времени и пространства, вынырнуть вновь в обычной трехмерной Вселенной, за двести миллионов километров от пославшего его звездолета.

Коротко взвыла сирена – датчик целостности пространства зафиксировал его разрыв.

– Есть выход!

– Теперь ждать, – командир крейсера откинулся на спинку кресла.

Свет от вспышки, возникающей, когда тонкая пленка реальности прорывается, и сквозь прореху в наш мир прорываются мириады виртуальных частиц, будет бежать эти двести миллионов километров до крейсера долгих, бесконечных по меркам микромира одиннадцать минут.

– Как там цель, Сунни?

– Движется, господин полковник. Куда ж ей деться, – штурман улыбнулся. До репера осталось пятнадцать секунд.

Две пары глаз смотрели на экран внешнего обзора. За ним, в двухстах миллионах километрах впереди неслась небольшая, километр в поперечнике, каменная глыба, входившая в гигантский пояс астероидов Арбзира. Этот пояс состоял из миллионов мелких и крупных каменных глыб и простирался на десятки миллионов километров. В этом поясе, вокруг своей звезды Альтии, вращалась и Матея – единственная планета фролов – некогда могущественной цивилизации, но проигравшей во вселенском первенстве цивилизации крокам и скукожившейся до одной планеты и этого пояса астероидов. Астероидный пояс Арбзира был счастьем фролов, их надежным щитом, их своеобразным поясом девственности. Благодаря этим миллионам больших и малых камней кроки не могли подобраться к Матеи. Выход из гиперпространства в этой каменной каше был смертельно опасным. Можно было легко оказаться на пути одного из этих много тысячетонных космических экспрессов, несущихся со скоростями в десятки километров в секунду. Положение усугублялось и тем, что даже при самых точных расчетах отклонение от теоретической точки выхода из гиперпространства составляло несколько сотен километров. Плюс постоянно меняющиеся орбиты астероидов из-за гравитационного влияния друг на друга, точно учесть которое было невозможно. Вот и приходилось крокам пояс Арбзира преодолевать на обычных ядерных движках. А это минимум пятьдесят-шестьдесят часов лета. Да за это время фролы не то что приготовиться к обороне успеют, выслав навстречу десятки своих звездолетов, но и смогут как следует выспаться. Кроме того, на тысяче наиболее крупных астероидов они установили мощные лазерные установки и теперь, позевывая, могут без труда сжигать кроковские звездолеты. Несколько операций захвата захлебнулось в огромных потерях. Эх, если бы было можно как-то убрать эти чертовы астероиды…

– Есть прохождение репера!

Полковник Свор и сам это увидел. На экране внешнего обзора на мгновение мигнула, услужливо обведенная компьютером, яркая точка. В двухстах миллионах километрах от крейсера темная каменная глыба на мгновение заслонила свет от одной из звезд. Направленный на эту точку телескоп «Адмирала Сарба» уловил это мимолетное ослабление яркости и передал на бортовой компьютер.

– Надеюсь, второй репер она не пройдет!

– Я тоже на это надеюсь, – процедил командир крейсера, – а вообще-то, если что-то там должно было произойти, то это уже произошло… или не произошло.

Он легко представил, что происходило там, где из гипера вынырнула «сигара» – первая экспериментальная модель преобразователя пространства или, как ее кроки называли попроще – гиперпространственная бомба.. Ее бортовой компьютер разогнал находящийся на борту ядерный реактор, выводя ее на пик мощности. А потом мгновенно, в одно касание, небольшим электрическим импульсом-командой замкнул цепь, бросив миллионы ампер и джоулей на обмотку нуль-континуум генератора. На «горле» вакуума, находящегося в сердечники генератора, сомкнулись мощные кольца магнитных полей, все сильнее и сильнее его сдавливая. И вакуум, буквально ничто, как раньше считали, испустил «хрип» – поток гравитонов. Голубоватое свечение вырвалось из недр генератора в открытый Космос. Оно все усиливалось и усиливалось, становясь ослепительно ярким. Сто процентов мощности! Мириады гравитонов еще сильнее ударили по пространству, и оно не выдержало, треснуло. Клокочущий мир виртуальных частиц надавил изнутри, раздирая тонкую трещинку в обычном мире, превращая ее в брешь.

Обычно после этого, бортовые компьютеры кораблей подавали сигнал на маршевый двигатель звездолета. Гигантский пинок в несколько тысяч тонн тяги и подопечные компьютеров проваливались в гиперпространство. Лишенная подпитки гравитонов, трещина немедленно затягивалась, и вот уже на месте угольно-черного окна в иной мир вновь сияли далекие звезды. А ухнувший в гипепространство звездолет тем временем быстрее света несся к этим звездам.

На этот раз все было не так. Как только пространство было прорвано, бортовой компьютер преобразователя пространства, как искусный дирижер, начал «играть» с электрическим током, заставляя его причудливо пульсировать в обмотках нуль-континуум генератора. И вслед за ним, как кукла повторяет движения пальцев кукловода, запульсировали гравитоны. Их ослепительно яркий голубой столб несколько поблек, но зато несколько расширился и стал совершать круговые движения, постепенно увеличивая радиус вращения. Будто в пространстве стали вырезать огромную дыру. Впрочем, почему как бы? Это действительно было так. За двести миллионов километров от «Адмирала Сарба» во Вселенной стало возникать окно в гиперпространство невиданных раньше размеров. Сто… сто пятьдесят… двести… триста метров…

На пределе, едва не захлебываясь клокотали насосы системы охлаждения ядерного реактора, стремясь удержать в допустимых пределах температуру своего подопечного. И все новые и новые мегаватты энергии вбрасывались в ненасытное чрево нуль-континуум генератора, где, превращаясь в гравитоны, словно алмазным резцом по стеклу, кромсали плоть вселенной.

Шестьсот… семьсот… восемьсот метров…

А в двухстах километрах от разверзающегося провала в пустоте, несся со скоростью сорок километров в секунду каменный космический экспресс – небольшой астероид из пояса Арбзира. Неумолимые законы небесной механики гнали его, как барана на убой, к гибельному месту.

Девятьсот… тысяча… тысяча сто метров…

Альтия, миллионы лет кружившая вокруг себя этого невзрачного своего подданного, точно вогнала его в эту дыру, словно бильярдный шар в лузу. Гравитационное поле звезды лучше всякой реактивной тяги выпхало астероид из этого мира. Есть!

И тут же бортовой компьютер гиперпространственной бомбы обесточил генератор – ключик в замочной скважине повернулся. С этой стороны дверь во Вселенную захлопнулась навсегда. Нет, астероид еще вернется в свой привычный мир. Вернее, не совсем в свой. Его энергии, с которым он ушел в гиперпространство хватит, чтобы через несколько минут, прошмыгнув за изнанкой Вселенной, вынырнуть вновь в трехмерный мир, в сотнях тысячах, а то и миллионах световых лет от привычного своего солнца. Впрочем, для каменной глыбы будет все равно, лучи какого солнца будет отражать ее невзрачная поверхность.

Астероид так и не пересек свет второй звезды…

В рубке управления крейсером резкой трелью разлился звонок – расчетное время прохождения второго репера. Но на экране внешнего обзора ничего не произошло – нужная звездочка по-прежнему блестела на черном бархате Космоса. Телескоп, направленный на нее, не обнаружил ни малейшего падения яркости.

Люди еще ждали несколько секунд, боясь своими восторженными возгласами вспугнуть удачу… Крохотная точка звезды продолжала радостно сиять наблюдавшим за ней людям. И те, наконец, поверили в свою победу и радостно заорали. Очень быстро радостный ор сменился грозным ревом:

– Смерь фролам!

– Смерь челам!

Проект «Молот» – создание кроками сверхоружия, не имеющего аналогов у их противников – челов и фролов, успешно прошел первую стадию.

– Андрей?! Сынок – невысокая хрупкая женщина сделала шаг и просто упала на сына.

– Сыночек! Живой! – маленькие женские ручки лихорадочно, словно боясь, что ее заберут, хватали родную плоть за руки, плечи, шею.

– Ма, не волнуйся. Живой, живой.

А женщина, словно ничего не слыша, продолжала горячечно бормотать:

– Андрюшенька, сыночек. Живой, вернулся…

Где-то рядом залаяла чужая собака. Ей гулко ответил Ворон. Где-то рядом шел человек. Андрей быстро оглянулся.

– Ма, пошли в дом.

А женщина, обняв сына, рыдая, шептала:

– Живой! Живой! Сыночек мой!

Сын, легко подхватив мать на руки, быстро зашел с ней в дом. Знакомо, до покалывания в сердце, скрипнули половицы.

– Ну, здравствуй, мама!

– …когда мне сообщили, что ты погиб… – мать Андрея снова всхлипнула, и инстинктивно схватилась за руку сына, словно боясь, что он исчезнет. Что это все сон и сейчас она проснется и пустая, серая реальность заглянет в окно хмурым осенним рассветом, – … я хотела повеситься.

– Сволочи! Суки! Я так и знал! – бывший лейтенант российской армии сжал кулаки. – Нет, чтобы сообщить: «Пропал без вести». Так нет, же – погиб! Суки!

– Сынок, не ругайся. Все ж обошлось. Я, когда вышла во двор, попрощаться со светом…

– Мама! – Андрей прижал мать к себе. Старенький диван, на котором они сидели, жалобно скрипнул.

– Ничего, ничего, сынок. Все нормально. Я увидела нашего Ворона, который, словно что-то чувствуя, терся об мои ноги и жалобно скулил, и подумала, а кто ж его возьмет? Все ж в деревне знали, какой он бешенный. Только тебя и слушался. Вот и будет голодать, воровать что-то по чужим дворам, пока кто-нибудь не прибьет его или покалечит. И так мне его стало жалко… – хрупкая седая женщина вновь как-то по-детски всхлипнула.

За окном стало светать. Звезды постепенно растворялись в сером небе. И лишь Луна пока не сдавалась, турецким ятаганом вися над землей.

– Так где ж ты был, сыночек?

– Там, мама, – Кедров обернулся к окну и ткнул рукой в небо.

– Где, там?

– На звездах.

– Сыночек, сыночек, – мать, потрясенная рассказом сына, прижала его к себе и словно маленького гладила по голове. – Ох, недаром тебя прозвали в деревне Волком. Волк ты и есть. Прошел через такое и выжил.

За окном окончательно рассвело. Первые лучи солнца мазнули по крышам домов. Сказочная, фантастическая ночь на родной Земле закончилась. Пора было решить один неприятный вопрос.

– Ма… я следующей ночью должен улететь.

– Сынок… – в глазах у матери Андрея мгновенно заблестели слезы, – а как же я?

Сколько раз на протяжении веков матери задавали этот вопрос своим сыновьям, рвущихся открывать и осваивать далекие земли, идти в опасные походы, то ли за золотом, то ли освобождать гроб Господень. Причины назывались разные, но суть была одна – молодым людям была тесно, душно дома. Кровь бурлила в их жилах, и хотелось подвигов, славы, богатства. И этот зов, зов молодой горячей крови был сильней привязанности к родному дому, близким, даже привязанности к матери. И с этим ничего нельзя было поделать. Так было, есть и будет. Пока существует во Вселенной существо, когда-то, миллионы лет назад взявшее в руки палку и начавшее силой прокладывать себе путь к вершине – венцу мироздания. Да, на дереве сидеть было намного безопасней, чем выгонять из пещеры саблезубого тигра. Но зато, если получилось, насколько уютней была пещера по сравнению с тем, что было! Да и любая самка предпочтет такое жилище, открытой всем ветрам и дождям, ветке дерева.

– Ма, ну ты понимаешь, я должен… – и с трудом подбирая слова, стараясь не смотреть в глаза матери, сын стал объяснять причины своего поступка. – Ну кто я здесь? Лейтенант, вернее бывший лейтенант. Сунься я обратно в армию, затаскают по комиссиям. А там… а там я могу принимать участие в таких событиях, которые мне здесь даже не снились. Я могу за считанные часы перелетать от одной звезды к другой и видеть миры, которые я бы никогда не увидел. И там, ма, у меня есть жена…

– Жена? – мать вздрогнула и посмотрела сыну в глаза. – А как же ты с ней… – женщине трудно было подобрать слова, – она же не такая как мы. Она даже не негритянка! – мать, наконец-то, сумела передать свое непонимание и тревогу.

– Да, она не негритянка, – Андрей Кедров впервые, после приземления на Землю, рассмеялся. – Она намного лучше.

Несколькими словами он описал внешность своей жены.

– Чем-то похожа на Люську Коваленко.

– Нет, лучше, лучше! – Андрей вновь рассмеялся.

Рассмеялся и с удивлением обнаружил, что тоски по первой своей девушке у него уже нет. А ведь прошло всего лишь чуть больше трех месяцев с тех пор, как он здесь, около своего дома классно отметелил нескольких гостей, гулявших на свадьбе у Люськи и ее мужа, местного фермера Ивана. После этого, не догуляв трех дней до конца положенного после окончания института отпуска, он вынужден был удирать к месту службы. Это в мирной жизни три месяца, так, пустяк. Просто длинный отпуск. А там, где ежедневно рискуешь жизнью, день идет за два, а то и за три. А иногда и за год, и даже за десятилетия. Тому пример, седеющие за один день боя молодые двадцатилетние пацаны. Нет, не три месяца провел вне Земли молодой двадцати трех летний парень. Сколько надо времени, здесь, на Земле, чтобы увидеть, как от вспышки лазерного луча взрывается огромный звездолет? Чтобы увидеть, как глубоко в недрах совершенно чужой планеты из темноты бесшумно бьет мощный рентгеновский луч и твой товарищ безмолвно, замертво бьется лбом о панель управления? Чтобы увидеть, как выступают капельки пота на лицах военных пилотов, когда бортовой компьютер их корабля отсчитывает последние секунды до прыжка в гиперпространство, и не знаешь, увидишь ты еще раз звезды или нет? Сколько для этого понадобиться времени? И сейчас, после всех произошед-

ших с ним в течение последних трех месяцев событий, все эти местные страсти казались мелкими и неинтересными.

– А вообще-то, я зять Главного Командора фролов. Это вроде что-то нашего министра обороны. Вот только армия у него значительно сильнее нашей.

– Ты всегда у меня, сынок, был очень практичным человеком, – только и смогла ответить мать.

Начавшийся день несся вскачь. Казалось, совсем недавно старенькие ходики отбомкали десять часов, а уже на улице полдень.

– Ивановна! Ивановна! – раздалось за окном.

Они только сели обедать. На столе дымился наваристый борщ, на плите призывно шкварчала картошечка с салом, и зазывающе блестела бутылка с ядреным сельским самогоном.

– Ох, подожди сынок. Я сейчас. Соседка волнуется, чего это я из дому не выхожу.

Мать встала из-за стола и вышла из дома.

– Не волнуйся, Никитична. Я прихворнула немного. Чуток отлежусь, и все будет в порядке.

– Может, помочь чем надо?

– Нет, не надо. Спасибо, соседка.

– Ну, как знаешь.

– Беспокоятся о тебе, – Андрей улыбнулся матери, когда та вернулась за стол.

– Беспокоятся, – согласилась мать. – Они же думают, что я осталась одна, – женщина невольно вздохнула.

– Ма, ну не надо. Я же объяснил, почему я хочу улететь. И я же не навсегда. Я к тебе каждый год буду прилетать в гости.

– Вот так же по ночам?

Сын молча пожал плечами.

– Ну, ладно, – мать махнула рукой. – Давай, за тебя!

Два небольших граненных стакана с глухим стуком соприкоснулись.

«Эх, куда там этим кроковским или фроловским пойлам до русского самогона!»

Сумерки неслышной поступью вошли в дом. На небе уже проступили отдельные звезды.

– Когда ты уходишь?

– В полночь.

– Чего ж они, – кивок на окно, не могут тебя хотя бы на недельку домой отпустить?

– Звездолет, на котором я прилетел, должен остаться незамеченным. Для этого много энергии тратится на поддержание режима невидимости. А нам еще лететь обратно. И лететь очень долго. Пять Прыжков! Чтобы долететь сюда десяток звездолетов делали промежуточные базы с топливом.

– До тех звезд? – вновь кивок на окно.

– Тех звезд, мама, отсюда не видно…

– Ох, сыночек, сыночек. А чего ж они вообще бояться открыться? Раз они такие сильные, чего ж они нас бояться? Что мы им можем им сделать?

– Они за нас бояться, да и за себя. Бояться быть втянутыми в наши земные разборки. И не дай Бог, их оружие случайно попадется кому-то из землян в руки. Уж очень велико будет искушение его применить. Это все равно, чтобы сейчас у каких-нибудь террористов в руках оказалась атомная бомба.

– Не дай Бог!

– Вот видишь. Мы еще не доросли для сотрудничества с ними, мама. Мы можем оказаться их колонией, одной из туристических достопримечательностей. К нам будут летать, как у нас сейчас летают в какие-то глухие районы, где специально для богатеньких туристов созданы

поселения, где люди ведут старинный образ жизни. А на наши войнушки будут смотреть, как мы смотрим на представления, где сотня людей, махают мечами для потехи зрителей.

«Да и далеко очень. Овчинка выделки не стоит. Что мы им можем дать? А затраты, чтобы прилететь сюда колоссальные», – уже про себя подумал Андрей.

Ночь мягко опустилась на землю.

– Ну, все ма, мне надо идти, – необходимые слова были произнесены.

– Надо, так надо, – через паузу ответила мать. – Опять мне придется к тебе на могилку ходить?

– Какую могилку?

– Твою. Как пришло сообщение о твоей гибели, так через неделю сюда привезли гроб закрытый. Сказали, что твой. Но открывать не разрешили. Так и похоронили, с салютом.

– Да…хотел бы я знать, что они в том цинке похоронили.

– Не расстраивайся, сынок. Если кого похоронили, а человек, на самом деле, жив, то будет он жить еще долго!

– До встречи, Ворон.

Тихо скрипнула калитка. И вновь над ним крупные яркие звезды, висящие в безмолвной тишине. Нет, не в безмолвной. В ночном воздухе, всё нарастая, звучало:

Вот новый поворот и мотор ревет
Что он нам несет пропасть или взлет

Хорошо поддатый голос горланил, пытаясь, очевидно, показать, как этот самый «мотор ревет». И «ревело» это около дома Ивана Охрименко – мужа Люськи Коваленко, вернее сейчас Охрименко. Ноги сами понесли Кедрова туда.

Они стояли у открытой железной калитки. Иван, двумя руками опершись на ворота, словно пытаясь их снести, упоенно горланил:

И пугаться нет причины, если вы еще мужчины
Если Вы кое в чем еще сильны

Рядом стояла Люда, пытаясь оторвать мужа от ворот и втолкнуть во двор.

– Да пошли же домой, горе окаянное! Перед людьми стыдно, – донеслось до Андрея. – Ох, горе. Это же надо так нализаться в гостях.

Высокий полноватый мужчина что-то промычал, затем, притянув к себе свою жену, вновь заорал-запел:

И пугаться нет причины, если вы еще мужчины
Если Вы кое в чем еще сильны

– А я еще кое в чем силен!

Андрей и сам не знал, что его заставило выйти из темноты и выйти на освещенный фонарем пятачок около ворот дома.

– Андрей, ты?! Живой? – лицо молодой женщины смяло испугом.

Взгляд Кедрова невольно сфокусировался на заметно округлившемся женском животе.

«Ах, вон оно как».

Он поднял голову и посмотрел в медленно трезвеющие и наполняющиеся ужасом глаза мужа Людмилы. Затем также медленно Андрей положил ему на плечи свои руки и резким движением притянул к себе.

– А-а…тебя же похоронили, Волк, – в свете фонаря было отчетливо видно, как красноватое лицо Ивана побледнело.

О, теперь перед Андреем стоял не тот уверенный в себе мужчина, который пришел к нему с толпой гостей на следующее утро после драки.

– Будешь обижать Люду, я еще к тебе приду. Благо, я тут недалеко поселился, – кивок в сторону кладбища.

– А-а…да, да. То есть, нет! Не буду обижать!

– Тогда пока, – Кедров еще раз тряхнул за плечи стоящего перед ним мужчину и растворился в ночи.

– Все нормально? Все свои дела решил? – Главный Командор вопросительно смотрел на своего зятя.

– Даже чуть перевыполнил, – Андрей улыбнулся, вспомнив испуганное лицо Ивана.

– Мы тут тоже не зря на орбите болтались. Словом, сумели мы тут в один банк влезть. А ты говорил, вряд ли, вряд ли. Нули и единицы в компьютерах, они, что на Матеи, что на Земле нули и единицы. Так что ломать защиту мы знали как. Тем более операционка у вас слабенькая. Дыр много.

«Бедный Гейтс. Слышал бы он это», – Андрей улыбнулся.

– Чего улыбаешься?

– Да так, своему.

– Так что за мать не волнуйся. Будут ей с этого банка ежемесячно деньги перечислять, сколько ты просил.

– А не заметят?

– Ну, это вряд ли, – Матрул ДарВул хмыкнул. – Но мы, на всякий случай, подстраховались и еще один банк напрягли. Продублировали, так сказать, – после паузы добавил он с улыбкой. – Ну что полетели?

– Полетели…

Десантный бот бесшумно прыгнул в ночное небо.

Через десять минут Андрей был на орбите, а еще через три часа за шестьсот тысяч световых лет от Земли, на Матеи.

Если кого похоронили, а человек, на самом деле, жив, то будет он жить еще долго!

Глава 2

– Нет!! – резко, гневно ударило в комнате. – Я не предатель!

– А как же запись, господин Харк? – второй голос был спокоен и абсолютно нейтрален, ни гнева, ни радости, ни сожаления, ничего – голос главного следователя Высшей Прокуратуры Содружества Свободных Планет.

А сам обладатель голоса хмуро смотрел на известного политика. Тот тяжело вздохнул и уже значительно тише, мгновенно постаревшим голосом ответил:

– Ну сколько можно говорить? Это провокация. Сарб меня уверил, что через этого, как его… Кедрова он хочет протолкнуть челам дезинформацию относительно нашей операции по освобождению Эльдурея. Я согласился. Кто же не захочет помочь своему государству? – на последней фразе голос Харка стал громче.

– А директор Службы Государственной безопасности господин Сарб утверждает обратное. Он утверждает, что именно Вы вышли на него и предложили сделку – он передает челам

правдивую информацию о наших планах по освобождению Эльдурея, а Вы за это, став Президентом, назначаете его Верховным Адмиралом Объединенного Флота и вице-президентом страны, – говоря это главный следователь О'Ралли Харис включил телевизор, стоящий в углу кабинета.

И вновь зазвучали, ставшие уже ненавистными Харку слова: «Я, О'Санни Харк, председатель партии «Справедливость и порядок» и бригадный генерал О'Локки Сарб, директор Службы Государственной безопасности с помощью чела Андрея Кедрова передаем план операции по освобождению Эльдурея командованию челов. В этом плане содержится исчерпывающая информация о дате начала операции, силах, привлеченных для ее выполнения, направлениях удара и маневрах каждого боевого звездолета».

– Как видите, Вы сами исчерпывающе все сказали. И даже объяснили челам свой поступок, что бы у тех не возникло и тени сомнений в правдивости переданной информации. И вновь Харк услышал свой голос из телевизора: «Теперь мы хотели бы объяснить наш поступок. У меня и у генерала Сарба давно вызрело убеждение, что внутренняя и внешняя политика, проводимая нынешним Президентом Норком гибельна для государства кроков. Попытаться сместить Норка при помощи заговора или восстания, при существующей конфронтации с вами, значит подвергнуть страну громадному риску. Остается устранить его демократичным путем, с помощью выборов. В настоящее время рейтинг Норка невысок, но в случае освобождения Эльдурея он повыситься, и этот человек останется Президентом страны еще на семь лет, ввергая страну в пучину экономического спада и военных поражений. Именно поэтому мы, О'Санни Харк и О'Локки Сарб, решаемся на этот поступок. В случае неудачи под Эльдуреем, Норк гарантированно проиграет выборы, и Президентом стану я, О'Санни Харк. Моими первыми шагами будет направление Вам делегации с целью заключения перемирия, а потом и мира».

– Это, господин Харк государственная измена, – голос следователя был все также сух и бесцветен. – Подлинность записи подтверждена экспертами, в том числе и теми, которых предложила Ваша партия.

«Всемогущий Картан, какой же я глупец. Как я мог поверить Сарбу? На меня что, затмение нашло? – Харк смотрел на себя, застывшего в телевизоре, со смешно открытым ртом. – Вот так же смешно, жалко я буду выглядеть в суде. Ну, нет, не дождетесь. У меня есть алиби. У меня есть запись. И завтра ее должны показать. Завтра».

– Я уже устал повторять, господин следователь. Это не измена, а провокация. Провокация, разработанная Сарбом по поручению Президента, направленная на мою дискредитацию. И в этом Вы завтра убедитесь. Все убедятся!

– Хорошо, подождем до завтра, – О'Ралли Харрис нажал кнопку вызова охраны. – А пока в камеру, господин Харк, – на лице следователя мелькнула улыбка, первая, которую он себе позволил за время допроса.

Огромная, под стать размерам и могуществу государства кроков площадь Содружества, казалось, исчезла, затопленная людским морем. Сотни тысяч, да нет, скорее несколько миллионов человек расположились вокруг грандиозного памятника – символа Содружества – семи мощных стальных колонн, по числу цивилизаций, объединившихся в одно государство, взметнувшихся на пятьсот метров вверх и увенчанных стометровым шаром, символизирующим звезду Парму – центра Содружества свободных планет.

Низко летящие облака, подгоняемые сильным ветром, казалось, вот-вот зацепят этот шар. Но не только ветер сейчас хлестал по символу кроковской цивилизации. Могучее, миллионоголосое: «Свободу Харку! Нет провокации! Харк – наш Президент!» бил по шару снизу. Этот поток человеческих голосов, вопль, единый выдох миллионов грудей то, иногда, затихал на несколько секунд, то, вновь, с удвоенной силой взмывал ввысь.

– Господин Сарб, Вы уверены, что держите ситуацию под контролем? – Президент Норк с высоты седьмого этажа смотрел на раскинувшееся под ним гневное людское море. Огромное зеркальное пуленепробиваемое окно кабинета делало Президента невидимым для его народа. – Мне кажется, сейчас хватит и небольшого толчка, любой искры, чтобы все это взорвалось.

– Ни искры, ни толчка не будет. Повторяю, господин Президент, все под контролем.

Из-за облаков, тихо работая двигателем, вывалился флайер. Выровняв полет, он закружил над площадью, оставляя за собой легкий белесый след, быстро тающий в воздухе.

– Они готовят какой-то показ! Кто разрешил?

– Я, господин Президент. Это будет хорошим дождичком, способным погасить любую искру. Да что там искру, этот дождик боевой лазерный луч погасит!

– Мне нравится Ваша уверенность, генерал.

– Граждане Содружества свободных планет, – громко донеслось с площади, – сейчас вы увидите бесспорные доказательства невиновности нашего дорогого Харка. Вы увидите, что этот человек способен ради процветания нашего государства пожертвовать своей карьерой и отказаться от поста Президента страны. А разве нынешний Президент Норк способен на это?

И площадь тут же взвыла миллионами глоток:

– Не-е-ет!!!

Норк, не дрогнув ни одним мускулом, смотрел на это гражданское выражение нелюбви к себе.

«Интересно, а не проведи я эту операцию, победил бы ты на предстоящих выборах? – директор Службы Государственной безопасности вместе со своим непосредственным начальником смотрел вниз, – впрочем, операция еще не завершена. Расслабиться можно будет только тогда, когда человек, стоящий рядом со мной, после выборов вновь войдет в этот кабинет».

– И все же надо было запустить на площадь и моих сторонников. И их бы было бы не меньше, чем у Харка! – в голосе Президента проскользнула ревность к своему политическому оппоненту.

– Этот митинг транслируется на все Содружество. И более чем возможное в этом случае столкновение между людьми, которое, наверняка бы, привело к жертвам, повредило Вашему имиджу, господин Президент.

– Не-е-ет!!! – ударило вновь в окна.

Норк недовольно поморщился.

– А так Вы после фиаско на этом митинге выступите и скажите, что я мог бы привести на площадь не меньше своих сторонников, но, опасаясь, за жизнь людей не сделал это.

– Я сам знаю, что и как говорить своему народу! – Норк вновь недовольно поморщился.

– Конечно, господин Президент.

– Разве нынешний Президент, способен, ради процветания государства отказаться от своего поста? Нет! – раздалось с площади.

– Не-е-ет! – громыхнуло в ответ.

– Он, наоборот, приложит все усилия, чтобы правдами и неправдами удержаться на нем. И яркое тому доказательство, этот видеоролик! Сейчас его увидят миллиарды наших сограждан на всех планетах нашего государства. Смотрите!

Небо над площадью превратилось в огромную, всем известную заставку телеканала «Правдивые новости» – компьютер, получив телесигнал, начал управлять, установленными в различных местах площади, специальными лазерными установки, «разрисовывая» ими распыленный флайером тонкий слой аэрозоли.

Сарб неожиданно понял, как он волнуется. Если на небе сейчас закрутится видео, все, можно тут же, под испепеляющим взглядом Президента писать прошение об отставке.

Красочная заставка, «повисев» в воздухе несколько секунд, сменилась гигантским черным квадратом. Секунда, другая – на небе ничего не менялось. Черный квадрат, не несущий

и бита информации, накрыл площадь, закрывая свет. А люди все стояли, задрав голову, пытаясь увидеть желаемое – их кумир, харизматичный лидер партии «Справедливость и порядок» О'Санни Харк не виновен, не предатель. Но в черном пятне на небе что-либо разглядеть было невозможно. Вернее, можно. О'Санни Харк – не Президент…

– Я же говорил, господин Президент. Эта черная грозовая «туча» над площадью способна затушить все! Теперь самое время Вам выступить по телевидению, господин Президент. У меня все готово!

– Давайте, Локки, действуйте! – Президент назвал Сарба по имени – в окружении Норка все знали, что это знак особого расположения к человеку.

«Все же Блестящая заслужила высокую награду», – директор Службы Государственной безопасности с достоинством поклонился Президенту.

– Ничего не понимаю, ничего не понимаю, ведь было же… – директор оппозиционного телевизионного канала «Правдивые новости» О'Коррни Нрис, сидя у себя в кабинете, наверное, в десятый раз растерянно повторял эти слова, и с не меньшей растерянностью глядя в телевизор.

Ведь он каких-то два часа назад лично смотрел запись, которую ему тогда же и привезли. Привезли на флайере, который в крутом пике буквально свалился на крышу его телецентра. Тогда с записью было все в порядке. Его друг еще со школьной скамьи О'Санни Харк говорил совершенно правильные, красивые слова о служении Родине, о желании ей помочь даже рискуя проиграть выборы Президента. А рядом сидящий директор Службы Государственной безопасности бригадный генерал Сарб подтверждал это! Да покажи это видео стране и все, О'Санни Харк – Президент! Вот именно – покажи…

– Ничего не понимаю, ведь было же, – как заклинание, в одиннадцатый раз Нрис произнес эти слова.

Но «заклинание» не подействовало, чудо не произошло. Черный квадрат, по-прежнему, висел над площадью Содружества, а его меньшие братья висели в миллиардах телевизорах по всей стране.

«Это конец, – Харк тупо смотрел на экран телевизора. – Кто предал? Он последний раз смотрел запись вместе с Вессой. Потом отдал своему телохранителю. Тот отвез ее Ралли. Ралли? Нет, не может быть. Ралли ему слишком многим обязан, слишком многим…

…Харк тогда был не главой партии, а средней руки партийным функционером на общественных началах. Себе на жизнь будущий известный политик зарабатывал, работая врачом в одной из клиник. А Крисс, а точнее О' Крисс Ланан служил в полиции агентом второго класса. Жили они тогда в одном доме, поэтому при встречах сдержанно здоровались или просто кивали, не более того. Поэтому Харк очень удивился, увидев однажды Ланана на пороге своей квартиры.

– Выручай, – просто сказал он.

Больше Крисс ничего не добавил. Все остальное за него договорили глаза, глаза попавшего в беду сильного мужчины. Почему он, Харк, решил ему помочь, в этом, как оказалось, весьма щекотливом деле? Просто он почувствовал какой-то внутренний импульс, симпатию к этому невысокому, но крепко сложенному человеку. И часто оказывается, что именно такие внутренние импульсы, без всяких просчетов, подсказывают человеку наиболее правильное решение. Вернее, расчет происходит. Его делает подсознание по своим, одному ему ведомым законам. И если человеческий мозг сравнить с компьютером, то сознание это обычный, пусть и производительный процессор, который и в подметки не годится к мощному многоядерному процессору подсознания, который мог вести параллельно множество вычислений и за доли

секунды способный просчитать самую сложную жизненную ситуацию. Только надо услышать этот ответ, а, услышав, не отвергнуть. Харк, тогда, его не отверг…

О' Крисс Ланан вляпался в очень некрасивую историю. И это было очень мягко сказано. Можно сказать, что агент второго класса криминальной полиции был по уши в дерьме. Будучи женатым, он закрутил, как ему казалось, легкую интрижку с молодой девицей весьма свободных нравов. Пользуясь, что жена с маленьким сыном улетела навестить своих родителей на Ильктуру, что в двух тысячах световых лет от Арикдны, Крисс целый день таскался с этой девицей по всем злачным местам, которые он хорошо знал по долгу службы. Вечером этого же дня он затащил основательно пьяную свою подружку к себе домой и без особых прелюдий уложил в постель. Пробуждение было ужасным. И не потому, что незатейливая смесь виски и водки обильно принятые накануне вечером, сделали свое привычное дело. Голова не то что, казалось, раскололась на две части, а вдобавок, еще и каждая ее половинка была пошинкована на мелкие кусочки, словно капуста в бочке. Это было, в общем-то, привычно. Ужасным было другое. Рядом с ним сидела голая девица, ревела в три ручья и все порывалась куда-то позвонить. Преодолевая головную боль, с трудом вспоминая свою профессиональные навыки, Крисс сумел за каких-то десять минут вытрясти из девицы причины ее более чем странного поведения. И, казалось, пропасть разверзлась прямо на осквернённом супружеском ложе. Оказалось, что эта однодневная подружка полицейского была из весьма респектабельной семьи. Ее отец занимал высокий пост в одном из министерств и самое главное, она была несовершеннолетней. И к тому же девственницей. Просто малышка на день вырвалась из-под родительской опеки и решила доказать всем, что она уже взрослая.

– Доказала… – Крисс сидел на измятой постели и тупо смотрел на красное пятно на ней. Вспоминая вчерашний вечер, свои ощущения, мужчина признался себе, да взятие девичьей крепости вчера было. Просто по пьяни он тогда подумал, что недостаточно разогрел девицу. – Черт, и угораздило же меня.

Он еще раз окинул взглядом сидящую рядом с ним обнаженную девушку. Маленького роста, худенькая, с выпирающими ключицами, хотя уже с заметно округлившейся грудью.

«Девушка была тонкая и хрупкая, поэтому ломалась недолго».

– Баккар! Твою мать, надо же так вляпаться! – уже вслух выругался Крисс.

Полицейский быстро прокрутил сценарий дальнейших событий. Сейчас эта малышка дозвониться до любимого папочки и навзрыд попросит его забрать ее отсюда. Потом медицинское освидетельствование, суд и пятилетний срок за совращение несовершеннолетней. Хорошо, хоть за это не дают рудники Гамеда. Что же делать? Избавиться от девушки? Исключено. У таких родителей дети просто так не исчезают. Все раскрутят и довольно быстро. Наверняка найдется не один свидетель, который их видел во время их слалома по барам. Так что, прощай карьера полицейского, прощай устроенная жизнь? А если… а если медицинское освидетельствование ничего не покажет? А как это сделать?

– На выпей, легче станет, – Крисс подал девушке стакан с водой.

Та отрицательно махнула головой.

– Ты в таком виде хочешь предстать перед родителями?

Девушка послушно взяла стакан и сделала несколько глотков. Через минуту она уже вновь повалилась на кровать – снотворное подействовало безотказно. А еще через пять минут он стоял около квартиры Харка.

Будущий председатель партии «Справедливость и порядок» молча выслушал полицейского и лишь коротко сказал:

– Хорошо.

Крисс отвез полусонную, ничего не соображающую девушку в кабинет Харка. Полчаса и так неосмотрительно нарушенная девственность была восстановлена.

– Ты еще пару часиков можешь ее где-нибудь подержать? Я ввел ей специальную мазь. За пару часов ее действия, следов склейки уже не будет видно.

– Я ее покатаю по городу. Пусть придет в себя. А потом пусть летит к своему папашке. Что я тебе должен?

– Потом сочтемся.

Харк не ошибся в Ланане. Тот никогда не забывал, какую услугу ему оказал врач и по совместительству партийный деятель. И время от времени подкидывал ему разного рода информацию, хотя Харк его об этом и не просил. За пятнадцать лет О' Крисс Ланан дослужился до поста главного окружного агента, а Харк до депутата Высшего парламента Содружества Свободных Планет, председателя одной из крупных партий. Когда Харк разыгрывал свою комбинацию с Сарбом, он не долго раздумывал, кому доверить на хранение карту памяти с видеозаписью, которая полностью оправдывала его в случае нечестной игры со стороны директора Службы Государственной безопасности.

«Нет, это не Крисс. Я не мог в нем ошибиться. Да и потом, наверняка, перед тем, как запустить запись в эфир, Коррни должен был ее просмотреть. Мало ли что. Значит Коррни… или кто-то, кто имел к этой видеозаписи доступ. Неужели Сарб меня переиграл? – Харк аж заскрежетал зубами от бессилия. – Теперь все. Суд и пожизненное заключение, с отбытием наказания на Гамеде. А пожизненное на Гамеде – это десять лет максимум. Или радиация за это время доконает, или серая волна убьет», – со стоном известный политик повалился на тюремную койку.

«Ну вот и все, дорогой. Свою гонку за кресло Президента ты уже закончил, досрочно, – красивая молодая женщина и иссиня-черными волосами, расслабленно раскинувшись в кресле, смотрела на экран телевизора. Собственно, смотреть было не на что. Экран был черен. Обещанной видеозаписи, доказывающей невиновность председателя оппозиционной партии «Справедливость и порядок» О'Санни Харка не было. – Тебя сняли с этой гонки. Знаешь, есть такой спортивный термин – техническая дисквалификация. Это как раз про тебя. Ты нарушил правила – расслабился. Увы, политики на это не имеют права. Для них политика – это пылкая любовница. А ты эти понятия разделил».

– По техническим причинам показ видеозаписи с выступлением председателя партии «Справедливость и порядок» господина Харка переносится, – черный цвет экрана сменился красивым личиком молодой телеведущей. – Время показа будет сообщено дополнительно. Приносим Вам свои извинения.

«Ага, сообщат они дополнительно. Трудно показать то, чего нет», – известная писательница и тележурналист А'Весса Лам нажала кнопку и кресло тут же трансформировалось в огромную роскошную кровать.

Женщина с наслаждением потянулась. Кто-кто, а она заслужила отдых. Ведь именно она, Весса Лам, агент Службы Государственной безопасности с кодовым именем Блестящая, так много сделала, чтобы миллиарды телезрителей во всех уголках огромной страны, раскинувшейся на добрую сотню тысяч световых лет, увидели на экранах своих телевизоров черный квадрат. Ведь именно она сумела записать на карту памяти с реабилитирующей Харка видеозаписью небольшую программку, компьютерный вирус, стирающий видеофайл, сразу после его просмотра. Точнее стирающий во время этого просмотра. Воспроизвелся кадр, «ожили» очередные сотни килобайт информации и тут же, чик и все – нет их. Больше они никогда не «увидят» свет телеэкрана.

И неудивительно, что директор телеканала «Правдивые новости» О'Куррни Нрис ничего не мог понять. Ведь он сам, собственными глазами видел видеозапись. Да видел. Видел и тут же уничтожал, правда, сам не зная этого.

«Теперь пора подумать и о вознаграждении за такую работу. Надо Сарба хорошенечко потрясти. Когда представиться еще такой случай? – лежащая женщина обвела глазами комнату. – Хотя и этот дом Харка – уже неплохое вознаграждение, – податливое, но в тоже время упругое ложе приятно расслабляло тело.

А'Весса Лам сладко потянулась. Она находилась в огромном роскошном доме Харка, куда она переехала месяц назад на правах его любовницы.

«Правда существует еще бывшая жена, двое детей. Ничего. Имущество государственного преступника подлежит конфискации… ладно, посмотрим, – мысли все медленнее текли в засыпающем мозге, – главное – работа сделана. Видеозапись уничтожена».

О'Кнопп Зирк, скромный технический работник телеканала «Правдивые новости» пританцовывая от нетерпения, ждал лифт. Наконец, дешевая пластиковая клетушка взмыла его на двадцать девятый этаж. Все так же пританцовывая, мужчина приложил большой палец к дверному замку. Дверь тот час же услужливо распахнулась. Все, дома! Сердце колотилось как при первом свидании. Да, какое первое свидание! Девушек на свете, как звезд и добраться до них значительно легче. Гиперпространственного звездолета точно не нужно. А вот то, что лежит у него в кармане, ни у кого больше нет. Ни у кого! Зато желающих посмотреть на это – миллиарды! Вся страна! Вон что творилось на площади Содружества, не протолкнешься!

Чуть подрагивающими руками, Зирк вставил черный квадратик карты памяти в телевизор и с наслаждением утопил кнопку пуска.

– Уважаемые граждане Содружества Свободных Планет, я, О'Санни Харк, председатель партии «Справедливость и порядок» и я, бригадный генерал О'Локки Сарб, директор Службы Государственной безопасности, понимая всю значимость для Содружества планеты Эльдурей, совместно разработали операцию, одобренную господином Президентом Норком, по дезинформации нашего противника относительно наших планов по освобождению этой планеты, – сверхважный государственный секрет как-то по будничному звучал в скромной квартирке скромного телевизионного служащего.

«Правильно говорили на площади, Харк невиновен. Его действительно подставил Сарб».

– План операции состоит в том, что вот этот чел, – в телевизоре Харк указал на сидящего рядом с ним высокого светловолосого парня, – захваченный две недели назад в одной из отдаленнейших секторов Вселенной, передаст командованию челов ложный, выгодный нам план операции по освобождению Эльдурея. Я правильно говорю, генерал Сарб?

– Вы говорите абсолютно точно, – уверенно прозвучал из телевизора голос директора Службы Государственной безопасности.

– Сука!! А распинался тут на всех каналах, что Харк предатель, – рука сидящего перед телевизором человека уверенно нашарила стоящий рядом с креслом бар и вытащила из него баночку пива.

– Чтобы противник поверил нашей дезинформации, разработана легенда, по которой якобы Сарб, видя шаткое положение нашего Президента, решил выдать врагу истинный план операции по освобождению Эльдурея, чтобы я, наверняка, на следующих выборах занял этот пост. А в благодарность за это я должен его назначить Верховным Адмиралом нашего Объединенного Флота и вице-президентом страны. Повторяю, что это только легенда, призванная убедить челов поверить нашей дезинформации.

«Ну Харк, тоже хорош. Нашел, кому поверить, главному гэбэшнику! У него точно с головой не все в порядке», – указательный палец легко сдернул крышку с банки. Холодная жидкость приятно обожгла нёбо, – А еще депутат. Правильно говорят, что в Высшем парламенте сидят одни задницы».

– Я отлично понимаю, что в случае выполнения нашего плана, то есть в случае, если челы поверять нашей дезинформации и это будет способствовать освобождению Эльдурея, то ско-

рее всего мой политический оппонент – нынешний Президент страны господин О'Ролли Норк будет избран на следующий срок. Но я также отлично понимаю, что нынешними своими действиями, я могу реально спасти сотни и тысячи жизней своих сограждан, могу помочь освободить Эльдурей, а значит предотвратить захват челами третьего сектора нашего государства. И поэтому, как патриот своей страны, я сознательно иду на это. Я надеюсь, что мой народ поймет и оценит мой поступок. Благодарю за внимание.

Запись закончилась. Застывший Харк, чуть устало, смотрел на Зирка.

– Ну и что мне с тобой делать? – медленно прихлебывая пиво, хозяин квартиры задумчиво смотрел на известного политика. – Покарать или помиловать? Оставить эту запись себе или отдать твоим друзьям? – значимость своей персоны кружило голову посильнее высокоградусного пива, – Ну что скажешь, депутат?

Безмолвный Харк равнодушно смотрел на куражащегося маленького человечка.

– Значит так. Можешь радоваться – я тебя спасу, – большой глоток пива, – и не потому, что я тебя уважаю. Все Вы политики большие задницы, – еще один глоток. – Просто грех на такой заднице не срубить побольше бабла, – глоток и пустая банка из-под пива полетела на пол.

В то же день Сарб получил гиперсообщение из района астероидного пояса Арбзира: «Молот ударил хорошо».

«Две хорошие новости в один день. Не пересластить бы. Всемогущий Картан не любит чрезмерно одаривать людей. Он потом может с лихвой за это взять плату», – эта, совершенная ненужная в данный момент, мысль помешала директору Службы Государственной безопасности бригадному генералу О'Локки Сарбу по-настоящему насладиться сегодняшним успешным днем.

Глава 3

– Так ты честно скучал? – сильное женское тело навалилось на Андрея сверху.

– Очень! – искренне воскликнул мужчина.

– Поклянись!

– Чтоб я сдох!

– Фу! Какие у вас на Земле и клятвы, – давление женской груди на мужскую сразу ослабло. – У нас, когда парень клянется в любви к девушке, то говорит: «Клянусь голубым небом Матеи» или: «Клянусь Великим Мортоном».

– Дира, знаешь, чего вам, фролам, точно не хватает?

– Чего, – настороженно спросила девушка, ожидая подвоха.

– Чувства юмора! Вы все воспринимаете всерьез.

– Так ты сейчас шутил? – и вновь землянину сперло дыхание от навалившегося на него тела слабого пола. – Все вы мужчины одинаковы!

«Да, в такую грудь стрелой амура трудно промахнуться».

– Я исправлюсь, – бывший российский десантник с наслаждением провел рукой по столь соблазнительной для любовных стрел мишени.

– Попробовал бы сказать что-то другое!

И вновь мужчина почувствовал, что его тело будто растворяется в чем-то жарком и упругом. И уже больше ничего не хочется, только растворяться и растворяться без остатка, чувствовать, как горячая волна заполняет тебя без остатка и вот уже хочется кричать от этого обжигающего тепла. Кричать от наслаждения.

– Эльдира, Андрей, можно войти?

– Ммм… ну вот… иногда отцы бывают некстати, – девушка скатилась с Андрея на кровать и натянула на себя одеяло. – Па, конечно можно.

Дверь в спальню тут же распахнулись под энергичным натиском и молодожены на пороге увидели Главного Командора. Тот, мгновенно оценив «поле битвы» и вид «противников», улыбнулся. Но тут же его лицо вновь стало хмурым.

– Мне надо с вами поговорить.

– Что-то случилось?

– Да. В поясе Арбзира пропал астероид.

Главный Судья Руфи СакВок еще несколько секунд смотрел на тщетные попытки бабочки за окном сесть на цветок. Сильный ветер все время отбрасывал легкое тельце к каменному забору. И не отрывая взгляд от окна, он заговорил:

– Нет, инициировать отставку ДарВула мы не будем, – пауза, – как и не будем требовать начать переговоры с кроками, – сильный порыв ветра припечатал хрупкую бабочку к стене, продер по камням и выбросил из двора. – Большинство наших граждан нас не поймут и в лучшем случае просто выгонят из наших кабинетов, а в худшем, – Главный судья еще раз обвел опустевший двор и отвернулся от окна, – а в худшем устроят самосуд за предательство. Будем голосовать за более детальное изучение вопроса, чтобы затем принять более обоснованное решение по нему.

В кабинете повисла тишина. Каждый из пяти человек, пришедших к СакВоку, обдумывал сказанное.

– Но тогда нас может ожидать катастрофа, – наконец тонким фальцетом тишину нарушил маленький, хрупкий мужчина с прилизанными жидкими волосами, олицетворяющий собой Управление Правопорядка, – Матея может просто исчезнуть!

– Но сначала исчезнем мы, – Сак Вок даже не усмехнулся своим словам.

– Я согласен с уважаемым Главным Судьей, – поддержал СакВока Главный Дипломат Марзул ДарЗурас. – Надо сначала объяснить людям, какая опасность нависла над ними.

– Пока будем объяснять, уважаемый Главный Дипломат, окажемся неизвестно где. А тогда уже будет поздно что-то делать, – возразил Главный Полицейский.

– Значит надо быстро объяснять, – прогудел со своего места Главный Педагог Сурфи СакПартрок, – а так только бучу в стране устроим.

– Ну поймите же! У нас нет на это время! – фальцет Главного Полицейского стал еще тоньше.

– Не паникуйте, уважаемый СакНаррок, – осадил Главного Полицейского хозяин кабинета. – Во-первых, мы не знаем, как далеко продвинулись кроки в вопросе создания этого оружия. Может им еще надо несколько лет, чтобы довести его до ума.

– Вот именно, мы не знаем, как далеко продвинулись кроки! Поэтому мы не имеем права рисковать. Ведь опасности подвергается наша планета. А она у нас одна!

– Во-вторых, – продолжал Главный Судья, словно не замечая криков Главного Полицейского, – процесс, так сказать, прозрения народа можно ускорить. Ведь у нас, хвала Великому Мортону, есть люди и их не так мало, которые согласны со здравой мыслью, что с кроками лучше сотрудничать, чем воевать. Потому что война для нас не приносит ничего хорошего. За полтора века у нас осталась всего одна планета. И этим людям просто не следует мешать доводить эту простую мысль до остального народа. Я ясно выражаюсь, уважаемый Главный Полицейский? – и, чеканя каждое слово, Главный Судья повторил. – Этим людям не следует мешать! Даже если, может быть, они будут излишне активны и напористы в этом вопросе. И, в-третьих, самое главное. Процесс прозрения народа можно не только ускорить, а значительно ускорить, Руфи СакВок замолк и, обведя присутствующих взглядом, закончил, – просто необходимо убрать причину, мешающую этому прозрению.

– Теперь я что-то Вас, уважаемый Главный судья не понимаю, – забасил Главный Педагог, – то Вы против отставки Главного Командора, то сейчас говорите, что его необходимо убрать.

– Я рад, уважаемый СакПартрок, что Вы сразу догадались о какой причине идет речь. Думаю, что и остальные уважаемый члены Верховного совета Достойных об этом поняли, – хозяин кабинета вновь обвел взглядом присутствующих.

Главный Дипломат, Главный Полицейский, Главный Ученый и Главный Конструктор легкими кивками подтвердили это.

– Да, я против отставки Главного Командора. Следует признать, что уважаемый Матрул ДарВул очень много сделал для нашей цивилизации фролов и поэтому пользуется заслуженным авторитетом и уважением. И его отставка сейчас только будет способствовать его популярности. Нет, увольнять его с поста Главного Командора не следует, – Руфи СакВок сделал паузу и все таким же монотонным голосом закончил. – Его необходимо убрать, как не прискорбно мне об этом говорить. Но безопасность государства дороже жизни одного человека, пусть и весьма заслуженного.

– Постойте, уважаемый Главный Судья. Вы хотите сказать…

– Все, что я хотел сказать, я уже сказал, уважаемый Главный Полицейский.

– Все ясно. Необходимо ставить вопрос на голосование, – гулко подытожил Главный Педагог. Кто за предложение уважаемого Главного Судьи, прошу голосовать.

Члены Верховного Совета Достойных находились не в зале заседаний, поэтому им пришлось воспользоваться архаичным поднятием рук.

Первым руку поднял, опередив даже хозяина кабинета, Главный Педагог. Вслед за Главным Судьей, как по команде, руку подняли Главный Ученый и Главный Конструктор. Медленно, последней поднялась рука Главного Полицейского.

– Я рад, что мы единодушно приняли правильное решение. На сегодняшнем вечернем заседании Совета Достойных уважаемый Глава Совета Варзарул СакТардол будет доволен – с Главным Командором и его людьми перепалок не будет. До вечера.

Возникшие в кабине звуки отодвигаемых кресел и шарканья шагов рассек звонкий фальцет Главного Полицейского:

– Простите, но мы же не все решили по Главному Командору. Необходимо разработать план… да и вообще, это не так все просто делается.

– Вот Вы этим и займитесь, уважаемый СакНаррок.

– Я?

– А кто же? Не уважаемый же Главный Педагог или Главный Ученый. Это не по их специальности. Только не тяните, – тон Главного Судьи из добродушного вмиг превратился в жесткий, – не позднее, чем через пять дней план должен быть готов. Вы сами только что сказали, что у нас нет времени, – Руфи СакВок перевел взгляд во внутренний дворик своей резиденции. Он был пуст, бабочка там так больше и не появилась. – Но спешка не должна сказаться на надежности. Главный Командор Матрул ДарВул больше не должен будоражить наше общество.

– Как это пропал? – Эльдира задала вопрос даже быстрее, чем накинула на свое тело легкий халатик.

– Пропал – это значит исчез из астероидного пояса, – резкий тон Главного Командора выдал его волнение.

– А как такое могло случиться? – Андрей интуитивно понял, что самое лучшее сейчас, это дать своему тестю выговориться.

– В районе этого астероида датчики целостности пространства зафиксировали выход из гипера какого-то тела, – все еще хмурясь, начал объяснять Матрул ДарВул.

– Кроки?

– Ну а кто же еще. После этого вновь в этой же точке датчики фиксируют открытие окна. А через несколько минут там же происходит взрыв. Естественно, мы с помощью телескопов начали внимательно обследовать этот район. И уже через час поняли – исчез один астероид.

– Может, его кроки разнесли взрывом? Большой был астероид?

– Нет, Эльдира. Взрыв был не такой мощный, как нужно для этого. Астероид был примерно метров двести в диаметре.

– Тогда что?

– Наши эксперты, проанализировал все собранную информацию, пришли к выводу, что кроки, каким-то образом, сумели перед несущимся по своей орбите астероидом открыть гиперпространственное окно, и тот в него благополучно влетел. Где он сейчас одному Великому Мортону известно.

– Па, но это же невозможно! Открыть гиперпространственное окно таких размеров!

– Теоретически это возможно. Другое дело, что мы и челы пока этого делать не можем.

– О, Великий Мортон! Что же делать? Ведь если это так, – девушка на мгновение запнулась, словно боясь высказать ту мысль, которая только что пришла к ней в голову, – то они могут и нашу Матею отправить в гипер!

– Я не думаю, что кроки это могут сделать сию минуту, – после паузы на вопрос дочери стал отвечать Главный Командор, – но они близко подобрались к решению этой задачи.

В комнате воцарилась тишина. Каждый из присутствующих помимо своей воли рисовал в своей голове зловещую картинку – несущаяся в Космосе зелено-голубая планета, а на ее пути разверзается поистине вход в ад – угольно-черное пятно – отверстие в гиперпространство. Секунда-другая и планета бесшумно проваливается туда. Хлоп и вновь на месте этого черного Ничто сияют звезды. Вот только Матеи там уже нет.

– Па, и что же делать?

Крупный, высокий мужчина с гривой седых волос опустил голову, не желая встречаться с вопросительным взглядом дочери.

– Не знаю, – наконец тихо произнес он. – Сегодня на вечер будет назначено экстренное заседание Верховного Совета Достойных. Там и реши, что делать, – в голосе мужчины особой уверенности не было.

– Знаю, что этот Совет решит, – гневно воскликнула Эльдира. – Там большинство смотрят в рот Главному Судьи. А тот спит и видит, как бы помириться с кроками. А тут такой повод представился. Если не помиримся, вернее, если покорно не склоним головы, то смерть.

– А ты что думаешь, Андрей?

Если откровенно, то землянин сейчас думал одно – схватить Эльдиру в охапку, на звездолет и к матушке, в воронежскую деревню.

Но, увидев перед собой насупленный взгляд серых глаз ДарВула из-под густых седых бровей, бывший российский офицер-десантник спокойно и твердо сказал, как о давно решенном:

– Драться. Что же еще остается.

И тут он был повален вновь на кровать радостно кричащим телом своей жены:

– Правильно! Драться! Поставим не на тысяче астероидах боевые лазеры, а на десятках тысяч! Поднимем на патрулирование все наши звездолеты. Пусть только попробуют кроки еще раз появиться в нашем поясе! Тут же уничтожим! Попросим помощи у челов. Они нам должны помочь. Ведь это новое кроковское оружие и им угрожает.

Главный Командор смотрел на разрумянившуюся, возбужденную свою дочь. Впервые, за время разговора по его лицу скользнула улыбка.

– Если бы все фролы думали как ты. Было бы значительно легче бороться с нашим врагом.

– Раньше, перед лицом опасности, Главный Командор автоматически наделялся неограниченной властью. И никакие Главные Судьи и пикнуть не смели! – Эльдира вскочила с кровати и подошла к отцу.

– Это было раньше, – грустно произнес тот. – Сейчас законы несколько другие.

– Плевать на законы! Наша цивилизация в опасности!

– Ты предлагаешь мне совершить государственный переворот?

– Не знаю… – девушка осеклась. – Ну пап, что-то же надо делать!

– То, что предлагает Эльдира, хорошо. Но рано или поздно, кроки успеют применить свое оружие, – твердо смотря в глаза Главного Командора, произнес Андрей.

– Я это понимаю. Но у кроков еще нет оружия, способного отправить в гипер всю планету. Иначе, они бы это уже давно сделали. А такими своими действиями мы значительно осложним им процесс доводки этого оружия.

– Доведут в другом месте. Что, во Вселенной астероидов мало? – возразил Кедров.

– Да, ты прав, – после паузы ответил ДарВул. – Но что-то же делать надо!

– А если попросить помощи у мнемов? Они же тогда нам здорово помогли при Эльдурее, – воскликнула девушка. – Андрей, попроси помощи у Лю.

– Мнемы не помогут, – вместо Андрея ответил Главный Командор. – Вы же мне сами сказали, что они вмешиваться больше не будут. Кто победит, тот и будет развиваться дальше.

– Эльдира, твой отец прав. Не мнемы, не иры в нашу схватку с кроками не вмешаются. Мы сами должны завоевать свое место под солнцем.

– Великий Мортон! Так что же делать?

– Надо уничтожить центр, где разрабатывается это оружие, – спокойным, будничным тоном произнес землянин.

– Легко сказать! – усмехнулся Главный Командор. – Его еще надо найти. А найдя, уничтожить! Не думаю, что он охраняется слабее того же Гамеда. А Гамед я уже атаковал, и на собственной шкуре почувствовал, что это такое.

– Но другого же пути у нас нет, верно?

Огромный мегаполис медленно погружался в ночь. Альтия, быстро и неотвратимо скатывалась за горизонт. Ярко-синее небо темнело, разукрашиваясь яркими точками звезд. И в такт этому небесному прихорашиванию, расцвечивалась яркими разноцветными огнями земля. Четкими широкими светящимися полосами прорезали тьму автомобильные дороги и улицы. Светящимися колоннами вспороли ночь башни небоскребов. А над ними, словно бабочки, летящие на свет, клубились сотни разнообразных флайеров. Одни из них садились на крыши небоскребов или на специальные, ярко-освещенные площадки, нависающие над дорогами, другие, наоборот, поднимались все выше и выше, словно стремясь вырваться из цепких рук гравитационного притяжения планеты.

Две яркие точки появились над городом откуда-то с северо-запада. Пролетев на большой высоте над пригородами, они синхронно, с плавным боковым скольжением устремились вниз. Через минуту два больших красно-синих флайера уже замерли на небольшой прозрачной площадке, нависшей над деревьями одного их городских парков. Из каждого флайера вышло по четыре молодых человека, одетых в одинаковые, под стать расцветки своих летательных машин, красно-синие комбинезоны. Все они держали в руках черные пилотские шлемы. По эскалатору они спустились в парк, встретивший их громкой музыкой и гомоном сотен отдыхающих. Недалеко от площадки для флайеров, у маленького озерца примостилось уютное кафе, стилизованное под фроловский звездолет-крейсер. Отбрасывая на воду огненно-красные блики, над его входом, похожим на входной люк в космический корабль, полыхало: «Обитель пилотов». Небольшая площадка перед кафе была уставлена столиками, похожими на пульты

управления звездолетов, а кресла вокруг них, соответственно, были точной копией пилотских кресел.

Народа в кафе было много – все столики были заняты. Прозрачные стены здания позволяли видеть, что и внутри недостатка в желающих провести вечер в «Обители пилотов» не было.

По бокам площадки и в нескольких местах на самой площадке были установлены двухметровой высоты панели, которые при помощи хитроумной электроники были превращены в маленькие кусочки Космоса – на черном фоне там сияли звезды, и время от времени среди них, словно нехотя, скользили звездолеты. Издали эти панели напоминали огромные аквариумы, внутри которых, лениво шевеля плавниками, плавали разноцветные рыбки. На самой большой панели, установленной точно посередине площадки, три фроловских «рыбки»-звездолета преследовали две кроковских «рыбки». Где-то на середине панели один из кроковских звездолетов превращался в красно-желтую кляксу взрыва. Второй кроквский звездолет эта участь постигала у самой кромки панели, когда, казалось, он вот-вот уйдет от своих преследователей. И тут же этой миниатюрый кусочек псевдокосмоса пришпиливался огненно-красными буквами, похожими на те, что составляли надпись «Обитель пилотов» – Хороший крок – это мертвый крок. Подержавшись минуту, буква постепенно гасли, уступая место ярким искоркам звезд. И вновь три фроловских звездолета преследовали двух кроковских. И вновь, словно забавляясь, электроника «убивала» последнего крока у самого края, за которым не бездна – спасение. И вновь кроваво-красным вспыхивал космос – хороший крок – это мертвый крок.

Восьмерка мужчин почти что строевым шагом подошла к центральной панели. Черные пилотские шлемы уже вновь были надеты. Ни слова не говоря, один из восьмерых прилепил к гладкой прозрачной плоскости небольшую красную коробочку. Тем временем семь остальных людей в красно-синих комбинезонах со всех сторон окружили панель. Вся отдыхающая в кафе публика с изумлением и непониманием наблюдала за разворачивающимся действом.

Секунда, другая и черная бездна Космоса в панели исчезла. Не успел в очередной раз «взорваться» даже первый кроковский звездолет. Панель озарилась мягким голубым светом и ночью, в парке появился маленький кусочек знаменитого неба Матеи насыщенного иссиня-голубого цвета. Но вот голубой цвет разбавился зеленым – внизу панели показалось огромное, до горизонта зеленое поле, расчлененное на две части широкой рекой, красиво блестевшей в лучах Альтии. Все без труда узнали в ней главную реку планеты – Иргуни.

Откуда-то с небес бесшумно спустился флайер и сел около реки. Распахнулся люк. Из флайера выпрыгнул мужчина, одетый в национальный фроловский костюм – голубые широкие штаны и зеленую, украшенную причудливым красным узором рубаху. Вслед за фролом в проеме люка показался еще один мужчина. До этого недоуменно и молча наблюдавшие за показом, посетители кафе разразились недовольными возгласами. Второй мужчина был явно крок – ярко-оранжевый комбинезон с характерной эмблемой на правой стороне груди – семь колонн, увенчанных шаром. И чтобы не у кого из зрителей не осталось и тени сомнений, что вместе с фролом на флайере прилетел крок, на панели крупным планом возникло его лицо – лицо красивого молодого мужчины-крока. Ошибиться было не возможно. На зрителей в упор смотрели его глаза с огромными черными зрачками, окаймленные узенькой желтой полоской. Крок тоже спрыгнул на землю. А дальше случилось невообразимое – мужчины обняли друг друга за плечи, и фрол стал свободной рукой водить из стороны в сторону, как бы показывая кроку, как прекрасна его планета. По изображению побежала надпись: «Фрол и крок – лучше сотрудничать, чем воевать».

Недовольные возгласы перешли в возмущенный рев:

– Ложь!

– Смерь крокам!

– Бей их!

Несколько десятков людей выскочили из-за столиков и устремились к центру площадки. В руках молодых людей в красно-синих комбинезонах блеснули дубинки-электрошокеры. Первые побежавшие к ним несколько мужчин тут же повалились на пол, сбитые с ног мощными разрядами. Это еще больше разозлило нападавших.

– Ах так! Получайте!

В людей с электрошокерами полетели бутылки, стаканы и тарелки. Но те, надежно защищенные шлемами и противоударными комбинезонами, были неуязвимы и продолжали укладывать на пол все новых и новых посетителей «Обители пилотов». А им в спину продолжали улыбаться, обнявшиеся фрол и крок.

Среди нападавших возникло замешательство. Уже полтора десятка посетителей кафе растянулись на пластиковом полу площадки.

– Да неужели мы не справимся с этими ублюдками! – неожиданно прогремел чей-то зычный голос. – Или мы не фролы? А ну стройся в колонну по три! – скомандовал невысокого роста пожилой мужчина. – Давай, давай, пошевеливайся! Ты так и к жене в постель с опаской лезешь?

Раздался дружный смех.

Наконец колонна, состоявшая из двух десятков мужчин, была построена. Впереди стал все тот же пожилой мужчина.

– А теперь бегом на ублюдков! – скомандовал он и первым бросился вперед.

С таким живым тараном даже электрошокеры были бессильны. Несколько нападавших мужчин упали, получив разряды в головы, но тут же несколько людей в красно-синих комбинезонах были сметены, сбиты с ног. Вдохновленные этой победой, разъяренные сопротивлением, а еще больше изображением на панели обнявшихся фрола и крока, посетители кафе бросились на остальных красно-синих. Минута ожесточенной драки и все защитники панели были сбиты с ног. Чья-то рука сорвала с нее красную коробочку. Тот час же голубое небо Матеи, зеленое поле с протекающей по нему рекой и стоящие около неё улыбающиеся мужчины исчезли. И вновь в ледяной черноте Космоса три фроловских звездолета преследовали два кроковских. А по ту сторону прозрачного пластика одни фролы избивали других.

Откуда-то сверху раздался вой полицейской сирены и над дерущимися людьми, в пяти метрах от земли завис полицейский флайер.

– Прекратить драку! – громыхнуло оттуда.

И тут же, вслед за акустическими волнами на землю обрушились волны водяные. Тугие струи воды легко сбивали людей с ног, швыряли их об столы, кресла, панели. Драка, а точнее избиение мгновенно прекратилось. Из раскрывшегося люка на днище летательного аппарата спустилась небольшая гондола. Из нее выскочило несколько полицейских. Все молодые люди в красно-синих комбинезонах с их помощью были втасканы в гондолу. Секунда и полицейский флайер вновь взмыл над парком, на ходу втаскивая в себя болтающихся под ним людей.

Кармир ДарМинсарок, тележурналист пятого телеканала, довольно потер руки. Неизвестный, позвонивший в их редакцию новостей, не солгал. В кафе «Обитель пилотов» произошло действительно интересное событие, претендующее не только на титул «Хит дня», а даже и на «Хит недели», а может и месяца.

Ему уже звонили с редакции и взахлеб кричали, что их прямой эфир с парка сейчас в рейтинге первый.

– Карми, – орал выпускающий сегодняшних новостей, – добавь остроты! Драка закончилась, и многие телезрители сейчас начнут уходить на другие каналы. Придумай что-нибудь, Карми!

«Как минимум, пятьдесят процентов премии я сегодня уже наговорил!»

– Постараюсь, Руфи! – ДарМинсарок повернулся к своему оператору, – теперь я подойду к этой панели и дам комментарий. А ты держи картинку так, чтобы было видно побольше

валяющихся людей. Все, начинай снимать, – и тележурналист выбежал из-за кустов, откуда он наблюдал за происходящими событиями и устремился к панели, вокруг которой только что кипели такие страсти.

– Уважаемые телезрители, вы только что могли наблюдать, как группа неизвестных людей провела беспрецедентную в нашей истории акцию. Они впервые открыто заявили, что с кроками лучше сотрудничать, чем воевать. Реакцию посетителей кафе вы видели. Если бы не вмешательство полиции, этих людей могли бы просто забить ногами до смерти. А сейчас я попытаюсь взять интервью у одного из участников событий, – Кармир осмотрелся вокруг и, увидев мужчину, который уже смог подняться с пола и сесть в кресло, устремился к нему.

– Пятый телеканал. Служба новостей, – выпалил он, наклоняясь к мужчине. – Здесь только что была драка. Вы, вместе с другими посетителями кафе, пытались помешать неким людям открыто выразить свою точку зрения, что сотрудничество с кроками лучше, чем война с ними. И даже были готовы убить этих людей. Вы и сейчас считаете, что поступили правильно? Или, может быть, все же было бы лучше в спокойной обстановке обсудить этот вопрос? – ДарМинсарок протянул сидящему в кресле мужчине микрофон.

Тот, оглушенный высоковольтным электрическим разрядом, а затем еще и «приглаженный» мощной водяной струей, еще не пришел в себя и бессмысленно смотрел на своего собеседника, явно его не понимая.

– Так что, война, как и дальше, или пора подумать о сотрудничестве с кроками?

Оглушенный мозг мужчины уже чуть пришел в себя и сумел ухватить окончания фразы журналиста – пора подумать о сотрудничестве с кроками. Такой нюанс, как вопросительная интонация, где-то затерялся среди хаоса мозговых электрических импульсов, похожих на разозленных пчел с разворошенного улья. И отрывок последней фразы превратился в дымящийся сучок, всунутый в этот разоренный «улей».

– И ты, ублюдок, с ними заодно! – ярость впрыснула адреналиновую инъекцию в кровь, заставив обессиленное мужское тело вскочить и сделать резкий хук правой.

Не ожидавший такого поворота событий, ДарМинсарок рухнул рядом с панелью, присоединяясь к бесчувственным телам противником интеграции с кроками.

«Замечательно! Это, наверняка, еще пару минут удержит зрителей на канале! Нет, мне сегодня точно положена премия», – Кармир даже потянулся, чтобы еще раз потереть руки от удовольствия, но саднящая боль в левой скуле заставила его лишь застонать.

А его телевизионный оператор все держал и держал «картинку» – разбросанные по всей площадке кафе кресла, поваленные столики, валяющиеся среди них люди, а в центре три фроловских звездолета меланхолично преследуют два кроковских.

Хороший крок – это мертвый крок.

– Хороший крок – это мертвый крок, – тихо проговорил Главный Командор, задумчиво глядя на экран телевизора. – Но кто-то пытается в этом усомниться. Вернее, усомнить в этом людей.

– Кто-то, – сидящая рядом с отцом дочь, – презрительно фыркнула. – Не кто-то, а Главный Судья. Думаешь, если на заседании Верховного Совета, он проголосовал за твое предложение, то все нормально? Как бы не так! СакВок – умная и хитрая лиса. Он хочет вызвать напряженность в обществе, заставить людей усомниться в нашей политике войны с кроками. И лишь потом он начнет реализовывать свой план.

– Ну, так ему придется долго убеждать людей. Видела, как этих восьмерых в комбинезонах народ отделал? – ДарВул рассмеялся.

– Да, восьмерых отделали. А сотни, тысячи людей, посмотрев этот репортаж, задумаются. Может в том, что так яростно защищала эта восьмерка, что-то есть? Может, действительно, лучше сотрудничать, чем воевать.

– Не подумают! – яростно вскричал Главный Командор. – Все знают, что они правосторонники, которые ненавидят нас, левосторонников. И полюбить они нас никогда не смогут. Их правая спираль ДНК этому мешает! Поэтому ни о каком сотрудничестве речи быть не может. Кроки нас просто обманут и уничтожат. И это понятно всем фролам!

– Ты же сам видишь, что не всем. Главному Судье и еще кое-кому это не понятно.

– СакВок просто рвется к власти!

– А зачем ему будет власть, если кроки нас уничтожат? – возразила Эльдира. – Нет, папа, СакВок искренне уверен, что с кроками можно договориться. А теперь представь, что пару недель такой агитации, – девушка кивнула на телевизор, – потом поданная в самых черных тонах информация о новом кроковском оружии и что? Да тебя, Главного Командора, сметет толпа, бегущая мириться с кроками! Сметет и не заметит!

– На Совете Достойных решено, что эту информацию пока не разглашать!

– Ну-ну! – девушка саркастически усмехнулась. – Даю голову на отсечение, что уже с полсотни человек этой информацией владеет.

– Больше, – задумчиво произнес Андрей. – Уверен, завтра об этом оружии кроков уже будет гудеть столица. И такие акции как это, – кивок на телевизор, – завтра же будут сопровождаться с упоминанием об этом оружии. Чтобы доходчивей до людей доходил тезис о необходимости сотрудничества с кроками.

– Великому Мортон! Что же делать? – прошептала Эльдира.

– Драться! – Главный Командор повторил слова землянина. – Драться до победы или… – мужчина осекся, – или пусть Великий Мортон решит нашу участь! – решительно закончил он.

В комнате повисла тишина, прерываемая лишь бормотанием телевизора:

– … сегодняшнее происшествие в парке имени Павших десантников наглядно показало, что старательно загоняемая властями куда-то вглубь проблема отношений с кроками не только давно созрела, а и перезрела. И может быть своим, безусловно противоправным поступком, эти люди подтолкнут наши власти к конструктивному решению этой проблемы. А то может оказаться и так, что время для этого будет безвозвратно упущено.

– Что я говорил? – тихо заговорил Андрей, – наверняка уже завтра будет вброшена информация об оружии.

– Ладно, посмотрим кто кого. Я не верю, что фролов можно чем-то запугать. Война с кроками, как хороший кузнечный молот сбила с нас всю окалину, всю шелуху. Да, за столетие войны, нас стало меньше. Но остались лучшие.

«Война забирает лучших, – мелькнула в голове Андрея мысль, выстраданная многими поколениями землян. – Погибают в большинстве своем самые смелые и храбрые. Остаются хитрые и трусы, которые потом ставят памятники храбрым, а себя называют просто случайно выжившими».

– Андрей, – донесся до него голос тестя, – мне сейчас нужны люди, которым я полностью доверяю. Один из них – ты. И чтобы я мог тебя использовать наиболее эффективно, ты должен вступить в нашу армию. Надеюсь, ты не против?

Кедрову сразу захотелось крикнуть да. Сбывалось то, о чем он говорил матери – участие в захватывающих и опасных рейдах, причем район их действий не ограничивался максимум какими-то там шестью с половинами тысячами километров – радиусом земного шарика, а простирался практически на всю Вселенную. И передвигаться он будет не на «Бахче[6]», а на гиперпространственном звездолете. И в руках у него буде не «Абакан[7]», а…. да что там говорить. Ему предлагали сейчас заняться тем, на что «заточил» его Всевышний, к чему наиболее лежала его душа, чему он, в конце концов, учился – эффективно уничтожать врага. Можно погибнуть? А кто сказал, что путь к большим звездам на погонах не лежит через риск? Честный путь.

«Из российской армии я выбыл по причине смерти. Спасибо моим отцам-командирам. Поэтому совесть моя по отношению к трехцветному флагу чиста. Что ж, если я не стал генералом на Земле, то может стану Командором на Матее?»

– Я согласен.

Глава 4

Шпага лазерного луча поразила кроковский крейсер прямо в «сердце» – пятисот тысячемегаваттный сгусток световой энергии ударил по отсеку, где находился ядерный реактор. Прикрывавший его защитный кормовой экран, был уничтожен пятью минутами раньше. И вот теперь очередь дошла до реактора. Он сопротивлялся долго – даже по человеческим меркам и восприятию. Несколько секунд понадобилось на то, чтобы нарушить систему охлаждения реактора, и циркулирующая в ней вода, вырвалась из сковывающих ее пут трубопровода. Еще секунд десять быстро разогревающаяся активная зона ректора плавила все вокруг себя, превращая неприступную сталь в вязкий пластилин. Наконец, вся конструкция под своим весом сложилась, и рухнула внутрь реактора. Тонны воды упали в раскаленное чрево. Но еще долгую одну секунду обжигающий, радиоактивный пар разрывал, раздирал энергетический отсек крейсера. В конце концов, не выдержал и он. Это уже была агония звездолета – по его могучему корпусу пробежала сильная дрожь, зазмеились трещины и самое страшное – разрушилась защитная переборка отсека, являющаяся днищем следующего, топливного отсека. Затем наступила смерть… Тонны и тонны жидкого водорода полились на раскаленные останки реактора, чтобы, мгновенно превратившись в газ, мощной ударной волной развалить весь корабль. «Контрольным выстрелом в голову» для крейсера стало соединение водорода с кислородом из разрушенных резервуаров, необходимых для дыхания экипажа. Яркий красно-голубой шар взрыва запульсировал в холодном Космосе.

По неписанной, но неукоснительно соблюдаемой в Военно-Космических силах челов традиции, любое проявление эмоций в случае успешной атаки на врага, до того, как свое слово не скажет командир, считалось бестактным. Но командир крейсера «Авангард» полковник Рахад Виргул не стал томить своих подчиненных:

– Что ж, господа, поздравляю, еще одним кроковским крейсером стало меньше, – ровным, спокойным голосом произнес он и довольно откинулся на спинку кресла.

И едва сдерживаемая радость, наконец, разлилась по рубке управления. Люди хлопали в ладоши, поздравляли друг друга.

– Да здравствует крейсер «Авангард»!

– Да здравствует его командир полковник Виргул!

– Ладно, ладно, господа. Довольно. После вахты приглашаю всех в кают-компанию на праздничный ужин. Заррад, сообщение в Центр. Уничтожен кроковский крейсер второго класса. Продолжаю патрулирование заданного района. Подпись моя, – командир «Авангарда» вскочил с кресла, еще раз скользнул глазами по показаниям приборов, по экранам внешнего обзора и вышел из рубки.

Рахад Виргул мог быть доволен собой. Это была его пятая победа, как командира «Авангарда» и восьмая, с тех пор, как он закончил Высшую Академию Космических войск.

«Пора командованию цеплять мне на грудь генеральский значок. Восемь звездолетов! Из них пять крейсеров»! – полковник тихо рассмеялся.

Все складывалось как нельзя лучше. За семь лет от лейтенанта до полковника! Никто из его сверстников так по ступенькам карьерной лестницы пробежать не смог. Максимум – майоры. И это притом, что ему никто не помогал. Да и кто ему мог помочь? Звездолет с родителями исчез в еще более бескрайних, чем сама Вселенная, просторах гиперпространства, когда ему еще не исполнилось и трех лет. Нет, они не были военными и погибли не в бою. Тогда

бы было бы легче. Сын погибших героев имел бы какие-то преимущества перед детьми обыкновенных родителей.

Родители Рахада были обычными мирными челами и летели на Рождество Всесильного Исама позагорать на пляжах Вантеи. Пассажирский звездолет не вышел из гиперпространства в расчетной точке. Он вообще нигде не вышел. Наверное, что-то случилось с гиперпространственным движком. Какая уж тут героическая смерть.

Воспитывали Рахада бабушки и дедушки. Причем все хотели быть самыми незаменимыми, самыми любимыми для единственного внука. Поэтому мальчик был окружен прямо таки тотальной любовью. У челов есть поговорка – слишком много поваров портят суп. Как при таком воспитании из Рахада получился хороший «суп» – загадка. Очевидно, хорошие ингредиенты были вложены в него при рождении, «вытащили» безобразную стряпню.

Рахад Виргул вырос не высоким, но крепким, здоровым юношей. Красивым юношей. Волнистые, черные волосы, спадающие на высокий лоб, большие карие глаза под красиво прочерченными густыми бровями, тонкий аристократический нос над полными, чувственными губами. И на волевом, действительно мужском подбородке небольшая ямочка. Многие девушки вздыхали по той ямочке и мечтали попробовать на вкус эти чувственные губы. И Рахад не отказывал им в этом удовольствии. Он не был жадным мальчиком. После школы он сходу поступил в Высшую Академию Космических войск. Ну а куда должен был стремиться крепкий, умный парень, стремящийся сбежать от окружающей его тотальной любви сонма бабушек и дедушек? Только в военное заведение с его казармой и скупыми увольнительными. Впрочем, девушек он находил и при таком жестком распорядке. Вернее, они его находили.

Из-за одной такой девушки он чуть даже не вылетел из Академии. На последнем курсе одна из красавиц уж слишком умудрилась «утонуть» в его ямочке на подбородке – забеременела. Обычная история. И все бы ничего – подумаешь, залетела. Он, как настоящий мужчина, будущий офицер все бы организовал – нашел бы врача, оплатил бы операцию. А в качестве моральной компенсации еще бы заплатил за восстановление девственной плевы. Лети девочка-недотрога, ищи себе другого курсантика. Может он станет генералом. Но залетевшая девочка лететь никуда не собиралась. А собиралась рожать. Уговоры и увещевания не помогли. Рахад был в отчаянии. Становиться в двадцать один год папой – это категорически не входило в его планы. Тогда, по закону, он обязан был выделять на воспитание ребенка минимум пятьсот гивов. А это же половина лейтенантской зарплаты! Которая, кстати, будет только через год. А до этого государство будет давать Рахаду в долг эти деньги, которые, естественно, надо будет потом отдать. Из все той же лейтенантской зарплаты. Похоже, пару лет он будет обречен питаться только офицерским пайком. Какие уж тут девушки. Правда, столь фатальные для него расходы можно уменьшить. Для этого надо жениться на Сартизе, заметно округлившийся животик которой и вечно заплаканные глаза вызывали у него сейчас только глухое раздражение. А ее черная родинка над верхней губой, которую он раньше любил целовать, сейчас, при мыслях об этом, доводила чуть ли не до рвотных спазм. Никогда! Никогда он не жениться на этой женщине.

Тот, тихий летний вечер Рахад запомнит, наверное, навсегда.

– Сарти, поехали покупаемся? Я тут знаю одно уютное местечко. Сейчас там точно никого не будет. Только ты и я, и тихое бормотание волн, да красный шар Вебы, садящийся прямо в воду.

Глаза девушки радостно заблестели. С тех пор, как она сказала ему о своей беременности, это были первые теплые слова, услышанные от него.

В том месте, куда Рахад привез Сартизу, действительно никого не было. О цивилизации напоминал лишь гул скоростного хайвэя, где-то у них за спиной и отдаленные светящиеся точки флайеров, вьющиеся над еще более отдаленным мегаполисом.

– Ну что, пошли купаться? Вода – лучше, чем в лучших фитнесс-клубах.

Девушка радостно кивнула и поспешно сбросила с себя легкое платьице. Мужской взгляд невольно скользнул по животу. Увидев это, девушка как-то инстинктивно попыталась закрыть его руками. Получилось довольно нелепо. Рахад улыбнулся. Сартиза, очевидно, истолковала эту улыбку как ободряющую. Она тоже, в свою очередь, кокетливо улыбнулась и игриво, насколько это было возможно при ее животе, вбежала в море. При такой, резко увеличившейся части тела, мерно заколыхавшейся при беге, получилось не игриво, а смешно.

«О, Всесильный Исам, – парень чуть сбоку смотрел на бегущую девушку, – но почему ты сделал так, что часто беременность происходить против нашей воли? И что потом делать со всем этим?» – он нагнал ее в три прыжка и обхватил за талию. Вернее, за то место, где должна быть талия.

– А трусики? – и уверенно потянул небольшой лоскуток материи, примостившийся на женских бедрах вниз.

– Ой, не надо, – смущенно пробормотала она, – вдруг кто увидит? – а сама уже каким-то торопливым судорожным движением обхватывала его за шею.

Он овладел ее прямо здесь, на границе воды и суши. Женский живот мешал, очень мешал. Рахад первый раз занимался сексом с беременной женщиной, можно сказать, изрядно беременной. По привычке, он опрокинул девушку на спину и тут же услышал свистящий шепот:

– Только осторожней… живот.

Ну и что оставалось делать? Кое-как примостившись перед Сарти на коленях, Рахад натужно подтянул девушку к себе и все же овладел ее. От воды женское тело стало скользким, и попка то и дело соскальзывала с его колен, со всеми вытекающими отсюда последствиями – возбужденная, разгоряченная плоть, неожиданно выдернутая из своей уютной временной «квартирки», тут же окатывалась водой. Натужные неуклюжие движения по восстановлению статус-кво и через минуту все повторяется – морская волна бьет о мужской бушприт[8]. Это только сталь, чтобы она была тверже, закаливают – разогревают до вишневого цвета, а затем резко опускают в воду. Для мужской крайней плоти такая металлургическая процедура имеет совершенно обратное действие…

После нескольких минут такой борьбы – сексом такое назвать было сложно, раздраженный Рахад, едва сдерживая себя, прошептал:

– Давай выйдем на берег.

Он быстро поднялся на ноги, помог подняться своей спутнице и подтолкнул ее от воды. Девушка успела сделать всего два шага, как мужчина властно потянул ее вниз. На этот раз он не стал Сартизу опрокидывать на спину, а просто мягко, но сильно толкнул ее, стоящую уже на коленях, в спину. Девушка сразу все поняла. Она быстро оперлась на локти и прогнула спину.

В своем первом толчке Рахад выплеснул все раздражение, накопившееся в нем после «закаливающих» процедур несколькими минутами раньше, видом бегущей к морю девушки с колыхающимся животом, а еще больше сознанием того, что эта девушка его.

– Ой, осторожно, я же чуть не упала на живот.

И вот это «Ой» его взбесило. Внутри будто что-то лопнуло и все, что накопилось в нем за эти несколько месяцев, после того, как он узнал о беременности своей подружки, выплеснулось наружу. И он еще сильнее навалился на девушку. И уже больше не обращал внимания на ее крики и стоны. Сартиза пыталась опрокинуться на бок, но он, навалившись всем телом на ее спину, не давал ей сделать этого. И все время продолжал грубо, сильно входить в девушку. Отчаянно крича, девушка все ниже и ниже прогибалась и, наконец, упала животом на песок. А он все продолжал неистовствовать на ней. Это уже было просто изнасилование…

Рахад пришел в себя, когда почувствовал под собой какую-то влажность, неприятную влажность. Настолько неприятную, что сразу остудила его страсть, точнее ярость-страсть.

Какая-то влажность оказалась кровью. Сартиза чуть слышно со стоном, что-то бормотала, не двигаясь. Испугавшись, Рахад перевернул ее на спину. Глаза девушки были закрыты. И тут он услышал:

– Ребенок, ребенок…

Низ девушки был обильно залит кровью.

«Всесильный Исам, что делать? – мысли вихрем пронеслись в голове парня. – Оставить здесь? Убить. Нет, сразу поймут, кто».

Он легко подхватил девушку на руке и отнес ее к машине. Через двадцать минут, выключив автопилот и блокиратор скорости, будущий офицер Военно-Космических Сил уже был около одной из клиник.

У Сартизы произошел выкидыш. Ребенка спасти не удалось. А через три дня его вызвали городское управление полиции и зачитали заявление его подружки, в котором она обвиняла Рахада в преднамеренных действиях, которые привели к выкидышу и смерти ребенка. Четыре месяца он защищался, как мог. Приглашал своих друзей в качестве свидетелей, чтобы те подтвердили, как нежно он относился к Сартизе. Показывал в своем коммуникаторе сообщения, которые он отсылал девушке. Демонстрировал многочисленные фотографии, где он обнимал, держал на руках, коленях и шее свою последнюю подружку. И сумел таки убедить следствие, что трагедия, случившаяся на пляже, была случайностью. Что всему виной страсть. Обычная человеческая страсть, которая часто возникает между молодыми людьми. Экспертиза личных вещей девушки показала, что они не имеют повреждений и были сняты добровольно.

Родители девушки что-то там еще пытались сделать: писали жалобы, заявления. Но через полгода Рахад закончил Академию и с огромным удовольствием улетел к своему первому месту службы – на военную базу «Домаргам», что находилась в шестом секторе государства, за сорок тысяч световых лет от девушки с крупной черной родинкой над верхней губой и темными кругами вокруг печальных глаз. А еще через месяц, во время разведывательного рейда на территорию кроков он, командуя легким корветом, уничтожил свой первый вражеский корабль – эсминец. Бой был трудным. От корвета мало что осталось, от его экипажа еще меньше. Вся страна чествовала героев. И в этом всеобщем хоре восторженных криков мгновенно затерялся тихий плач девушки и возмущенный ропот ее родителей.

А судьба, закрыв глаза на проделки своего любимчика, все быстрее и быстрее несла Рахада на вершину славы. Еще один вражеский звездолет, потом еще один, назначение командиром новейшего крейсера и победная дробь из четырех побед. Нет, из пяти. Сегодняшней. Вон, обломки кроковского крейсера еще не успели остыть до почти абсолютного ноля и тела врагов еще не приобрели твердость стали.

На руке полковника Виргула коротко пискнул коммуникатор – срочный вызов в рубку управления.

«Что там еще?» – зашедший было в свою каюту командир «Авангарда» мгновенно выскочил из нее и бросился по короткому коридору обратно в рубку.

Срочный значит срочный. Полковник Рахад Виргул давно уже понял, что иногда победу от поражения, а значит, жизнь от смерти отделяет всего одна секунда – командир звездолета, которому на этот раз суждено вернуться на базу, на секунду раньше принял правильное решение, чем его проигравший коллега-враг.

– Что? – командир «Авангарда» мгновенно «схватил» взглядом панель управления – ничего страшного. Датчики целостности пространства молчат, на экранах внешнего обзора ни одной красной точки – все видимые объекты классифицированы и не представляют опасности.

– Господин полковник. Срочное гиперсообщение из Центра.

Он уже и сам видел горящую зеленую лампочку в правом углу панели управления – аппаратура дальней космической связи приняла сообщение.

Привычным движением он бросил свое тело в командирское кресло. Большой палец утопил кнопку на коммуникаторе, тот вновь коротко пискнул – прибор сгенерировал радиоволну-пароль для запуска программы-дешифратора. Тут же в ответ откликнулся монитор, стоящий напротив командирского кресла.

«Командиру крейсера «Авангард» полковнику Рахаду Виргулу. К вам выслан крейсер «Маршал Гаргул». Время его прибытия – двадцать три часа по среднегалактическому. По прибытию «Маршала Гаргула» сдать ему свой район патрулирования и возвращаться на базу. Поздравляем с очередной победой. Центр»

«Надо же, в самый последний момент, но вспомнили, поздравили с победой, – командир «Авангарда» иронично усмехнулся. – Вот только почему так срочно отзывают? Вряд ли, зная наш Главный Космический Штаб, чтобы спешно мне нацепить генеральский значок. Ладно, прилечу, узнаю. По крайней мере, меньше буду тут в этой дыре болтаться и концентраты жрать. Да и Вирсула… Хватит одному на койке валяться. Заодно и проверим девочку, как она там без меня».

– Штурман! Готовь маршрут на базу!

– Есть готовить маршрут на базу!

«Ну вот, ты и генерал. Доволен? – Рахад Виргул спускался по широкой лестнице Главного Космического Штаба. В отполированных до зеркального блеска каменных сиреневых плитах на стенах здания отражался невысокий, атлетически сложенный молодой мужчина, молодой генерал – на груди блестел сине-черный значок с силуэтами трех крейсеров – знак отличия генерала звена. – Все нормально, Рахад. Через пять лет ты уже будешь генералом эскадры. Впрочем, почему через пять? Если выполню это задание, то значок с пятью крейсерами будет у меня уже очень скоро», – новоиспеченный генерал вновь мысленно вернулся к полученному заданию.

Под его командованием организовывалась экспедиция в составе пяти крейсеров и четырех эсминцев к Матеи. Гордые фролы запросили помощь. По их сведениям кроки разрабатывают новое оружие, сверхоружие, способное забросить в тартарары – в гиперпространство целые планеты. Пока кроки сумели отправить туда небольшой астероид. Если, конечно, фролы ничего не перепутали. У них же там астероидов вокруг ненаглядной их Матеи… Лучше бы столько у них было красивых женщин! А то все какие-то худосочные да плоскозадые.

«Ничего, думаю, хоть какой-нибудь более-менее приемлемый вариант подвернется. За пять крейсеров на груди можно месяц-другой потерпеть. Главное выполнить задание – захватить крока, который хоть что-то внятное об этом оружии мог бы рассказать. А еще лучше – захватить образец этого оружия. Что значит «а еще лучше»? Захватить и точка», – Рахад Виргул ставил себе задачи только по максимуму – служить, так только до маршала, иметь жену, так только дочь Президента.

Мужчина улыбнулся своим мыслям, поправил на груди генеральский значок и твердым шагом направился к входным дверям – через полчаса в очень даже приличном ресторане соберутся друзья и сослуживцы, чтобы отметить его очередной чин. Как следует отметить – не обмытый несколькими литрами крепкого джина значок не так блестит на груди. И чем меньше литров выпил за звание, тем дольше будешь ждать следующего. Проверено!

– Ты снова улетаешь, так мне ничего и не сказав, – высокая брюнетка, вздохнув, встала с постели, взяла с тумбочки сигарету и подошла к окну.

– Девочка, я тебе уже сто раз говорил, что я тебя люблю, – Рахад, сладко потянувшись, сел, опершись спиной на спинку кровати.

– На женщинах, которых любят, женятся! – девушка зло сунула сигарету в рот. Послышался легкий щелчок, и сразу в комнате потянуло приятным ароматом.

«Женятся на нужных женщинах, с любимыми занимаются сексом… и с не любимыми, впрочем, тоже».

– Девочка, сколько тебе раз говорить, сделаю карьеру и сразу женюсь.

– А генерал в тридцать лет – это не карьера?

– Хорошо, прилечу с задания – женюсь!

«Все, пора менять девочку. Она стала доставлять больше проблем, чем удовольствия».

– Честно?

– Честно.

Мужчина скользнул по женскому силуэту, четко выделяющемуся на фоне окна.

«Да и ноги у нее не такие уж длинные, а грудь так вообще – холмики, переходящие в равнину. И чего я на нее позарился?»

Рахад познакомился с Вирсулой полгода назад, когда прилетел с очередного патрулирования. Рейс был тяжелым. Они нарвались на разведывательный отряд кроковских звездолетов – два крейсера и два эсминца. Бой был скоротечным, но жестоким. Рахад сумел завалить один вражеский крейсер, но и его звездолету досталось – практически все защитные экраны были или уничтожены, или их ресурс был выработан более чем на девяносто процентов – это уже была не защита, а так, пустышка, чихнешь и разлетится. А оставшийся кроковский крейсер и два эсминца наседали. Полковник Виргул спас себя и оставшихся в живых людей своего экипажа тем, что решился нырнуть в гипер. Это было крайне опасно. Ударь по его раскрывшемуся гиперокну в этот момент лазерным лучом и полковник рисковал сильно «похудеть». Но каким-то сверхъестественным чутьем, рассчитать это было невозможно, он почувствовал, что кроковские звездолеты должны ударить на несколько мгновений позже, чем необходимо для фатального исхода. И он только получит по «заднице». Так и случилось. Пятисотмегаваттный боевой лазерный луч хлестнул по рукотворной дыре в космосе, когда крейсер «Авангард» уже скользнул в подпространство. Получив столь мощный «зубодробительный» удар окно в иной мир тут же схлопнулось, порождая мощную гиперпространственную волну. Сгусток виртуальных частиц, которые в своем привычном гиперпространственном мире были отнюдь не виртуальны, обрушился на звездолет, как мощный штормовой вал обрушивается на корабль. И тут Рахад все правильно предусмотрел, нырнув в гипер с минимальной энергией перехода. Это как велосипед. Если велосипед еле едет, его легко столкнуть даже небольшим толчком. Но попробуйте сбить мчащийся велосипед. Для этого необходимо значительно более сильный толчок и такой велосипед пронесется еще несколько десятков метров, прежде чем свалиться в дорожную пыль. Так и звездолет, несущийся в гиперпространстве. Удар волны и «медленный» крейсер полковника Рахада Виргула тут же вылетел на «поверхность» – в обычный трехмерный мир, за несколько световых часов от места схватки. Спасся!

Сильно похудеть на жаргоне пилотов обозначало то, что если лазерный луч бьет по гиперокну в тот момент, когда звездолет находится еще в так называемом тоннеле перехода – пограничной среде, между пространством и гипеространством, то нарушившееся их равновесие просто схлопнет этот тоннель, сплющив корабль до толщины одного атома.

Получить по заднице – это было несколько лучше. Звездолет уже успевал уйти из тоннеля перехода в гиперпространство, и его только догоняла образовавшаяся подпространственная ударная волна, сбивая с курса и вышвыривая из своего мира совсем не в расчетной точке. Точка выхода, в этом случае, в принципе, могла находиться и в центре какой-нибудь звезды или планеты.

Естественно, тогда их сразу сняли с патрулирования и вернули на базу – латать дырки, как в корпусе корабля, как и в душе. И пока «Авангард» находился в ремонтном боксе, оставшиеся в живых члены его экипажа находились в барах, время от времени совершая короткие «гиперпространственные» зигзаги от бара к борделю и обратно. Ведь бравым космическим волкам давно и точно известно, что зигзаг – это кратчайшее расстояние между ними.

Вот на одном из таких зигзагов Рахад и познакомился с Вирсулой. Может от пережитых волнений, когда смерть смотрела на него линзами кроковских боевых лазеров, а может действительно так и было, но даже искушенный в таких делах полковник был поражен постельным искусством девушки. Даже ему, тертому космическому волку Вирсула сумела показать, что называется, небо в алмазах.

«Наверное, тогда меня просто сильно прижало, если бросился на такую, – мужчина равнодушно скользил взглядом по стройной фигуре девушки, – поджарая, как беговая лошадь. А зачем мне лошадь? Да и вообще, девка без сисек – деньги на ветер».

– Честно, – еще раз повторил он.

– Милый! – девушка, отбросив сигарету, бросилась к Рахаду в постель. – Ты только быстрей возвращайся! А то я сильно по тебе скучаю», – в голосе Вирсулы мужчина отчетливо услышал игриво-жеманные нотки.

«Тьфу! Точно пора девочке сказать бай-бай когда вернусь. Мол, когда я выполнял очередное опасное задание на благо нашей Родине, когда чуть ли не каждый день смотрел смерти в глаза, я понял, что пока мне рано думать о семейной жизни. Какое может быть семейное счастье, когда кроки буквально в тысяче световых лет от нас»?

– Не волнуйся, вернусь! – спокойно ответил Рахад и тут же почувствовал на своих губах вкус модных сладковатых, с кислинкой дамских сигарет.

«Тьфу!»

«А я еще думал, что мне придется тут за пять крейсеров на груди терпеть, общаясь с худозадыми фролками. А тут есть такая…ух, – генерал звена Рахад Виргул с удовольствием рассматривал Эльдиру, стоящую вместе с Андреем Кедровым в толпе гостей.

В Большом зале Главного здания Верховного Совета Достойных шел праздничный прием в честь прибытия группы военных звездолетов челов. Неизбежно нудноватая официальная часть приема закончилась, Глава Совета Варзарул СакТардол наконец закончил свою речь и огромный зал заполнила тихая неспешная музыка, позволяющая людям разговаривать между собой не напрягая ни голоса, ни слуха.

Шуршали шелка, мерцали бриллианты, и плыл тончайший аромат тончайших духов в тяжелом густом дыму дорогих сигар…

«Как рычаг экстренного перехода в гипер, – чел, наконец, смог подобрать адекватное переполняющим его эмоциям при виде Эльдиры словесное сравнение. Массивный, точеный, приятно ложащийся в руку. Словом, классная вещь. И если взять его в руку и как следует дернуть, то тут же наваляться такие ощущения, что только успевай воспринимать. Адреналин килограммами впрыскивается в кровь»!

Рахад увидел, как к девушке подошел Главный Командор, которого ему представили во время официальной части.

«Да это же его дочь, – тут же понял чел, – те же крупные черты лица, только по-женски смягченные, те же размеры. Это не женщина, крейсер»! – молодой генерал привычно устремился в атаку на этот великолепный «крейсер».

– Простите. Простите. Ох, извините, – толкая окружающих его людей, Рахад Виргул приближался к выбранной цели.

– А я и не знал, господин Главный Командор, что у Вас такая прекрасная дочь, – приблизившись, чел, как привык, с ходу сделал «залп».

– Но… – Матрул ДарВул не успел договорить.

– Об этом не трудно догадаться, стоит только увидеть вас вместе. Вы похожи, как две капли воды.

– Две большие капли воды, – вставила Эльдира.

Все рассмеялись.

– И эту большую каплю воды зовут Эльдира, – отец представил дочь Рахаду.

Все вновь рассмеялись.

– А это ее муж, Андрей Кедров, – Главный Командор кивнул на землянина.

Рахад Виргул умел держать удар. Ничего, кроме любезной улыбки на его лице не отразилось.

– Очень приятно.

Вышла заминка. Андрей, как привык на Земле, и как это делали фролы, протянул правую руку для приветствия, а Рахад, в соответствии с человскими обычаями, хлопнул землянина по левому плечу.

И вновь раздался смех.

– Ничего, надеюсь, мы легко притремся друг к другу, и против нашего общего врага будем сражаться как одна команда.

– Несомненно, Главный Командор. И кроки это скоро поймут, – генерал челов произнес эти слова с легкой улыбкой.

И эта улыбка Андрею не понравилась. То ли чел иронизировал по поводу слов ДарВула о единой команде, то ли иронизировал по поводу способности фролов самостоятельно дать отпор крокам.

Музыка заиграла громче.

– Разрешите, – чел протянул руку к Эльдире, – пусть у старого космического волка останутся приятные воспоминания, чтобы было, что вспомнить накануне схваток с врагом.

– Так уж и старый, – девушка кокетливо улыбнулась и протянула свою руку.

Вскоре Рахад и Эльдира кружились по огромному залу среди других танцующих пар.

«Ну точно, как рычаг перехода в гипер, – мужчина с удовольствием сжимал своими руками крепкое упругое тело фролки, – ух, как мне хочется его дернуть на себя, – Рахад невольно потянул Эльдиру к себе, но увидев вопросительно-насмешливый взгляд голубых глаз – ну и как близко ты меня к себе притянешь на глазах у мужа и отца? – замер.

«С таким «крейсером» мне еще не доводилось встречаться. Такой главный калибр кого хочешь с первого залпа завалит, – мужчина невольно скосил глаза на женскую грудь, которая была буквально на расстоянии растопыренной ладони от них. – Вот только муж… Никогда не думал, что такие фролы бывают. Под стать ей. Ну ничего, чем труднее победа, тем приятнее наслаждаться плодами победы», – и мужские глаза вновь опустились вниз.

Андрей Кедров смотрел на танцующих и неожиданно на него нахлынули воспоминания из, казалось бы, уже бесконечно далекой юности. Убогий сельский клуб с растрескавшимся дощатым полом, на котором под неувядающие «Белые розы» танцевало с десяток пар. И среди них его Люська с облапившим ее высоким плотным парнем, недавно дембельнушимся из пехоты. Тогда он дрался. Дрался не столько из-за Люськи, сколько из-за боязни потерять авторитет вожака среди сельских пацанов. Дрался без надежды победить, слишком неравны были силы. Что мог поделать хоть и крепкий, но невысокий девятиклассник, против высоченного, под два метра и за центнер девятнадцатилетнего парня, которого два года дрючили сержанты на физподготовке и марш-бросках? Оказалось, что кое-что мог. Главное хладнокровие и жизненный принцип – драться до конца, используя все, в том числе и песок в глаза, которым он сыпанул уже торжествующему амбалу. Именно тогда за ним закрепилось лестное прозвище – Волк.

Сейчас Андрей стоял не на заплеванном, с облупившейся коричневой краской полу сельского клуба, а на натертом до блеска паркете из редчайшего голубого дерева в главном здании Верховного Совета Достойных. И сейчас это был не шестнадцатилетний юнец-школяр, видевший мир не дальше околицы родной деревни, а двадцати трехлетний мужчина, за плечами которого был Рязанский институт воздушно-десантных войск, жесткая учебка Главного разведывательного управления Генерального штаба, рудники Гамеда. И на звезды он уже смотрел

не как на красивые яркие точки, разбросанные по черному небу над деревней, а как на солнца других миров, до которых можно долететь, скользнув за подкладку Вселенной. И он знал, что очень часто эти миры встретят тебя полновесными залпами лазерных пушек. И все равно ему вновь хотелось драться. Драться азартно, бескомпромиссно, по-мальчишечьи. Но теперь не из-за боязни потерять авторитет вожака. Какой к черту вожак в мире на несколько веков опередившего в развитие его Землю. А из-за банального, универсального для всех разумных существ Вселенной чувства – ревности. Да и для неразумных тоже.

Но теперь его соперником был не обычный сельский пацан, потолком которого была продавленная сидуха заезженного «Колоса» или «Дона», а генерал, который привык к удобному, специально подогнанному по нему командирскому креслу боевого звездолета. Представитель высокоразвитой цивилизации, прилетевший помогать фролам в их борьбе против жесткого и жестокого врага.

«Только попробуй начать подбивать клинья к моей жене. Хоть ты и генерал, а от моего свинга[9] правой ты точно сложишься».

– О чем ты так напряженно думаешь? – до него донесся голос Матрул ДарВула.

– Да так, воспоминания нахлынули.

– А вот и мы, – раскрасневшаяся и возбужденная танцем дочь Главного Командора и ее напарник подходили к ним.

– Теперь старому космическому волку будет что вспомнить? – землянин сумел своему голосу придать веселые нотки.

– Несомненно! – тут же последовал короткий, как вспышка боевого лазерного луча ответ.

Возникла неловкая пауза. Вновь загремевшая музыка спасла положение.

– Никогда не танцевал инопланетные танцы, – землянин обхватил свою жену за талию и решительно увлек ее в центр зала на танец.

«Ох, заработаешь ты у меня, генерал. И все твои звездолеты не помогут», – Андрей Кедров сделал первое па на паркетном полу.

Рахад Виргул смотрел вслед удаляющейся паре и улыбался. Он вспоминал на мгновенье блеснувшие глаза дочери Главного Командора, когда он, натолкнувшись на ее насмешливо-вопросительный взгляд, перестал прижимать свою партнершу к себе во время танца.

«Эх, ты, старый космический волк», – вот что коротко блеснуло тогда в голубых женских глазах.

Глава 5

Мощные, напористые акустические волны одна за другой накатывались на дергающихся, извивающихся людей. Со стороны казалось, что это именно они, стегая людскую плоть тугими децибелами, заставляли ее конвульсивно вздрагивать и дергаться. И в такт этим дерганьям дергался и свет – десятки, сотни разноцветных лучей от прожекторов и лазеров словно заставляли пульсировать само пространство, превращая его в яркое, переливающееся всеми цветами радуги существо. Вечеринка в моднейшем ночном клубе «Ночные звезды» была в самом разгаре. Сотни молодых людей, оставив за стенами этого фешенебельного заведения свои заботы и проблемы, полностью растворились в зажигающих ритмах модной музыки.

– Весса, Вы так нежно держите этот фужер, что мне захотелось стать им, – перед девушкой, словно материализовавшись из этих грохочущих звуков и вибрирующего света, возник высокий парень. Длинные, золотистые волосы крупными кольцами спадали на кукольное лицо – гладкая, ни малейшей морщинки или родинки кожа, большие, широко распахнутые глаза, маленькие, аккуратные, чувственные губки.

«А занятный экземплярчик, – девушка, не спеша, сделав глоток шампанского, рассматривала возникшего перед ней молодого человека, – сладкий», – еще глоток игристого напитка.

– Вы удивлены, откуда я Вас знаю?

«А с такой игрушкой можно неплохо поразвлечься. По крайней мере, не надо будет контролировать себя как с Харком. А тут просто – бери и получай удовольствие. Как выпить этот бокал», – еще глоток.

– Нет, не удивлена. Я так часто и долго торчу на телевизионном экране, что уже давно смирилась с тем, что мое лицо уже стало также привычно, как физиономия какого-нибудь исторического деятеля на банкнотах. Слава Всемогущему Картану, что хоть руками не мацают.

– А я давно мечтал с Вами познакомиться!

«Ну что, Весса, возьмешь себе эту игрушку себе? Надо же чем-то заполнять ночи, да и для здоровья полезно, – А'Весса Лам, чуть прищурившись, смотрела на кукольное лицо, по которому скользили разноцветные блики. – Нет, все же правильно сделала, что прилетела сюда».

Со дня ареста Харка прошло уже пятнадцать дней. Радость от блестяще выполненной операции притупилась. И в роскошном, ставшим почти ее, доме политика Весса заскучала.

«А почему собственно, я должна здесь сидеть одна, словно в тюрьме? – девушка сидела в гостиной и невидяще смотрела на телевизор, в котором бурлила виртуальная жизнь, густо сдобренная виртуальными страстями. – Я Харку кто, жена? Нет, любовница. Так чего строить тут из себя убитую горем? Многие осудят? Любимого мужчину не успели арестовать, а она уже вновь развлекается. А, плевать! Задание я выполнила, Харка «сделала», пора и отдохнуть», – Весса вскочила с дивана и бросилась в гардеробную.

Через полчаса телеведущая, писательница и главное, талантливейший агент государственной безопасности Блестящая с удовольствием разглядывала себя в зеркало. Черный с белыми чешуйками костюм плотно облегал стройное тело. Волосы, обработанные специальным лаком, роскошной черной гривой спадали на плечи, вспыхивая мельчайшими голубыми искорками. На груди сверкала бриллиантовая веточка ели, на которой навсегда застыла рубиновая стрекоза. Мягкие красные полусапожки великолепно подчеркивали изящную утонченность ног.

«Ха, да с таким видом и с такой головой я Президента могу «сделать»! А вообще-то это мысль!» – Весса громко расхохоталась.

Насвистывая под нос какой-то веселенький мотивчик, девушка спустилась в гараж. Роскошный, огромный «Ланд» смотрел на новую хозяйку своими четырьмя большими овальными фарами.

«Нет, дорогой, отдыхай сегодня. Для моего настроения ты слишком приземлен», – Весса вновь громко расхохоталась своим мыслям и решительно шагнула к не менее роскошному флайеру. Сегодня, дружок, ты меня катаешь», – холенная женская ручка распахнула дверь машины.

Через минуту девушка уже любовалась ночным городом с высоты нескольких сот метров. На экране бортового компьютера пульсировала точка, возле которой стояла надпись: «Ночные звезды» – конечный пункт маршрута.

– Ну знакомься, раз мечтал, – Весса специально ответила грубовато. Прекрасно разбираясь в психологии, она хорошо знала, что таких вот кукольных мальчиков грубый тон только возбуждает.

– Торри…Торри Дрик, – кукольный мальчик неожиданно сделал быстрое движение и чмокнул Вессу прямо в губы.

«А мальчик прыткий, – девушка с удовольствием ощутила прикосновение молодых губ, от которых чуть веяло каким-то пряным ароматом, – и это замечательно. Не надо будет тратить время, чтобы его расшевелить. Это не тот случай, когда смакуют, как хорошее вино многолетней выдержки. Тут надо залпом выпить, что б в голову хорошо ударило и забыться на

пару недель. Все. Потом умыться, привести себя в порядок и выбросить использованную тару в мусор».

– Мальчик, ты очень спешишь. Даже если тебе удастся уговорить меня выпить с тобой чашечку кофе у тебя дома, то все равно ты должен сначала заварить для меня это кофе. И учти, бурду я не пью!

– О, я угощу тебя великолепным кофе. Гарантирую!

Весса с улыбкой смотрела на сверкающие возбужденные глаза молодого человека.

«Все должно созреть. Даже нежный персик будет кислым, если его рано сорвать».

– Торри, может для начала потанцуем?

– Пошли! – колышущееся людское море легко проглотило две свои частички…

Яркий, слепящий зигзаг молнии расколол ночное небо надвое.

«Вот так и этот мальчик расколол мою жизнь на две части. Первая часть – это та, в которой я его еще не знал, вторую я прожил с ним. Впрочем, почему прожил? Я живу с ним, – мужская рука потянулась к панели управления и щелкнула тумблером.

Тот час же на мониторе высветилось: «Включен режим максимальной безопасности».

«Гроза не на шутку разыгралась. Еще влепит молния по флайеру и все. Тогда точно о своей жизни можно говорить в прошедшем времени».

Небольшой флайер упорно продирался сквозь грозовое небо. В его кабине сидел один человек – уже немолодой, сухонький, невысокий мужчина. Сквозь редкие седые волосики отчетливо просвечивала на удивление по-детски розовая кожа. Да и лицо, несмотря на высокий морщинистый лоб и глубокие складки двумя бороздами опустившиеся от носа к губам, казалось детским. Сейчас на этом детском лице читалось страдание – уголки губ были опущены вниз и в глазах стояли слезы.

«Живу или страдаю? – невеселые мысли, вытесненные было действиями по обеспечению безопасности, вновь стали болезненно терзать мозг. – Нет, живу. Потому что без страданий нет жизни. Это как соль для супа. Без нее он казался бы пресным и невкусным. Вот что-то этой «соли» стало очень много, – сидящий в пилотском кресле человек тяжело вздохнул. – Нет, надо мальчика ставить на место. В конце концов, я дал ему все – великолепную квартиру, деньги, оградил от всех житейских забот. И он просто не имеет права так со мной поступать! Как только его увижу, поставлю вопрос ребром. Или относится ко мне, как к другу и живет со мной, или пусть катится на все четыре стороны», – сухонький мужчина еще более тяжело вздохнул. Даже сейчас, наедине с собой, раздраженный и озлобленный, он отлично понимал, что никакого вопроса ребром он не поставит. Не сможет. Потому что даже на миг он не может представить себе, что этот мальчик уйдет, покинет его. Что больше никогда он не сможет обнять это молодое упругое тело, насладиться ощущением прикосновения к горячей гладкой коже, застонать в миг соития с ним. Нет!! Без этого он уже не может жить. Да и зачем? Разгадать еще одну тайну устройства пространства? Изобрести еще один гиперпространственный двигатель или усовершенствовать нуль-континуум генератор? Все это у него уже было, было и было. И грандиозные открытия и изобретения, и бешеная дробь сердца, когда испытывали звездолеты с его двигателями, и сладость мига вручения награды, когда в огромном зале, стоя, ему аплодировали сотни уважаемых людей. Все это было, и все это давно потеряло для него остроту.

Уникальные математические способности О'Валли Мулла, правда тогда его называли просто Валли, проявились в детстве. Уже в три года мальчик поражал окружающих тем, что в уме, так как писать он еще не умел, легко решал математические задачи для школьников. Еще поезда из пункта А и пункта Б не успевали и тронутся, еще в бассейн не успевало пролиться и капли воды из труб А и Б, а мальчишечий мозг уже знал, где встретятся эти поезда и когда наполнится бассейн водой, даже если часть воды из него вытекала по трубе Д. В пять лет юный вундеркинд пошел в школу, сразу в третий класс, а уже через семь лет он закончил двенадца-

тый, выпускной класс. Тогда о нем все еще говорили – вундеркинд. Так говорить перестали, когда на третьем курсе Высшей физической школы он сумел доказать сложнейшую теорему, связанную с топографией гиперпространства. Благодаря разработанному им методу вычислений появилась возможность на порядок увеличить точность выхода из гиперпространства при дальних подпространственных прыжках. После этого его стали называть гением. После окончания школы ему предложили работать в сверхзасекреченном институте проблем гиперпространственных перемещений. На то время ему было восемнадцать лет. Через двадцать лет он изобрел свой знаменитый двигатель, названный в его честь – гиперпространственный двигатель Мулла. Благодаря этому двигателю, кроковские звездолеты получили возможность «прыгать» по гиперпространству на тысячи световых лет, а время перехода сократилось до нескольких минут. Кроковская цивилизация окончательно разгромила фролов, загнав их на единственную, пока недоступную для нее планету и начала решительно теснить челов. Правда у тех через пару лет тоже появился аналогичный двигатель. Равновесие было восстановлено.

В зените своей славы, когда список всевозможных наград и присвоенных званий не вмещался на стандартном правительственном бланке, академик О'Валли Мулл женился. В своем выборе гений не был оригинальным и поступил, как простой смертный мужчина. Его избранницей стала его же аспирантка, которая была моложе своего научного руководителя на двадцать два года

И неожиданно чувственный мир обрушился на этот, до этого бесстрастный, человеческий суперкомпьютер. Его гениальные извилины буквально завибрировали от переполнявших их чувств и эмоций. Неукротимый в науке, с виду сухонький, сдержанный академик, неожиданно оказался неукротимым в постели, доводя молодую жену до изнеможения. Один за другим, с разницей, обусловленной лишь физиологией женского организма, родились сын и дочь. Бывшая аспирантка, стреноженная непрерывными родами, была уже не так резва в любовных утехах. И академик заскучал. К довершению ко всему, оказалось, что мозг, за два года привыкший к основательной подпитке чувственными флюидами, заскучал и начал пробуксовывать. Идеи перестали быть блестящими, и суть различных математических и физических проблем схватывалась отнюдь не на лету. Заговорили об угасании математического гения. Встревоженное начальство, не желавшее допустить этого, ввиду гнева еще более высокого начальства, окружили академика сонмом психоаналитиков с категоричным приказом – найти причину «хвори» гения. В награду были обещаны различные блага, а в случаи неудачи гарантированы равноценные житейские неурядицы, вроде отправки дежурным персоналом на отдаленнейшие космические базы.

Хорошо таким образом взнузданные, психоаналитики за неделю докопались до дна души О'Валли Мулла, заодно вырыв и его «собаку» – отсутствие чувственных утех.

– Всего-то! – облегченно воскликнуло начальство. – Всемогущий Картан, да мы эту проблему решим вмиг!

Теперь вместо сонма психоаналитиков научное светило окружил сонм молоденьких девушек. Чтобы все это выглядело хоть немного благопристойно, всех их брали в институт аспирантками, закрыв глаза на раздутие штата. Обороноспособность страны превыше всего и плевать чем она достигается, пусть даже и смазливыми женскими личиками и округлыми и упругими женскими попками. В сверхсекретном институте проблем гиперпространственных перемещений неожиданно появились длинноногие сотрудники, вернее сотрудницы с не меньше чем третьим размером груди. Мужская составляющая института была весьма довольна таким развитием событий – хоть что-то да им перепадет с барского стола, точнее с постели академика. А мэнээсы еще раз утвердились в правильности жизненного выбора – идти в физики или математики.

Через год под руководством академика О'Валли Мулла была разработана принципиально новая схема перехода в гиперпространство, требующая в несколько раз меньшей для

этого энергии. А еще через два года неутомимый Мулл теоретически предсказал один эффект, открывающий дорогу к разработке нуль-континуум генератора принципиально новой схемы, а от него до разработки гиперпространственной бомбы, способной одним махом уничтожить целую планету, было рукой подать.

Но тут судьба в очередной раз сыграла с академиком злую шутку. Все же, как не крути, О'Валли Мулл был гением, и основным его органом была голова, а не то, что так усердно заставляло работать его начальство. И если бесконечная Вселенная еще могла подбрасывать для этого основного органа академика все новые и новые загадки, то женское тело в этом вопросе было весьма и весьма ограниченно. И даже сонм этих тел, которым бы хватило укомплектовать целый отдел в институте, а точнее фешенебельный бордель в столице, представлял собой конечную и весьма небольшую, по сравнению с Вселенной, величину. Словом, ничего нового и загадочного для себя в женских телах сухонький и невысокий мужчина находить перестал. Выражаясь академическим языком – тема была исчерпана. И к ужасу начальства маленькая, лысенькая «курочка» вновь перестала нести золотые яйца.

Кризис О'Валли Мулла длился долгих пять лет. Гениальный мозг отказывался работать на благо страны и требовал новых чувственных наслаждений. Проект «Молот» – создание гиперпространственной бомбы затягивался на неопределенное время.

К этому времени академик уже давно расстался с женой, открывшей ему совершенно другой мир, и исследование этого мира для Мулла оказалось даже увлекательней, чем исследование гиперпространства. Жаль только, что этот мир оказался слишком малым для гениального математика и физика. К счастью для всех: для начальства О'Валли Мулла, для кроковского государства, а самое главное для самого ученого, это оказалось не так. Выяснилось, что женщина открыла ему не весь мир чувственных наслаждений, и поэтому он этот мир выпил не до дна. Точнее, не до второго дна. Дойти до второго дна академику помог Торри…

Этого восемнадцатилетнего мальчика стареющий ученый впервые увидел в Высшей физической школе, где он изредка читал лекции студентам. Торри сидел на галерке и со скучающим видом смотрел в окно. Лучи утренней Пармы красиво освещали мягкие, правильные черты лица юноши и, словно запутавшись в золотистых кудрях, создавали вокруг его головы светящийся ореол.

– Молодой человек, я смотрю, Вам неинтересна моя лекция о взаимной инвариантности пространства и гиперпространства? – прославленный ученый медленно подошел к скучающему студенту.

– Неинтересна. К сожалению, я мало в ней что понимаю, – на О'Валли Мулла смотрели большие красивые глаза, в которых плескалась бездна.

У академика на мгновенье даже закружилась голова. Аудитория приглушенно хмыкнула, поражаясь дерзости Торри.

– Даже так? – Мулл тяжело оперся на стол. – Что ж, тогда… тогда потрудитесь молодой человек после этой лекции зайти в мой кабинет. – Пожилой мужчина, наконец, справился с охватившей его слабостью. – Продолжим лекцию. Итак, мы остановились на том, что в доступных пространственно-временных масштабах структурность материи проявляется в ее системной организации, существовании в виде множества иерархически взаимосвязанных систем, начиная от элементарных частиц и кончая Метагалактикой. Последнюю иногда отождествляют со всей Вселенной, но для этого нет никаких оснований, ибо… – эти слова О'Валли Мулл произнес механически, задействуя для этого лишь крохотный участок своего могучего мозга.

Все остальное было парализовано взглядом этим красивых глаз, в которых клубилась бездна, и в эту бездну падал гениальный мозг.

«Эти глаза как Вселенная – бесконечны…»

– … Вселенная в целом тождественна всему материальному миру и движущейся материи, которая может включать в себя бесконечное множество Метагалактик или других космических

систем. И у нас нет никаких оснований переносить структурное устройство нашей Метагалактики на другие Метагалактики – лекция продолжалась.

…Он открыл дверь кабинета О'Валли Мулла все с таким же скучающим выражением лица.

Запинаясь, путаясь в словах, краснея и потея научное светило предложило восемнадцатилетнему студенту дополнительные занятия. Тот что-то неопределенно промычал.

– Так Вы… согласны?

Торри окинул академика своим взглядом, от которого у того вновь закружилась голова, и равнодушно произнес:

– Сколько это будет стоить?

Потеющий и краснеющий тот воскликнул:

– Что Вы, что Вы. Это совершенно бесплатно!

– Ладно, а там посмотрим, – студент еще раз хмыкнул

Так О'Валли Мулл познакомился со своей последней мучительной любовью – восемнадцатилетним О'Торри Дриком. Очень скоро академик понял, как он был, несмотря на свой богатый опыт, наивен и почему хмыкал этот мальчик, будто сошедший с небес. Занятия с Торри, оказались, отнюдь не бесплатны, за них прошлось платить. Платить Муллу, много платить.

Как он потом выяснил, юноша происходил из довольно известной и состоятельной семьи. Отец у него занимал пост президента одного крупного банка, а мать была врачом, владелицей крупной клиники пластической хирургии.

Торри был единственным ребенком и как часто это бывает, ему это на пользу не пошло. Он был глубоко равнодушен к учебе, и любимым времяпровождением для него было тусовка с такими же друзьями, сначала в квартирах родителей, чуть позже, повзрослев, в клубах и на съемных квартирах. Там юный Торри приобщался к непременным атрибутам золотой молодежи: легкие наркотики, дорогие девочки, просмотры фильмов для узкого показа и прочая, прочая, прочая. Среди этих прочая был и секс с одним из своих друзей. На съемной квартире, под хихиканье съемных девок Торри и его друг, наглотавшись галлюциногенов и запив их изрядными порциями шампанского, неожиданно воспылав страстью друг к другу, без всяких колебаний, отдались ей, балдея от еще незнакомых ласк.

К концу школы О'Торри Дрик твердо для себя усвоил два правила. Первое – радостное – в жизни полно удовольствий. Второе – печальное – жизнь только одна. Поэтому надо иметь поменьше тормозов, чтобы все успеть испытать и почувствовать. А лучше их вообще не иметь.

В Высшую школу физику Торри поступил из-за желания выделиться. Вообще-то в своем кругу выделиться из тебе подобных было сложно. Шмотки, тачки и другие аксессуары золотой молодежи у всех были примерно одинаковы. Поэтому любое, что позволяло хоть чуть подскочить над свои кругом, ценилось. И парень живо себе представил, как в любом ночном клубе, среди бесконечных будущих менеджеров и юристов круто будет звучать – студент Высшей физической школы, будущий специалист по гиперпространству.

Их близость произошла на первом же занятии, в фешенебельной квартире студента, которую тот снимал. И инициатором ее явился хозяин квартиры. Естественно, О'Валли Мулл знал, что такое гомосексуализм, теоретически знал. Но предложить вступить с ним в связь краснеющий и потеющий академик не решился. Он говорил прерывистым голосом и излагаемый им вопрос по физике гиперпространства сейчас был непонятен даже ему, не говоря уже о Торри. Он вдыхал аромат дорогих духов, исходивших от юноши, несколько раз, как бы ненароком, касался потной рукой руки Торри. Его сердце, как в далекой молодости, взнузданное ударной дозой адреналина, неслось вперед галопом, правда уже усталым галопом.

И опять Торри уже знакомо хмыкнул, затем решительно повернулся к пожилому академику и стал снимать с него одежду. Затем его, почти находящегося в обморочном состоянии, мягко, но решительно повернул к себе спиной…

Через час, изнеможенный и задыхающийся математический гений понял, как же много он еще не узнал в этой жизни.

Через неделю О'Торри Дрик перебрался на квартиру к своему новому любовнику. И тут разразился скандал. Родители Торри этот поступок сына не поняли и не приняли. Их восемнадцатилетний сын-красавец и этот плюгавенький старикан? Ну и что, что научное светило и гений? От этого его морщины не разгладятся и волосы не станут гуще. Богат? Они сами люди далеко не бедные и могут дать единственному сыну все. Их сын гомосексуалист? Да полноте! Обычные юношеские забавы. Перебесится и остепенится. Но пусть перебесится с таким же молодым человеком! И они задействовали весь свой немалый общественный вес, все свои многочисленные связи, чтобы вернуть сына.

Бедные родители О'Торри Дрика просто не представляли насколько был могущественен научный директор института проблем гиперпространственных перемещений. Высшая кроковская руководящая элита уцепилась за О'Торри Дрика, как за последнюю надежду по воскрешению заснувшего гениального мозга. И что по сравнению с этим президент какого-то там банка и директор какой-то там клиники? Пыль, которую и учитывать не следует.

Отца Торри вызвал к себе сам бригадный генерал О'Локки Сарб, могущественный директор Службы Государственной безопасности Содружества Свободных планет. Спокойно, даже чуть снисходительно он спросил:

– Господин Дрик, почему Вы в этом году через свой банк отмыли на пятнадцать процентов меньше денег, чем в прошлом году? Это что, уменьшение прибыли наркоторговцев или просто они нашли еще один банк для легализации своих доходов? – и, не давая президенту банка сказать хоть слово, закончил. – Идите, и подумайте над этим вопросом. Через неделю мы Вас вновь вызовем. Вы свободны.

Вернувшийся как в тумане домой, Дрик-старший узнал от жены, что у нее хотят отобрать лицензию на проведение любых пластических операций. Причина – несколько жалоб ее бывших пациентов на плохое качество операций. Медицинская экспертиза по этим жалобам назначена на следующую неделю.

Родители Торри были людьми не глупыми и современными – ради сына ломать свои карьеры, положение в обществе, а, следовательно, и жизнь не стали.

А лысенькая, но чрезвычайно умная «курочка» вновь стала нести «золотые яички» – проект «Молот», наконец-то, ожил, грозя расплющить и фролов, и челов.

Прямо перед флайером, в метрах ста, не больше, бесшумно возник ослепляющий столб небесного электрического разряда. Нет, не ослепляющий. Он бы был таким, если бы не бортовой компьютер. Электронные мозги отреагировали мгновенно – в сотые доли секунды включились световые и звуковые фильтры, надежно отсекая от человека ватты и децибелы. Мгновенными и точными командами на органы управления флайером компьютер быстро стабилизировал его полет. С виду хрупкую машину лишь чуть тряхнуло, и она продолжала упрямо вгрызаться в черноту ночи.

«Вот так и моя жизнь с мальчиком – сплошные ослепляющие и оглушающие молнии. Только нет бортового компьютера, который бы стабилизировал мою жизнь», – сухонький мужчина в пилотском кресле опять тяжело вздохнул и посмотрел на монитор. До конца полета оставалось чуть больше десяти минут.

Угар первых недель телесной близости с Торри прошел и пожилой мужчина отчетливо увидел то, что раньше жестко загонял в самые глубины мозга – мальчик его не любит и беззастенчиво использует.

Огромная, роскошно обставленная квартира. Современнейший флайер с личным пилотом, не уступающие ему в оснащенности прогулочные яхты: морская и космическая. А самое главное, везде сопровождающие его молодые люди с серебристым браслетом, с выгравированным символом Содружества, на левой руке – государственная охрана. Такой же знак – семь колонн, увенчанных шаром, был нанесен на флайерах, машинах, яхтах, словом на всем том, на чем передвигались эти молодые люди, охраняя О'Торри Дрика.

Вот это действительно было круто. Это тебе не заявлять в ночных клубах, что ты будущий физик. Это тебе не слабенький подскок, это мощный прыжок, заставляющий твоих друзей смотреть на тебя, высоко задрав головы и раскрыв рот.

Торри мог, не предупреждая, исчезнуть на несколько дней. И академик, кляня себя за бесхарактерность, узнавал у охраны, где находится его ветреный друг и краснея, с болью, тщетно пытаясь скрыть просящие нотки в голосе, просил вернуть резвого жеребца в стойло.

Директор Службы Государственной безопасности бригадный генерал О'Локки Сарб поначалу хотел «встряхнуть» новую пассию Мулла, «встряхнуть» так, чтобы навсегда отбить охоту у юнца к таким загулам. Но потом заметил, что эти периодические исчезновения Торри не сказываются на производительности гениальной головы академика. Более того, Мулл после них работал еще продуктивней, буквально сутками «зависая» в своем кабинете или в вычислительном центре, заставляя с десяток суперкомпьютеров выкладываться на всю свою мощь. Вся обида, злость, саднящее чувство неразделенной любви выплескивалось в строчки формул и колонки цифр.

Поэтому бригадный генерал лишь распорядился тщательно охранять О'Торри Дрика, чтобы тот не влип в какую-нибудь некрасивую историю и не пострадал. Пару потасовок, вызванных приставанием будущего физика и настоящего любовника физика к девушкам, были решительно пресечены охраной. Видя свою безнаказанность, парень почувствовал себя если не Всемогущим Картаном, то его любимцем точно.

И как не старались люди Сарба, все же Торри таки влез в неприятную историю. Управляя своим флайером, он грубо нарушил правила полетов. Паркуя свой летательный аппарат на специальную площадку перед ночным клубом, он зацепил взлетающий чужой флайер. Посадочная скорость у Торри была высока, парень любил садиться залихватски, наслаждаясь работой мощных, сделанных по спецзаказу амортизаторов. Поэтому чужой флайер отбросило метров на пять в сторону. Посадочная площадка, как обычно, была расположена на крыше дома, точнее пятидесятиэтажного небоскреба. Столкновения произошло в четырех метрах от края. Пять больше чем четыре. Система безопасности не смогла стабилизировать машину. Флайер с двумя парнями и их девушками не управляемой грудой металла и пластика рухнул со ста пятидесятиметровой высоты вниз. Выжила одна девушка…

Испуганного юнца тут же задержали. Узнав об этом, О'Валли Мулл посерел. Видя его в таком состоянии, не на шутку уже испугался бригадный генерал.

«Не хватало, чтобы из-за этого молодого кретина академика хватил удар. Тех молодых людей уже не вернешь. А нам нужен «Молот».

– Свяжите меня с министром внутренних дел, – отдал распоряжение своему адъютанту директор Службы Государственной безопасности.

Инцидент замяли. Выяснилось, что во взлетающем флайере не сработала автоматика, и тот залез в чужой коридор. Поэтому Торри тут не виноват. Многочисленные свидетели аварии дружно это подтвердили. Родителям погибших была выплачена огромная компенсация.

«Молот» оправдывает все», – бригадный генерал О'Локки Сарб даже не поморщился, читая отчет о том, во сколько обошлось спасение смазливого любовника великого физика и математика.

На время испуганный Торри притих. У О'Валли Мулла начался медовый месяц – он с головой погрузился в океан ласк, которыми окружил его молодой парень. Они вместе прово-

жали, садящуюся за горизонт Парму и вместе любовались через огромное панорамное стекло, как расцвечивает утреннее небо своими розовыми лучами восходящее светило.

Все было прекрасно. Но… но проект «Молот» опять забуксовал.

– Зашвырните этого молодого жеребца на пару деньков куда-нибудь подальше от академика, – последовал безжалостный приказ директора Службы Государственной безопасности.

«Могущество и безопасность страны выше личного счастья одного человека, пусть даже и гения», – О'Локки Сарб задумчиво смотрел на экран монитора, на котором только что светилось лицо его заместителя по внутренним операциям.

В кабине флайера замигала лампочка на панели приборов и зазвучал звуковой сигнал – бортовой компьютер предупреждал о посадке.

«Я так и знал – ночной клуб», – О'Валли Мулл горестно вздохнул, сверху рассматривая полыхающие внизу всеми цветами радуги буквы: «Ночные звезды».

Мужчина еще раз взглянул на экран монитора.

«Да, все правильно, это здесь», – красная точка – сигнал от миниатюрного передатчика, встроенного в правый туфель О'Торри Дрика, располагалась точно в центре экрана.

Резервный передатчик, располагающийся в левом туфле, «чувствуя», что его коллега исправно «стучит», молчал.

Бортовой компьютер посадил флайер физика безукоризненно. По бокам скользнули вниз два флайера охраны.

Кряхтя, О'Валли Мулл вылез из кабины.

«Эх, скоро раз себе давал обещание заняться спортом. Вроде и не толстый, а сердце ни к черту. Все, приволоку мальчика домой и займусь собой».

Через минуту академик на лифте стремительно проваливался вниз, словно падал в преисподнюю, навстречу грохочущей музыки, разноцветным ярким вспышкам света и колышущейся массе человеческих тел.

– А ты классно танцуешь! – Торри помог девушке сесть за стол и сам сел напротив.

– А ты классно прижимаешься, – Весса взяла высокий бокал с зеленоватым вином и сделала небольшой глоток, кокетливо поглядывая на парня.

Молодой человек громко, широко раскрывая рот, расхохотался. Торри смеялся так, как смеются абсолютно уверенные в себе, не имеющие понятие, что такое комплексы люди.

«А этот жеребчик мне все больше и больше нравится», – журналистка, писательница, агент управления государственной безопасности смотрела на хохочущего собеседника, наслаждалась отличным вином и предвкушением не уступающей ему в наслаждении ночи.

Двое охранников О'Торри Дрика стояли в нескольких метрах от столика, изображая разговор между собой.

О'Валли Мулл с помощью карманного навигатора нашел Торри быстро. Его мальчик сидел с какой-то девушкой за столиком, в одной из уютных ниш, щедро рассыпанных по огромному помещению. Рядом с ними журчал искусственный водопад. В него были добавлены флуоресцирующие зеленым, синим, красным светом вещества, поэтому падающая вода приобрела фантастический вид. Тихо ворковала музыка.

Академик тяжело оперся на колонну, в пяти метрах от парочки. Успокоившееся было сердце, вновь натужно забухало в груди, неприятно отдавая в уши. Мулл торопливо вытащил из кармана флакон с таблетками, подрагивающими руками вытащил одну и судорожно сглотнул.

«Значит он тут наслаждается жизнью, под легкий шум воды и приятную музыку, а я… – сердце болезненно сжалось, – … а я стою тут и как мальчишка-недоросль подглядываю за взрослыми дядей и тетей».

– Я могу не только классно прижиматься, – Торри перегнулся через столик и взял Вессу за руку.

– Надеюсь.

Один из охранников, не сводя глаз с академика, движением челюсти включил, спрятанный во рту миниатюрный телефон и тихо заговорил, едва шевеля губами.

– Первый, я третий. Объект нашел Малыша. С Малышом девушка. Объект плохо контролирует себя. Возможны с его стороны конфликтные действия.

Охранники Торри, в свою очередь заметили Мулла. Профессионально осмотрев зал, они без труда обнаружили и его охрану.

– Третий, в случае конфликта, к объекту не допускать никого из посторонних, – начальственный голос буквально загудел в голове охранника, – включая девушку. С Малышом обходиться максимально мягко. И вместе с объектом эвакуировать.

– Есть!

Начальник охраны академика О'Валли Мулл майор государственной безопасности О'Крисс Фрусс сидел в кресле за своим рабочим столом и покусывал губы. Назревал очередной конфликт с Торри Дриком. Но на этот раз в него может оказаться замешен сам объект – по профессиональной привычке майор госбезопасности даже мысленно не называл фамилии охраняемых им людей.

«И как все сложиться? Черт! И зачем я разрешил объекту следовать за малышом? А как тут не разрешишь? Ворвался ко мне, лицо белое, в глазах безумие. Того и гляди – рухнет на пол и забьется в судорогах. И кому тогда отвечать? Ему. Майорским значком», – Фрусс так сильно укусил губу, что даже вскрикнул от боли. – Ничего, ребята опытные. Если что, мигом из этих «Ночных звезд» объект выдернут и Малыша прихватят. Ничего, все будет нормально», – мысленно успокаивал себя офицер.

И скорее повинуясь профессиональной привычке проверять все, что касалось охраняемого объекта, чем что-то подозревая, отдал новое распоряжение:

– Восьмой, – обратился он к одному из охранников, прикрепленных к О'Торри Дрику, кто с Малышом?

– А'Весса Лам, – тут же последовал ответ.

– Весса Лам? Телеведущая?

– Да.

«Этого еще не хватало! Популярная телеведущая, подруга опального и еще более популярного политика Харка. И если она подымет скандал? И если она это увяжет с фамилией Харка? Тут вон какой митинг недавно был в его поддержку на площади Содружества. А если из-за этого будет еще один митинг? И этот митинг, получится, что спровоцировал он! Черт! Черт! Черт!» – не теряя больше ни мгновения майор государственной безопасности О'Крисс Фрусс нажал кнопку связи с бригадным генералом Сарбом. Естественно, он не знал, что А'Весса Лам была агентом государственной безопасности, работавшая под псевдонимом Блестящая и напрямую подчинявшаяся человеку, которому он звонил. Знай майор это, отчаяние его было бы еще больше.

– Весса, может оставим это уютное заведение…

– И переместимся в еще более уютное! – девушка рассмеялась.

– Да, телевизоры не передают и сотой доли твоего обаяния, – Торри вновь привстал и, перегнувшись еще сильнее через стол, поцеловал девушку в губы долгим поцелуем.

«Да, сегодня у папарацци богатый улов. Я представляю, что завтра напишут на электронных страницах газет, – Весса с удовольствием отдала свои губы на сладостное терзание, – … и какими подписями снабдят фотографии, где мы целуемся».

– Господин директор, простите за столь поздний звонок, но создавшаяся ситуация…

– Что произошло? – Сарб прервал оправдания своего подчиненного твердым, совсем не сонным голосом.

Майор начал, пытаясь говорить коротко, обрисовывать ситуацию.

– Зачем Вы разрешили академику лететь? – прервал его бригадный генерал.

«Черт! Черт! Черт!»

– Господин директор, он был не в себе, лицо белое, в глазах отчаяние. Я побоялся, что…

– Если с академиком что-нибудь случится, включая его возможную депрессию и не желание работать, пойдете под трибунал.

– Я…я …

– Дальше.

– При объекте вооруженная охрана, которая гарантирует безопасность объекта при любом развитии ситуации.

– Так чего ты боишься?

– Рядом с Малышом находится А'Весса Лам, известная телеведущая и писательница. И я опасаюсь, что…

– Не тарахти, дай подумать, – грубо оборвали майора.

Сарб задумался.

«Это что, случайное совпадение? Или Весса решила вести свою игру, через Малыша пытаясь выйти на академика? Глупости. Зачем это Вессе нужно. Да она и про академика наверняка не слышала. Или слышала? Блестящая – прекрасный агент. Чего стоит ее операция с Харком. Ну и что ей даст академик? Да нет, все это глупости», – директор Службы Государственной безопасности Харк уже хотел дать команду нерадивому майору, чтобы его «шкафы» тихо забрали академика и Малыша из ночного клуба и доставили в закрытую зону при институте проблем гиперпространственных перемещений, хотел…

– Слушай меня, майор. Если академик начнет бузить и приставать к Малышу и Вессе, тихо, незаметно тащите его назад в закрытую зону.

– А Малыша?

– Пусть и дальше развлекается с девушкой.

– Будет выполнено, господин директор.

– Действуй… хотя стой. Сделай так, чтобы Малыш и его спутница академика вообще не видели. Не надо портить им вечер, – Сарб иронично усмехнулся.

– Понял господин директор.

– Если понял, значит действуй.

– Есть!

«Надо еще сильнее встряхнуть академика. Из тепленькой, нагретой любовником постельки за рабочий стол. Да и Весса… может что-то с этого и выйдет, надо подумать».

Пузырьки газа быстро поднимались в глубине зеленоватой жидкости, чтобы, выйдя на поверхность, тут же исчезнуть. Желание в глубине тела поднималось также быстро, вот только оно никуда не исчезало, а копилось и копилось, мощно рвясь наружу, и под этим напором все сильнее и сильнее раздвигались губы в поцелуях.

– Ну что мальчик, ты, по-моему, хотел оставить это уютное помещение?

– Хотел!

– Так чего ты медлишь? – глаза девушки, словно два входа в бесконечность, призывно смотрели на парня.

Не в силах совладать с собой, Торри бросился в эту бесконечность, а которой раз жадно хватая своими губами губы Весы.

– Пошли, – наконец выдохнул он и потянул девушку за собой.

«Нет, этого я не перенесу», – О'Валли Мулл с трудом оторвав свое тело от колонны, сделал на внезапно ставших непослушными ногах шаг в сторону ненавистного столика.

Он так и не понял, что случилось. Неожиданно сбоку что-то надвинулось, подхватило его, ярко светящиеся на потолке лампы рванули назад, и он услышал чей-то знакомый голос:

– Дорогу! Человеку плохо!

Очнулся он уже в кабине своего флайера, стремительно нанизывающего на свой нос черное небо.

Ученый медленно огляделся. Мальчика в кабине не было. Мулл со стоном закрыл глаза…

Весса со сладостным стоном открыла глаза. Утренние лучи Пармы пробивались сквозь не плотно задернутые шторы в спальню, придавая ей веселый, игривый вид. Такое же веселое, игривое настроение было и у хозяйки спальни. Хотелось смеяться и петь. Этот, случайно подцепленный ею в ночном клубе мальчик оказался прекрасным любовником. Такого удовольствия молодая женщина давно не получала. Нет, Харк тоже не был статистом в постели и часто заставлял Вессу стонать в сладостной муке. Но этот зрелый, состоявшийся мужчина брал опытом, аурой успешного, известного человека. А тут мощный, безудержный молодой напор, к тому профессиональный напор.

«Да, видать этот жеребенок успел поскакать по многим постелькам и научился как правильно и разнообразно щипать травку на этих мягких пастбищах. Надо бы еще с недельку покувыркаться с ним. Хороший экземпляр».

– Почему Вы отдали распоряжение своим охранникам не забирать Торри со мной!? – крик академика сбился на фальцет.

Он стоял перед майором государственной безопасности О'Крисс Фруссом с белым, перекошенным от злобы лицом.

– Почему Вы молчите? Отвечайте!

Офицер госбезопасности молчаливой глыбой продолжал стоять перед беснующимся сухоньким, маленьким человечком.

– Хорошо, я свяжусь с Сарбом! И тогда посмотрим, где Вы после этого будете! – Мулл резко развернулся и выскочил из кабинета своего главного охранника.

«Ничего, сейчас ты у меня попляшешь! – ученый рывком распахнул дверь своего кабинета и бросил свое тщедушное тельце в кресло.

Трясущимися от нетерпения руками он схватил со стола телефон.

«Ничего, ничего, я посмотрю, как ты будешь стоять перед Сарбом и что-то лепетать в свое оправдание», – палец утопил кнопку прямой связи с директором Службы Государственной безопасности.

«А если все это и санкционировано Сарбом? Какой же я кретин! Это же элементарно. Ну разве какой-то там майор рискнул бы не выполнить инструкцию, если ему это не было бы приказано свыше»?

– Да, господи Мулл, я слушаю, – раздался спокойный голос из телефона.

– Господин Сарб… э, мне тут не совсем понятны действия майора …э, Фрусса, – и гениальный физик и математик долго и путано объяснял высокому государственному чиновнику свою проблему. Он говорил, и в нем медленно поднималось раздражение. Раздражение на себя за эту свою неуверенность, за то, что оказался в таком положении, за… он и сам не мог точно сформулировать все свое недовольство собой. И вместе с этим раздражением собой в нем росло раздражение на всех. На мальчика, который плевал на его чувства к нему. На майора, который, почему-то не доставил мальчика к нему, как это всегда раньше было. На Сарба…

который отдал такой приказ майору. Мулл в этом уже не сомневался. На весь мир, который доставлял и доставляет ему столько страданий.

– Не волнуйтесь, господин Мулл. Я с этим сейчас же разберусь и Вам перезвоню.

«Точно он дал такой приказ. Если бы майор сам пошел на такое самоуправство, то Сарб не был бы так спокоен, а пообещал бы, что мальчика немедленно мне вернут и что такое больше не повториться. Точно он! И я знаю почему, – мощный мозг легко нашел объяснение действиям директора Службы Государственной безопасности. – Он хочет, чтобы я быстрее осуществил проект «Молот». А какой тут проект, если я в последнее время проводил все время с мальчиком? Вот если бы я страдал! О, тогда другое дело. Мой мозг, когда страдает, творит поистине чудеса. Так это Сарб все и сделал! Это он сделал так. Чтобы мой мальчик оказался в том ночном клубе и познакомился там с этой мерзкой девицей! – Мулл замер от озарившей его догадки и буквально почувствовал, как медленно поднимается внутри него тягучая, черная как смола, волна гнева.

И он с наслаждением, замерев, стал ждать, когда эта смрадная волна захлестнет его с головой, навсегда выпачкает его своей «смолой» и у него появиться поистине великая цель в жизни. Что там запутанные законы гиперпространства. Зачем их распутывать? Чтобы такие, как Сарб и дальше ощущали себя владыками Вселенной? А лично ему, Муллу, это зачем? Если это не помогает добиться взаимной любви у мальчика? Да и не добьется он ее никогда. Только удерживать его у себя, все время опасаясь, что он вновь исчезнет неизвестно куда. И вновь идти и униженно клянчить у Сарба, чтобы тот его мальчика вернул. Клянчить у того, кто и организовывает эти исчезновения!

Академик все понял. Это Сарб делает так, чтобы Торри периодически бросал его! Чтобы он страдал и работал еще продуктивней!

И, наконец, вязкая, горячая жижа гнева полностью затопила Мулла, заполнила собой все его поры, все извилины его гениального мозга. И у гения появилась великая Цель – Месть! Теперь он знает, в каком направлении заставит работать свой великий мозг. Он будет мстить! Мстить Сарбу, мстить всем этим вальяжным чиновникам, которым от него надо было одно – его идеи, помогавшие им чувствовать себя богами и управлять этим миром. Он будет мстить всему миру, который доставляет ему только страдания, не в силах заставить всего одного человека полюбить его. Одного! И все, больше от мира ему ничего не надо. Не может мир это сделать. Значит, он будет мстить этому миру. И мальчику будет мстить. Раз он отверг его любовь.

«Ничего, Вы еще узнаете академика Мулла! Я заставлю вас всех, нет, не любить меня. Ваша любовь мне не нужна. Даже любовь этого мальчика мне уже не нужна. Я заставлю вас содрогнуться от страха передо мной. О, я заставлю вас содрогнуться!»

Сарба все утро не покидало ощущение, что он что-то сделал не так. Директор Службы Государственной безопасности, закрыв глаза, погрузился в себя, пытаясь услышать подсказку от своего подсознания. Но загруженный по самое «горло» многочисленными важными и сверхважными государственными делами, его мозг так и не смог установить связь со своим самым закрытым отделением. Потом повседневная текучка вновь захлестнула генерала – предстояло провести суд над Харком по обвинению в государственной измене.

Парма тихой поступью, незаметно для человеческого взгляда вскарабкалась на самую вершину неба – в зенит. И теперь нещадно поливала растянувшуюся под ней землю своими жгучими лучами. Сотни величественных небоскребов блестели в этих лучах своими стеклянными поверхностями, сотни тысяч квадратных метров фотоэлектрической пленки на их крышах жадно впитывали космическую энергию, чтобы тут же отдать тысячам кондиционеров, вовсю гонящих охлажденный воздух в миллионы квартир, офисов, под стеклянные купола различных площадок и уличных переходов. Человеческие легкие с удовольствием втягивали в себя эту прохладную субстанцию. Это позволяло жить, двигаться, говорить.

– Это офис партии «Справедливость и порядок»? Девушка, позовите мне старшего, кто он там у Вас.

Очевидно, на том конце линии, как обычно в таких случаях делается, если поступает такой нестандартный звонок, стали занудно выяснять: кто звонит? по какому вопросу? У говорившего терпение быстро закончилось.

– Ты, коза накрашенная, если ты не хочешь, чтобы твой шеф окончил свои дни на нарах, быстренько позови главного.

– Вы имеете в виду господина Харка? – осторожно спросили из офиса. В голосе совсем не чувствовалось обиды за «козу крашенную».

– А у Вас что, много начальников сидит?

– Подождите, сейчас Вас соединят.

– Давно бы так, – О'Кнопп Зирк довольно улыбнулся, протянул свободную руку к стоящей на столе бутылке пива. Уверенное движение большим пальцем и пробка послушно отъехала в бок. Прижмурив глаза, мужчина сделал первый глоток.

– Старший советник партии «Справедливость и порядок» О'Ларри Ворос, – в трубке зарокотал уверенный мужской бас. – С кем я говорю?

«Когда надо, так не дождешься. А захотел пивка попить. Тут же « с кем я говорю».

– А это не важно. Важно то, что я могу помочь снять вашего шефа с нар.

– И каким же образом?

– Есть тут у меня кое-что. Мультик один, который вчера не показали на площади Содружества.

В телефонной трубке возникла пауза. Партийный функционер обдумывал услышанное.

– Хорошо, – наконец произнес он. – Что Вы хотите за этот мультик?

– Десять миллионов.

– Нам сначала необходимо убедиться, что этот Ваш мультик действительно стоит таких денег.

«Эх, продешевил, надо было больше просить. И то, благодаря мне Харк станет Президентом. А это стоит намного больше десяти миллионов».

– Нет проблем. Я сейчас на Ваш телефон перекину часть этого мультика. Только предупреждаю, я ее скомпоновал так, что она не поможет Вашему шефу. Нужен весь фильм. Давайте свой номер телефона.

На том конце трубки продиктовали ряд цифр.

– Ждите. Сейчас перешлю. Через час я Вам снова перезвоню. Надеюсь, время хватить, чтобы оценить фильм, – Зирк чрезвычайно довольный собой нажал кнопку отбоя.

«Мы тоже можем с сильными мира сего разговаривать».

Затем вытащил из кармана купленный вчера еще один телефон с загруженной в него частью фильма про Харка. Не спеша, сверяясь с записанными на клочке бумаги цифрами, ввел номер только что разговаривающего с ним человека в этот телефон и, улыбнувшись, отправил ему видеофайл.

«Недаром я работаю техником на телевидение, знаю как фильмы компоновать. Лети, птичка. Надеюсь, скоро ты мне в клювике принесешь десять миллионов. Нет, дудки. Не меньше двадцати! Я патриот и не могу так дешево оценивать президентское кресло нашей страны! – Зирк громко расхохотался.

Очередная бутылка пива покорно открыла свою крышку.

Мужчина уже давно жил один. Точнее, он всегда жил один с тех пор, как в двадцатилетнем возрасте, в соответствии с законом получил отдельное жилье и съехал от родителей. Женщины в его жизни сменялись, как разноцветные, красивые и не очень узоры в древнем детском калейдоскопе, оставляя после себя различную забытую косметику и быстро улетучивающийся запахов духов. Также быстро, как и духи у Зирка улетучивалось воспоминания о них.

Час, обильно увлажненный пивом и приправленный жареными орешками, скользнул быстро. В руке у хозяина квартиры вновь оказался телефон.

– Ну что, каков сюжет? На двадцать миллионов тянет?

– По-моему звучала сумма в десять миллионов.

– Вы ошиблись. За десять миллионов Вы даже не отмажете Вашего шефа от рудников Гамеда, не говоря уже об освобождении. Поэтому – двадцать.

– Хорошо, – согласились на другом конце телефонной линии.

– Отлично. Тогда все завтра и сделаем. Я Вам мультик, Вы мне деньги. Чего тянуть, правильно?

– До завтра мы не сможем собрать необходимую сумму.

– Такая богатая партия и нет денег? Зачем же за Вас тогда голосовать, если Вы даже денег себе заработать не можете?

– Вы послезавтра встретиться сможете? – высокопоставленный партийный функционер не стал дискутировать о целях и программных установках своей партии.

– Послезавтра так послезавтра. Кстати, на каком флайере Вы передвигаетесь?

– Я вообще предпочитаю машину.

– Послезавтра придется изменить Ваши предпочтения. На встречу со мной прилетите на флайере. Поэтому назовите его марку, цвет и регистрационный номер.

– Последняя модель «Карнивала». Цвет черный с серебристой полоской по бокам, – и высокопоставленный партийный деятель нехотя, словно перед кем-то отчитываясь, продиктовал регистрационный номер своего флайера.

– Хорошая машинка, – одобрил телевизионный техник. – А теперь слушайте, как произойдет встреча, – и хозяин квартиры стал четко излагать свой план. – И только так. Не вздумайте что-либо менять в том, что я сказал. А то Ваш шеф раз в год будет Вам передавать горячие приветы с Гамеда по гиперсвязи! Все, до встречи! – кнопка отбоя бесшумно ушла внутрь корпуса телефона.

«А как я с ним! Так, наверное, и Президент со своими министрами не может разговаривать. Эх, не надо было в детстве дурака валять. Сейчас бы не сидел в этой убогой халупе, – хозяин квартиры с отвращением обвел глазами свои апартаменты. – Ничего, скоро перееду. За двадцать миллионов можно неплохой особнячок себе прикупить с парочкой спален. И в каждой – кровать, что эта комнатка, и бар с пивом. Что б только сказал «пиво» – дверца раскрылась и оттуда поднос с холодным «Бешеным быком», как птичка, ко мне вылетает. Пробка сама раз и в сторону! Я такой бар по телеку видел. Эх, заживу же!»

Старший советник партии «Справедливость и порядок» О'Ларри Ворос с минуту задумчиво смотрел на умолкнувшую телефонную трубку. Затем, все так же задумчиво стал снова нажимать на ней кнопки…

– Господин директор, – на мониторе перед Сарбом возникло встревоженное лицо его первого заместителя, начальника управления по внутренней безопасности генерала первой категории О' Тонни Кропи, – у меня срочное для Вас сообщение от моей агентурной сети. Касается дела Харка.

– Что там?

– По-моему, фильм, который собирался крутить телеканал «Правдивые новости» позавчера на площади «Содружества», не уничтожен. Точнее, существует ее копия.

– Что?!

– Мой агент утверждает, что видел его отрывок, – поспешно сказали с экрана монитора.

– Не может быть! Если бы он существовал, его бы оппозиция обязательно показала, – Сарб в волнении даже стукнул кулаком по столу.

– Я могу Вам сейчас переслать этот отрывок, – лицо генерала первой категории было непроницаемо.

– Так какого черта Вы медлите? Баккара! – выругался директор Службы Государственной безопасности.

Через секунду на него с экрана монитора смотрели глаза Харка:

– Я, О'Санни Харк, председатель партии «Справедливость и порядок» и бригадный генерал О'Локки Сарб, начальник Управления Государственной безопасности, – понимая всю значимость… – И Харк застыл со смешно раскрытым ртом.

Через секунду он услышал и свой голос:

– Вы говорите абсолютно точно.

И снова изображение застыло.

«Эта запись смонтирована из нескольких кусков, – догадался Сарб, – смонтирована таким образом, чтобы по ней можно было понять, что запись с Харком существует. Но что говорит Харк и я понять невозможно. Пока невозможно. Очевидно, кто-то хочет продать запись. Полную запись».

– Установили личность человека, который имеет эту запись?

– Нет. Свой телефон, по которому он вел переговоры, он сразу отключил.

– Он хочет продать эту запись?

– Да. Партии «Справедливость и порядок», – коротко доложил генерал первой категории.

– За сколько?

– Сначала этот человек просил десять миллионов левров. А через час уже двадцать.

– Все равно очень мало. Судя по тому, что этот человек запросил такую смехотворную сумму, запись к нему попала случайно. К политике он не имеет никакого отношения. Уже легче. Естественно, соратники Харка согласились? – Сарб жестко усмехнулся.

– Да. У них оперативно было проведено совещание, где было решено деньги выделить.

– На когда намечена сделка?

– На послезавтра.

– Кто от партии Харка будет передавать деньги и получать запись?

– Мой агент, – заместитель директора Службы Государственной безопасности отвечал быстро и коротко. Он знал, что его начальник не любит, как он говорит, «размазни слов».

Сарб задумался. Мозг этого опытного, тертого государственного чиновника, разведчика, шпиона просчитывал различные варианты дальнейших действий. Десятки и сотни фактов, некоторые из которых даже на первый взгляд не имели к рассматриваемому вопросу никакого отношения, анализировались и учитывались.

Вот где даже самый мощный суперкомпьютер уступал человеческому мозгу. Там где биологический накопитель и анализатор информации, «пролетал» над огромным полем фактов за считанные секунды, оценивая их одному ему известным способом, и принимал безошибочное решение, электронный его коллега вынужден был натужно, добросовестно глубоко перепахивать эту «целину».

Мысль Сарба была похожа на маленький шарик, который скатывался с огромной доски, утыканной вешками-фактами. Натыкаясь на них, все время причудливо меняя свою траекторию, шарик опускался все ниже, к самому краю доски, где были расположены несколько луз – вариантов решений по данной проблеме.

«У Харка есть много умных голов, которые тоже умеют думать» – клац, и шарик очередной раз изменил траекторию своего движения.

«Записи совещания наверняка не было, не тот случай», – «шарик» все сильнее и сильнее отклонялся вправо.

«Начальник криминальной полиции мой человек» – «шарик» от этой «вешки» резко бросило еще правее, и он упал в самую крайнюю «лузу».

– При передаче записи, этого человека, Вашего агента и самое главное – запись, уничтожить, – директор управления Государственной безопасности озвучил содержимое этой «лузы». – И никаких проколов! За операцию отвечаешь лично ты.

– Слушаюсь, господин директор. Но…, – генерал первой категории замялся.

– Что еще?

– Этот агент является старшим советником партии. И я, после нейтрализации Харка, планировал вместо него поставить своего агента.

Сарб на несколько секунд задумался.

– Нет, – наконец сказал он. – Если то, что этот советник партии является нашим агентом, когда-нибудь выплывет, а это обязательно выплывет, будет грандиозный скандал. И все сразу поймут, что запись действительно была и… и, следовательно, Харк государственной измены не совершал. А если к тому времени он еще будет жив, то… Нет, в этом случае я не хочу рисковать. Такого политика, как Харка у них больше нет, а без него эта «Справедливость и порядок» нам не опасна. Это тот случай, когда человек решает все. Видеозапись, человека у которого она сейчас и агента уничтожить.

– Слушаюсь, господин директор.

«Не хватало, чтобы Харк когда-нибудь выскочил из тюрьмы. Тогда точно на Гамеде окажусь я. Только не в качестве инспектора», – бригадному генералу вспомнились события трехмесячной давности: пленный чел, доставленный с самых задворок Вселенной, где он умудрился убить его племянника, его, Сарба, попытки с помощью этого чела обмануть командование Союза Свободных Цивилизаций челов и отбить у них назад планету Эльдурей. Его полет на Гамед, чтобы вытащить оттуда этого чела и продолжить операцию. Правда, ко времени прилета, этот чел почти освободился сам, организовав на Гамеде восстание. Бригадный генерал лишь чуть подтолкнул его к свободе, к челам. Чуть – это уничтожение своего, кроковского десантного бота во главе с полковником Варком. И тот чел таки долетел к своим. И передал их командованию дезинформацию, разработанную директором Службы Государственной безопасности.

«Эх, а почти же получилось. Если бы не мнемы, был бы Эльдурей снова наш. А так… а так, чтобы удержаться хотя бы в этом кресле приходиться судить Харка. Иначе, если тот станет Президентом, то судить уже будет нас: меня, Президента Норка, Верховного адмирала Свила и еще несколько людей, калибром поменьше».

Перед внутренним взором бригадного генерала всплыло лицо этого чела, ключевой фигуры всей той операции – Андрея Кедрова. Обычное лицо обычного чела – темные волосы, карие глаза с непривычно маленьким зрачком и большой радужной оболочкой. Пропорциональный нос и рот, выступающий вперед волевой подбородок.

«Обычный, красивый чел, – и снова директор Службы Государственной безопасности пожалел, что этот чел не был его подчиненным, – он из тех людей, которым помогает сам Всемогущий Картан. Нет, Всемогущий Картан – это наш Бог, кроков. У того парня свой Бог. А, в сущности, у всех Бог один, только называем мы его по-разному. Мы – Всемогущим Картаном, челы – Всесильным Исамом, фролы – Великим Мортоном. Если бы этот парень был со мной, я бы точно заломал Харка, – неожиданно подумалось Сарбу. – А если он не улетел на свою Всемогущим Картаном забытую планету, а остался у своих, более развитых соплеменников – челов? Тогда он играет против меня. Однозначно, – от этой мысли генералу стало неуютно. – Быстрей бы завершить «Молот», – неожиданная мысль бухнула у него в голове, – Сарб еще долго смотрел невидящим взглядом на экран монитора.

«Так где ты, Андрей Кедров?»

Глава 6

Черная бездна Космоса, усыпанная бриллиантовыми крупинками звезд, завораживала. Как завораживает почти человеческий, укрытый линзой, зрачок бластера. И чем больше смотришь в него, тем сильнее палец тянется к спусковому крючку. Так и Космос. Чем больше смотришь в него из кресла командира боевого звездолета, тем сильнее рука тянется к рычагу перехода в гиперпространство. Так и хочется дернуть его, бросить на обмотки нуль-континуум генератора максимальную энергию, которую только можно выжать с ядерного реактора и умчаться на тысячи световых лет. Вынырнуть… и вновь увидеть звезды. Вселенная бесконечна… И от осознания этого факта иногда кружится голова.

Рахад Виргул вздохнул и отогнал от себя философские мысли. Только не хватало, чтобы кроки застали врасплох командира объединенной группы звездолетов челов и фролов. Пять человских крейсера и четыре эсминца и точно такое же количество фроловских крейсеров и эсминцев вот уже четыре дня притаились в астероидном поясе Арбзира, который широким плотным поясом надежно укрыл в себе Матею – единственную планету фролов.

Задание было коротким и лаконичным – захватить новое оружие кроков, которое они испытывали в этом поясе. Оружие, которое тяжелым мечом может упасть на кроковскую чашу весов. Невидимых весов, беспрерывно, ежесекундно взвешивающих соотношение сил между двумя могущественными и непримиримыми цивилизациями. Цивилизации челов с их левосторонней закрученной спиралью ДНК и правосторонней цивилизацией кроков. Казалось бы, какая разница, в какую сторону закручена эта крохотулька, похожая на витую лестницу, диаметром в двадцать ангстрем – двадцать десятимиллионных частей миллиметра! Но эта крохотулька – фундамент всего животного. Именно по этой витой лестнице Жизнь упрямо карабкается наверх. Только у челов влево, а у кроков вправо. И получается, что две великие цивилизации все время оказываются друг к другу спиной. Какое уж тут сотрудничество, хоть бы уберечься от луча боевого лазера, направленного тебе в спину…

Пока весы застыли в хрупком, ненадежном равновесии, лишь чуть подрагивая время от времени – то челы, то кроки одерживали локальные победы, уничтожая звездолеты и военные базы друг друга.

А если теперь у кроков появится это чудо-оружие, способное проглотить, не поперхнувшись, целую планету? Такой «меч» на чаше весов способен не то, что перетянуть весы на свою сторону, а вообще выбросить чужую чашу в тартарары – забросить любую планету челов неизвестно куда, забросить одну без привычной ее грелки-звезды. А это смерть. Долгая, мучительная, на погружающейся в ледяной мрак абсолютного ноля планете.

Поэтому это оружие необходимо уничтожить или срочно сделать такое же… Да, короткие и лаконичные задания очень часто бывают трудными. Очень трудными, на грани невыполнимости.

«Но он это задание выполнит, как выполнял все остальные задания до этого. Разве он не Рахад Виргул? Генерал Рахад Виргул! Фу ты черт! Опять умудрился задуматься»! – командир отряда тряхнул головой.

– Саррад, что там?

– Пока спокойно, господин генерал, – мгновенно ответил командир крейсера полковник Саррад Бараштан.

«Да вижу, что спокойно. Уж лучше б было неспокойно. Лучше б появились эти кроки, чтобы заняться любимым, настоящим мужским делом – дракой с таким же сильным и умным врагом. Чтобы в ушах стоял вой сирены предупреждения лазерной атаки, чтобы бортовой компьютер коротко взлаивал: «Лазерная атака. Шестьдесят процентов повреждения головного защитного экрана». А ты, сцепив бы зубы ждал, когда закончится наведение твоего главного калибра на вражеский звездолет, а потом коротко, как хрустнув куриной косточкой в зубах, выплюнул бы: «Залп»! И с наслаждением через несколько секунд наблюдал бы, как очередной вражеский звездолет разваливает взрывом на куски. А потом возвратиться на базу, и

ловить взгляды девушек смотрящих на тебя по-особенному – ты настоящий мужчина, твои руки только что убили десятки людей и поэтому вдвойне, нет, вдесятеро раз приятнее почувствовать эти руки на себе. И Эльдирва тоже так бы смотрела. Куда она денется от своей женской сути – принадлежать победителю…»

Привычным, но всегда заставляющим холодеть нутро звуком завыла сирена датчика целостности пространства – кто-то, в радиусе не более светового часа вышел из гиперпространства.

«Ну, наконец-то! Всесильный Исам словно услышал меня», – Рахад Виргул впился в экран монитора, ожидая, когда на нем бортовой компьютер высветит обработанную информацию, поступившую к нему.

– Кроки! – выдохнуло сразу несколько людей.

«Ну а кто же здесь может еще лазить? Мы и фролы в засаде. Остаются кроки. Четвертого не дано».

А компьютер продолжал выстреливать на экран биты информации.

«Так, Четыре крейсера. Отлично. Шесть к одному. При таком раскладе и едва оперившийся юнец, только что окончивший академию, выиграет. Только теперь не спугнуть. Мне не четыре взрыва в Космосе нужны. Мне нужно их оружие».

– Четыре крейсера, – отчеканил второй пилот крейсера. – Удаление – двадцать пять световых минут.

«Эх, для залпа лазеров далеко, а чтобы подпрыгнуть к ним по гиперу, близко. Ошибка в прицеливании такая же, как и расстояние до них», – мозг генерала привычно и быстро «прокачивал» ситуацию с разных сторон. – Ничего, у нас восемнадцать кораблей. Количеством возьмем», – командир группы решительно нажал кнопку ближней космической связи.

– Всем. Говорит Главный. Работаем по первому сценарию. Номинал – двадцать пять. Дисперсия – тысяча. Прыжок через пять минут.

Тот час же перед ним на мониторе, почти одновременно вспыхнули восемнадцать зеленых кружков – восемнадцать командиров боевых кораблей, включая того, в котором находился он сам, сообщили, что они поняли приказ командира группы и приступили к его выполнению.

На восемнадцати звездолетах, каждый из которых был расположен около какого-нибудь астероида, чтобы не быть обнаруженным гравитационным датчиком, закипела невидимая работа. Штурманы на звездолетах или вторые пилоты на эсминцах быстро вводили в бортовые компьютеры своих кораблей необходимые данные – расстояние до цели и номинальное отклонение. В крейсере «Авангард» на котором находился Рахад Виргул и который в боевом распорядке имел номер один штурман в стандартную таблицу прицеливания, в ячейку номинального отклонения ввел ноль. Бортовой компьютер этого звездолета будет рассчитывать прыжок точно на двадцать пять световых минут.

На фроловском крейсере «Матея», значившимся в боевом распорядке под номером два, штурман ввел в аналогичную ячейку число плюс три тысячных. «Матея» будет программироваться на прыжок на одну трех тысячную световую секунду длиннее, чем номинальная – двадцать пять световых минут.

А в находящемся в какой-то тысяче километров от фроловского крейсера в человском эсминце «Прорыв», шедший третьим номером, второй пилот в эту же секунду ввел – минус три тысячных. Теоретически «Прорыв» не допрыгнет до кроков одну трех тысячную световой секунды – около тысячи километров.

Четвертый и пятый номера в ячейки номинальных отклонений ввели соответственно плюс четыре тысячных и минус четыре тысячных. Эти боевые машины должны оказаться впереди и сзади врага на расстоянии примерно тысяча двести километров.

И так далее, с шагом в двести километров челы и фролы будут выскакивать из гипера около их общего врага. Стратегия атаки была проста. Таким своеобразным веером компенси-

ровались неизбежные ошибки в определении расстояния до кроковских звездолетов и в точности выхода из гиперпространства. Точные законы случайных отклонений выдавали число девятьсот девяносто девять – только один звездолет из тысячи вышел бы из «подвала» Вселенной, так иногда называли между собой пилоты гиперпространство, дальше, чем десять тысяч километров от кроков. Восемнадцать же звездолетов должны лечь в этот маленький кружок, радиусом в десять тысяч километров, как посланный опытной рукой шар в лузу.

Бортовые компьютеры крейсеров и эсминцев, специально «натасканные» на такие задачки, уже через полминуты посчитали так называемый функционал попадания. Теперь они точно знали, сколько энергии необходимо подать на витки нуль-континуум генератора, сколько времени должен длиться этот мощнейший энергетический импульс, как и сколько времени необходимо отработать маршевым движком.

И едва последний бит информации лег на свое место в электронном мозгу, как тут же прошла молниеносная команда – запустить циклограмму подготовки перехода в гиперпространство.

Где-то в недрах каждого из звездолетов замкнулись реле, и энергия атомного распада устремилась на обмотки нуль-континуум генератора. И задрожало, завибрировало само пространство. Бортовой компьютер как опытный полководец, отслеживая ситуацию с помощью тысяч датчиков, хладнокровно выжидал, когда эта мощная энергетическая река расшатает плотину, отделяющую наш мир от другого, поистине потустороннего. И он дождался этого момента. Чувствительные датчики сообщили ему, что колебания пространства совпали с пульсацией нуль-континуум генератора. Есть резонанс! Теперь надо добавить еще чуть-чуть энергии, чтобы плотина рухнула.

– Поднять регулирующие стержни! – примерно так можно было бы перевести на язык, понятный человеческому мозгу команду, отданную электронным мозгом.

И снова замкнулось несколько реле, и мощные соленоиды буквально выдернули часть бороциркониевых стержней из активной зоны реактора.

Для ядерного реактора это было все равно, что для племенного рысака удар шпорами в бок. И многотонная махина, внешне бесшумно, «пошла крупной рысью». Необходимые мегаджоули энергии вонзились в пространство – вырвавшийся из нуль-континуум генератора узкий пучок гравитонов как шпага тореадора пробила «шкуру» нашей, трехмерной Вселенной.

И тут же сверкнуло пламя маршевого двигателя звездолета, вталкивая его в подпространство. Один за другим боевые звездолеты из группы генерала Рахада Виргула исчезали, словно растворились в вакууме. Исчезали, чтобы по инерции, на сверхсветовой скорости скользнув по пространству, где этого то света и не существует, вынырнуть вновь в знакомом мире.

Все получилось просто замечательно. Его крейсер, его «Авангард» смотрел своим главным калибром на находящийся в каких-то трех тысячах километров один из кроковских крейсеров. Бортовой компьютер свои работы выполнил просто безукоризненно. Что называется, выложил крока на блюдечке с голубой каемочкой.

Одного быстрого взгляда на монитор Рахад Виргулу было достаточно, чтобы понять – бой выигран. На трехмерной картинке, «нарисованной» компьютером было хорошо видно, что все кроковские звездолеты находились под прицелом боевых лазеров челов и фролов.

– Прицел на главный калибр! Мощность максимальная! Огонь по готовности к стрельбе! – генерал буквально выстрелил из себя уже много раз произносимую фразу.

Бесшумно и быстро мощные электоромоторы довернули платформу с шестью мощными боевыми лазерами на цель и те через мгновение исторгли из себя порции убийственного высокоэнергетического излучения.

«Всесильный Исам, хоть бы он не взорвался», – первый раз в жизни опытный космический волк, уничтоживший не один вражеский звездолет, просил своего Бога на этот раз уберечь своего врага.

– Направление на цель! Режим тяги максимальный! Повторить залп! – Рахад Виргул не сводил взгляд с экрана внешнего обзора.

Вражеский крейсер, похоже, взрываться не думал, а думал защищаться. Челы в рубке управления отчетливо видели, как огромная, похожая на гигантский нарост на корпусе кроковского крейсера платформа с лазерами стала быстро поворачиваться в их сторону. Похоже, залп «Авангарда» не нанес фатальных повреждений ни боевым лазерам кроковского звездолета, ни ему самому.

«Не меньше шести пятисот мегаваттников, – Виргула быстро оценил боевую мощь врага, находящегося от него в каких-то трех тысячах километрах.

Нет, уже ближе – «Авангард», мощно толкаемый своим маршевым движком, глотал пространство со скоростью пятьдесят километров в секунду.

Два крейсера, словно два дуэлянта, выстрелили своими мегаваттами энергии почти одновременно.

Взвизгнула сирена предупреждения лазерной атаки. И под эту фонограмму бортовой компьютер «пропел»:

– Лазерная атака. Шестьдесят процентов повреждения головного защитного экрана.

«Фу, цел. А хорошо он мне засадил. А что ты хотел? Почти в упор стрелял», – мелькнуло в голове генерала и тут же его мозг затопило гневом:

– Черт! Пятый! Под трибунал пойдешь!

На мониторе командира группы появилась блестящая клякса взрыва – один из кроковских крейсеров уже больше никогда не нырнет в гиперпространство.

«Всесильный Исам! Только бы не там было это оружие».

Бог челов внял молитве одного из своих подданных – сверхоружие кроков находилось не на взорвавшемся крейсере, а буквально уже в тысяче километрах перед ним.

– Что там, Сунни?

– Повреждены цепи управления…

– Это я уже слышал! Ты переключился на резервную систему управления?

– Очевидно, в ней что-то тоже повреждено! Бортовой компьютер не запускает циклограмму пуска! – штурман крейсера «Адмирал Сарб» подполковник О'Сунни Лиман лихорадочно колдовал над клавиатурой компьютера. На лбу мужчины обильно выступил пот.

В рубке управления мигнул свет – шесть пятисот мегаваттных лазера сделали залп по несущемуся на их крейсер человскому боевому кораблю. И тут же всю дежурную смену офицеров накрыл вой сирены и слова бортового компьютера:

– Лазерная атака! Девяносто пять процентов повреждения третьего защитного экрана. Выход из строя второй, третьей, пятой, шестой лазерной установки.

Командир «Адмирала Сарб» полковник О'Вулли Свор и сам это увидел. На его мониторе, в верхнем левом углу продолжало гореть только две зеленые точки, а четыре загорелись красным светом.

«Следующего залпа нам не выдержать. Похоже, пришло время умирать, а задание?»

– Сунни! Бросай все и немедленно в грузовой отсек. Запускай вручную!

– А прицеливание?

– Бакарра! Все равно дальше этого чертового астероидного пояса не улетит. Ты что, не понимаешь, что мы сейчас погибнем! Выполнять!!

Грозный командирский рев словно мощный порыв ветра выдул из кресла штурмана, и тот бросился вон из рубки.

Рахад Виргул еще раз окинул монитор. Все три оставшихся крейсера кроков были, хвала Великому Исаму, целы. В соответствии с планом операции, он будет приближаться к ним, ведя

осторожный огонь своими лазерами и, в конце концов, высадит на вражеские звездолеты штурмовые группы. Выполнение этого плана предполагало поистине ювелирные действия. Надо было, с одной стороны, ухитриться нанести такие повреждения звездолетам, чтобы их экипажи не смогли просто взорвать их при угрозе захвата. А с другой стороны, эти повреждения не должны были уничтожить кроковские корабли.

После обещания командира группы отдать пятого – командира человского крейсера «Победа» под трибунал, остальные командиры звездолета стали вести себя крайне осторожно, от греха подальше понизив в два раза мощность залпа. И некоторые из них возможный трибунал в будущем и за тысячи световых лет отсюда поменяли на смерь – здесь и сейчас.

Первым взорвался третий – человский эсминец «Стремительный». Залп кроковского крейсера почти в упор – с пяти тысяч километров превратил его в раскаленный огненный вихрь, мгновенно кремировавший двенадцать человек экипажа. Не прошло и десяти секунд, как будто вспух, а потом распался на две части фроловский крейсер.

В верхнем правом углу монитора перед командиром группы цвет двух светящихся кружков поменялся, с зеленого на красный. Бортовой компьютер «Авангарда», не получивший в течении пяти секунд сигналов от автоматический систем оповещения этих кораблей, перевел их в разряд не функционирующих. Понятиями «уничтоженный» или «погибший» электронный мозг не оперировал.

«Вот так бы и этот крейсер – распался и все. Осталось бы только собрать обломки и взять на борт оставшихся в живых кроков. Мечтай!», – мысль скользнула где-то на задворках мозга Рахада Виргула и тут же исчезла.

Предстояло самое сложное и опасное – постараться захватить вражеский звездолет. Захватить, нарушая святое святых – Боевой Устав Военно-космического Флота, который напрямую запрещал стыковку звездолета с кораблем противника, без всяких если. Это положение было написано кровью – и челы, и кроки при угрозе захвата своего корабля без колебаний взрывали его, забирая с собой в могилу и врага.

«Пока десантники из десантногот бота доберутся до рубки управления, кроки сто раз успеют взорвать свой корабль. Нет, надо стыковаться всем крейсером и высаживать штурмовые группы сразу из трех люков. Надо рисковать. А ты думаешь, генеральские звезды легко даются»? – Виргул словно оправдывался перед невидимым собеседником.

Цифры в нижнем правом углу экрана монитора, показывающие расстояние до цели, уже давно были окрашены в красный цвет – угроза столкновения была больше восьмидесяти процентов.

Триста… двести километров – числа, словно толкая друг другу в спину, сменялись на экране монитора.

Командир группы, мгновенно переключив управление вооружением «Авангарарда» на себя, нажал на одну из кнопок на пульте управления.

Две небольших, не более метра длиной ракеты выскользнули из корпуса крейсера и, оставляя за собой длинные языки желто-красного пламени, устремились к кроковскому звездолету.

Сто пятьдесят километров…

– Экстренное торможение!

Корма «Авангарда» словно взорвалась – по периметру одновременно включилось десять мощных твердотопливных ускорителей, точнее замедлителей. Несколько тысяч тонн обратной тяги вцепились в звездолет, быстро замедляя его скорость, вдавливая, плюща людей в их креслах.

«А кто сказал, что космическим пилотом быть легко?» – перед глазами Рахада Виргула пошли разноцветные круги.

Сто километров…

Ракеты, разогнанные своими двигателями до двадцати километров в секунду, ударили по корпусу кроковского крейсера, образуя в нем рваные отверстия, диаметром в несколько метров.

Пятьдесят километров…

Взрыва не последовало. Ракеты представляли собой метровые вольфрамовые стержни, которые словно чеканы пробили крейсер насквозь, круша и ломая его перегородки, рвя цепи управления и питания, окончательно ломая его способность к сопротивлению…

Подполковник О'Вулли Свор лихорадочно тыкал пальцами по небольшому пульту управления, расположенному рядом с трехметровым сигарообразным телом – новым сверхоружием кроков.

«Давай же, давай же, – мысленно подгонял он себя, ожидая в любой момент, что раздастся скрежет ломающегося корпуса звездолета, и огненный смерч взрыва топливных баков ворвется сюда, в транспортный отсек. Тогда все – несколько тысяч градусов испарят человеческое тело в секунду.

На пульте управления вспыхнула зеленая полоска и раздался мелодичный звон – система запуска ракеты была переведена в ручной режим. Теперь, чтобы она оказалась в открытом Космосе достаточно нажать большую черную кнопку. Завоет сирена и пойдет отсчет времени. Человеку давалась целая минуту, чтобы покинуть транспортный отсек до тех пор, пока мощные пирозаряды распахнут люк и звезды заглянут внутрь корабля.

«Хвала Великому Исаму! Успел! – мужской палец тут же ударил по черной кнопке.

Какой-то скрежещущий звук сирены показался кроку лучшей музыкой.

«Успел!».

И в ту же секунду сильный удар свалил подполковника на пол. Раздавшийся вслед за этим грохот легко растворил, словно стакан воды щепотку цианистого калия, вой сирены. Получившаяся смесь звука оказалась также непригодна для жизни – люк, ведущий из транспортного отсека внутрь корабля, не открывался.

Штурман отчетливо услышал сквозь переборку легкий шум, похожий на шорох – за двухмиллиметровой сталью бушевал воздушный смерч. Через два огромных отверстия в корпусе корабля воздух уходил в Космос.

«Я же без скафандра! – мысль буквально обожгла штурмана «Адмирала Сарба», словно его, беззащитного, в обычной униформе военного пилота Объединенного флота кроков уже лижет ледяной вакуум Космоса.

Мужчина дернулся в сторону шкафа, в котором находилось два скафандра. Кроки за несколько веков космических войн поняли, что наличие скафандров во всех отсеках звездолета не помешает. За этим стояли десятки и сотни жизней военных пилотов – задохнувшихся, замерших, не успевших добежать до спасительной оболочки.

«Не успеть!» – рядом с черной копкой на небольшом табло высвечивалось время, оставшееся до пуска.

Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь – ложь, что в экстремальных ситуациях время замедляет свой бег!

Двадцать семь, двадцать шесть двадцать пять…

Рядом с черной кнопкой, притягивая взгляд, находилась такая же кнопка только красного цвета – останов циклограммы пуска. Стоит ее нажать и тогда бег времени действительно остановится. Отмерянное Всемогущим Картаном время твоей жизни, как резиновое, тут же растянется на неопределенный срок.

Мужская рука метнулась к этому спасительному красному кружку.

– Не-е-ет! – О'Сунни Лиман громко-громко закричал, чтобы криком хоть как-то заглушить инстинкт самосохранения.

Долг, присяга, мужество человека, скрипя, но противостояли этому могучему инстинкту.

Десять, девять, восемь…

Мужчина стоял и кричал. И слезы катились по его щекам – Всемогущий Картан, как же хочется жить! Но рука неподвижно застыла в сантиметре от кнопки.

Пять, четыре, три…

Инстинктивно, словно пытаясь спасти, Лиман отбежал в самый дальний от пока еще закрытого люка угол транспортного отсека и присел на корточки.

Два, один, ноль… – время, отмерянное Всемогущим Картаном этому человеку, добежало до своего конца.

Как в кошмарном сне крок смотрел на медленно распахивающийся люк.

«А время действительно может замедляться», – мелькнуло у штурмана в голове.

Вот показалась небольшая черная полоска, которая становилась все толще и толще. Какая-то невидимая сила мягко потянула мужчину к люку. Вот он уже перед ним. Точнее перед далекими прекрасными звездами.

«Сунни», – неожиданно тридцатипятилетний мужчина услышал знакомый голос мамы.

– Да, мама, – прошептал он…

Воздушный смерч, образовавшийся в транспортном отсеке, почти мгновенно выкинул беззащитного человека из корабля.

Слезы тут же превратились в лед, мешая внутреннему давлению выдавить из глазниц глаза, когда-то имеющие редкий красивый голубой ободок вокруг зрачка…

– Черт, не успел! – на мониторе компьютера было отчетливо видно, как из агонизирующего кроковского звездолета вылетела трехметровая ракета.

Но время на эмоции не оставалось.

Десять километров – компьютер высветил оставшееся между звездолетами расстояние. Рахад Виргул напрягся, не сводя глаз с экрана внешнего обзора. Вражеский крейсер приближался стремительно, заслоняя собой все – черноту Космоса, блеск звезд.

«Сейчас!» – быстрый взгляд на монитор.

На скорости в двадцать пять метров в секунду многотысячная туша «Авангарда» прислонилась, именно так, если судить по меркам скоростей, на которых обычно движутся звездолеты, к «Адмиралу Сарбу», вминая его корпус. Тут же второй пилот человского крейсера включил несколько рулевых двигателей, прижимая их тягой «Авангард» к кроковскому крейсеру.

– Десантная группа, вперед! – загремел динамик внутренней связи.

Но команда была излишней. Тридцать, одетых в легкие десантные скафандры, челов уже выскакивали из трех десантных люков прямо на корпус кроковского звездолета. Сверкнуло пламя – специальным приспособлением десантники тут же легко вскрыли атакуемый крейсер как консервную банку. Включив на минимальную тягу реактивные двигатели, расположенные на спинах, преодолевая воздушный ураган, который словно гейзер ударил из отверстия, они ныряли внутрь вражеского корабля.

Впервые осуществленная атака вражеского звездолета со стыковкой с ним своего звездолета, а не стандартного десантного бота, пока развивалась успешно.

Генерал Рахад Виргул мог с чистой совестью завить, что он сделал все что мог, даже больше.

Полковник О'Вулли Свор и остальные офицеры дежурной смены, словно в оцепенении, слушали, как трещит корпус их звездолета, как за дверью рубки управления поднялся воздушный смерч, уносящий воздух из корабля. Но главное было не это. Главное было то, что в километре от «Адмирала Сарба», из вылетевшей ракеты показался небольшой голубоватый столб

пламени, который тут же потух, словно растворившись в Космосе. Растворилась и сама ракета, нырнув в образовавшееся гиперокно.

– Ну вот и все, господа. Задание, можно сказать, мы выполнили. Теперь, в соответствии с Уставом и долгом офицера, мы обязаны взорвать наш корабль, чтобы не отдать его в руки врага, – полковник Свор обведя взглядом присутствующих в рубке членов экипажа, положил левую руку на небольшой рычаг, а правой быстро набрал на миниатюрной клавиатуре, расположенной около этого рычага, код. Вспыхнула зеленая лампочка – бортовой компьютер воспринял код доступа. Теперь достаточно было движением рычага замкнуть контакты, чтобы электронный мозг, не колеблясь, отдал команду на самоуничтожения корабля. В нескольких местах взорвутся, вмонтированные в силовую конструкцию звездолета, заряды, разваливая его на части. А подорванное специальным зарядом топливо корабля, как контрольный выстрел – довершит уничтожение «Адмирала Сарба».

– Помоги нашим душам, Всемогущий Картан, – полковник Свор произнес традиционную фразу и рванул рычаг на себя…

Генерал Рахад Виргул сидел в своем кресле, вцепившись пальцами в подлокотник. Все что мог для выполнения операции, он сделал. Даже больше – грубо нарушив Устав боевых действий, он осуществил стыковку своего звездолета со звездолетом врага. Это было опасно, чрезвычайно опасно. Если кроки решатся на подрыв своего корабля, то неминуемо взрыв повредит и человский звездолет, а может и уничтожит его.

Но зато, буквально оседлав врага, челы получили большое преимущество. Во-первых, удар многотысячетонной массы не мог пройти для кроковского крейсера бесследно. Это тебе не скромный тычок десантного бота. Наверняка будут повреждены и некоторые силовые кабеля, и цепи управления. И может Всесильный Исам сделает так, что будут перерублены кабеля, ведущие к зарядам.

Во-вторых, челы смогли высаживать на борт звездолета кроков десант сразу с трех люков, что в три раза ускоряло эту операцию. А значит, в три раза быстрее можно было добраться до рубки управления крейсером. Тогда все, победа! Подставляй грудь под ордена и знаки новых воинских званий.

Но, это если все получится. А если нет, если кроковский крейсер взорвется, если этим взрывом уничтожит и человский крейсер, то тогда трибунал. Если, конечно, останешься в живых.

Рахад Виргул почувствовал, как вздрогнул, заворочался его звездолет.

«Смогли таки себя взорвать».

– Эйри фи дамирак, – дал волю своим эмоциям Рахад Виргул, цветисто вслух выругавшись.

И тем же тоном, что и произносил грязное ругательство, отдал команду:

– Аварийный старт!

И вновь корма «Авангарда» будто взорвалась. Заработали два мощных ускорителя, срабатывающих раз в жизни, но зато способных тысячетонную махину звездолета отбросить от опасного места как пушинку.

И в этот миг прямо под человским крейсером раскололся корпус «Адмирала Сарба». Стартующий звездолет резко накренило и тут его мощно лягнули ускорители…

Мощнейший удар, рвущий ремни, удерживающие человека в кресле, корежащий панель управления и все рубку, обрушился на «Авангард».

Последнее, что успел увидеть генерал Рахад Виргул, был экран монитора, показывающий общую «картинку» боя – единственный оставшийся крейсер кроков, атаковали сразу четыре корабля челов и фролов. В правом верхнем углу уже светилось красным светом четыре кружочка – четыре корабля из его группы было уничтожено.

«Пять», – еще успел подумать генерал.

Затем экран монитора заслонил собой все и рассыпался острой, оглушающей болью, резко сменившейся темнотой. Резкий удар вырвал Рахада Виргула из кресла, швырнул его головой в монитор и грудью на панель управления…

И все-таки любимчику судьбы повезло и в этот раз. Крупно повезло. Ударив своим звездолетом кроковский звездолет, Рахад Виргул сумел перебить кабели, ведущие к зарядам системы самоуничтожения корабля. Не все, часть из них. И в эту часть входил кабель, несущий убийственный приказ на заряд подрыва топлива. Поэтому «Адмирал Сарб» не рассыпался на фоне черного Космоса красочным фейерверком, а начал колоться на части, как лед в шейкере.

Из потерявших герметичность баков топливо стало выливаться наружу, где его уже с нетерпением поджидали раскаленные останки ядерного реактора. Поджидали, но не дождались. Упругий огненный смерч от врубившихся двух ускорителей человского крейсера пришелся как раз на эту часть кроковского звездолета, окончательно раздробив ее, далеко расшвыряв обломки. А через мгновение, завалившись на бок, впечатавшись во вторую часть погибшего крейсера, человский крейсер потащил ее за собой, вместе с находящимися в ней людьми – живыми и мертвыми, челами и кроками.

«Да, жизнь как зебра: то белая полоса, то черная, и если не укусит, так лягнет», – Андрей Кедров стоял у окна и в задумчивости смотрел на раскинувшуюся под ним Матею – столицу фролов, названную так в честь планеты. Единственной планеты, оставшейся у фролов.

Настроение было отвратительное.

«Вот уж не думал, что способен так ревновать. Раньше я только злился. Злился, что моя девушка не со мной, а с другим. Злился, потому что не привык быть вторым, не привык уступать кому-либо. А ревновать, чувствовать, как саднит сердце, а не как гневно кипит кровь, чувствовать опустошенность, а не распираемое тебя желание действовать, крушить, рвать…» – Андрей со всего размаху ударился головой по стеклу, инстинктивно пытаясь душевную боль заглушить физической.

Это помогло, но лишь на секунду. И вновь перед глазами возникла смеющаяся, счастливая Эльдира, танцующая вместе с этим ненавистным челом.

Как же, герой! Рискуя собой, нарушая боевой Устав, он сумел взять в плен нескольких кроков. И среди них даже командира крейсера, которого генерал Виргул лихо взял на абордаж. Да, сверхоружие кроков он захватить не смог. Но он пленил людей, которые многое об этом оружии могут рассказать. Если не об устройстве, то, по крайней мере, где его разрабатывают. Словом, герой по всем меркам. Да еще и герой, проливший в сражении свою кровь. Ну как тут перед таким героем устоишь?

Андрею вдруг отчетливо вспомнился отрывок из прочитанной им книги. Название книги и автора он не помнил совершенно, но вот слова: «Героические личности всегда притягивали женщин. И те выражали им всяческое свое восхищение способами, им доступными», особенно «способами, им доступными» почему-то хорошо врезалось в память. Очевидно из-за редко употребляемого способа построения фразы.

«Способами, им доступными», – душевная боль так резанула, что Кедров вновь с силой ударился головой об стекло.

Два дня назад потрепанная группа звездолетов, возглавляемая человским генералом Рахадом Виргулом вернулась на Матею. Три крейсера и один эсминец со своими экипажами навсегда остались в астероидном поясе Арбзира. Потери кроков были примерно такими же – четыре крейсера. Но главное было другое. Сводная группа челов и фролов смогла захватить несколько кроков и среди них командира крейсера, с которого производился пуск новейшего оружия. Это был, конечно, не полный успех операции, но выполненное позволяло оптимистично смотреть в будущее – к смертельно опасному для фролов и челов оружия протянулась

ниточка. И во многом благодаря генералу Рахаду Виргулу, который, лично командуя крейсером «Авангард» смог осуществит дерзкий маневр, буквально оседлав вражеский звездолет. И даже самоподрыв своего корабля крокам не помог. Челы умудрились не только уцелеть при этом и аварийно, включив мощные ускорители, покинуть место взрыва, но и утащить на себе часть звездолета кроков. После этого, захватить в плен находящихся там, полностью деморализованных членов вражеского экипажа не представляло трудностей.

При этом маневре Рахад Виргул был ранен. Ремни, удерживающие его в кресле, не выдержали резкого толчка, и храбрый чел врезался головой в экран стоящего перед ним монитора, а грудью и ногами в панель управления. Результат – сломана грудина, левая нога и многочисленные ссадины на лице.

По земным меркам – это была тяжелая травма, обрекавшая человека минимум полгода находиться в гипсовом корсете, чем-то похожим на рыцарский панцирь. Вот только вместо копья и меча у такого «рыцаря» было два костыля, вместо коня – больничная койка, а вместо жесткого седла на верном Росинанте – часто не менее жесткое судно, с ударением на последнем слоге.

У цивилизаций, обогнавших земную на несколько столетий, все, естественно, было иначе. И через два дня герой схватки у пояса Арбзира, хоть и иногда морщась от боли, уже танцевал на балу, который дал Глава Верховного Совета Достойных Варзарул СакТардол в честь выигранного сражения. И танцевал исключительно с Эльдирой.

– Милый, но нельзя же обижать человека, который столько сделал для нас, фролов, – и дочь Главного Командора фролов в очередной раз протягивала руку для танца красавцу-генералу.

И снова чужая, уверенная, сильная мужская рука ложилась на талию его жены, и чужое сердце билось в каких-то двадцати сантиметрах от ее сердца.

«Способами, им доступными» – красивая пара кружилась по роскошному голубому паркету Большого зала Главного здания Верховного Совета Достойных. И Эльдира, его жена, улыбаясь, смотрела на своего партнера и смеялась его шуткам. Или, потупив глаза и наклоня голову почти на его грудь, что-то слушала, очевидно, смелые и дерзкие комплименты в свой адрес.

А он стоял, где-то на задворках огромного зала и кожей чувствовал ехидные взгляды, в общем-то чуждых ему людей, рожденных под совершенно другим солнцем, отдаленным от его родного солнышка на сотни тысяч световых лет. Он даже чувствовал их мысли – что чел, явившейся неизвестно откуда, не по зубам тебе оказалась дочь Главного Командора? Такие девушки достойны лучшего мужа, минимум генерала, с которым она сейчас и танцует. А тебе лучше просто убраться отсюда.

Когда в очередной раз Рахад Виргул, с гордо поднятой головой, повел Элдьдиру к центру зала, Андрей, круто развернувшись, будто кто-то грозным недовольным начальственным тоном отдал ему команду «Кругом!» и широким, почти строевым шагом покинул веселящихся людей. А за его спиной, плавно набирая мощь, по огромному помещению разливался вал торжественной музыки.

«Ладно, хватить нюни распускать. Если у мужика уводят его бабу, он должен сделать все, чтобы этого не произошло. Если он, конечно, настоящий мужик. А чтобы представлять какую-то ценность в глазах Эльдиры я должен получить настоящую профессию. Так я и получаю ее. Командир десантной разведгруппы. Так чего ты стоишь и бьешься головой о бронебойное стекло? Что, лучшего применения своей голове ты не нашел? Давай дуй, в Космическую Академию, на тренажер десантного бота. Послезавтра зачет. Ты должен быть лучший», – Кедров почти бегом бросился к лифту.

Через минуту он, в искрящемся, кофейного цвета комбинезоне и белых невысоких сапожках – классический фроловский парадный костюм для танцев, уже привычным движением пристегивал ремни в пилотском кресле флайера.

– Клац, – сработал замок ремней, и тут же специальная система потянула их, создавая оптимальный прижим человека к креслу.

На панели управления загорелась зеленая лампочка – бортовой компьютер разрешал начать подготовку к полету. И тут же мужской палец нажал большую черную кнопку, начиная эту подготовку.

«От винта!» – Андрей мысленно произнес старинную земную команду. И его настроение неожиданно улучшилось.

«Ну, ничего. Подтянусь я к вашему уровню. А там потом посмотрим, кто лучше может воевать. Управлять звездолетом я научусь. Сдохну, а научусь. А вот ты сумеешь научиться с двадцати метров ножом в шею, поверх броника попадать? Ниче, еще посмотрим кто кого. Еще посмотрим, кто будет танцевать девушку», – флайер, глухо рыкнув, взвился в воздух.

На площади Героев – центральной площади Матеи, как всегда, кипела жизнь. Тысячи фролов прогуливались по огромному прямоугольному пространству, в центре которого возвышалась, взметнувшаяся на пятьдесят метров вверх стела, выполненная из хрусталя в виде столба пламени, бьющего из дюз маршевого двигателя боевого звездолета. Спрятанные внутри стелы лазеры искусно подсвечивали хрусталь, создавая полную иллюзию бушующего пламени. Эта стела была воздвигнута двадцать лет назад в честь всех пилотов и десантников, погибших в сражениях с кроками на множестве планет или просто в Космосе. И их имена, нарисованные лазером, возникнув в основании стелы, медленно скользили по хрусталю, на фоне бушующего «пламени» и под звуки торжественной музыки вверх. Словно это души погибших людей возносились к небесам, уже неподвластные тысячеградусной огненной стихии. На самом верху надписи исчезали, чтобы вновь возникнуть в основании стелы – память о героях, отдавших свои жизни за Родину, бессмертна.

К этой стеле часто приходили родные и близкие погибших пилотов и десантников, чтобы еще раз увидеть имя близкого человека, величественно поднимающееся над городом.

Время от времени в больших прозрачных шарах, диаметром пять метров, стоящих на специально отведенных местах на площади, искусно спрятанные под ней лазеры, показывали красочные картинки космических сражений, которых было не счесть в истории маленького гордого народа. А по углам площади на двадцать метров вверх взметнулись башни, увенчанные мощными боевыми лазерами – станции противокосмической обороны. Враг силен и беспощаден. И надо быть готовым в любое время и в любом месте дать ему достойный отпор.

Около одной сферы, где компьютер, дирижируя лазерами, показывал рейд трех фроловских звездолетов на одну из баз кроков, как-то незаметно сгустилась толпа из примерно ста молодых людей. Некоторое время молодые люди молча наблюдали, как крейсера сходят с орбиты и стремительно устремляются вниз, одновременно ведя огонь своими лазерами и пуская ракеты, как ровные ряды строений базы заливает бушующее пламя, как мечутся испуганные кроки, как огненными пузырями вспухают склады с оружием и топливом.

Неожиданно, по какому-то невидимому сигналу, одновременно из сотен баллончиков, зажатых в сотнях рук, вырвались струи черной краски, быстро превратившие прозрачный шар в черный, какой-то обуглившийся предмет, похожий на те, которые еще несколько секунд назад возникали в его глубине. Фроловские боевые звездолеты так и не успели закончить свой дерзкий рейд.

– Нет войне фролов и кроков! Люди созданы созидать, а не убивать! – одновременно начали скандировать сотни глоток.

И словно этот дружный крик послужил катализатором реакции. Вокруг других шаров заволновалось людское море, сгустилось, образуя вокруг каждого из них плотное кольцо человеческих тел. А через секунду эти кольца исторгали из себя сотни черных струй краски.

– Нет войне фролов и кроков! Люди созданы созидать, а не убивать! – раздавалось с разных концов площади, заглушая торжественную музыку.

Несколько минут продолжалось это противоборство. Противоборство ритмичного, строгого ряда звуков с валом беспорядочных, диссонансных, разбросанных по всему спектру частот звуковых колебаний.

Неожиданно в это противоборство вмешались третьи звуки, почти похожие на те, которые боролись со стройной, но не многочисленной шеренгой своих собратьев. Почти похожих…

– Ублюдки! Нелюди! Предатели! В таком месте кричать такое!

Все эти три волны звуков, стакиваясь между собой, переплетаясь, образовали какое-то бушующее море децибел:

– Нет войне…ублюдки…созидать, а не… кричать такое…

Вслед за звуками, смешались и источники этих звуков:

– Бей выродков! Отправим их к их любимым крокам! И без гипера обойдемся!

В воздухе замелькали сжатые кулаки, ноги, раздались глухие звуки ударов.

– Передаем экстренное сообщение, – на приборной доске лицом известного телеведущего ожил монитор, установленный в левом углу приборной доски флайера. – На площади Героев происходит массовая драка, в которой участвуют, по предварительным данным, до трех тысяч людей.

Красивое, с правильными чертами лицо телеведущего исчезло, сменившись сотнями, перекошенных яростью, лиц.

– А ну покажем этим любителям войны, как больно, когда убивают! – высокий, широкоплечий парень кричал, казалось бы, прямо в лицо Андрею.

То, что увидел Кедров на мониторе в своем флайере, коренным образом отличалось от того, что происходило на площади Героев всего несколько минут назад, в начале столкновения. Люди, возмутившиеся выходкой сотен молодых людей, обливших черной краской шары для голографического видео и выкрикивающих кощунственные, возмутительные для этого места лозунги, неожиданно оказались в меньшинстве. Едва они полезли в драку с парнями, стоявшие плотной стеной вокруг шаров, как тут же, до этого мирно дефилировавшие по площади прохожие, бросились на них. Ситуация мгновенно изменилась. Теперь не пара сотен людей, выступавших за мир с кроками, противостояла многотысячной толпе, а, наоборот, пара сотен людей, видевших в кроках исключительно врага, оказалась против нескольких тысяч людей.

Зажатые с двух сторон, незнакомые друг с другом, неподготовленные к такому обороту событий люди легко были смяты. Началось избиение. Их валили с ног, били ногами, обливали черной краской.

Именно такую «картинку» увидел бывший лейтенант воздушно-десантных войск России, а ныне курсант Военно-космической академии фролов. Пока мозг землянина еще думал, что предпринять, руки уже клали флайер на новый курс.

– Бей черных! – так стихийно, на площади Героев было придумано название людям, не желающих союза с кроками. Его впервые пробасил высокий, широкоплечий парень. Повалив на землю какого-то невысокого молодого человека и уперев в его грудь свое колено, он поливал его черной краской из баллончика. – Теперь у тебя поубавится пыла воевать! – он наотмашь ударил лежащего человека по лицу уже пустым баллоном. – Будешь знать… – но договорить, так же как и еще раз ударить он не успел.

От сильного удара в правое ухо он отлетел от своей жертвы на метр, и сам растянулся на твердом, прорезиновом покрытии площади. Когда широкоплечий парень, наконец, превозмогая звенящую боль в голове, встал, то увидел, что какой-то молодой высокий человек, одетый, словно на торжественный вечер, каким-то неуловимым движением перебросил через себя молодого парня и тут же ударом локтя заставил согнуться еще одного.

– А, недобитый черный! – зажав в широкой ладони пустой баллончик из-под краски, со звенящей от удара головой, фрол кинулся на своего обидчика.

А дальше время вновь для него остановилось. Он лишь успел заметить какое-то движение этого высокого человека в свою сторону, потом все, словно внезапно выключили телевизор – чернота перед глазами.

Андрей дрался, как учил его в Рязанском институте воздушно-десантных войск инструктор рукопашного боя майор Коноваленко – спокойно, бесстрастно, ни в коем случае не входя в раж. Обездвижил одного противника, тут же переключайся на следующего. Не старайся ударить врага сверх необходимого. Только чтобы лишить его возможности нападать. И дело тут не в гуманности, просто надо экономить силы. Тогда у тебя больше шансов уцелеть и нанести максимальный урон противнику.

Привычный для таких схваток мозг землянина легко ввел подвластное ему тело в специальный режим боя, когда оно становится похожим на машину. Руки, ноги, туловища работают в быстром едином ритме, но без рывков или пауз, как поршни в двигателе, выдавая на «выходе» впечатляющий результат – шесть обездвиженных фролов за полминуты. Или пять секунд на человека. А «машина» работала дальше – туловище резко влево и одновременный удар правой рукой. Тут же поворот на сто восемьдесят градусов на правой ноге и лягающий удар левой ногой. Мгновенный разворот обратно и вот уже воздух рассекает левая нога.

«Только бы не применили оружие. Против бластера я бессилен, на мне даже броника нет», – мозг как заправский компьютер, ведущий одновременно несколько вычислительных процессов, мысли выдавал пульсациями, втискивая их между тактами движения тела.

«Шмальнут с лазера… – Андрей крутанул «карусель» и правой ногой в грудь отправил в нокаут очередного фрола, – и все, это не пуля… – бывший российский офицер-десантник, прыжком вперед, в подкате свалил двух бегущих на него мужчин и, кувыркнувшись через бок, вновь вскочил на ноги, – могут и руку отрезать, или что-то посерьезней… – захват летящей на него руки, резкий рывок противника на себя с одновременным ударом его по ногам, – надо пробиваться к флайеру».

Фролы, впитавшие с молоком матери, суровые законы своей страны относительно применения оружия, его сейчас не использовали. Слишком жестоким потом будет наказание. Их, фролов, осталось очень мало, чтобы позволить себе роскошь применять оружие друг против друга. Боевой лазерный луч должен быть направлен только в крока!

Кедров, бросив короткий взгляд на лежащего парня, которого он попытался защитить и коротко вздохнул – потащить его с собой в машину не получиться, слишком неравные силы. Тут бы самому пробиться.

И он пошел, короткими, точными ударами расчищая себе путь и ломая чужие руки и ноги. Вот и его флайер. Около него трое молодых людей, явно собравшихся не допустить его к нему.

Ха! Да он вырвался с рудников Гамеда, убивая вооруженных кроков и пройдя несколько километров под землей. А тут трое безоружных и щуплых по земным меркам мужчин. Андрей просто прыгнул на них, ударил своей массой, как шар ударяет кегли. Нет, не так. Катящийся по дорожке шар не имеет сильно и больно бьющих рук и ног. Да и фролы оказались не кеглями – не разлетелись в стороны, а безвольными мешками рухнули на землю.

Его родной флайер словно ждал хозяина, запустился, что называется, с пол-оборота. Кедров хотел было ударить по кнопке автоматического взлета, чтобы резко уйти вверх, уходя от набегающих разъяренных фролов.

«Стоп! Как говорил подполковник Звягинцев на тактике диверсионных рейдов, если у тебя есть Бахча, то нечего свою задницу показывать перед врагом. А у меня даже не Бахча, а флайер, который на Земле даже не снился», – Андрей рванул на себя рычаг перехода на ручное управление.

Потом эти кадры, заснятые многочисленными видеокамерами, показывали все фроловские телеканалы, а потом и человские, и даже кроковские. Небольшой флайер, который уже было вздыбился, чтобы через мгновение прыгнуть в небо, неожиданно осел, а затем медленно, в полуметре от земли попер на толпу. Тонне пластика, внутри которой рокотали тысячи киловатт энергии, а самое главное, которой управляли решительные руки, противостоять было невозможно. Люди, толкая друг друга, спотыкаясь, бросились прочь от сумасшедшего флайера. Некоторые, видя, что не успевают, плашмя валились на землю.

Андрей прибавил скорости и зигзагами стал носиться по площади. Толпы фролов бросились с площади Героев, уже не обращая внимания на то, кто рядом бежит – тот, кто кричал: «Нет войне фролов и кроков» или тот, кто в ответ отвечал: «Ублюдки! Нелюди! Предатели!»

И, наконец, крики ужаса и ругательства перекрыли сирены полицейских флайеров.

«Как в дешевом голливудском боевике – полиция прибывает на шапочный разбор», – Андрей Кедров, наконец, отдал бортовому компьютеру управление флайером и устало откинулся на спинку кресла.

Он даже не заметил, как два полицейских, небесно-голубых флайера, крутым виражом, оказались по бокам его летательного аппарата.

– Следуйте за нами, – гаркнул динамик в кабине Андрея, выводя его из заторможенного состояния.

«А, сейчас начнутся разборки – что он себе такое позволяет, как посмел гонять храбрых фролов, как овчарка нерадивых овец, сбивая их в стадо, – подчиняться Андрею не хотелось, – знаю я все это. Чиновник и в сотнях тысяч световых лет от Земли остается чиновником».

Ему вдруг вспомнились смутные намеки тестя на то, что Главный Полицейский сторонник Главного Судьи и всячески ему помогает.

«Так вот почему полицейские так поздно вмешались. Они хотели, чтобы сторонники за союз с кроками как следует, отдубасили тех, кто против этого. Чтобы все фролы увидели, что за союз с крокми выступает много их соотечественников и что они сильны. А силу уважают всегда и все».

– Флайер, регистрационный номер восемь ноль три шесть четыре девять, следуйте за нами. В случае неповиновения, мы вынуждены будем применить силу».

«Ага, сейчас запрут меня в кутузку. А это еще одна проблема для Главного Командора – вытаскивать своего зятя. Пока еще зятя, – Андрей горько усмехнулся, но тут же взял себя в руки. – Не расслабляться! Все личное – потом».

– Флайер, регистрационный номер восемь ноль три шесть четыре девять. Немедленно следуйте за нами! Это последнее предупреждение! В случае отказа, мы применим силу!

«Ну-ну. Испугали ежа голой задницей. Эх, не видели вы наших ментов!» – и вновь рычаг перехода на ручное управление резко брошен назад.

Штурвал от себя, педаль газа в пол и флайер Андрея стремительно нырнул вниз.

– Флайер, регистрационный номер восемь ноль три шесть четыре девять! Мы вынуждены применить силу!

«Да знаю я вашу силу! Сейчас включите лазер микроволнового излучения и попытаетесь заглушить мой движок. Что ж, пробуйте!», – землянин щелкнул одним из тумблеров на панели управления и еще сильнее отжал от себя штурвал. Земля стремительно рванулась на

встречу. Полицейские флайеры попытались было повторить этот маневр. Куда там! Их бортовые компьютеры, мгновенно вычислив, что параметры флайеров находятся в опасной области, без колебаний прекратили опасное увеличение угла пикирования. А угол был действительно опасным даже для полицейских флайеров, не говоря уже о гражданских.

Нет, недаром Андрей Кедров возился со своим флайером, переделывая его систему управления. Точнее не он, а один фрол. Оказывается и на Матеи, как и на Земле, есть умельцы, которые за небольшую плату готовы сделать что угодно, обойти какие угодно сложные блокировки и защиты. Теперь было достаточно щелкнуть тумблером, и бортовому компьютеру становилась глубоко безразлична твоя безопасность – вытворяй в небе что хочешь. Я тут нее причем.

У самой земли Андрей потянул штурвал на себя и одновременно перевел двигатель в режим планирования. Флайер чуть вздрогнул – над ним раскрылись три небольших лопасти, тут же слившиеся от вращения в сплошной круг. Появившаяся тяга мощно потянула нос летательного аппарата к небу, помогая рулям высоты. Отсвечивающая глянцем поверхность площади скользнула в метре под Андреем.

Теперь уже сразу четыре полицейских флайера охотились за землянином.

«Лучше бы так же ревностно они пресекали беспорядки», – мужские руки крутанули штурвал вправо, одновременно до максимальной увеличивая тягу вращающихся лопастей. Едва не задевая хрустальную пятидесятиметровую стелу погибшим героям, флайер Кедрова закружил вокруг нее. Полицейские флайеры закружились сверху, не решаясь повторить столь рискованный как для них, как и для стелы маневр.

«Если зацеплю этот хрусталь – хана. Даже если жив останусь. К надругательствам над национальными святынями любой народ относится очень болезненно. Если даже сам о них анекдоты сочиняет. Своим можно, чужаку за это порвут все, включая самые деликатные части тела», – закусив нижнюю губу, весь сжавшись, Кедров вцепился в штурвал, кося взглядом на полыхающий искусственным огнем хрусталь в двух метрах от него.

Покружив с минуту над стелой, полицейские изменили тактику. Они отлетели метров на пятьдесят от памятника, опустились на высоту Андрея и равномерно рассредоточились по кругу.

Через несколько секунд землянин понял, что хотят фролы. Неожиданно тихое рокотание двигателя оборвалось, затем, как-то судорожно всхлипнув, движок заработал вновь. Постоянно кружившийся флайер Кедрова был трудной мишенью для микроволновых лазеров полицейских, но сейчас, выстроившись по кругу, они передавали его друг другу, словно эстафетную палочку.

Двигатель вновь чихнул, но затем вновь заработал – время воздействия микроволнового излучения на электронную систему двигателя оказалось меньше критического.

«А ведь заглушат, как пить дать заглушат», – Кедров рванул штурвал на себя и свечой взмыл вверх.

Полицейские флайеры не отставали. Двигатель еще раз судорожно дернулся и замолчал окончательно.

«Опасные действия с флайером, угрожающие жизни людей, опасное маневрирование около национального памятника, неподчинение полиции, – землянин с вяло вращающимися над ним лопастями, скользил по наклонной вниз, – могут посадить за решетку надолго. Как раз на то время, чтобы устаканить союз с кроками».

Десять метров до земли, пять… Над ним скользнула тень какого-то большого флайера.

Времени рассматривать не было – земля была рядом, рукой можно дотянуться, точнее шасси летательного аппарата. Толчок, бесшумно сработали амортизаторы и небольшая, однотонная пластиковая машина застыла. Рядом садились полицейские флайеры. А прямо перед ним стоял большой летательный аппарат, раскрашенный в небесно-голубые государственные

цвета, с перекрещивающимися белыми лучами – эмблемой Главного Командора. А вот он и сам, высокий, грузный, с длинными седыми волосами Матрул ДарВул неспешно вылез из кабины флайера. Из десантного люка его машины выскакивали и подбегали к приземлившемуся Андрею люди со знаками различия военно-космический сил фролов. Через минуту зять и тесть стояли рядом.

К Главному Командору подбежал кто-то из полицейских чинов.

– Командор третьей степени Марфи СакПанрок, – представился он, хлопнув правой рукой по левому плечу. – Этот человек многократно нарушил Закон, и мы вынуждены его арестовать.

– Полномочиями, данными мне, как Главному Командору, я забираю этого человека. Можете об этом доложить своему начальству.

Полицейский стрельнул глазами по стоящей за спиной Матрула ДарВула шеренге молодых людей со значками с перекрещивающимися белыми полосками – символами лазерных лучей на груди и молча отступил.

– Я увидел тебя по телевизору. Сейчас все каналы транслировали твои кульбиты, – первое, что сказал Главный Командор, как только они взлетели.

– Молодцы журналисты. Сразу вычислили, кто в флайере.

– Во-первых, они не вычислили, – после паузы, ухмыльнувшись, ответил Главный Командор. – Поэтому зря ты их хвалишь. Во-вторых, вычислил тебя я. Поэтому надо хвалить меня. Еще и зато, что от полицейских спас.

– Спасибо. Остается узнать, как ты меня вычислил. Ах, ну да. Сканируется же регистрационный номер флайера.

– И как же это я по телевизору мог его просканировать? – Матрул ДарВул еще раз ухмыльнулся.

– Ну, кому-то там в полицию позвонил. Попросил узнать, кто на флайере. Тот соединился с полицейскими, которые меня преследовали… – не очень уверенно ответил Андрей.

– Ага, позвонил, попросил. От кого уж, а от тебя я такого детского лепета не ожидал услышать.

– Прямо уж детский лепет, – землянин обиженно отвернулся.

– И сейчас ведешь себя как ребенок, – продолжал безжалостно чеканить Матрул ДарВул. – Вместо того, чтобы вытягивать с меня информацию, обижаешься. Я уже начинаю думать, что ошибся… – задумчиво закончил Главный Командор.

– В чем, что выдал за меня свою дочь, Эльдиру?

«Господи, не надо было это говорить, не надо».

Но, словно кто-то парализовал его волю, заблокировал в голове сдерживающие тормоза и землянин все говорил и говорил, с каждым словом чувствуя облегчение. С каждым словом чувствуя, как груз, накопившийся в душе за это время, стронулся и каким-то черным, грязным потоком хлынул прочь, куда-то вниз, в темные глубины подсознания, туда, откуда обычно возврата нет.

– Конечно, кто я такой! Какой-то необразованный чел, с Богом забытого уголка Вселенной. Явно не пара дочери Главного Командора. Не волнуйся! Эльдира уже это поняла. И скоро у тебя будет другой зять – образованный, храбрый. И звание подходящее. Не какой-то там курсантик, а генерал. Генерал челов!

В кабине флайера повисла тишина, нарушаемая лишь тихим рокотом двигателя.

– Т-а-ак, – наконец произнес ДарВул и мельком оглянулся, словно еще раз убеждаясь, что между ними и остальными фролами находится звуконепроницаемая переборка. – А я то думаю, что ты эти несколько дней сам не свой. Значит причина – моя Дирка?

Андрей насуплено молчал, глядя прямо перед собой.

– А храбрый человский генерал, это, наверное, Виргул? Ну, об этом не трудно догадаться, – продолжил Главный Командор, вновь не дождавшись ответа от своего зятя. – Ты мне лучше скажи, Дирка тебе повод давала? Или из-за того, что она с этим Виргулом пару раз станцевала, ты там себе что-то нафантазировал и теперь сам же себя накручиваешь? Так был повод?

– Нет, не было… – тихо ответил Андрей.

– Так чего же ты, ма че пирла, – выругался ДарВул, – нюни распустил? Нет, я все сильнее и сильнее начинаю думать, что ошибся.

– Да в чем же ты ошибся? – вскричал разозленный Андрей, которого только что обложил собственный тесть. За несколько месяцев пребывания у фролов, землянин начал понимать их язык, в том числе и тот, про который на Земле говорят – ненормативный. И он отлично уже знал, что такое фроловская «пирла», тем более что она уж очень была похожа на русский эквавалент.

– Что внес тебя в список. Увидев, флайер, вытворяющий на площади Героев немыслимое для фролов, я было подумал, что поступил правильно. И бросился к площади, чтобы убедиться, что это ты. Потому что другого человека, способное на это, я на Матеи не знаю. Ну и заодно прикрыть от полицейских. Лучше бы я не летел и не слушал от тебя эти сопли.

– Да можешь ты, наконец, сказать, в какой список ты меня внес?!

– Мы все же смогли разговорить пленных кроков, – Главный Командор улыбнулся. Андрею Кедрову эта улыбка показалась похожей на волчий оскал.

«А все-таки мы с ним родственные души. Я тоже так улыбаюсь, когда… когда хочу своему противнику сделать больно или уже сделал это. Да, не хотел бы я оказаться на месте этих пленных кроков. Что меньше всего цениться в Больших Играх, так это человеческая жизнь».

– И?

– И ты включен в список людей, отправляющихся в рейд на Суриму. Именно там кроки производят это свое супероружие. Согласен?

Глава 7

Впервые, за время ареста О'Санни Харк проснулся в хорошем расположении духа. Даже убогая обстановка его одиночной камеры: узкая одиночная кровать, небольшой совмещенный санузел, крохотная панель телевизора на стене не вызывали раздражения.

Политик сладко, до хруста костей потянулся на кровати.

«Когда стану Президентом, займусь своим здоровьем, а то все недосуг», – Харк поймал себя на мысли, что легко, как раньше, до ареста, подумал о своем президентстве, как о решенном вопросе.

И от этой мысли его настроение еще больше улучшилось, и он засмеялся – легко, непринужденно. И все также, не вставая с этой ненавистной койки, он с удовольствием прокрутил вчерашнюю встречу со своим адвокатом.

О'Тосси Квор был, как всегда уверен, энергичен и деловит, всем своим видом показывая, что эта камера для Харка ненадолго, что он обязательно его вытащит отсюда. Минут десять они поговорили о текущих делах, о том, как лучше политику освещать тот или иной вопрос на допросе. Все это в различных вариациях уже не раз обсуждалось и вызывало у Харка откровенную скуку. Он отлично понимал, что без непонятно как исчезнувшей видеозаписи все эти разговоры не откроют двери его тюремной камеры. Поэтому он слушал Тосси вполуха, больше поглощенный созерцанием того, как лучи Пармы, приникающие в помещение через небольшое окно в потолке, причудливо освещают унылые синие стены.

– … друзья. Они достали Ваши любимые «Люкс-Элегант». По крайней мере, они меня так уверили. В тюрьме Вам такие сигары не выдают же?

– Простите, я тут несколько отвлекся. Что Вы сказали? – Харк весь напрягся, потому что ему послышалось… неужели…

Адвокат спокойно повторил последние свои слова:

– У меня для Вас хорошая новость. Похоже, что завтра Вас навестят Ваши друзья. Они достали Ваши любимые «Люкс-Элегант». По крайней мере, они меня так уверили. В тюрьме Вам такие сигары не выдают же?

– Э…это слишком любезно с их стороны. Буду ждать.

– Тогда до завтра. До свидания.

– До свидания, – Харк пожал протянутую руку.

Конечно, по закону разговоры подследственных со своими адвокатами прослушивать было запрещено, но слишком высоки были ставки в этой игре – президентский пост.

«Хорошо, хоть руку разрешают пожать», – Харк медленно шел по коридору в свою камеру.

Его никто не сопровождал – многочисленные видеокамеры, подключенные к центральному тюремному компьютеру, сообщали тому любой шаг Харка, или объекта под номером 232, как значился он в памяти электронного мозга. Ежесекундно об этом сообщал и электронный браслет, закрепленный на правом запястье объекта. И отклонись политик от предписанного маршрута на несколько метров, компьютер-надзиратель тут же подаст команду на этот браслет и тот предупреждающе запищит – стоп! Идешь не туда. Если Харк проигнорирует это предупреждение и продолжит отклоняться от заданного пути, тональность звука браслета изменится. Это уже будет не мышиный писк, а грозное рычание хищника. Почувствует нарушитель и «когти» этого хищника – браслет ощутимо ударит током. Если и дальше человек будет игнорировать предупреждение электронного компьютера, то последует очередная команда и браслет впрыснет в руку специальный раствор, мгновенно обездвиживающий возмутителя спокойствия электронного мозга.

Этот же компьютер внимательно наблюдал, чтобы при встречах подследственных с адвокатами, родственниками, да и следователями не происходило ничего противоправного: не передавались какие-либо предметы или запрещенная информация. В любом случае наказание следовало мгновенно и без предупреждения – подследственный обездвиживался, включалась сирена, и вызывался дежурный персонал.

«Итак, сегодня такая необходимая ему видеозапись окажется у его друзей, то есть у его ближайших соратников по партии. У кого? У О' Кронни Висту – первого его заместителя, или у О'Ларри Вороса, старшего советника партии, а фактически его правой руки! – Харк перевернулся на другой бок. – Всемогущий Картан, как же неудобна эта кровать. Ну ничего, скоро я засну на своей широкой, мягкой кровати в своей великолепной спальне. И может даже уже завтра. А может он Тосси неправильно понял? Может, речь действительно шла о сигарах, – эта мысль заставила политика буквально подскочить на кровати. – Да нет. Не стал бы так Тосси двусмысленно говорить о сигарах. Да и «Люкс-Элегант», если честно, не такие уж у меня и любимые. Так, курю для престижа. Нет, наверняка, речь шла именно о видеозаписи. А вдруг нет?» – мужчина вскочил на ноги и нервно заходил по камере, меряя ее по диагонали.

О'Кнопп Ворос метался по своей шикарной квартире, от бессилия и ярости пиная попадавшиеся под ноги предметы – диван, кресло, валяющуюся на полу рубашку. Но проклятый телефон все равно молчал. Пнув ногой в очередной раз ни в чем не повинное кресло, молодой человек тут же плюхнулся в него и, схватив, лежащий на столе, упрямо молчавший телефон, нервно, быстро нажал на нем несколько кнопок. Несколько секунд телефон молчал, затем мелодичным женским голосом, словно издеваясь над своим хозяином, проворковал:

– Телефон запрашиваемого абонента отключен. Попробуйте перезвонить позже.

– Позже… Да я уже час звоню! Она даже не хочет, чтобы я знал, где она вообще находится! – вновь руки молодого человека стали нервно нажимать кнопки на телефоне.

И снова небольшая золотистая коробочка несколько секунд молчала, словно раздумывая, какую бы еще гадость выдать своему хозяину. И, наконец, выдала:

– Запрашиваемый абонент отключил систему идентификации месторасположения.

– Баккара! Перка трая! – парень, разразившись руганью, швырнул телефон в угол комнаты. – Ну ничего! Я все злачные места Арикдны облечу, а тебя все равно найду, грязная шлюшка. Я еще намотаю твои волосы на руку! – О'Кнопп Ворос вскочил с дивана и кинулся из квартиры на крышу, где на стоянке ожидал его флайер.

«Ну погоди, Брилла. Ты узнаешь, как морочить мне голову, – юноша ударил по кнопке автоматического взлета. – А ведь она в «Тихой лагуне». Точно там! Кто два дня назад ныл, чтобы я туда ее сводил. Что, нашла другого для этого? Ну, ничего. Мне бы только тебя найти!»

О'Кнопп удивленно покрутил головой. Его флайер все еще неподвижно стоял на крыше дома, хотя уже должен быть набрать высоту в несколько сот метров. Взгляд споткнулся о горящую красную лампу на панели приборов. Парень автоматически посмотрел на экран компьютера: «Надежность системы контроля работы двигателя восемьдесят процентов. Запуск запрещен. Для более детальной информации нажмите кнопку «Двигатель».

«Нет, сегодня точно не мой день. Невезуха на каждом шаге. И что мне нажимать эту кнопку. Все равно я там ничего не смыслю. Надо техническую службу вызывать», – Ворос раздраженно ударил по кнопке автоматической связи с технической службой.

– Оператор технической службы. Я вас слушаю.

– У меня флайер не хочет взлетать.

– Включите кнопку «Диагностика»

– Включил, – молодой человек с трудом сдерживал себя, чтобы не разразиться бранью.

– Ожидайте технической бригады, – через небольшую паузу сказала оператор, убедившись, что вызов не ложный.

– И когда она будет?

– Через десять минут. Поменяем блок, протестируем и можете лететь.

– И сколько это займет времени? – О'Кнопп даже не пытался скрыть своего раздражения.

– От сорока минут до часа, – оператор отвечал спокойным вежливым тоном.

– Баккара! И за что я Вам такие деньги плачу?! Чтобы Вы только через час мне машину отдавали?!

– Вы расположены в первом круге обслуживания. Неисправность второй категории. Согласно «Перечню неисправностей», прилагаемого к договору, Вами подписанному, максимальное время ее устранения – час, – тон оператора оставался неизменно вежливым.

– Черт с Вами! Присылайте, наконец, бригаду!

– Они уже в пути.

Пританцовывая от нетерпения вокруг своего флайера, осыпая его проклятиями и пиная ногами, О'Кнопп Ворос вглядывался в небо, постоянно крутя головой.

Зеленый в красную полоску флайер технической службы парень увидел одновременно с флайером отца. Спутать было невозможно. Такого черного летательного аппарата марки «Карнивал» последней модели с серебристыми полосками на боках ни у кого еще не было в столице. Решение пришло мгновенно.

– Па, привет. Выручи меня! – выпалил О'Кнопп на одном дыхании.

– Что такое, Кнопп?

– Да у меня мой флайер поломался. А мне необходимо срочно в одно место.

– И какое это место?

– «Тихая лагуна»

– Та-ак…

– Па, ну честно очень нужно, – тон молодого человека стал заискивающе-просящем.

– Ладно, – наконец раздалось с небес, – ты дома?

– Да!

– Сейчас буду.

– Спасибо, па! Ну, наконец-то. Вас ждать, заснуть можно!

– Что?!

– Па, это не тебе, – торопливо ответил сын. – Это я техникам, которые прилетели мой флайер ремонтировать.

– Ладно, жди.

О'Кнопп Ворос увидел, как большой черный флайер плавно в развороте завалился на левый бок и взял курс на его дом.

Единственный сын Кнопп для Воросов был одновременно и большой радостью, и большим горем. А' Велле Ворос перенесла беременность с огромным трудом. Ее организм упорно отказывался от зародившейся и растущей в нем жизни. Да и зачать эту жизнь женский организм заставили насильно, буквально затащив его в беременность на толстом аркане, свитом из новейшей технологии искусственного оплодотворения и прошитом для прочности множеством пилюль и уколов. И таким же арканом тащили несчастное женское тело по беременности, утихомиривая его взбрыкивания все теми же таблетками и уколами. На шестом месяце не помогло и это. Задействовав все свои возможности, женское тело, словно мощным прессом исторгло для себя инородное тело. Крохотный, девятнадцати грамм веса и семи сантиметров в длину живой кусочек плоти не мог не то что пищать, а даже дышать. Миниатюрные мышцы еще не в состоянии были сжимать и расправлять грудную клетку, а до конца еще не сформировавшийся мозг не знал даже, какие команды следует отдавать им.

За спасение будущей разумной жизни принялась умная, по многим параметрам превосходящая человеческий мозг, но не считающаяся разумной машина. Бесстрастно, десять раз в секунду сканируя все органы младенца, нет, не младенца, еще плода, она, как опытный дирижер настраивала их, заставляя играть одним оркестром и уча этот «оркестр» единственной мелодии, единственной симфонии, которую он должен играть всю жизнь – симфонии жизни. И постепенно какофония исчезла и прорезалась нужная мелодия, сначала тихая и робкая, но потом звучащая все громче, уверенней.

– А-а-а, – инкубатор с крохотной жизнью огласился тоненьким детским плачем. Человеческий плод превратился в младенца. Первый акт симфонии жизни был сыгран. Но это был лишь первый акт…

О'Кнопп Ворос рос слабеньким, вечно плачущим ребенком, постоянно требовавшим к себе внимание, которое ему и доставалось в избытке. Сонм обычных и электронных нянь постоянно толпился у его кроватки. А кто там остается без глаза при семи няньках? Правда эта мудрость была сформулирована за сотни тысяч световых лет от маленького, капризного Кноппа. У воинственной, высокотехнологичной цивилизации кроков в ходу была другая пословица: «Много командиров – звездолету не летать». Но суть оставалась та же – опекаемый со всех сторон отпрыск Воросов рос капризным, раздражительным от избыточного внимания мальчиком.

Других детей, пройдя такой ад, А' Велла Ворос отказалась иметь наотрез. Да и муж ее, О'Ларри, не настаивал, всецело отдавшись строительству своей партийной карьеры. Через двадцать лет он стал старшим советником могучей партии «Справедливость и порядок», а главное, правой рукой человека, реально претендующим на президентский пост. А' Велла стала добропорядочной домохозяйкой, скрашивающей скуку будней необременительным участием во всевозможных попечительных фондах. А их сын, О'Кнопп Ворос, стал законченным эгоистом, стремящийся в жизни лишь к получению всевозможных удовольствий и знающий, как

это сделать. Поэтому младшего Вороса можно было чаще увидеть во всевозможных клубах, чем в университетских аудиториях, где его пытались научить профессии финансиста.

И мать, и отец сначала было пытались поставить сына на здравый жизненный путь, но потом махнули рукой, щадя свою энергию и нервы. Проще было купить единственному чаду хорошую квартиру и ежемесячно снабжать суммой, достаточной для того, чтобы оно несколько раз в неделю звонило им по телефону и сообщало, что у него все в порядке, дежурно перед этим спросив о том же.

«Ну ничего, когда я вместо Харка стану председателем партии, я за тебя возьмусь. У лидера такой известной партии должен быть сын, за которого, по крайней мере, не было бы стыдно», – мужчина уже видел сына, стоящего на крыше тридцатиэтажного здания и машущего ему рукой.

Жизнь складывалась просто замечательно. Нет, недаром десять лет назад тогда еще мелкий партийный функционер О'Ларри Ворос согласился на сотрудничество со спецслужбами. Согласился сразу, даже не пытаясь играть оскорбленную невинность. Согласился и не прогадал. За информацию о внутрипартийных делах и планах «Справедливости и порядка» спецслужбы аккуратно продвигали его все выше и выше по иерархической партийной лестнице. Возможные конкуренты на должность, на которую метил Ларри неожиданно писали заявления о выходе из партии или их из нее с позором изгоняли. Или они попадали в такие жизненные обстоятельства, которые ставили не выводимое черное пятно на их репутации. Причины были разные. Одного уличали в коррупции, другого жена уличала в супружеской измене, и это неожиданно становилось достоянием газет. У третьих сын или дочь попадали в такие переделки, что человеку хватало времени лишь на то, чтобы уберечь любимое чадо от позора или тюрьмы. Последний конкурент на должность старшего советника партии «Справедливость и порядок» – пост, считающийся третьим после председателя партии и его первого заместителя, просто умер от сердечного приступа на рабочем месте. Бывает.

Правда путь к вожделенному креслу председателя партии «Справедливость и порядок» преграждал О' Кронни Висту – первый заместитель Харка. Но курировавший Ларри сотрудник управления государственной безопасности, и не просто сотрудник, а первый заместитель самого Сарба, генерал первой категории О' Тонни Кропи ему лично пообещал, что с этим, как всегда, проблем не будет. Висту привяжут к делу Харка. Логично. Кому, как ни его первому заму было знать о его планах. Так что через пару месяцев, он, О'Ларри Ворос будет председателем партии «Справедливость и порядок»!

И эта мысль была настолько замечательна, что Ларри громко, во весь голос запел:

И наши звездолеты входят в гипер роем
Чтобы перед врагом предстать несокрушимым строем
И сердце бьет в груди победным боем
И Парма светит вслед доблестным героям

– Давай, быстро залазь, у меня времени в обрез, – крикнул он сыну, виртуозно посадив свой флайер в полутора метрах от него.

«И наши звездолеты входят в гипер роем, чтобы перед врагом предстать несокрушимым строем».

Флайер О'Ларри Вороса, круто задрав нос, казалось пер прямо на сияющую над ним Парму.

«И сердце бьет в груди победным боем, и Парма светит вслед доблестным героям».

Резкая, жгучая боль охватила сразу все тело.

«Ничего себе Парма дает….», – подумал Ларри Ворос в свои завершающие мгновения жизни, когда мозг обрабатывал последние сигналы, поступившие от уже несуществующего, испепеленного, разорванного на сотни кусков тела.

– Первый, я второй. Объект подобрал человека со здания в районе второго округа и быстро набирает высоту. Явно спешит.

Майор госбезопасности Пирк на мгновение задумался. Где-то в глубине мозга царапнула мысль, нет, даже не мысль, предчувствие, а точнее тень предчувствия, что тут что-то не так. Но задание было предельно лаконичным – сразу, после того как объект возьмет на борт другого человека, флайер с объектом уничтожить.

– Задействуйте первый вариант операции.

– Есть задействовать первый вариант операции.

В чистом, ни облачка, залитым яркими лучами Пармы, небе на несколько секунд вспыхнула еще одна звезда. До земли докатился приглушенный хлопок взрыва. Люди из технической бригады, еще минуту назад выслушивающие упреки от невысокого молодого человека, одетого в модный красно-коричневый комбинезон, изумленно смотрели на быстро теряющий блеск огненный шар в двухстах метрах от них.

– Куррни, позвони в диспетчерскую. Выясни, какая сумма за ремонт заранее была заплачена в договоре на техническое обслуживание у этого парня, – старший техник кивнул на падающие вниз обломки флайера. – А то отремонтируем, а денежки тю-тю, сгорели.

О'Кнопп Зирк нетерпеливо глянул на часы. Этот Ворос уже опаздывал на целых двадцать минут!

«Ох уж эти партийные деятели. Привыкли, что им никуда не надо спешить и за опоздание их никто наказывать не будет. Все, еще десять минут жду и ухожу. В конце концов, кому запись больше нужна, мне или им?» – мужчина вскочил с кресла и нервно заходил по смотровой площадке, расположенной на двадцать пятом этаже здания.

Отсюда открывался великолепный вид – впереди, почти до самого горизонта раскинулась почти девственная природа одного из парков. Неширокая река пересекала его по диагонали, утопая в высокой траве, а затем, рассекая лес, состоящий из исполинских, в тридцать этажей деревьев, уходила за горизонт. Точнее, уходила за маячащие на горизонте небоскребы – там начинался очередной городской округ. И там по всей планете. Огромные пятна мегаполисов были окружены широкими, в несколько десятков километров поясами парков.

– Приземлился флайер, регистрационный номер девять семь пять четыре один один, – созерцательную задумчивость Зирка прервал мелодичный женский голос.

Мужчина рывком повернул голову налево и посмотрел на огромный экран, расположенный в метрах двадцати от него. На нем показывалась стоянка, находящаяся двумя этажами выше, на крыше здания. В верхнем правом углу экрана появилось изображение прилетевшего флайера – небольшого, изящного темно-синего летательного аппарата.

«Не он, – разочарованно подумал Зирк, – баба какая-то прилетела».

И словно подтверждая эти слова, из флайера вышла высокая стройная девушка. Небольшой порыв ветра красиво разметал ее длинные светло-фиолетовые, с серебристыми прядями волосы.

«А деваха ничего, эх… Ничего, когда заработаю деньжат, на таких красавиц смогу не только смотреть», – Зирк посмотрел на часы.

Назначенные им десять минут истекли.

«Ничего, подожду еще. Мало ли что могло случиться», – мужчина вытащил из кармана телефон и набрал номер Вороса.

– Телефон запрашиваемого абонента отключен. Попробуйте перезвонить позже, – мягко проворковал женский голос такой же тональности, как и объявляющий взлеты и посадки флайеров.

– А теперь, как всегда, обзор происшествий за последний час.

Зирк даже не сразу понял, что этот голос прозвучал не из его телефона, а от экрана, на котором он только что любовался длинноволосой девушкой.

– Главное происшествие – взрыв флайера, регистрационный номер один ноль ноль один девять ноль, во втором округе.

Экран тут же разделился на две части. Одна его половина продолжала показывать вид площадки со стоящими на ней флайерами, другая приобрела блеклый голубой цвет, на фоне которого, высоко задрав нос, словно собираясь таранить Парму, быстро поднимался черный «Карнивал». Серебристая полоска на боку ярко блестела в лучах звезды.

Зирк почувствовал, как похолодело у него где-то внизу живота и неудержимо захотелось икнуть. И он икнул. Икнул в том момент, когда красавец-флайер мгновенно превратился в яркий огненный клубок.

Мужчина еще сидел несколько секунд неподвижно, зачарованно наблюдая, как вниз, на землю падают какие-то обломки, мгновения назад бывшие мощной, красивой машиной.

«Мало ли что могло случиться, – Зирк вспомнил, что подумал минуту назад, – мог и флайер взорваться».

– Телефон запрашиваемого абонента отключен. Попробуйте перезвонить позже, – продолжал мягко ворковать телефон, судорожно зажатый в руке.

Телевизионный техник секунду тупо смотрел на него, а потом расхохотался. Зирк хохотал, не обращая внимания на удивленные взгляды других посетителей смотровой площадки, и слезы наворачивались на глаза. Он их смахивал, размазывая по лицу, а они все появлялись и появлялись…

Очень часто человек испытывает самые глубокие потрясения не из-за потери родных и близких, а из-за утраты денег, пусть даже только ему обещанных.

– Господин директор…

По тому, как его первый заместитель О' Тонни Кропи произнес эти слова Харк понял – операция по захвату видеозаписи провалена. Но долгие годы командования людьми приучили бригадного генерала подавлять свой гнев и в любом случае выслушивать своих подчиненных до конца.

– Говори – глухо произнес он.

– Господин директор, – вновь произнес Кропи, – видеозапись мы не достали.

– Почему? – коротко и тихо произнес Харк.

На экране монитора было видно, как вздрогнул генерал первой категории О' Тонни Кропи, словно он услышал не тихий голос директора Службы Государственной безопасности, а грозный рев какого-нибудь хищника.

– Как и предусмотрено было операцией, едва в флайер нашего агента сел посторонний человек, он был взорван. Но, как впоследствии оказалось, что этим человеком был его сын.

– Так может это он своему папочке хотел продать видеозапись?

– Мы тщательно осмотрели место падения. Видеозапись не обнаружена, – тихо, со вздохом произнес последние слова О' Тонни Кропи.

– Ничего не понимаю. Зачем Вашему агенту нужно было брать себе в флайер сына, если он летел на встречу с владельцем видеозаписи? Зачем ему лишний свидетель, пусть и сын?

– Господин директор, – ободренный тем, что Харк еще не устроил ему разноса, его заместителя по внутренней безопасности заговорил более уверенно, – мы уже расследовали все обстоятельства этого дела. По всей видимости, то, что наш агент взял сына – это стечение

обстоятельств. Мы выяснили, что у его сына оказалась техническая неисправность флайера, он куда-то спешил, а тут увидел в небе флайер отца, ну и позвонил тому. И любящий отец не смог отказать сыну.

– Баккара! Из-за двух раздолбаев, мы снова оказались в неопределенном положении! И где теперь вынырнет эта видеозапись? И у кого она окажется? Ну и агентов вы себе подбираете, генерал! – и Харк, наконец, с наслаждением дал волю своему гневу…

– Ваши друзья, к сожалению, сегодня к Вам прийти не смогут, – адвокат О'Тосси Квор произнес эти слова, как всегда спокойным тоном.

– Как это не могут? – Харк даже на секунду потерял обычное свое самообладание. – Почему?

– Они не объяснили мне этого, – адвокат чуть пожал плечами. – Очевидно, возникшие какие-то обстоятельства оказались выше их.

– Ясно… – председатель партии «Справедливость и порядок» как-то сразу сгорбился за столом.

Удар был слишком силен. Ведь какие надежды и перспективы он себе рисовал этой ночью! Он, несмотря ни на что, станет Президентом. И тогда он вспомнит и Норку, и этому ублюдку Сарбу все. Он лично проследит, чтобы тот сидел в той же камере, в которой сейчас сидит он. А потом суд – заслуженный и справедливый. И, наконец, рудники Гамеда. Что ж, каждый заслужил то, что он сам заслужил. Эх, лучше бы он не мечтал. Потому что после этих слов адвоката, все его ночные мысли кажутся наивными и детскими, а он сам – законченным идиотом.

«И все же игра не закончена. Если Квор сказал мне, что видеозапись скоро будет у моих друзей, значит, он имел на это все основания. А значит, видеозапись существует, она не уничтожена! Просто где-то произошел сбой. И видеозапись моим друзьям не попала. Ничего. Значит попадет в следующий раз! – Харк решительно шагнул в свою камеру. – А если я все же неправильно понял Квора ? И видеозаписи вообще не существует? Или… или ее вновь перехватил Харк?» – массивные стальные двери камеры за его спиной чуть слышно лязгнули – центральный тюремный компьютер вновь надежно закупорил Харка.

Глава 8

– … после этого быстро возвращаемся на крейсера и уходим. У меня все. Вопросы? – Главный Командор Матрул ДарВул положил рядом с собой пульт управления большой, во всю стену, панели телевизора и обвел присутствующих взглядом.

Он сидел за кафедрой, на небольшом возвышении в зале совещаний Главного штаба космических сил фролов.

Сто пятьдесят три человека – офицерский состав группы, готовящейся к рейду на Суриму, молчали, обдумывая только что услышанное – план операции.

ДарВул выждал небольшую паузу:

– Я понимаю, необходимо время, чтобы все уложить в голове. Поэтому, господа, через два дня в это же время я жду вас с вашими замечаниями и предложениями. А сейчас вам выдадут план операции «Спасение», о которой я только что рассказывал. Еще раз ознакомьтесь с ним, прокрутите его на своих компьютерах… Словом, через два дня я вас жду.

– Уходить в гиперпространство, когда над нами уже будут висеть кроковские звездолеты… это очень опасно, – громко, отчетливо прозвучало в зале совещаний – командор второй степени СакПартарак, держа в руке только что выданный ему адъютантом Главного Командора черный квадратик карты памяти с планом операции, прищурившись, смотрел на ДарВула. – Во-первых…

– Я не хуже Вас, уважаемый СакПартарак, знаю все минусы этого варианта, – перебил своего подчиненного Главный Командор. – Но у нас нет сил. Чтобы еще прикрывать десант с орбиты. Моделирование боя показало, что группа прикрытия в данном случае будет неэффективна. Лучше все корабли использовать для десанта.

– Хорошо умникам из Главного штаба – погоняли на своих компьютерах разные варианты операции. Определили, при каком варианте у нас на пару процентов больше шансов выжить. А Вы, ребята, проверяйте то, что эти умники насчитали. Хотел бы я посмотреть на эти расчеты, – эти слова СакПартарак произнес спокойным, будничным тоном, пряча карту памяти в нагрудный карман своего комбинезона. Проделав эту операцию, командор второй степени, не глядя на возвышающегося за кафедрой Главного Командора, направился к выходу из зала.

В помещении на мгновение прекратился шум, вызванный собиравшимся уходить тремя десятками мужчин.

– Проверять эти проценты – это наша профессия, профессия офицеров Военно-космического Флота! – чеканные слова упали сверху в эту наступившую тишину. – И эти проценты буду проверять и я. Учитывая чрезвычайную важность этого рейда, его возглавит Главный Командор.

И оттого, что Матрул ДарВул сказал о себе в третьем лице, у Андрея Кедрова почему-то тревожно сжалось сердце.

«Он говорит так, словно уже не принадлежит себе. А впрочем, мы все, собравшиеся атаковать Суриму, уже не принадлежим себе. Как мы будем дальше жить, уже в подробностях описали умные компьютеры Главного штаба. И не только описали, а даже и оценили стоимость наших жизней – сколько необходимо крейсеров, топлива, оружия, чтобы попытаться уложиться в насчитанные ими цифры: вероятность успеха рейда – пятьдесят шесть процентов, вероятная цифра потерь – девяносто процентов, – землянин вместе с остальными фролами вышел из зала совещаний. – Ну и куда теперь? Домой?»

Через несколько минут флайер с Андреем Кедровым взмыл в высокое голубое небо Матеи.

«Так куда? Домой?» – рука мужчины замерла у экрана монитора со светящейся на ней картой местности.

Указательному пальцу осталось пройти около сантиметра, чтобы ткнуть в синий овал на карте – значок дома, чтобы флайер послушно развернулся на нужный курс.

Но вот выполнить это простое движение Андрей не хотел. Это для компьютера все просто – получить исходный сигнал, мгновенно прошерстить свою электронную память, найти необходимый файл с командами и скрупулезно их выполнить. Все.

«Эх, где бы мне найти такой файл, где бы было расписано, как мне поступать…», – землянин еще раз скользнув взглядом по синему овалу, надавил пальцем на зеленый треугольник на карте. Его флайер тот час вздрогнул и стал крениться, ложась на новый курс. Через пятнадцать минут полета Кедров увидел величественное строение в виде огромного овала – здание Военно-Космической академии. И вновь Андрей мысленно сравнил его с древнеримским Колизеем, которого, правда, он никогда не видел.

Но так уж устроен мозг, что ему необходимы точки опоры – сопоставление новых для него явлений и предметов с теми, которые он уже знает. И чем больше таких точек опор, тем быстрее мозг работает. Ему тогда нет необходимости выделять много объема своей памяти для описания нового объекта. Как Колизей – проходит мгновенная команда и тут же активируется то часть мозга, которая когда-то уже была задействована для запоминания этого римского сооружения. Эти точки опоры как кочки в болоте, болоте всего нового и неизведанного. Они помогают человеку не увязнуть в трясине еще непознанного. Правда, если таких точек опоры много, мозг просто скользит по ним, не углубляясь в суть нового явления. Тогда говорят о шаблонном мышлении…

«В человеческом Колизее гладиаторы дрались между собой на потеху публике, в фроловском – натаскивают космических гладиаторов, чтобы те убивали других таких же космических гладиаторов, все отличие которых – сердце с правой стороны. Вот только зачем здесь нахожусь я? Ведь звезда, под которой я родился, находится в сотнях тысяч световых лет отсюда. А это даже не другой континент на Земле», – Кедров поймал себя на мысли, что в последнее время он все чаще и чаще задает себя вопрос: «Зачем он тут». А ведь раньше потребности в таком вопросе не было. Он мужчина, делающий себе карьеру на родине своей жены, а значит и его уже родине. Теперь эта потребность появилась…

Невеселые мысли землянина прервал легкий толчок – флайер приземлился на парковочную стоянку внутри академии. Андрей вылез из него и отправился по уже десятки раз хоженому маршруту – к тренажеру десантного бота.

С тех пор, как Матрул ДарВул – Главный Командор фролов и по совместительству его тесть сказал, что берет его в опаснейший рейд на Суриму, бывший российский офицер-десантник стал буквально ночевать в стенах академии. Небольшой диванчик в одном из помещений Академии стал более привлекательным по сравнению с супружеской постелью еще и потому, что Эльдира довольно сдержанно отреагировала на известие о его участие в рейде.

– Ты же еще даже не окончил Космическую Академию!

– Он там не будет лишним, – прервал дочь Матрул ДарВул.

И Эльдира лишь пожала плечами и молча ушла в свою комнату.

… Андрей уже наверное в пятый раз отрабатывал на тренажере атаку десантным ботом планетной базы противника. А компьютер без устали подкидывал и подкидывал различные внештатные ситуации, заставляя человека вытягиваться в струнку, чтобы «прорваться к планете» – увидеть на экране монитора бортового компьютера вспыхнувшую долгожданную короткую надпись: «Зачет». Впрочем, какие могут быть нештатные ситуации при посадке на планету, огрызающейся вспышками мощных боевых лазеров и стреляющей в тебя скоростными самонаводящимися ракетами. Плюс поджидающие тебя внизу суровые парни с бластерами в руках? Любая ситуация здесь нештатная, вернее штатная.

«Вариант № 34» – вспыхнуло на мониторе.

«Ну тридцать четыре, так тридцать четыре», – Андрей нажал кнопку на панели управления, приказывая бортовому компьютеру начать «торможение на орбите» и «баллистический спуск». Номер траектории пятнадцать – максимальные перегрузки при таком спуске будут достигать пятнадцати единиц. Была, правда, в «загашнике» у электронного мозга и траектория двадцать с прелестными двадцатикратными перегрузками. Но для высадки на хорошо укрепленную планетную базу она не годилась. Да, время спуска будет минимальным, на пределе возможности человеческого организма и теплоизоляции десантного бота. Но это будет падение камнем, который, как известно в своем полете не управляем. Такому десантному боту не увернуться от мчащейся ему в лоб ракеты противокосмической обороны. И не потому, что при таких скоростях схождения – более десяти километров в секунду, бортовой компьютер не успеет отреагировать на смертельную опасность и совершить противоракетный маневр. Все он успеет. Но любой маневр – это неизбежное изменение вектора скорости, не только по величине, но и по направлению. А это по законам механики есть ускорение, есть дополнительная нагрузка, которая плюсуется к основной, которая на траектории номер двадцать и так предельная. При таком маневре бот может еще и выдержать, а вот находящиеся внутри его люди вряд ли. Даже чудесные противоперегрузочные костюмы не помогли б. Тут надо было бы задействовать уже другие технологии, применяющиеся на гиперпространственных звездолетах. Но для них на миниатюрном десантном боте не было места…

Поэтому атаку фролы обычно производили на «пятнашке», как они называли наиболее часто применяющуюся траекторию.

Кабина, в которой сидел Андрей, вздрогнула, возникшее ускорение прижало человека к креслу – могучая штанга, к которой была прикреплена кабина, пришла в движение. Регулируя скорость ее вращения можно было имитировать какие угодно перегрузки и какой угодно режим их изменения. Лишь бы сама штанга выдержала. А она была изготовлена их прочнейшего углепластика, который выдерживал нагрузки, способные запросто переломать человеку ребра или ослепить его, продавив глаза внутрь черепа.

«Поехали», – землянин напряженно смотрел на экран, ожидая очередной «пакости» от компьютера. Ждать ему пришлось недолго. Взвизгнула сирена оповещения лазерной атаки.

– Лазерная атака. Носовой защитный экран – шестьдесят процентов повреждения. Температура триста пятьдесят градусов.

В реальных условиях этому экрану при таких повреждениях, нанесенных лазерным лучом, пришлось бы несладко. Ведь он, по совместительству, еще и выполнял функции теплозащиты. А «спуск» ведь только начался – «высота» каких-то пятьдесят километров и температура – и яичницу как следует не зажаришь!

– Скольжение десять, – тут же отдал команду Кедров.

Кресло под ним тот час же вздрогнуло – «включились» двигатели коррекции. «Картинка» на мониторе поползла влево – десантный бот чуть отклонил траекторию своего движения, немного перераспределяя нагрузки, уменьшая на носовой экран и увеличивая на боковые нижние. Мелькание цифр, характеризующих высоту полета, замедлилось.

– Ракетная атака! – гаркнул компьютер, и тот час же находящегося в кресле человека с силой толкнуло вбок – электронный мозг «уводил» бот от «мчащейся» на него ракеты.

«И зачем так орать. Как будто нельзя это сказать спокойнее. Наверное фролам так больше нравиться – что б аж трусы от такого крика становились мокрыми».

На мониторе появилась быстро приближающаяся точка – «летящая к ним ракета». Траектория бота буквально перед самым носом «ракеты» стала круто уходить в бок. Бортовой компьютер точно рассчитал – при таких встречных скоростях, электроника ракеты если и отреагирует на этот маневр, то повторить его уж точно не сможет. От возникших перегрузок корпус ракеты хрумкнет, словно вафельная трубочка в руках неумелого младенца.

Но защищающаяся сторона – другой компьютер, стоящий бок о бок со своим атакующим коллегой тоже просчитывать ситуацию умела и этот маневр предусмотрела. И как только она заметила маневр бота, тут же отдала команду на «подрыв боеголовки» ракеты. «Десятикилотонный ядерный взрыв» ухнул в трех километрах от Андрея.

Землянину показалось, что от сильнейшего толчка из-под него вылетит кресло, несмотря даже на то, что к нему он был крепко привязан страховочными ремнями.

– Третий защитный экран – повреждение девяносто пять процентов! – заверещал как резаный компьютер. – Повреждены первый и третий аэродинамические рули!

Это Андрей уже и сам увидел – картинка на экране монитора стала медленно вращаться против часовой стрелки и одновременно хаотично рыскать – вправо, вниз, вверх, влево. Чувствовалось, что бортовой компьютер из «последних сил» старается удержать десантный бот на заданной траектории.

«Еще одна такая атаки и добьют», – взгляд на показания высоты – тридцать километров.

– Переход на питание в аварийном режиме. Энергетическую установку на форсажный режим. Всю мощность на систему охлаждения, – последовала следующая команда человека.

Компьютер тут же обесточил все системы десантного бота, которые напрямую не влияли на его живучесть. Вздрогнули и стали быстро подниматься регулирующие стержни в ядерном реакторе. И дополнительные нейтроны, ранее запутывающиеся в «сетях» кристаллических решеток бороциркониевого сплава, из которого состояли эти стержни, ударили по многострадальным ядрам урана. Энергия реактора стала быстро расти. И весь этот дополнительный

поток энергии электронный мозг направил в систему охлаждения бота, выводя насосы этой системы на пиковую мощность.

В таком режиме десантный бот мог продержаться недолго – не выдержали бы насосы систем охлаждения реактора и всего корабля, да и компьютер самостоятельно, без всякой команде вновь опустил бы регулирующие стержни в бушующее невидимым огнем чрево ядерного реактора, не допуская лавинообразного увеличения мощности с последующим почти мгновенным взрывом. Но полминуты у человека было. А больше, в принципе, и не требовалось – «поверхность планеты» вон, рукой подать – двадцать пять километров.

– Лазерная атака! Носовой защитный экран – повреждение девяносто процентов. Ракетная атака! – «выстреливал» компьютер одно предупреждение за другим.

«Да не все же сразу! По одному».

Верхний левый угол компьютера окрасился в красный предупреждающий цвет – температура корпуса бота в носовой части достигла критической величины – трех тысяч градусов. А в центре монитора быстро перемещалась еще одна точка – компьютер, стоящий в пяти метрах от вращающегося на штанге Андрея, послал по его душу еще одну «ракету».

Человек не стал отдавать команду бортовому компьютеру – не было времени. Щелчок тумблером и защиту корабля Андрей взял в свои руки, точнее правую руку, которая застыла у большой черной кнопки на пульте управления.

Двадцать километров до ракеты, пятнадцать, десять… Большая черная кнопка прогибается вниз – бортовой компьютер получает команду выполнить противоракетный маневр по двадцатой траектории. И снова сильнейший толчок до разноцветных кругов перед глазами…

На мониторе было отчетливо видно, как точка, обозначающая десантный бот, резко отклонилась от курса на пятнадцать градусов и стремительно заскользила по новому курсу. Теперь у атакующей стороны было больше времени для изменения маневра «ракеты». Но и «земля» была намного ближе.

Десять километров до «поверхности планеты». На мониторе вспыхнуло: «Включить экстренное торможение!»

«Не торопись. На тот свет всегда успеешь», – Андрей мысленно «подбодрил» компьютер.

«Ракета» на пределе своих возможностей развернулась и догоняла «десантный бот».

Семь километров.

«Критическая высота!» – взывал к разуму человека компьютер.

«Догонит! Догонит еще!»

Шесть километров.

«Пора!» – сильный удар по кнопке отключения блокировки режима тормозного двигателя и тут же включение экстренного торможения без ограничения по перегрузкам.

«Хороший у фролов противоперегрузочный костюм. На Земле меня бы уже раздавило как жабу под колесом бэтэра».

Полтора километра до «земли».

– Запитать лазерную установку. Цель в задней полусфере. Огонь по набору функционала, – человек поставил перед компьютером ту еще головоломку – ищи, где хочешь сто мегаватт мощности на импульс, но и про живучесть корабля не забывай.

– Цель захвачена, – тут же доложил компьютер. Мощность импульса – пятьдесят процентов от номинала.

«Счас я тебе подкину мегаватты», – превозмогая перегрузку, человек вручную отключил систему охлаждения кораблем.

И тут же сильнейший толчок, да нет, удар, заставил его на несколько секунд отключиться. Но компьютер, получивший команду, выполнил задание. Щедро «черпанув» высвободившуюся мощность, он набрал необходимый функционал поражения – совокупность параметров:

мощность лазерного импульса, расстояние до цели и точность наведения обеспечивали уничтожения цели с вероятностью девяносто процентов.

Бесшумно рявкнул «лазер десантного бота» – бортовой компьютер и его защищающийся коллега «посовещавшись» между собой, через сотую секунды вынесли свой вердикт и тут же огласили его на экране монитора:

«Цель поражена. Посадка осуществлена. Функциональное состояние десантного бота – шестьдесят семь процентов. Повторный старт невозможен. Потери личного состава – двенадцать процентов».

«Да, жестковато я его посадил. Согласен. Но не дал сбить себя ракетой».

«ЗАЧЕТ», – большими зелеными буквами вспыхнуло на экране.

– Фу… что называется, промок до трусов.

«Поздравляем! Ваша посадка по варианту №34 лучшая».

– Вот так-то. Знай наших! У-у-у, – издал землянин индейский боевой клич и, расстегнув страховочные ремни, тяжело поднялся с кресла.

«Ну все, на сегодня хватит. А то так и поясницу переломить недолго».

– Молодец, – на пороге помещения, где был установлен тренажер, улыбаясь, стоял Матрул ДарСарвол, командор первой степени, начальник Военно-Космической академии. – Я наблюдал за твоим сегодняшним занятием. Отлично. Особенно хорошо ты справился с последним заданием. С тридцать четвертым вариантом вообще мало кто справляется, но чтобы его вот так пройти, на моей памяти такого не было, – ДарСарвол протянул Андрею правую руку.

– По-моему не перепутал, – командор первой степени кивнул на свою руку.

– Никак нет, – ответил землянин, как бы он ответил на Земле и улыбнулся в ответ.

Фролы, в большинстве своем, были левшами, поэтому инстинктивно они предпочитали пользоваться левой рукой.

– Ты только не переусердствуй. К моменту рейда твой организм должен быть полностью отдохнувшим.

– Я понимаю. Не переусердствую.

Между двумя собеседниками повисла неловкая пауза – курсант и начальник академии, фрол и представитель цивилизации, о которой фролы до недавнего времени даже не знали.

– Андрей, ты вот что… Матрул ДарСарвол на секунду замялся, – … словом, ты должен с Суримы вернуться. Понимаешь, должен.

Землянин удивленно посмотрел на высокопоставленного офицера, в голосе которого слышалось неприкрытое волнение и даже электронный переводчик в виде тонкого кольца, одетого на шею Андрею, не приглушил этого. Да и за время пребывания Кедрова у фролов он уже многое стал понимать без переводчика. По крайней мере, при общении с Эльдирой он обходился без него. Мысль о своей жене заставила Андрея нахмуриться.

Стоящий напротив землянина фрол это изменение выражения его лица истолковал по-своему.

– Андрей, ты меня неправильно понял. Я не призываю тебя проявить в рейде малодушие или упаси Великий Мортон, струсить. Я просто призываю тебя не переть на рожон.

– Господин командор первой степени, я Вас не понимаю.

За спиной ДарСарвол послышался шум, кто-то шел к тренажеру.

– Пошли ко мне в кабинет. Здесь не стоит продолжать этот разговор.

Пройдя к лифтам, они уже через несколько минут были на сорок восьмом, предпоследнем этаже административного корпуса академии. Землянин давно уже привык, что у фролов, чем выше начальник, тем на более высоком этаже был его кабинет. И дело было не в какой-то врожденной любви фроловской цивилизации к высоте. Нет, все было гораздо прозаичней и практичней. На всех господствующих высотах по всей поверхности Матеи были установлены мощные лазерные установки противокосмической обороны – государство ожидало напа-

дение кроков в любой момент. И если бы этот момент наступил, то все фролы: мужчины и женщины, парни и девушки, все, начиная с тринадцатилетнего возраста, автоматически становились военнообязанными. А любой начальник – командир. А где быть командиру в первые минуты нападения? Там где ненавистному врагу можно нанести максимальный ущерб – около боевых лазерных установок. Вдруг их штатный расчет погиб? Фролы старались исключить любую случайность, любую слабину в своей обороне. Ведь у них была всего одна планета, была одна прекрасная Матея и все…

– Присаживайся, – хозяин кабинета кивнул на глубокое кожаное кресло.

По его виду было видно, что за те несколько минут, пока они добирались до его кабинета, он успокоился и привел мысли в порядок. Да и родные стены главного кабинета Военно-Космической академии помогали.

– Ты, очевидно, знаешь, что линию твоего тестя, Главного Командора Матрул ДарВула в Верховном Совете Достойных одобряют не все. Далеко не все.

– Знаю, господин командор первой степени.

– Ладно, можешь пока официально, – на лице хозяина кабинета на секунду промелькнула улыбка. – И они хотят договориться с кроками о… ну не знаю, как это называется, кроме, как предательством, словом они хотят договориться о мире между фролами и кроками.

«Фу, а я уже было подумал, что и начальник академии поддерживает линию Главного Судьи. Тогда бы все, тушите свет – начальник Военно-Космической академии пацифист».

– И если рейд на Суриму закончится неудачно… – Матрул ДарСарвол с трудом подбирал слова, – … то нам придется очень и очень трудно.

– Я это отлично понимаю, господин командор первой степени. Но… но я не понимаю, почему именно я непременно должен вернуться живым. Туда полетят тысячи мужественных фролов, каждый из которых достоин вернуться назад.

– Если рейд будет неудачным, то Матрул… то Главный Командор с этого рейда не вернется.

– Но… но почему? – Андрей был ошеломлен.

– Потому что я знаю Матрула, потому что мы вместе служим вот уже тридцать лет, потому, что я посвящал Эльдиру, его дочь, в таинства Великого Мортона, потому, что я его лучший друг. Повторяю, если рейд будет неудачным, Главный Командор из него не вернется. Если хочешь, то эта интуиция, которая меня еще никогда не подводила.

Кедров вспомнил, как тревожно у него сжалось сердце, когда рассказывая план рейда, Матрул ДарВул говорил о себе в третьем лице.

– Все равно я не понимаю, причем тут я, – после долгой паузы, наконец, произнес он. – Нет, я понимаю, что в этом случае, каждый, кто поддерживает линию Главного Командора станет важен вдвойне, но почему именно я?

– Объясню. По двум причинам. Первая. Наименее важная. Ты знаешь, что я Эльдиру посвящал в таинства Великого Мортона. Как это у вас на Земле называется?

– Крестины.

– Я хоть и знаю тебя сравнительно недавно, а твой язык вообще практически не знаю, но все равно мне он начинает нравится. За краткость, – хозяин кабинета улыбнулся.

«Хочет немного разрядить обстановку. А то наговорил разных страшилок», – догадался землянин.

– Вы еще не подозреваете всей его краткости при применении в специфических условиях! – поддержал Андрей фрола.

Оба мужчины рассмеялись.

– Продолжаю, – по военному коротко оборвал смех командор первой степени. – Поэтому мне небезразлична ее судьба. И кто ее может по-настоящему защитить, если из этого рейда не вернется ни Главный Командор, ни ты?

«Уже есть защитничек, – бухнуло в голове у Кедрова, – целый генерал», – но естественно, это Андрей не сказал.

– У нее есть мать.

– У которой саркома головного мозга!

– У матери Эльдиры саркома головного мозга?! Но мне она ничего не говорила… Эльдира сказала, что у ее матери какие-то нарушения в кровоснабжении. Поэтому она вынуждена часто ложиться в клинику…

– Потому что и она так думает! Главный Командор запретил об этом говорить ни своей жене, ни врачам, никому. Так что сам понимаешь, какой из матери защитник…

– Но кто на нее будет нападать? На дочь самого Матрула ДарВула! Он же чрезвычайно популярен в стране!

– Вот мы и подобрались ко второй причине. В случае смерти, точнее героической гибели Главного Командора Матрула ДарВула, – чеканил начальник Военно-космической академии, – предстоит жесткая борьба. А для борьбы необходимо знамя. Ты знаешь, что полк без знамени – это не полк.

– И этим знаменем…

– И этим знаменем будет Эльдира ДарВул – родная дочь героически погибшего Главного Командора Матрула ДарВула!

В просторном кабинете воцарилась тишина. Андрей даже слышал как где-то, чуть слышно гудел какой-то механизм.

«Проверяют импульсный генератор для лазера, установленного этажом выше», – автоматически про себя определил землянин.

И, как ни странно этот звук, сродни земному лязгу затвора, помог Кедрову до конца осознать, прочувствовать, как будем им трудно, если его тесть, Главный Командор не вернется из предстоящего рейда. На Матеи вполне может разгореться чуть ли не гражданская война. Неудачный рейд, не устранивший смертельную опасность, нависшую над Матей, и не будет Главного Командора…

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, что ты должен вернуться?

– А не проще уговорить Главного Командора не участвовать в рейде?

– Мы пробовали.

«Мы?»

– Но ты, надеюсь, уже узнал своего тестя. Он отказался.

Андрею показалось, что в тоне Матрула ДарСарвола мелькнула гордость за своего лучшего друга.

– Даже зная, что в случае его гибели на Матеи вполне может разгореться гражданская война?

«А они даже внешне похожи, только начальник академии чуть стройнее и ниже. И имена у них совпадают».

– К сожалению или к счастью люди не компьютеры. И они не всегда, вернее никогда не руководствуются только расчетом. Всегда присутствуют эмоции, которые у хладнокровных, умных людей компенсируют то, что не в силах был просчитать разум из-за нехватки информации или из-за ее слишком большого объема. Главный Командор считает, что если он останется на Матеи, а рейд сложится неудачно, то это только усугубит ситуацию. Тогда многие наши сотрудники отшатнуться от нас. Ты знаешь нас, фролов, для нас трусость, наверное, самый страшный грех.

– А предательство?

– Если его обернуть в красивую, шуршащую обертку, на которой золотыми буквами будет написано «Национальное спасение», то это для многих людей, к сожалению, это уже не будет предательством.

И вновь в кабинете повисла тишина.

«Наверное, закончили испытывать генератор. Шум прекратился. Теперь собирают после разборки силовую боевую цепь», – в голову землянина лезло что угодно, только не мысли об идущем тяжелом разговоре.

Он знал, мысли полезут потом, когда мозг все разложит по полочкам и обнаруженные пустые полки в этой вновь созданной схеме потребуют объяснения.

– И еще об одном разговоре с Главным Командором я не вправе умолчать перед тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.